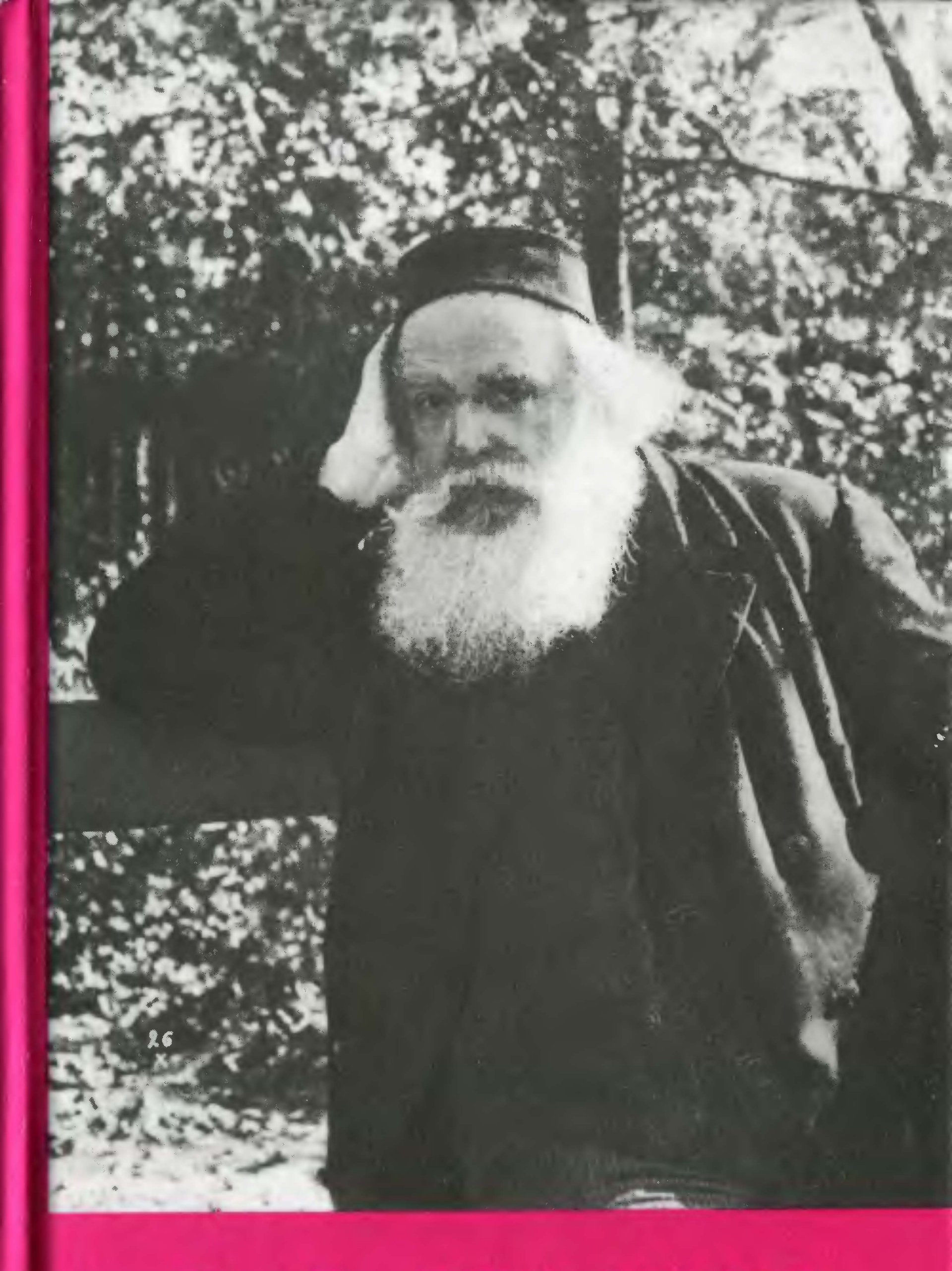

С. А. НИЛУС

Сергей Александрович НИЛУС

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ШЕСТИ ТОМАХ

Сергей Александрович НИЛУС

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ТОМ ТРЕТИЙ

СВЯТЫНЯ ПОД СПУДОМ

Тайна православного монашеского духа

Москва · 2006

Составление и общая редакция
А. Н. СТРИЖЕВА

Полное собрание сочинений выдающегося духовного писателя Сергея Александровича Нилуса (1862–1929) в шести томах включает все его произведения, как выходившие отдельными изданиями, так и те, что рассыпаны в периодике. В приложениях к томам собраны материалы, дополняющие излагаемое автором, и наиболее важные толкования текстов. Заключительный шестой том будет содержать публикации биографического характера, раскрывающие уникальный жизненный путь С. А. Нилуса, а также характеристики людей из его окружения. Завершит том подробная библиография произведений писателя и литературы о нем. Все книги этого издания снабжены редкими снимками. Подобного собрания сочинений С. А. Нилуса еще не предпринималось, и наше начинание закладывает основание для всестороннего освоения наследия талантливого представителя отечественной духовной литературы.

ISBN 5-87468-109-4

СВЯТЫНЯ ПОД СПУДОМ

Тайна православного монашеского духа

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Один сеет, а другой жнет, другие трудились, а вы вошли в труд их.
(Ин. 4, 37–38)

Предлагаю благочестивым читателям материал, на живых и ярких примерах повседневной жизни выясняющий истинную тайну монастырской миссии, проливающий яркий свет в самые затаенные уголки монашеского сердца, освещающий внутреннюю келейную жизнь иноческой души, которая изливала в материале этом мысли свои и чувства не для славы и чести мирской, не для удовлетворения самолюбивой гордости, а глаголала от избытка сердца к самой себе и к своему Богу. Материал этот — келейные заметки, письма, черновики, а также записи некоторых выдающихся событий внутренней монастырской жизни, мною найденные в книгохранилищах Оптиной Пустыни,

мною собранные и систематизированные в форме дневника ныне уже приложившегося к праотцам Оптинского иеромонаха Евфимия (Трунова). Не ему одному принадлежал этот материал, — он был достоянием коллективного Оптинского духа, — но я присвоил его ему одному, потому что при жизни восстановителя Оптинской славы Архимандрита Моисея он был к нему едва ли не самым близким лицом; потому что он вел дневник всему тому, чему был очевидным свидетелем во все время долголетней иноческой жизни, начавшейся еще во дни основателя старчества в Оптиной Пустыни, старца Льва, продолжавшейся при его преемнике по старчеству, старце Макарии, и окончившейся во дни современника нашего, старца Амвросия Оптинского; и, наконец, потому, что, по отзывам его современников, он сам был иноком выдающейся духовной жизни. Дневник отца иеромонаха Евфимия послужил мне канвою с намеченным его рукою узором, но самый узор, как и драгоценнейший жемчуг дивного шитья, составлен и собран из многоцветных раковин, извлеченных из сокровенных глубин безбрежного и бездонного моря великого Оптинского духа, питавшего православную русскую мысль в таких богатырских ее представителях, как братья Киреевские, Гоголь, Достоевский и те «молодшие» богатыри, имена которых — как звезды на тверди православного русского неба.

Во всем, что собрано здесь, самоизмышленного моего нет: все это — плоть от плоти, кость от кости Оптинских насельников и им по

духу присных. Что же касается изложенных здесь фактов, принадлежащих к области духовной христианской жизни и ее силы, то моего в них — только одна редакция.

Чувствую и всем сердцем моим сознаю, что не моей меры труд этот, что он не исчерпывает и капли единой великого сосуда Оптинского, но смелости моей и дерзновения оправданием да послужит быстрота и натиск злобного духа времени, устремляющегося внушить присным своим рабам и служителям похоронить навеки еще живое и жизнетворное тело православного монашества. При таких условиях начавшейся роковой борьбы некогда размышлять о достоинстве оружия, впору только и без необходимых доспехов ринуться в жестокую сечу и хотя бы одним телом своим на время заградить гробокопателям доступ к разверстой ими могиле.

Но если дни, нами с великой скорбью переживаемые, в небесной книге жизни записаны как дни совершения такого злодеяния, и живому еще цвету христианства, каким во все времена было истинное монашество, уже настало время быть заживо погребенным в безвременной могиле, — то пусть и малый, и несовершенный труд мой этот покажет остатку верных, «какой светильник разума угас, / какое сердце биться перестало...»

Сергей Нилус

1845 год

13 мая

Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй грешного раба Твоего, иеродиакона Евфимия!

Пресвятая Богородице, спаси мя, грешного!

УЕДИНЕНИЕ

— Скажи мне, — спросил некто своего уже углубившегося в благочестие друга, — отчего иные любят уединение и ищут его, а другие не терпят и от него убегают? К одному и тому же такое противоположное расположение в людях — откуда оно?

— Когда нет вокруг тебя шума, — отвечал он, — тебе слышно, если кто, хотя бы и тихо, стучится к тебе в дверь. Потому, если ты ждешь в уединении к себе друга или благодетеля, то всячески желаешь освободиться от шума, что-

бы в тишине уловить первое его прикосновение к твоей двери и спешить к нему навстречу. А если недруга или грозного судию ждешь ты, то желал бы, чтобы шумом тебе заглушили несносный тот стук. Но Сам Бог изрек однажды вслух всего человечества: «Се стою при дверях и толку» (Апок. 3, 20). Поэтому, для кого Бог есть Бог любви и кто сам любит Его, тот бежит от шума суеты мирской в уединение: там, когда святая, таинственная тишина осеняет и объемлет его, ему слышно, как ударяет в двери сердца его Бог любви.

Напротив, кто в совести своей сознает, хотя бы незримо и неслышно для его разума, что Бог для него есть Бог суда, и кто не любит Его — тот бежит из уединения, чтобы шумом света заглушить несносные удары перста Божия. Когда чувства его заглушаются быстрым движением вещей мирских, когда разум омрачается чашею удовольствий света, ему не слышно, как стучится в двери сердца его грозный Судия Бог или тяжкий посетитель — пробуждающаяся совесть.

НАКАЗАНИЕ ЗА САМОЧИНИЕ, В НОЧЬ ПОД 1 АВГУСТА ПРИКЛЮЧИВШЕЕСЯ

На монастырской рыбной ловле, что по контракту по реке Жиздре и в озерах казенного леса против села Полошкова, находились монах Афанасий, послушник Алексей Иванов (с дав-

него времени на рыбном послушании) и несколько человек рабочих. По разным случаям, а более чтобы не терять времени напрасно, воспрещено им было отцом игуменом выбирать мед и огребать пчел из дубов, попадавшихся им нечаянно в казенном лесу. В ночь под 1 августа трое — монах Афанасий, послушник Алексей и один рабочий — выбравши в глуши леса, в верху дуба, мед, захотели огрести и пчел. Алексей предчувствовал беду и не соглашался, но, понуждаемый Афанасием, влез с работником на дерево. Вдруг Алексей оступился и полетел с верха дуба на землю и весь разбился: переломил челюсти, позвоночник и поранил себя топором, который у него был за поясом. Кроме рук, у него все онемело. Живой мертвец!.. Печаль настоятелю и братии, а монаху Афанасию — язва по гроб...

13 октября, пополудни в третьем часу, скончался послушник Алексей Иванов, страдавший с 1 августа жестокой болезнью от ушиба, полученного им при падении с дерева. Все время, более семнадцати лет, он трудился в послушании при монастырской рыбной ловле, в простоте сердца. Грамоте не учен; послушлив и уступчив всякому. Промучившись в жестоких страданиях с 1 августа по 13 октября, живой мертвец, он питался только теплотою или жидким киселем, а за 8 дней до смерти он и того не мог принимать в пищу. Часто приобщался Святых Таин, был соборован св. елеем и терпел свои страдания благодушно, с самоукорением.

12 октября он крайне изнемог и пополудни приобщился Св. Таин.

В ночь с 11-го на 12-е, часу в двенадцатом, он тихо подозвал к себе больничного послушника Иону и прошептал в восторге:

— Смотри-ка, брат, вон пришли три Ангела! Какие хорошие! Ах, как мне весело и радостно, что они пришли!

Через несколько минут он опять подозвал Иону, охватил его руками и опять в восторге шептал ему:

— Смотри-ка, смотри-ка, брат, вон идут два митрополита!

— Как их звать? — спросил Иона.

— Не знаю, брат, как звать-то! — отвечал больной в восхищении.

13 октября, во время ранней Литургии, Алексей причастился еще раз Св. Таин, а в 3-м часу пополудни скончался тихо, в надежде Божией милости за претерпение болезни.

От роду ему было около 40 лет; росту среднего; светло-русый. Погребен 15-го, в понедельник.

25 октября

Отправлен из монастыря указом по назначению в Харьков, к начальнику тамошней губернии, бывший иеромонах Греко-униатского обряда, Флавиан Лисовский. К нам в монастырь был прислан по распоряжению Св. Синода 12 июля 1842 года из Загоровского монастыря Волынской епархии для продолжения увещания к рассеянию его заблуждений и возвращению в Православие.

Прожив в монастыре нашем три года и два с половиной месяца, Флавиан Лисовский оказывал наружное повиновение настоятелю; к братии относился услужливо, оказывал ревность во внешних добродетелях, твердость, но только не в унии, а в католичестве; приверженность же свою к папе римскому он доводил до обожания. При увещаниях он говорил, что готов был бы присоединиться к Православию, но боится трех страшных присяг, данных им папе. По делам же Лисовского впоследствии обнаружилось одно притворство и иезуитские приемы привлечь кого-либо к своему католическому мудрованию. Флавиан более всего старался обольстить кого-либо из простодушных и немощных, но Человеколюбивый Господь покрывал их Своею благодатию.

Однажды живущий в соседней с Флавианом келье рясофорный монах Георгий, полуграмотный, простосердечный и престарелый, услыхав от Флавиана противное Церкви мудрование о Пресвятой Богородице, начал вечернее свое правило в келье своей и подумал: «А может быть, и в самом деле правильнее верует Флавиан: ведь он и живет честно!»

При этой мысли Георгий вдруг оцепенел и не только не мог продолжать своего правила, но и поворотиться не мог. Испугавшись, он тут же упрекнул себя мысленно в согласии с Флавианом и воскликнул со слезами: «О Пречистая Дево Богородице! Согреших аз пред тобою: помилуй мя, грешного!»

И пал на колени пред иконой. Оцепенения как не бывало, и он окончил правило.

Поутру он объяснил все духовнику, а духовник посоветовал ему не иметь общения с Флавианом.

В присланном послужном списке Флавиана, в графе «Каких качеств и способностей» — отмечено: «корыстолюбив; особенных способностей не имеет, только к Богослужению, но и того по упрямству не совершал».

Таково воспитание папистов!

Флавиан Лисовский росту высокого, плотного телосложения, 50 лет от роду, иногда веселый; но крайне безобразен от стрижения на голове волос догола и бритья бороды...

«ЕВА. ДЕВА»

Два слова, сходные по звуку, смыслом разным
Напоминают нам:
Каким мы счастием, каким и злом ужасным
Обязаны женам!
Нам Ева смерть внесла, Мария — жизнь от древа:
Что отняла жена, то возвратила Дева.

(Из книги «О Кресте»)

О НЕДОСТАТКЕ ВЕРЫ В МІРЕ

«Сын Человеческий пришед обрящет ли веру на земли?»

Если придет Он ныне, найдет ли Он в нас веру? Где наша вера? Где признаки ее? Думаем ли мы, что настоящая жизнь есть толь-

ко краткий переход к жизни лучшей? Помним ли мы, что прежде должны страдать с Иисусом Христом, чтобы после царствовать вместе с Ним? Почитаем ли мы мiр сей только обманчивым призраком, а смерть — переходом к истинному вечному блаженству? Нет, мы не живем верою, она не одушевляет нас! Наше сердце не чувствует важности и силы вечных истин, которые она предлагает нам. Мы не питаем души своей духовною пищею с такой же заботливостью, с какой питаем тело свое пищею телесною. Мы еще не умеем смотреть на все вещи мiра сего очами веры. Мы не заботимся одушевлять верою все наши мысли, чувствования и желания. Мы ежеминутно заграждаем ей вход в сердце наше. Мы и думаем обо всем и поступаем всегда, как язычники. Человек, имеющий веру, стал ли бы жить, как мы живем?

Будем опасаться, чтобы Царствие Божие не было отнято у нас и дано тем, которые будут приносить плоды лучше наших. Царствие Божие есть вера, одушевляющая человека. Счастливы те, кто имеет духовное зрение видеть в себе Царствие это! Плоть и кровь неспособны к тому: мудрость человека плотского слепа в этом случае; для нее действия Бога в душе человека — мечта и сновидение. Чтобы видеть чудеса внутреннего Царствия, должно умереть внешнему человеку. И это-то кажется мiру нелепым!.. Но пусть мiр презирает, пусть осуждает Божественное учение о необходимости возрождения, — мы, по заповеди Господа, должны

верить Ему, дабы быть сынами Божиими и вкушать сладость небесных даров...

Но, Боже милостивый, во что же Ты попускаешь обратиться міру с его беззакониями, с безверием его!..

⋄⋄⋄⋄⋄⋄⋄⋄⋄⋄

Не страшно умереть!..

Не страшно умереть!.. Да, правда:
Мы с смертью свыклися в наш век.
Но не посмертная награда,
Не то, чем высший человек
Мечту о смерти услаждает,
Нас с душным гробом примиряет, —
Нам ничего за гробом нет,
Нам просто опротивел свет!
Нам надоело жизни бремя,
Наскучил жизненный парад.
Мы обыграть хотели время,
И каждый проиграл заклад...
Мы разгадали все загадки,
Все тайны сорвали с земли;
И стали низки мы и гадки
Пред оком собственной души.
    Ужасный век! Что он посеял!
    Какую будущность взрастил!
    Какую силу с сердца свеял,
    Какую жизнь в нас погубил!
Нет больше юности беспечной
С ее мечтательной душой,
С ее невинностью сердечной,
С ее душевной простотой.

Нам ныне тесно с колыбели;
Мы рвемся к гробу поскорей:
Мы, не дозрев, уж перезрели
В огне безвременных страстей.
Нам уж смешно почти, нам стыдно
Невинным быть в пятнадцать лет,
Еще хранить свой детский цвет...
Как ядовитые ехидны,
Впились мы с первых лет в себя:
Здоровье, силы, красота —
Заране все облито ядом;
Заране жизнь облита хладом;
Еще пух детства на устах —
Уж пресыщение в глазах;
Уж опыт выел прелесть жизни,
Разбил цветной ее кумир.
Как насмоленный факел тризны,
Покрыл он чадом целый мiр...
Уж все отвергнуто. Все цели,
Все блага отцвести успели:
Зима — средь лучших дней весны!
В пятнадцать лет мы — старики!
А там — как царь между рабами,
В сердцах материя одна
Своими грязными цепями
Все страсти мiра обвила,
Размежевала жизнь, как поле,
Из нужд слила для нас кумир
И погребла в своей неволе:
Расчет убил духовный мiр!
И стало все добычей злата;
Рассудок на вес продают;

Наука — путь к сетям разврата;
Искусство молотом куют.
И нет ни чувств высоких, смелых,
Ни славных замыслов в груди,
В огне терпения созрелых,
Взращенных крепостью души.
Нет больше места им!.. Надменно
Пытая счастье и судьбу,
Мы дали волю лишь уму;
Мы жаждем слышать непременно
Его расчетливый ответ.
А сердце? Сердцу веры нет!
Долой с души все украшенья!
Как с лика Божьего сребро,
Мы все расхитили с нее
И — промотали!.. И в забвенье,
Скелеты голые душой
Бредем по тернию сомненья,
Гордяся нашей наготой.
Страшимся чувству дать свободу;
Как мертвецы в своих гробах,
Питаем тлением природу
И точим яд земной и прах.
Нет больше ближнего! Все пало,
Все сочтено, все решено!
Самих себя уже нам мало;
В других нет больше ничего.
В грядущем — голая равнина;
В былом — сожженная пустыня
Да пепел рушенных надежд:
Все отцвело, все изменило —
И не страшна теперь могила!..

Как насмерть раненный атлет,
Наш эгоизм голодный бродит
И ничего уж не находит:
Что было — в юности пожрал,
Что есть — державный опыт взял...

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

Нет, други, нет! Не сын я века!
Я с вами в этот век вступил,
Но вместе с жизнью человека
Я жизнь иную получил.
Я также был в его служеньи,
Я также нес его ярмо
И, полный думы и сомненья,
Клонил задумчиво чело...
Теперь прочь дума! Чистый, ясный
Мне в душу влился новый свет,
И ум, товарищ мой опасный,
Увидел радостный рассвет.
Тоска рассыпалась мечтами,
И пала с сердца чешуя,
И жизнь волшебными крылами
Мне снова душу обвила.
Нет, страшно умереть!.. Туманен
В очах греха загробный путь,
Тот странный путь, где каждый равен,
Где вечный сон не даст заснуть.
Отчет прямой, отчет ужасный
Готовит небу сын утрат.
И гроб, наш проводник безгласный,
Ведет и в рай и... в вечный ад...

1848 год

Июнь

С наступлением 1848 года настали в Европе бедствия почти повсеместно. Во Франции 24 февраля — революция, ниспровержение законной власти, республика. От Франции разлился сей адский поток в смежные земли, кроме России: везде мятежи, нестроения... В России — холера, засуха, пожары. 26 мая, в среду, в 12-м часу дня загорелся губернский город Орел; сгорело 2800 домов; на воде барки сделались добычею огня. Потом сгорело: в Ельце — 1300 домов, во Мценске, Ливнах, Курске и во многих других городах — великое множество.

К нашему Старцу пишет о. игумен Антоний Б.[1]: «Благодарю отца Иоанна (это наш скитский иеросхимонах из бывших раскольников), что меня вспомнил и потрудился написать несколько строчек. Кажется, теперь и раскольникам, и православным следует подумывать не о личных своих делах, а о грядущем Божием гневе на всех, который может, яко сеть, захватить всех живущих на земле. Революция во Франции не есть частное зло, а только воспламенение тех подкопов, которые подведены под всю землю, особливо — европейскую, яко хранительницу просвещения и духовного, и мирского. Теперь страшен нам уже не раскол, а общее европейское безбожие. Времена язычников едва ли не окан-

[1] Бочков. Впоследствии настоятель Черемenецкого монастыря Петербургской епархии.

чиваются. Все европейские ученые теперь празднуют освобождение мысли человеческой от уз страха и покорности заповедям. Посмотрим, что сделает этот род XIX века, сбрасывающий с себя оковы властей, и начальств, и приличий, и обычаев? Посмотрим, каков будет этот новый Адам в 48 лет, который теперь возрождается из европейской благородной земли? Какова будет эта зловещая птица, высиженная из гнезда парижского? Это яйцо давно положено. Оно еще в 1790-х годах согревалось, и вылупившийся Наполеон хотя и обжег себе крылья на пожаре московском, и как будто мы вместе с ним простились и с войной, и с общими потрясениями; но, видно, это был только один болтун, а настоящий высидок явится в наше преблагополучное время, во дни мира и утверждения. Если восторжествует свободная Европа и сломит последний оплот — Россию, то чего нам ждать — посудите!.. Я не смею угадывать, но только прошу премилосердного Бога, да не узрит душа моя грядущего царства тьмы».

24 июня

Четверток. Праздник в Скиту Рождества св. Иоанна Предтечи. Пополудни в три часа, в четвертом, зашла страшная туча с молниями и громами с юго-запада при 20 градусах тепла. Она разразилась страшною бурею с проливным дождем и градом. От этой тучи во многих местах Козельского уезда произошли разрушения, в особенности же в нашем монастыре. На церквах — Казанской и больничной — раз-

ломало на части железную крышу, сорвало кресты; на колокольне поколебало главу со шпилем и вырвало кровельный лист; на корпусах — трапезном и братском, что возле колокольни, и на казначейском повредило железные крыши; во многих других местах повредило черепичные крыши и изгороди; поломало множество садовых плодовых деревьев. В Скиту упавшею сосной повредило башню, что на конном дворе, а с юго-западной стороны тоже упавшею сосною разбило два каменных столба в скитской ограде. А в монастырском лесу поломало и вырвало с корнем до двух тысяч самых толстых сосен... Страшная буря! Никто не запомнит такой!

По поводу этой бури Старец сказал:

«Это знамение гнева Божия на отступнический міръ. Началось с Европы, доходит и до нас. Приблизилось время, предуказанное Откровением. Мы-то не доживем, ну а правнуки наши узрят пришествие Господа во славе.

Господи, помилуй!.. А действительно, тяжело стало жить нынче современному человеку. Не от добра жизни пишут люди так, как пишет в своем стихотворении архимандрит Игнатий (Брянчанинов). Вот стихи эти:

Убили сердце

Здесь все мне враждебно, все смерти тлетворным дыханием дышит:
Пронзительный ветер, тяжелые воды, пары из болота,
Измены погоды и вечно нахмуро-грозящее небо.
Как бледен луч солнечный, Бельта повитый туманом и мглою!

Не греет он, жжет!.. Не люблю, не люблю я сиянья без жизни!..
Сражен я недугом, окован как цепью, к одру им прикован,
Им в келлии заперт. Затворник невольный, влачу дни ко гробу.
А сердце мое?.. Ах, убили его!.. Оно жило доселе,
Страданьями жило, но жило. Теперь — тишина в нем могилы.
Его отверзал я с любовью и верой, открытой всем ближним.
Вонзили мне в сердце кинжалы; и были кинжалы наградой
За дружбу, за слово прямое, за жизнь, принесенную в жертву!..
Уйду я, убитый, уйду от людей я в безвестность пустыни!..
Я вижу, что людям приятно и нужно: им нужны лесть, подлость,
Тщеславие, чуждое истинной славы. Забыли, что слава — от Бога,
От совести чистой. Но Бог им не нужен, и совесть им — бремя;
Не нужны им в слуги наперсники правды с общественной пользы желаньем:
Им нужны рабы — орудья их воли развратной...
Уйду от людей и в глубокой пустыне предамся рыданьям:
Там в пищу мне будут лишь стоны, а слезы — напитком.
Оплачу себя, мое сердце убитое, мiр, в зло погруженный,
И сниду в могилу печальный, в надежде отрады на небе.

ОБ УЗКОМ ПУТИ КО СПАСЕНИЮ

26 июня. С трудом можно входить в Царствие Божие: его должно восхищать «нуждею», его должно брать силою, как осаждаемый город. Врата в Царствие Божие тесны. Чтобы войти в них, должно стеснить и подвергнуть мучению греховное тело; должно унизиться, смириться и сделаться малым. Широкие врата, которыми идет большая часть людей и которые совершенно отворены, ведут к погибели. Посему не должно входить во врата сии. Когда мiр оказывает нам свое благоволение и расположение, когда путь жизни нашей не представляет нам

никаких неудовольствий, когда «добре рекут о нас вси человецы», то — горе нам!

К будущей жизни мы тогда только бываем более способны, когда в жизни настоящей обременяют нас многочисленные бедствия. Итак, не будем следовать за большею частию людей, которые ходят по путям широким и удобным. Должно идти по следам малого числа избранных, по пути святых, по трудной стезе самоотвержения. Путь к Небу должно пролагать между скалами несчастий этой жизни и вместе помнить, что последний шаг жизни требует самого великого усердия войти в тесные врата вечности. Вот что пишет об этом последнем шаге в вечность — «о брани в час смертный» — Афонский иеромонах Макарий:

«День особенной духовной брани в нас есть день смерти. Если враг дерзнул явиться к безгрешному Спасителю нашему при конце Его земной жизни, в чаянии найти в Нем какую-нибудь погрешность, как сказал Сам Господь: «грядет міра сего князь, и во Мне не имать ничесоже» (Ин. 14, 30), — то тем смелее является он каждому из нас пред нашею кончиной и дерзостно приражается к нам, грешным. Итак, чтобы брань смертная не застигла нас неготовыми, необходимо бороться мужественно во время данной нам Богом жизни. Проведший свою жизнь в мужественной борьбе по навыку и опытности в духовной брани легко одерживает победу и в последний час смерти. Для сего требуется также частое и внимательное размышление о смерти. Делающий это страшную

для неготовых смерть встречает с меньшим страхом: ум его, незанятый сторонними предметами, будет свободен в избрании мер для успешного окончания предсмертной борьбы.

Но в чем состоит предсмертная брань и что нужно делать в час смерти, чтобы не остаться навсегда побежденным?

Есть четыре главных и более опасных прилога, которыми враги наши — демоны имеют обыкновение побеждать нас в эти минуты, — это:

1) неверие;

2) отчаяние;

3) тщеславие и

4) различные мечтания и преобразования демонов в ангелов света.

I.

Неверие

Если враг начнет нападать на тебя лживыми умствованиями и влагать в твой ум помыслы неверия, презри плевелы его и с твердою верою говори ему: «Иди за мною, сатана, отец лжи! Не хочу ничего слышать от тебя. Я верую, во что верует Святая Церковь, и более ничего, никаких твоих умствований мне не нужно». И отнюдь не давай места в сердце твоем помыслам неверия, по слову Священного Писания: «Аще дух владеющаго (т. е. врага) взыдет на тя, места не остави: лукавство бо изыде от лица владеющаго» (Еккл. 10, 45). Помыслы неверия внушает диавол, чтобы низринуть тебя; а потому утверди ум свой, стой мужественно, берегись принимать не только какое-либо ум-

ствование, но даже и изречение Священного Писания, представляемое тебе доброненавистником: знай, что священные изречения приводит он всегда неполными и худо произносимыми, с превратным толкованием их, хотя и старается показать их уму хорошо, чисто и ясно произносимыми. Если этот лукавый змий спросит тебя, чему верует Церковь, оставь его с полным презрением и отнюдь не отвечай на его вопрос. Зная ложь и коварство его и видя, как он старается уловить тебя словами, веруй лишь несомненно от всего сердца в учение Св. Церкви и когда, Божиею Благодатию, силен ты в вере и непоколебим помыслом, к большему посрамлению врага, отвечай, что все, во что верует Св. Церковь, есть непреложная истина. Но, положим, он возразит: какая это истина? — кратко скажи: та, в которую Св. Церковь верует. При этом постоянно старайся содержать сердце твое устремленным к Распятому за нас и взывай к Нему: Боже мой, Творче и Искупителю мой! помози мне в час сей и не попусти удалиться от истины святой веры или поколебаться в ней, но благослови мне, в истине сей благодатию Твоею рожденному и наставленному, окончить жизнь мою к славе Пресвятаго Имени Твоего.

II.

Отчаяние

Второй прилог, которым лукавый усиливается совершенно погубить нас, есть страх, влагаемый в сердце напоминанием нам всех наших

грехов, чтобы низринуть нас в ров отчаяния и безнадежности. Чтобы не впасть в такую беду, нужно тебе хорошо знать, что напоминание грехов тогда бывает от благодати и спасительно, когда оно смиряет тебя и возбуждает в сердце сокрушение о том, что грехами своими ты оскорбляешь Бога и вместе с тем поселяет в тебе надежду и упование на благость Его. Но когда напоминание грехов смущает тебя, ввергает в неверие и малодушие и заставляет считать себя человеком на веки осужденным, которому нет более времени ко спасению, знай, что такое напоминание — от диавола. Посему, смиряя себя как можно более, отнюдь не оставляй надежды на Бога, и ты победишь врага его же оружием и воздашь славу Богу.

Нужно нам всякий раз печалиться и болеть сердцем об оскорблении, причиняемом Господу, когда вспоминаем грехи свои, однако необходимо питать и надежду на крестные заслуги Его и, ради этих великих заслуг, просить у Него прощения. Если же тебе кажется, будто сам Бог прямо говорит твоему сердцу, что ты — не от овец Его, то и в таком случае не должно тебе оставлять надежду и упование на Него. Не переставай и тогда взывать: поистине, Боже мой, я достоин того, чтобы Ты отверг меня за грехи мои, но все-таки дерзаю уповать на Твое благоутробие и надеяться, что Ты простишь меня; посему и умоляю: не лиши спасения создание Твое, достойное осуждения за злые свои дела, искупленные, однако, ценою Святейшей Твоей Крови. Желая быть в числе спасенных, Искупи-

тель мой, во славу Твою я весь, с надеждою на безмерное благоутробие Твое предаюсь в руце милосердия Твоего: твори со мною, что Тебе благоугодно, ибо Ты един Владыко мой. Если Ты и умертвишь меня, и тогда я буду иметь в Тебе животворную свою надежду.

III.

Тщеславие

Третий прилог состоит в тщеславии и самомнении, которое побуждает надеяться на самого себя и на то, что я буду спасен собственными своими делами. Смотри же всегда, и особенно в тот последний час смерти, не попускай своему уму полагаться на себя и на свои дела, хотя бы совершил и все добродетели святых; напротив, надейся на одного Бога и на Его благоутробие; поминая крестные страдания Спасителя, понесенные Им ради спасения твоего, уничижай себя до последнего издыхания. Если же иногда, случайно, и возникнет в тебе мысль о каком-нибудь добром деле, — знай: силою Бога, а не твоею оно совершено. Проси помощи Божией и надейся получить ее не ради заслуг своих или ради испытанной тобою брани, в коей ты явился победителем, но постоянно содержи себя в святом страхе, сознавая искренно, что все твои заботы, труды и подвиги были бы тщетны, если бы не содействовал тебе и не собирал их под сень крилу Своею Сам Бог; на Его только защиту возлагай все свое упование. Если последуешь этому совету, то не победят тебя враги в час смерти прилогом тщеславия:

тебе откроется свободный путь от земли к Небесному Иерусалиму, в преблаженное наше отечество.

IV.

Различные мечтания и преобразования демонов в ангелов света

Если упорный в борьбе враг наш, никогда не утомляющийся в наведении искушений, будет одолевать тебя когда-нибудь, и особенно перед смертью, некоторыми ложными явлениями, видениями и преобразованиями в ангела светла, ты стой твердо в сознании своего ничтожества и смело говори: возвратись, окаянный, во тьму твою, ибо я не имею нужды ни в видениях, ни в другом чем, кроме благоутробия Христова и ходатайства Приснодевы Марии и Святых пред Господом. Пусть бы ты и в самом деле сознавал, что те видения действительно от Бога, — и тогда старайся отстранять их от себя, сколько можешь, и не думай, что устранением их в сознании своего недостоинства ты оскорбишь Бога. Если видения точно от Бога, Он Сам знает, как просветить и уверить тебя, и не вменит Себе в оскорбление, что ты опасаешься принимать их. Дающий смиренным благодать не отнимает Своей благодати за дела, совершаемые по чувству смирения.

Таковы более общие оружия, употребляемые против нас врагом в последние часы нашей жизни, хотя на каждого он восстает смотря по наклонностям и страстям, каким кто более подвержен.

Итак, повторим: чтобы не остаться навсегда побежденными, непременно должно прежде наступления смертного часа, при Божией помощи, вооружаться против тех страстей, которые особенно обладают нами, и бороться с ними мужественно, чтобы легче победить нам диавола и в страшные последние минуты жизни».

Вот тот конец тесного и широкого пути, которым все люди идут в вечность. Но тесный путь готовит к вечности, и последняя борьба со врагом нашего спасения застает воина Христова во всеоружии; а широкий? Подумать страшно!..

Бог предопределил нам быть сообразными образу Сына Своего, подобно Ему распинаться на кресте, подобно Ему удаляться земных удовольствий, подобно Ему в страданиях возлагать все свое упование на Бога и переносить их покойно. Но как велико наше ослепление! Мы всегда желаем удаляться от креста, который соединяет нас с нашим Господом; но мы не можем оставить креста, не оставив вместе Распятого на нем Иисуса Христа: крест и Распятый на нем неразделимы.

Итак, будем жить и умирать вместе с Тем, Который пришел показать нам истинный путь к небу; не будем ничего столько желать, как приносить нашу жертву Богу на том же жертвеннике, на котором совершал Свою Иисус Христос... Но, к несчастью, все труды и заботы наши относятся только к тому, чтобы жить в обилии и довольстве и удаляться от узкого пути к Нему. Мы не понимаем, что таинство благо-

дати соединяет блаженство со слезами. Всякий путь, который ведет к престолу, должен быть приятен, хотя бы он был устлан терением. На узком пути потребно терпение, но оно облегчается надеждою; потребно терпение, но оно услаждается видением отверстых небес; потребно терпение, но оно не бывает принужденно, а проистекает из свободного желания терпеть.

1849 год

С 24 мая проходил отрядами через наш город пехотный полк, квартированный в Белеве, походом в Венгрию. Многие офицеры и нижние чины приходили в наш монастырь, слушали напутственный молебен, принимали благословение пролить кровь за Веру, Царя и Отечество. Но еще более трогательно было видеть благочестие полкового командира, который, проходя с полком через город Козельск, прибыл к нам в монастырь с штаб- и обер-офицерами и с ними несколько десятков отборных солдат. Все они слушали по Литургии молебен. После молебна полковой командир пришел в настоятельские покои и просил о. Игумена благословить стоявших у крыльца во фронт воинов. О. Игумен с христианским назидательным словом и отеческою любовью благословил каждого порознь, желая им сохранить верность Царю и Отечеству и победить врагов, изменников своему Государю.

Полковник с офицерами были учреждены чаем и закускою. Принявшие благословение

ходили также в Скит, где принимали от старцев благословение, после чего отправились в путь с верою и надеждою на Всемогущего Бога, дающего победу над врагами.

Полковник высокого роста, худощав, волосы на голове седы.

Рязанский пехотный полк, квартировавший в Калужской губернии, выступил в поход из Калуги 15 мая. Поляки — как офицеры, так и солдаты — из всей армии оставлены внутри России с отдалением от границ польских.

6 августа

СЛУЧАЙ, ДОСТОЙНЫЙ ЗАМЕЧАНИЯ

За ранней Литургией сего 6-го числа рясофорный монах Савва, больничный служитель, сказал послушнику Иакову —пономарю:

— Что вы никогда не поставите свечки угоднику Божиему, преподобному Евфимию, к его иконе?

Икона эта у окна, возле северной двери алтаря, в приделе Великомученика Георгия Победоносца.

— Ризою, — продолжал о. Савва, — украсили, а свечки не ставите. Это все равно, что надеть на тебя драгоценную одежду, а хлеба не давать.

Послушник Иаков отвечал, что свечи к иконам ставят не пономари, а свечники. В это время подошел помощник свечника, послушник, штаб-лекарь Максим Васильевич Путин-

цев, и начал ставить свечи к местным иконам. Монах Савва вынул из кармана пять копеек медью и говорит:

— Максим Васильевич, возьми пять копеек да поставь свечу преподобному Евфимию!

Максим Васильевич отвечал, что о. Галактион (свечник) на пять копеек не дает свечки, и не взял их. Савва остался в скорби.

Только Максим Васильевич спустил паникадило пред Царскими вратами, как увидел на паникадиле десять копеек медью. Он удивился и говорит о. Савве:

— Ну, отец Савва, давай теперь свои пять копеек: я пойду поставлю преподобному Евфимию пятнадцатикопеечную свечку — теперь отец Галактион даст.

Только он принес и поставил свечку и пошел обратно к свечному ящику, как его внезапно посреди церкви остановила какая-то женщина. Подает ему десять копеек медью и говорит:

— Возьми, батюшка, за свечку!

— За какую свечку? — спросил Максим Васильевич.

— Да вот за ту, что ты сейчас поставил.

Тут вспомнили, что перед этой иконою, действительно, никогда свечей не ставили; а мимо нее часто приходится ходить в алтарь.

Не внушение ли это было о. Савве от преподобного Евфимия?

10 августа

ОБ ИСТИННОМ БЛАГОЧЕСТИИ

Аще кто льстит сердце свое,
сего суетна есть вера.
(Иак. 1, 26)

Сколько самообольщений на пути благочестия! Одни думают, что благочестие состоит единственно во множестве молитв; другие полагают его во множестве дел внешних, относящихся к славе Божией и пользе ближнего; иные — только в одних непрестанных желаниях приобресть спасение; некоторые — в исполнении одних внешних строгих обрядов или правил Церкви.

Все это хорошо и необходимо до известной степени. Но тот обманывается, кто полагает в этом основание и сущность истинного благочестия.

Истинное благочестие, которое освящает нас и совершенно посвящает Богу, состоит в исполнении истинной воли Божией в то время, в том месте, в тех обстоятельствах, в которых Бог поставил нас — в исполнении всего того, что Он требует от нас. Сколько бы ни было в нас благочестивых чувствований и желаний, сколько бы мы ни сделали блистательных дел, они тогда будут иметь цену в очах Божиих и мы тогда только получим за них награду от Бога, когда этими чувствованиями, желаниями и делами мы действительно исполняем волю Божию. Слуга какого-нибудь господина пусть де-

лает самые блистательные дела в его доме, но если не исполняет его воли, то эти дела, которых господин не требует от него, не будут иметь никакой цены, и господин его по справедливости будет говорить, что слуга его худо исполняет свою должность.

Истинное благочестие требует не только того, чтобы мы исполняли волю Божию, но и того, чтобы мы исполняли ее с любовию. Бог хочет, чтобы все наши приношения Ему совершаемы были охотно и с радостию. Во всех Своих заповедях Он прежде всего требует от нас сердца чистого, исполненного к Нему любовию. Любовь и милосердие к нам небесного Царя и Господа нашего столь бесконечны, что мы должны полагать все свое блаженство в том, чтобы быть самыми верными и совершенно преданными Ему рабами. Эта верность и преданность должны быть всегда и везде одинаково постоянны во всех неприятностях жизни, во всем, что противно нашим видам, намерениям и склонностям; они должны соделать нас готовыми жертвовать исполнению Закона Божия всеми нашими благами, нашим временем, нашей свободою, нашей славою и, наконец, нашею жизнию. Питать в себе такую преданность Богу и выражать ее в делах — вот истинное благочестие. Но так как основание воли Божией иногда бывает для нас неизвестно, то долг самоотвержения требует, чтобы мы ее исполняли рабски, со слепым повиновением, но мудрым в самой слепоте своей. Обязанность эта необходима для всех людей. Самый просвещенный

человек, который способен руководить других к Богу, имеет нужду в Божественном водительстве, хотя бы планы его были бы ему совершенно неизвестны.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОТЦА ИЕРОСХИМОНАХА ИОАННА

Батюшка отец Иоанн воспитывался и всю юность своей жизни провел в расколе и только в зрелом возрасте воссоединился с Православною Церковию. Сего 4 сентября 1849 года он безболезненно, непостыдно и мирно отошел ко Господу в чаянии жизни вечной. Мир праху его.

В бумагах, оставшихся после его смерти, мною найдена была своеручная записка его под заглавием: «Историческое известие о приключении в жизни и чистосердечная признательность Новгородской епархии, Свято-Троицкого, Александро-Свирского монастыря, иеромонаха Исаакия, в схиме Иоанна».

Замечательный это был раб Бога Вышнего! С любовью о Господе вписываю в свои заметки его автобиографию.

«Родился я, — пишет о. Иоанн, — в 1763 году, месяца мая 1-го дня, от правоверных родителей — от отца, именем Иоанна, и матери, Анны, по прозванию Малиновкиных, проживавших в Экономической слободе, называемой Подновье, отстоящей от Нижнего Нова-города вниз по течению Волги-реки в пяти верстах. Крещен и святым миром помазан от православного священника. По смерти же родите-

лей моих остался пяти годов от рождения моего и, по таким обстоятельствам, воспитывался и грамоте русской обучался от старообрядцев; и тогда постепенно влили они в юное сердце мое догматы своего учения, через которые и отторгнули меня от Святой Церкви. По ревности же моей к пустынножительному проживанию, на осьмнадцатом году от рождения моего, оставивши дом и отечество мое, удалился в Керженские леса и скиты, в коих прожил немалое время и, по неведению моему Священного Писания и слабости рассудка моего, во всем следовал тогда, яко пленник некий, удаленный Святыя Церкви, жизни их. Но во все то время не находила душа моя спокойствия, всегда почти чувствуя какой-то недостаток и скуку в рассуждении религии, наиболее же потому, что видел между оными скитниками и даже во всех разного толка старообрядцах великое несогласие в толковании Священного Писания и религии. Мне приходилось видеть у многих старообрядцев, что у них в одном доме и семействе даже по три секты содержится: муж «перемазанской» секты, жена — «перекрещенка», или «нетовщинка», или другой секты, а дети других толков придерживаются. И по этим причинам, как муж с женой своей, так и дети с отцом своим и с матерью вкупе не пьют и не едят и Богу не молятся, почитая каждый себя за правоверного, а других еретиками и погаными. Поэтому они пьют и едят только из своих сосудов, из которых другим не позволяют кушать. Тоже и иконам,

пред которыми сами молятся, другим поклоняться не допускают. Но в чем у них всегда оказывалось величайшее согласие, так это в ненависти и хуле на Православную Церковь. Сойдутся между собою они и как только увидятся, так и начинают друг с другом спорить о Церкви, о правоте своих — это для них хлеб насущный; и всякий из них свою секту похваляет, а другие, как непотребные, осуждает. И тут все они горячатся до бесконечности. Но если прилучится тут такой человек, который похвалять будет Греко-российскую Церковь и догматы ее, а старообрядческие толки, яко нелепые, опровергать, — то они немедленно же тогда все происходящие между ними раздоры прекратят и примирятся, но вооружатся, яко разбойники или гладные звери, на того человека и даже готовы растерзать его, особенно же если таковой будет из их сословия. Если бы они не опасались светского правительства, то в состоянии были бы поступать с таковым, как в древности Иудеи поступили со святым Архидиаконом Стефаном. Это я испытал на практике, о чем скажу ниже. Это единодушие в ненависти отчасти объясняется воспитанием старообрядческих детей. Старообрядцы первый и наистрожайший детям своим урок дают, чтобы они Греко-российской Церкви нашей гнушались и никогда бы не входили в оную, яко в еретическую и скверную. Посему, держа их на руках своих, показывают пальцем на мимо проходящих священников наших и говорят им:

— Смотри: идет еретик, антихристов слуга, щепотник, стрижены усы, табашник... Смотри, бегай их, яко душепагубных волков и благословения от них никогда не принимай!

Так от пеленок внушается злоба и ненависть детскому сердцу.

Такие и подобные им вздоры показывались мне отвратительными и тогда, но особенно же то, что у старообрядцев запрещалось поминовение душ усопших моих родителей за то, что родители мои умерли и погребены в общении с Православной Церковью.

В спорах о правоте своих сект и толков дело доходило иногда до драки. Видевши таковые сумасбродные бредни, я удивлялся и недоумевал: какая и откудова тому злу причина? откуда такое разделение между ними? Все они, думал я, читают только одни любимые ими старопечатные книги, по которым поют и Богу молятся; через них же надеются и спасение получить: а в толкованиях между собой различествуют... И недоумевал я.

Проживши с таковыми немалое время и довольно насмотревшись на все казусы их, чрез которые даже и голова моя заболела, я вознамерился от таковых, яко душевредных, последствиев избежать и спокоиться в тишайших местах. Наслышался я, что таковые имеются в Костромской губернии, в Рымовских лесах; и в таковой надежде, оставивши вышеозначенные Керженские скиты, яко преисполненные разных развратов и гнусных нелепостей (да не возглаголют уста мои дел человеческих!), уда-

лился я в означенные Рымовские леса, в которых обрел скит, называемый Высоковский[1]. Жители же оного — иноки и бельцы — все были старообрядцы «перемазанской» секты, которой и я тогда придерживался, яко слепец — палки. Порадовался я им, яко единоверцам, и там надеялся души моей спокойствие иметь.

По усердному моему расположению к монашеской жизни, в том скиту постригся я во иночество от бежавшего от Святой Церкви к старообрядцам иеромонаха Ефрема, от рождения моего на двадцать втором году.

Проживши несколько времени, увидел я и в том скиту, якоже и в Керженских, раздоры по причине, что близ него имелись и другие скиты, в которых жила разная сволочь разных толков: «поповщина», «перемазанцы», «диаконовщина», «спасовщина», «нетовщина», «перекрещеванцы», «самокрещеванцы» и другие, якоже и в Керженских скитах. Чрез их поселение в Рымовских лесах живущий там народ до крайности развратился.

С этими-то людьми скитники наши нередко видались и, по их обыкновению, производи-

[1] Этого Высоковского скита жители напоследок, при содействии Божией благодати, оставивши все свои богопротивные и нелепые мнения, в 1806 году присоединились к нашей Православной Греко-Российской Церкви, а в 1820 году, по прошению их, скит их по Именному соизволению Государя нашего, Императора Александра Павловича, и по благословению Св. Синода утвержден в правильный и переименован во второклассную Высоковскую Успенскую пустынь. Настоятель же того скита, инок Герасим, яко достойный, от Костромского и Галичского епископа Самуила хиротонисан во иеромонахи и назначен в означенную пустынь строителем.

ли пылкие и неосновательные споры о верах своих; а я, все сие видевши, приходил в недоумение и крайнее расстройство духа моего. И как было не расстраиваться, когда, при прочих развратностях старообрядческих, мне сердце поворачивало еще, например, следующее наставление, которое они дают детям своим, особливо женскому полу: ныне-де время последнее, антихристово, почему Церковью овладели разные ереси и от правоверия отступства, чрез что архиереи и священники уже безблагодатны. По сим причинам ныне в церкви венчаться грешно; но по человеческой немощи девственную жизнь препровождать прискорбно, а потому не всякий человек сие может вместить. В таких обстоятельствах «хоть семерых роди, а замуж не выходи».

Как же было окрестному населению от таких нравоучений не развратиться? Оттого дух мой приходил в сильное расстройство, и я молился: «Господи Иисусе Христе! Есть ли ныне где истинная Церковь и вера? Я между старообрядческими скопищами таковых не предвижу, потому что они сами себя порочат и еретиками называют»... Так молился я, но что касается до возвращения моего в недра матери нашей, Греко-Российской Церкви, от неяже еще в юности, по невежеству моему, отторгся, тому препятствовали тогда некоторые сумнения о святости и непорочности ее, потому что старообрядцы развратными толкованиями вскружили как свою, так и мою голову, яко бы ныне от лет Никона, бывшего Московского Патриар-

ха, чрез книжное исправление, в Греко-Российской Церкви царствует антихрист, и в ней получить спасение невозможно.

И был я в скорби и недоумении тягчайшем, не оставляя, однако, молитвы ко Спасу Всемилостивому, да вразумит меня Он сам и да укажет Он мне истинный путь ко спасению грешной и окаянной души моей...

Во время проживания моего в Высоковском скиту, я настоятелем оного послан был с книгою по разным городам и селениям собрания ради денежной милостыни на содержание братии и другие разные потребы и, прибывши с книгой той между прочим в город Мологу, от мологского купца, Петра Тимофеевича Мальцова[1], пребывавшего еще тогда в расколе, но уже склонявшегося к Православию, услышал анекдот о раскольниках замечательный, известный ему как очевидцу и повлиявший на него, как истинный глагол Божий. Вот что рассказал мне Петр Тимофеевич:

«В Берлюковском раскольническом скиту, в Муромском уезде Владимирской губернии, в лесных местах, в нем же живяше раскольников около 150 человек, жил и един брат, именем Алексей, имевший ремесло переплетать книги. Умел он хорошо грамоте и переплетал у живших в скиту старопечатные книги для всего скита, а между тем приносимые к нему книги многажды прочитывал. И так, начитавшись этих

---

[1] Петр Тимофеевич Мальцев вскоре после этого присоединился к Православию и в 1832 году скончался в добром исповедании.

книг довольно, имевши к тому и понятие хорошее, вразумился от них, что без Церкви Святой Соборной и без приобщения Божественных Таин спастися никому не можно. И начал он размышлять, колебаться и смущаться об отлучении своем от Святыя Церкви и желал со сведущими людьми посоветоваться о том.

Бысть же тогда в том скиту проживающий, отлучившийся от Святыя Церкви беглый поп, человек неглупый, но бежавший от Церкви за некоторые дурные поступки свои. Означенный Алексей переплетчик, придя к сему попу, наедине стал просить его, говоря, что он желает поговорить с ним о нужном духовном деле, а также получить от него совет с тем, чтобы поп оный о том никому не объявлял, поклявшись ему в верности пред образом Божиим, ибо Алексей боялся, чтобы скитяне не узнали о том и не прибили бы его. Поп на просьбу его дал ему клятву, что он из слов его ничего никому не скажет. Тогда Алексей открылся ему о своем сумнении, сказывая, что он много перечитал книг древних и во всех-де их написано, что кроме Святой Соборной Церкви и без приобщения Божественных Христовых Таин спастися невозможно никому. И просил Алексей того попа Именем Божиим, чтобы он по чистой совести сказал ему для душевной пользы, сколько знает, сущую правду. Вот поп и сказал ему:

— Я тебе скажу правду, только и ты клянись мне так же, как и я тебе перед образом клялся, дабы, что я тебе скажу, никому того не объявлять.

Посем Алексей таким же порядком клялся попу, что он никому не поведает того, что ему поп скажет. После такового клятвенного обязательства поп сказал ему следующее:

— Чтенное тобою в означенных книгах есть самая сущая правда и истина; и кроме Святой Соборной Апостольской Церкви и без приобщения Божественных Таин Тела и Крови Христовой спастися никому невозможно.

И прочее об истине и вечности Церкви поп много уверял и говорил Алексею.

— А что я живу здесь, — говорил тот поп Алексею, — тому причиной дела мои: укрываюсь от начальства, избегая наказания.

От сего Алексей, уверившись в святости Церкви, начал помышлять, как бы отлучиться из скита, покаяться и присоединиться к Соборной Апостольской Церкви.

Были у Алексея в том скиту двое искренних друзей-приятелей. А он наслышан уже был, что в Саровской пустыни монахи живут воздержно и что сия пустынь не очень далека расстоянием от Берлюковского скита, посему, сказав двум братам по духу, будто ему нужно отлучиться для некоторой надобности, отпросился у настоятеля. Что идет он в Саровскую пустынь, о том он не сказал никому, ниже своим двум братам духовным.

И отправился он так в намеренный путь свой посмотреть жития оных отцов пустыни...

Долго ли, коротко ли шел Алексей переплетчик из своего скита к отцам пустынным, но, пройдя большой лес, вышел он яве к Саров-

ской пустыни и, увидев оную, вдруг возрадовался духом и начал молитися в радости на церковь Божию со слезами. И егда моляшеся, тогда у десныя его руки три первые персты на знамение креста сложишася чудесно сами по себе, и он ими молился, таковому сложению перстов весьма удивляясь. И заключил в уме своем Алексей:

— Видно, так Богу угодно!

Пришедши в пустынь, увидел Алексей братию в подвигах молитвенных и трудах иноческих; увидел он службу церковную, исправляемую весьма тщательно и со страхом Божиим; и возлюбися все сие ему весьма, и покаялся он в сей пустыни, и приобщен был ко Святой Церкви.

Пожив там немалое время, возвратился Алексей в Берлюковский раскольнический скит с чаянием обратить ему и двух друзей своих из раскола.

И, пришедши, начал сперва к одному беседу простирать, который был посмысленнее из сих и помягкосердечнее; но, на первый случай, тот стал совсем отрекаться и противоречить сильно. По малом же времени удалось-таки Алексею мало что внушить ему о Святой Церкви, сказывая притом и о Саровской пустыни и о благоустройстве ее. Итак, уговорил его Алексей, чтобы он сходил туда и посмотрел и пожил бы в ней хотя недолгое время. И согласился на то друг Алексея и пошел туда по той же дороге, по которой и Алексей ходил. Егда же вышел он из густого леса к Саровской пустыни и увидел ее, то, будучи на том же месте, на котором и

Алексей стоял и молился, ощутил и сей раб Христов в себе великую духовную радость; и в таком благодатном восторге начал молиться на церковь Божию, что в Саровской стоит пустыни. Егда же моляшеся, о чудесе! — тогда и у сего брата в молении у правой руки три первые перста сложились нечувствительно сами по себе, и тремя перстами он и знамение крестное на себе сотворил. И, помолясь, пришел в Саровскую пустынь и начал в ней присматриваться ко всему монашескому жительству, трудам и церковной молитве. По знакомству же, заведенному Алексеем, начал и сей с некоторыми отцами в разговоры входить, рассказывая о себе, с каким намерением пришел к ним.

По довольном прожитии в сей пустыни, оставил и этот раскол и присоединился к Святой Церкви. Потом возвратился он в Берлюковский скит с великою радостью и душевною пользой и, пришедши, объявил о себе Алексею, что и он присоединился к Православию.

И бысть между сими двумя братьями радость и любовь больше прежней. И стали они советоваться, как бы им и третьего друга своего извлечь из душевной погибели, то есть из раскола. И начали они ему помалу предлагать, что без соединения церковного и приобщения Святых Христовых Таин спастися никому невозможно. Доказывали они ему о вечности и непоколебимости Святой Церкви и о том, что, как Церковь без епископа стоять не может, так и христианство; и прочее многое говорили они ему; но тот брат, яко упрямый раскольник,

даже и слышать сего от них не хотел, но еще и бранил их, укоряя. И сколько они ни говорили, сколько ни увещевали и ни просили, но тот никакого увещания их не принимал.

Не успев в словесных убеждениях, стали они просить его, яко друга, чтобы он побывал в Саровской пустыни. Но он и от этого дела отрекался; однако же по многой просьбе и молению их едва согласился идти туда. Итак, помолясь Богу, пошел и этот, с позволения настоятеля на отлучку, по той же дороге, по которой ходили и два брата, два друга его.

Егда подошел и сей к Саровской пустыни и вышел из лесу на то же место, на котором молились прежде оба его друга, и увидел монастырь, то вдруг несказанно возрадовался и от радости начал молиться усердно на церковь Божию в духовном восторге. И егда моляшеся, тогда у десныя его руки три первые персты сложишася сами о себе воедино и моляшеся ими, возлагая на себя образ Святаго Креста. По молитве же, удивляшеся попремногу, како персты его сложишася сами о себе, тогда как прежде ему и в ум даже не приходило никогда троеперстным сложением молитися. И пришел он в Саровскую пустынь, где увидел образ монашеской жизни благочинной, трудолюбивой, и церковную службу Божию устава доброго, и вся благая, деющаяся к получению Царствия Небеснаго: и, взошед в дружество с тамошнею братиею, особенно с приятелями друзей его, стал с ними вести беседы о своем состоянии.

Много внушала ему Саровская братия о Святой Церкви от Священного Писания и чрез немалое время, при содействии помощи Божией, возмогла и сего упрямого в расколе третьего брата вразумить и обратить к Святой Церкви. Итак, и третий брат оставил раскольническое суеверие и сделался сыном Православной Церкви.

Потом распростился он с Саровскими отцами и, испросивши их благословения, возвратился в Берлюковский скит к двум друзьям своим и пересказал им все, что с ним было.

И стало их уже в Берлюковском скиту трисчисленная единица правоверных между множества жестоких раскольников...

По некоем времени, при Божией помощи, приобрели они в том скиту к своему единомыслию несколько раскольников; и стало такое отступление от раскола известно всем, отчего в Берлюковских раскольниках произошел великий мятеж, смущение и ропот, а на Алексея с товарищи — великая ненависть, ибо их сочли за развратителей благочестия. И стал тут Алексей с единомышленниками своими защищать явно Святую Церковь и обряды ее, а раскольников, яко неправоверных, обличать. И по многой распре той бысть общее согласие, а особенно со стороны раскольников, надеющихся на житие и молитвы, удостовериться чудом. И положиша, яко евреи, имеющие ревность не по разуму, такое условие, чтобы по посте и молитве, поставить котел в руку глубины, налить его водою, а на дно котла

положить крупного песку; потом котел разварить огнем, воду вскипятить и, когда вода закипит белым ключом, опустить в воду голую руку и достать со дна котла песку, помолясь Богу, чтобы, чья будет правая вера, того и рука осталась бы невредженной.

Сделавши такое условие, положили они с обеих сторон несколько дней поститься и молиться Господу Богу, да явит Он им Свою милость.

И было с обеих сторон усердие великое, пост и молитва прилежные.

И явил Господь Бог, видя усердие, благодатное чудо для показания истины и для душевного спасения.

По окончании назначенных дней поста и молитвы собрались все в назначенное ими место, поставили котел с водою, подложили огонь и разварили воду так сильно, что она заклокотала. Но тут вышла пря, кому из котла прежде вынимать песок. Но Алексей настоял, чтобы скитянам от большего их числа вынимать первым, поелику тех было более нежели в десять крат, да притом же они и присоветовали, чтобы чрез такое чудо явлено было, чья вера истинная.

И было с обеих сторон прение великое.

Наконец Алексеевым настоянием и разными доказательствами принуждены были скитяне избранному от себя на то ревностнейшему по расколу брату повелеть вынимать песок из клокочущего котла. Великое было усердие и ревность того брата, но и страх не меньше.

Помолясь Богу, приступил скитянин тот к котлу; но как только вложил голую руку в кипящую воду и опустил кисть руки, то руку его так сварило, что сей ревностный скитянин отбежал от котла с великим воплем.

Потом скитяне принудили и Алексея приступить к котлу. Оградив себя крепкою верою и крестным знамением и сотворив над котлом тремя перстами знамение Креста Господня, опустил и Алексей в кипящий котел всю голую правую руку и, захватив со дна горсть песку, вынул и показал его всем тамо бывшим и зрящим.

Рука же его бысть цела и здорова.

Таковым чудом приведены были Берлюковские скитники в великое изумление и, оставивши раскол, обратились в Православие, а некоторые ожесточенные в расколе разошлись.

И распрострееся о сем чудеси слух по всей стране той; а Алексей с духовными и единомышленниками своими собратиями вышли из Берлюковского скита и водворились по родным православным монастырям.

О чудесном же том событии извещено было и в Саровскую пустынь, и в другие места во славу Пресвятаго Имени Божия и Святой Церкви Его».

Вот что рассказано мне было именитым мологским купцом Мальцовым, и глубоко затронул сердце мое рассказ этот.

В 1790 году, бывшу мне по тому же сбору в Санкт-Петербурге, я по совету одного, со мною прилучившегося из Керженских скитов, монаха Паисия вошел с ним вместе из любопытства в

Петропавловский собор, что в крепости, посмотреть на Литургию. Стали мы с Паисием вблизи и прямо против Царских врат. По окончании Литургии священник, по обыкновению, осенил людей крестообразно рукою с возглашением: «благословение Господне на вас» и т. д. Тогда, по действу врага рода христианского, нападе на меня страх и ужас и яко стрела вонзися в мое сердце, и я почувствовал нестерпимую тошноту, а в голове боль такую, что даже в глазах потемнело. Не терпя более быть в храме, я в ту же самую минуту, быстро вышедши из церкви, яко изумленный, бежал до Апраксина переулка, где квартировал в доме петербургского купца Никиты Федорова Ямщикова. В этом доме тогда устроена была моленная, старообрядческая часовня «перемазанской» секты, и при ней беглые попы проживали. Там проживали и приезжие монахини из разных старообрядческих монастырей. Я тогда в такое изумление пришел, что встречные люди казались мне точно какие деревья. И когда я пришел в двор дома Ямщикова и когда в покои вошел, все показывалось в глазах моих, яко дым, да и самый дом представлялся мне в ином виде. Встречая там знающих мне людей, я спрашивал:

— Чей это дом? Куда я зашел?

И они таковому вопросу изумлялись и даже смеялись. Потом они спрашивали меня, какая была причина моему изумлению. Я отвечал на это:

— По любопытству моему вошел я в Петропавловский собор во время Литургии, и слу-

жащий священник осенил меня рукой, по обыкновению их, херосложно[1], и я полагаю, что чрез такое осенение потерял я спасение свое и погиб я душевно навеки.

Херосложное перстосложение старообрядцы толкуют яко бы еретическое предание, да к тому же и яко печать антихристову, почему и крайне опасаются в святую церковь входить и благословение принимать.

Замечания всякого достойно, что монах Паисий, тогда бывший также раскольником «перемазанской» секты, потом оставил оную и присоединился к Святой Церкви, в которой и скончался в добром исповедании в Высоковской пустыни».

15 сентября

Продолжаю вписывать в свой дневник записки почившего иеросхимонаха Иоанна.

«Еще в том же году, бывши в Великом Новгороде, я по совету того же монаха Паисия вошел с ним в собор, называемый Софийский, то есть Премудрости Божией, ради поклонения святым мощам угодников Божиих. И вторительно почувствовал я тогда сатанинскую стрелу, почему и здесь мне показалось яко некая мгла, отчего и пол церковный показался мне якобы неровный, то есть иногда на оном являлись бугры, а иногда — ямы. Опять в мысли мои вошел страх и ужас до того, что я думал, как бы мне не провалиться сквозь землю. От сего и святым

[1] Именословно.

мощам я поклонялся с торопливостью и целовал оные с холодным духом.

Обаче после вышепоказанных со мною происшествий, по любопытству частию, а частию по усердию стал я посещать православные монастыри и пустыни, как-то: Николаевский Пешношский монастырь, Берлюковскую, Екатерининскую и другие пустыни, Свято-Троицкую Сергиеву Лавру, Флорищеву пустынь; был и в достопочтеннейшей Саровской пустыни, и в Санаксарской. Наипаче возвеселила дух мой святая Саровская пустынь, в коей церковное столповое пение отправляется прекрасно и монашеское благочиние исполняется в наистрожайшей степени, какового благочестия в старообрядческих монастырях и скитах мне видеть не приходилось.

В сей великой пустыни и я, нижайший, в 1807 году удостоился попользоваться от православно-монашествующих душевными и телесными Авраамскими назиданиями в течение шести месяцев и за все сии чувствительнейше благодарю и молю Сладчайшего Иисуса, да воздаст им достойную мзду, егда приидет во славе Своей, а в нынешнем веце да процветает пустынь сия, яко крин Господень. О пустыни сей по справедливости смею сказать: вот в нынешнем веке примерная пустынь, украшенная как по внешности, так и внутренне христианскими, монашескими добродетелями. Во дни моего проживания в оной пустыни монашествующих находилось более ста человек и столько же послушников; и все они, каждый по силам сво-

им, усовершались в добродетели. И были между ними такие великие, что столпом огненным досягали еще при жизни своей самих небес... Был я и в Белоезерском, и Новоезерском, и в Тихвинском, и в других монастырях Новгородской епархии, в коих имеются святых угодник Божиих нетленные мощи и святые чудотворные иконы: и во всех этих святых местах я входил с благоразумными людьми в разговоры и в рассуждения о Православии Греко-Российской Церкви и о старообрядческом состоянии. И мне представляли от Священного Писания и разных достоверных церковных учителей доказательства и убедительные, неоспоримые резоны, яко в Греко-Российской Церкви ересей и от правоверия отступств не имеется никаких, но Православие сохраняется и сияет, яко солнце, в полной мере, якоже и в древности. Доказывали мне, сколь потребно ко спасению душевному соединение с Церковью, которая, якоже корабль для переплытия моря, потребна — без нее же спастися невозможно. Доказывали мне, сколь душевреден порок отступления церковного, егоже даже и кровь мученическая загладить не в состоянии. Касательно же старообрядческого, вернее сказать, раскольнического состояния, то мне доказано было, что оно, яко отторгшееся Святыя Церкви, за то и под клятвою правильно обретается. Горе таковым, кои, находясь в расколе, не предварят исправить себя покаянием и присоединением к ней.

Наслушавшись всех этих и многих других яснейших доказательств, я был убежден совес-

тию признаться тогда в заблуждении своем. Притом же еще, достовернейшего ради уверения о святости Православной Церкви, я вдался прилежному чтению Священного Писания и разных, изданных от Святой Церкви книг против непокоряющихся ей. Такими путями постепенно стал я яко от сна пробуждаться, и в чувство приходить, и признавать совершенное свое старообрядческое заблуждение. О, как удивлялся я тогда своей прежней слепоте и невежеству! И молился я Господу, чтобы благодать и благость Божия, умудряющая младенцев и не хотящая смерти грешнику, открыла и мне умные очи в совершенное познание святости, и непорочности, и православия Греко-Российской Церкви.

В таковом благом разумении о Святой Церкви прожил я в Высоковском скиту еще пять годов, в тех мыслях, чтобы и прочим своим заблудшим собратиям показать путь к познанию истины.

Во время проживания моего в скиту, по внешности еще принадлежа к раскольническому заблуждению, в одну ночь, спящу мне в покое на постели, услышал я ужасные громы и видел страшные молнии, отчего я сделался в преужасном страхе и трепете. И в таком положении будучи, я приникнул, будто бы в окно посмотреть, и увидел я весь воздух покрытым темными, даже черными облаками, и из них ревела ужасная буря, а в той — огонь и дым. И падали звезды с неба, и птицы, сраженные на полете внезапною смертью, валились на зем-

лю; а на земле люди, великое множество людей, бегали как помешанные и кричали:

— Горе, горе! Горе нам, грешным: Второе Пришествие Христово наступает!

Видя все эти ужасы и не терпя быть в покоях, я выбежал наружу к этим людям и между ними увидел некиих черных (думаю — демонов), опутывавших всех, кого я видел, толстой, как канат, веревкой; и черные эти влекли опутанных к какой-то высокой горе, в которой зияло, как пропасть, широкое и глубокое отверстие. Веревкой этой с прочими людьми захвачен был и я; и сколько я ни старался освободить себя от нее, сделать того не мог: когда я хотел перескочить через нее, она поднималась вверх, а когда я хотел подлезть снизу, — она опускалась до самой земли; и были все мои труды тщетны. И — увы мне, окаянному! — не мог я освободиться и с прочими был вовлечен в пропасть, в которой увидел великое множество связанных людей, черных и смрадных, лежащих на дне пропасти, стенящих и трясущихся. И спросил я некоего человека:

— Что это и какие это люди?

— Это, — ответил он мне, — грешники, осужденные на бесконечные муки. Здесь и твоя часть!

О Боже мой! Сколько же в то время о своей участи сожалел я и плакал, и в каком был я тогда ужасе — того не могу ни языком изъяснить, ни на сей хартии пером начертать.

Посем пробудился, имея очи исполненные слез и все чувства мои — трепетания.

Прошло с того видения без малого уже 60 лет, а оно стоит передо мною, как живое, до сего дня, почему и почитаю я его не за простой сон, а за некое чудесное откровение, данное мне для исправления грешной моей жизни».

16 сентября

Продолжаю рукопись о. Иоанна.

«Видение это, указавшее мне, что своими силами без помощи истинной Церкви мне, да и никому, спастись нельзя, укрепило меня в намерении скорее уйти из раскола.

Во все время пятилетнего моего, по возвращении со сбора, пребывания в Высоковском скиту я многократно вступал со своею раскольничечьею собратиею в беседы о православии Греко-Российской Церкви и об ее обрядах. В этих беседах я обнаруживал все заблуждение их, почему некоторые из них убеждены были совестью своею признаться в невежестве своем и заблуждении и тем оправдать истинность и святость Православной Церкви. А ожесточенные в расколе бедне гневахуся на мя за сие, скрежетаху зубами своими, называли еретиком и отступником от их православия и избирали удобное время попотчевать меня по-солдатски. Хотя я и знал их мысли, но не надеялся, что могло от них, яко от монашествующих и собратий, последовать для меня что-либо вредное. Более же обеспечивался я тем, что из числа братии некоторые уже защищали меня, да притом же и настоятель того скита поддерживал мою руку. Обаче, некоторое время спустя,

некоторые от братий, ревностно придерживавшихся раскола и злобствовавших на меня, нарочито собрались в казначейскую келью. Выпили они там несколько горячительного, позвали меня яко бы для дела и приказали сесть, а сами завели речь о Греко-Российской Церкви, о об ее обрядах и, по обыкновению их, стали произносить на нее разные клеветы и нестерпимые ругательства. И приступили они тут ко мне, и стали спрашивать, как я разумею о ней и согласен ли с мнением их. И на вопросы их я сказал им следующее:

— Для чего вы меня истязуете и хощете знать мнение мое, яко новое, о Церкви Святой? Известно вам всем, что я о сем пункте и прежде сего многократно говаривал с вами и доказывал. Да и ныне скажу, что Православная Греко-Российская Церковь свята и непорочна и обряды ее честны и приятия достойны, а ваше мнение и состояние порочно и душевредно. Да заградятся же уста глаголющих суетная и ложная на Церковь Христову!

И они, действительно, молчаша, а я продолжал:

— Отцы честные и братия! Побойтесь вы Бога и суда Его! Докудова будем спать, яко в нощи, в невежестве нашем? Вонмем и возстанем! Уже время пробудиться и при свете Евангельского светильника посмотреть на состояние нашего суеверия. Мне показывается ясным, яко основание веры нашей — не на твердом камени, а на песке, потому что во всех наших старообрядческих сектах не пред-

видится истинного пристанища, то есть Святыя Церкви, в коей любовь и согласие, каковых в скопищах наших нет, потому и Церкви не имеется. В Церкви должно быть Епископам, без которых Церковь существовать не может; а в старообрядческой мнимой не точию что епископов не имеется, но даже и священников правильных нет. Хотя и мнится им иметь некоторых якобы пастырей, но неправильных и безблагодатных, отлучившихся Святыя Церкви интереса ради или за какую-нибудь важную погрешность, из-за которой, избегая заслуженного наказания, они и приходят к старообрядцам. И таких-то законопреступников старообрядцы укрывают.

Услышав это, они закричали как сумасшедшие:

— Ах ты еретик! Как ты осмелился поносить благочестие пастырей наших, чрез которых мы, яко чрез Ангелов Божиих, надеемся спасение получить? Не потерпим более сего! Мы уже давно собирались за сие тебя попотчевать хорошенько; настало ныне то время: мы тебя поучим, чтобы ты о сем говорил покороче.

Итак, Иаковлевы дети, на брата своего, Иосифа, разъярившись, яко дивии звери, зубами своими заскрежетали, бросились на меня, схватили за волосы и ударили о помост. Они меня били, топтали ногами, сколько злости их было угодно; а иные из них, смотря на сие, смеялись и восклицали:

— Терпи, терпи, брате, да на успехи ти будет! Писано бо есть: «Аще приступаеши ра-

ботати Господеви, уготови душу твою во искушение». Ты ныне познал Православие, ну, так бы и говорил о нем покороче!

Благодарение премилосердому Богу — не оставил Он меня: нашлись из той же партии кое-кто подобродушнее и, сожалея обо мне, побежали дать знать о сем настоятелю скита, иноку Герасиму, который был для меня особо благодетельный отец и покровитель. Настоятель прибежал вскорости с другими братиями и едва мог исторгнуть меня из рук тиранских и скрыть меня от них в потаенное место. Они же, по таковом надо мною торжестве, напились, сколько могли, пьяные и, яко беснующиеся, кричали, бегали, искали меня повсюду, но, к счастью моему и их, не отыскали.

Через три дня после того, когда я оправился от побоев, настоятель выпроводил меня ночью из скита тихими стопами в деревню, называемую Высоково, отстоящую от того скита в трех верстах, а из Высокова на наемной подводе я был им отправлен в Нижний Новгород.

И решился я с того времени с означенными скитниками и с подобными им компаний более никаких не водить и совершенно присоединиться к Святой Церкви.

Но потчевание то голова моя, грудь и ребра чувствуют и доднесь.

Что же касается оскорбивших меня, то некоторые из них, напоследок раскаявшись, много сожалели о таковом поступке и, при содействии Божией благодати, придя в чувство, через год вместе с настоятелем своим присое-

динились к Греко-Российской Святой Православной Церкви. Ожесточенные же и пребывшие без раскаяния, те, яко прузи, разыдошася по разным Керженским скитам».

17 сентября

Скончавшийся в Господе иеросхимонах Иоанн, из записок которого я выписал себе для памяти наиболее интересное и назидательное, истинно великий был раб Божий и исповедник крепкий Православной веры, которой он и послужил даже до крови. Всю свою многотрудную, по присоединении к Святой Церкви, жизнь он посвятил борьбе с расколом и письменными своими трудами, и горячим словом убеждения. Мир святому праху трудника Божия! Присоединение к Православию целого раскольничьего Высоковского скита создалось едва ли не на мученической его крови: после истязаний его, понесенных им от высоковских изуверов, только год ведь прошел, как весь скит уже стал православным. Смирение его не допустило его в записках поставить в причинную зависимость эти два события, но имеющему уши слышати и очи видети связь событий этих почти очевидна.

За год до смерти о. Иоанна, под 13-м числом октября 1848 года, им записан виденный им знаменательный сон. Записан он дословно так:

«1848 года, октября 13-го числа, в нощи, во сне, представилось: будто бы я и премножество разного звания людей стояли во храме, украшенном святыми иконами. И пред Царски-

ми вратами, пред аналоем, в виде человека, по мнению моему, стоит будто бы Господь Иисус Христос. Он стоит и читает тихо книгу, в коей написаны были грехи, соделанные человеками. И я, зная премножество соделанных мною при жизни разных грехов и преступлений против Закона Божия, обличаемый совестью, стою в великом страхе и трепете, ожидая от Праведнейшего Судии конечного изречения и осуждения меня на бесконечное томление в адских темницах. А для ввержения туда грешников позади нас стояли демоны в виде человеческом, ожидавшие приказания для исполнения дела. Но, паче чаяния, неизвестно почему, такое осуждение оставлено было до другого времени... После такого видения я проснулся и долго был в ужасе, от которого даже почувствовал болезнь в себе».

В тех же записках отца Иоанна я нашел еще нечто, достойное благоговейного внимания. Нечто это — «Малая повесть об одной брянской монахине», записанная собственною рукою почившего Старца. Выписываю ее целиком.

МАЛАЯ ПОВЕСТЬ ОБ ОДНОЙ БРЯНСКОЙ МОНАХИНЕ

В декабре 1842 года был я по делам монастырским в г. Брянске Орловской губернии, и вздумалось мне пойти в тамошний девичий монастырь, где, отстояв утреню, в междучасие от утрени до обедни вышел я из церкви и сел на лавочке отдохнуть. Тут подошла ко мне одна

монахиня, по имени Евгения, которая должна была пономарить во время следующей Литургии, и спросила меня:

— Из какого вы, батюшка, монастыря?

Я ответил.

— Где вы были и куда путь держите?

— Был, — отвечаю, — в Кромах и других городах.

— Хорош был, — спрашивает, — сбор в Кромах?

— Плох, — отвечаю, — уж очень там, матушка, много ожесточенных раскольников.

Монахиня усмехнулась, а затем стала мне рассказывать:

«Я, батюшка, ведь и сама кромская — знаю хорошо город этот. Была я рождена и воспитана православными родителями, а замуж выдана за раскольника «перекрещенской» секты. По малоумию моему, меня уговорили, — особенно свекор, лютый враг Святой Церкви, — вступить в эту секту с исполнением их душепагубного обряда. В деревне Калчевой меня и перекрещивали. Когда стали меня погружать в кадушку, наполненную водою, я пришла в какой-то ужас и вдруг ощутила во всем теле необыкновенную немощь. В страхе нечаянно взглянула я вверх и вижу: от меня отлетел белый голубь, которого я и теперь, как сейчас, вижу. По мирской рассеянности я с течением времени об этом позабыла, но когда, попущением Божиим, в краях наших начала свирепствовать холера, которой и я не миновала, то тут я опомнилась от своего заблуждения.

Как схватила меня холера да стала корчить, тут и стала я просить Бога, чтобы Он открыл мне веру истинную, православную. Только не надеялась я тогда и ночь прожить... Когда стало мне уж очень плохо, выползла я, чрез великую силу, в кухню для того только, чтобы меня видели, как я помирать буду. Не чаяла я тогда в живых остаться... Только около полуночи я вдруг почувствовала облегчение и слышу голос:

— Евфросиния! присоединись к Церкви.

В миру меня Евфросинией звали... И было мне это, что я голос слышала, до трех раз. Поутру я почувствовала совершенную ослабу от болезни и стала рассказывать домашним, что со мною в ночи было. А свекор как взглянет на меня свирепым взором да как крикнет:

— Вишь, как дьявол ненавидит добра-то! — хочет перед смертью нарушить твое спокойствие.

Я опять от этих слов поколебалась; а к вечеру болезнь вернулась ко мне с сугубой силой.

Я опять выползла в кухню и опять явственно слышу тот же голос:

— Евфросиния! присоединись к Церкви.

Спала ли я или нет, когда слышала этот голос, — сказать не умею, но, кажется, не спала. Тут я уже в полном сознании в ответ на голос этот дала обещание присоединиться к Церкви, но в то же время мысль моя колебалась между решимостью моею и боязнью свекра с его ненавистью к Православной Церкви. Вдруг взор мой упал на какую-то икону Божией

Матери, которой, я знала, в кухне не было, и вижу я: наклоняется эта икона надо мною, и так до нескольких раз... Поутру опять болезнь моя от меня отступила.

Пришла ко мне в это утро племянница моя справляться о моем здоровье, а я совсем здорова, да и рассказываю ей, что со мною было. Схватила меня племянница за руки и стала усердно просить идти с нею в церковь... Сначала я было стала отговариваться, а потом поддалась на ее увещания и, хоть с неохотой, а все-таки решилась идти. Только вышла я с ней из дому в проулок, как вдруг слышу, посыпались откуда-то на меня страшные ругательства. Гляжу — какие-то странные люди везут на лошадях огромной толщины бревна и кладут мне их поперек дороги. Я перелезаю через них, а племянница с удивлением на меня смотрит и нечего не видит. Трудно мне было через эти бревна лазить, а все-таки, сопровождаемая ругательствами этих людей, я добралась-таки с племянницей до церкви, и, к великому моему изумлению, в церкви, на столпе, я вижу ту икону, которая ночью, в видении, несколько раз наклонялась надо мною.

И объята я была страхом великим и радостью пресладкою.

Отстояла я Божественную литургию; прихожу домой, а муж мой и спрашивает меня:

— Где была?

Я и рассказала ему все по порядку, что со мною было, и как изыскал меня Господь Своею милостию.

Выслушал меня муж со вниманием да и говорит:

— Не препятствую я тебе в добром деле.

Наутро собралась я к заутрени, а свекор свирепо так на меня глядит и спрашивает:

— Ты это куда?

А муж за меня отвечает:

— Батюшка! К заутрени жена идет; вы ей не препятствуйте — она присоединилась к Святой Церкви.

Аж зарычал свекор мой, но делать было, видно, нечего: поздно схватился — дело было сделано. А вслед за этим подкосила моего свекра коса смертная, и так и умер он в своем закоснении. Умер вскорости тут и муж мой, но его Господь перед смертью удостоил присоединиться к Православию. И осталась я вдовою с двумя малолетними детьми — сыном и дочерью. Отдала я сына в Брянск к хозяину, а он, немного поживши, угорел в бане да и помер. Пришла я в Брянск поминать сына, зашла в девичий монастырь да тут и осталась и дочь свою с собою прихватила — слава тебе, Господи!»

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

С любовью и радостью выписал я себе для назидания эти истинные события из жития блаженныя памяти старца иеросхимонаха Иоанна. Молитвами его святыми да управит и мой путь к вечности всещедрый Податель благ вечных, в Троице славимый Господь наш!..

20 сентября

О СЛАБОМ И НЕСОВЕРШЕННОМ ОБРАЩЕНИИ К БОГУ

Люди, удалившиеся от Бога, думают, что они опять приблизились к Нему, коль скоро несколько стали приближаться к Нему. Самые образованные, самые просвещенные люди часто находятся в таком грубом заблуждении касательно этого предмета. Если простолюдин, которому удавалось бы часто видеть Царя на улице, возомнил бы себе, что он тем самым уже находится при дворе в числе царских приближенных, то заблуждение его ничем бы не отличалось от вышеуказанного. Люди, несовершенно обращающиеся к Богу, обыкновенно оставляют грубые пороки, но продолжают вести жизнь, хотя и менее порочную, но все же мирскую жизнь, исполненную рассеянности. Они судят о себе сравнением своей настоящей жизни с прошедшею, а не по Евангелию, которое должно быть единственным основанием суждения. Люди эти почитают себя праведными и засыпают глубоким сном беспечности, не заботясь более о своем спасении. Такое состояние может быть опаснее явно развратной жизни. Развратная жизнь может возмутить и пробудить дремлющую совесть, возродить расположенность к вере и побудить к великим усилиям приобретать спасение. Несовершенное же, поверхностное и внешнее обращение к Богу только заглушает спасительный голос совести, водворяет и утвер-

ждает в сердце ложное спокойствие и соделывает неисцелимыми внутренние душевные болезни.

Человек, несовершенно обратившийся к Богу, обыкновенно говорит: «Я раскаялся перед духовным отцом во всех слабостях моей прошедшей жизни; я читаю хорошие книги; хожу к Богослужению, молюсь Богу и, кажется, искренним сердцем избегаю грубых, по крайней мере, пороков; но я признаюсь, что не чувствую себя способным жить так, как бы я совсем не принадлежал к міру, и не могу прервать моих отношений к нему. Религия была бы слишком строга, если бы она запрещала такие связи с міром, которые, по моему мнению, не заключают в себе ничего предосудительного. Все утонченности, которые ныне предлагают в деле благочестия, идут так далеко, так они требовательны, что ими можно человека скорее привести в малодушие и ослабить его деятельность, нежели возродить в нем любовь к добру». Таково рассуждение христианина, который хотел бы получить рай за самую дешевую цену, который не хочет вдуматься, чем человек одолжен Богу и какою дорогою ценою приобретается вечное блаженство теми, кто его получает. Такой человек далек от совершенного, истинного обращения к Богу: он не знает ни важности, ни обширности Закона Божия, ни обязанностей покаяния. Хотелось бы ему, чтобы нравственное Евангельское учение позволяло некоторые дела, приятные для нашего самолюбия. Но Евангелие свято и неизменяемо; все люди будут судимы по его заповедям.

Слабый и беспечный христианин! Оставь ложные умствования и прими себе в руководители Евангелие: оно покажет тебе истину и научит следовать ей.

О НЕОБХОДИМОМ УСЛОВИИ К ПОЛУЧЕНИЮ ДУХА СВЯТАГО

«Отец иже на небеси даст Духа просящим у Него». Дух Святый есть Дух истины. Он руководит человека к духовному совершенству. Напротив, дух злобы, дух міра и дух нашего собственного самолюбия есть дух обмана и заблуждения: он удаляет человека от истинного блага. Если мы хотим быть свободны от влияния на нас духа злобы и духа міра, если мы желаем руководиться единственно Духом Божиим, то отречемся от духа самолюбия, совлечемся похотей плоти и облечемся в правду и святость воли Божией. Отвергнем суетную мудрость ума нашего и последуем единственно Премудрости Божией; не будем обоготворять кумира самолюбия нашего, подобно красивой, но преданной міру женщине, которая боготворит кумир лица своего. Сердцем будем подобны младенцам, чтобы иметь простоту веры, чистоту и невинность нравов, чтобы чувствовать ужас греха и не стыдиться унижения и святого юродства крестного, которое есть сила и Божья премудрость.

21 октября

Пяток. Пополудни в 8 часов вечера неожиданно прибыл в монастырь наш о. Наместник

Троице-Сергиевой Лавры, архимандрит и кавалер Антоний с Малоярославским о. игуменом Антонием[1].

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

22 октября

Храмовой праздник явленныя иконы Богоматери Казанския. Божественную службу совершал отец игумен М. соборне. Высокие гости — о. архимандрит Антоний с о. игуменом Антонием утром посетили все монастырские службы: братскую трапезу, хлебопекарню, рухольную и проч., потом слушали позднюю Литургию. Трапезовали обще с братией. О. архимандрит Антоний, по смирению своему, не согласился в трапезе сесть на приготовленном стуле возле настоятеля, но сидел вместе с братиею, почитая себя странником и ничтоже глаголаше.

Пополудни, в 3 часа о. Наместник с о. игуменом Антонием отправились в Скит, посетили скитоначальника, о. М., церковь и прочие в Скиту места.

---

[1]Не из числа обыкновенных смертных были эти оба посетителя: Наместник Лавры Архимандрит Антоний и Малоярославский игумен Антоний. Первый был близок к преподобному Серафиму и к великому Митрополиту Московскому Филарету; второй— родной брат великого Оптинского игумена (впоследствии архимандрита) Моисея и Саровского игумена Исаии, отличался великим подвигом личной духовной жизни. Оба были яркими представителями духовной силы истинного монашества первой половины XIX века.

23 октября. Воскресенье

О. Наместник с о. игуменом Антонием паки отправились в Скит к обедне в 7 часов утра и до 11 часов время проводили в духовной беседе со скитоначальником, старцем о. М. Оттуда все трое прибыли в обитель к настоятелю отцу игумену М. и трапезовали четверо. Отец Наместник при трапезе, казалось, более насыщал-питал своею любвеобильною смиренномудрою беседою души слушающих, нежели пища — тело: так он сладкоглаголив, что, слушая его, не почувствуешь усталости и в целые сутки.

Пополудни в 3 часа паки о. Наместник с о. игуменом Антонием отправились в Скит; отправили панихиду в скитской церкви по иеросхимонахе Иоанне и прочих почивших старцах, записанных о. Наместником, и вновь продолжали беседу с о. скитоначальником, о. М. о душевной пользе. Вечером же в настоятельских келлиях продолжали духовную беседу до 12 часов ночи.

24 октября. Понедельник

О. Наместник и старцы были у ранней Литургии, после которой назначен отъезд из обители. Беседуя в последний раз в настоятельских келлиях, о. Наместник сказал:

— Время, старцы Божии, расстаться нам!

Трогательны были минуты прощания их. О. Наместник прочитал молитвы с отпуском на путешествие; все четверо поверглись смиренно друг другу в ноги, плакали и просили взаимных молитв друг о друге.

До монастырского парома шли все пеши. На берегу, простившись со старцем о. М., убедили его не входить в паром, опасаясь для него простуды, ибо он, забыв свою недавнюю болезнь и старость, провожал легко одетый. Когда паром двинулся от берега, о. Наместник сказал с поклонением старцу о. М., стоявшему на берегу:

— Простите, батюшка отец М., перекрестите нас!

Батюшка в свою очередь поклонился и, смиренно повинуясь, осенил знамением крестным плывших на пароме и сказал:

— Не пойду, пока не увижу благополучной переправы вашей.

Когда же паром пристал к другому берегу, старец о. М. сказал:

— Теперь радуюсь, видя благополучно достигших берега. Благословите же и меня, о. архимандрит!

Повинуясь Старцу, и о. Наместник сделал на Старца знамение креста и умиленно сказал:

— Буди с вами благословение Божие. Простите, батюшка, и помолитесь.

И оба они на разных берегах низко поклонились друг другу.

О. игумен М. провожал о. Наместника с о. игуменом Антонием до сельца Кожемякина за 20 верст от обители, где посетили помещика, Николая Ивановича Хлюстина, который нарочито приезжал в нашу обитель и убедительно просил заехать к нему в дом. Там расстались и с о. игуменом М., который возвратился в монас-

тырь в 9-м часу вечера; а о. Наместник с о. игуменом Антонием отправились до Перемышля на обительских лошадях; из Перемышля же того же вечера, в 8 часов, отправились в Калугу, поспешая из опасения осенней ненастной погоды.

Посещение достоуважаемого о. архимандрита Антония, изъявленное им архипастырское благословение высокопреосвященнейшего Филарета, Митрополита Московского и доставленные неоцененные дары на благословение монастырю и Скиту пребудут неизгладимо в памяти. Трогательно видеть обращение между собою таких соединенных духовным союзом любви о Христе мужей; еще более назидательно и утешительно было слушать духовную их друг с другом беседу.

Вот как о сем посещении выразился батюшка, старец наш, о. М. в письме от 25 октября к знакомым.

«Все эти дни мы были в приятных хлопотах: в пятницу вечером, то есть 21-го числа, утешили нас своим посещением почтенно-любезные гости — Лаврский Наместник, о. архимандрит Антоний с Малоярославским игуменом о. Антонием. Ласковому, приятному его обращению с нами, убогими, а паче со мною, ничтоже стоющим, надо было удивляться. Кажется, он любовию дышал, что все выражалось умиленными его чувствами. Всякое слово его любвеобильной беседы запечатлевалось в сердцах наших, а описать оные тупое мое перо с таким же умом не имеет способности. Награ-

дил Скит наш святынею и еще обещал прислать. С каким благоговением принял рукоделие Скита нашего — ложечки и точеные штучки — надо было удивляться! И хотел представить оные Митрополиту. Ну, словом, оставил память и пример нелестной любви и смирения. Что можем воздать ему? Токмо в благодарном сердце сохранить сие чувство и молить Господа простым словом: спаси его, Господи!»

1-го Ноября

О ТЕРПЕНИИ В БЕДСТВИЯХ

Спаситель сказал: «В терпении вашем стяжите души ваша». Человек, не желающий охотно переносить несчастий жизни этой, не имеет власти над собою: он, так сказать, бежит от самого себя. Но человек, охотно и без роптания переносящий бедствия, посылаемые Провидением, находится в мире с самим собою и Богом. Быть малодушным и нетерпеливым значит желать того, чего не имеем, желать свободы от всякого зла, совершенно несообразной со свойством ограниченной природы человеческой, или значит не желать того, что имеем, не желать пользоваться силами, данными нам для перенесения несчастий. Малодушие и нетерпение показывают, что человек увлекается страстями сердца своего, которых обуздать не может ни разум, ни вера. Несчастие, которое терпит человек, перестает быть несчастием, если он терпит его охотно и со смирением. Для чего же нетерпением и ропотом из мнимого зла сделать

себе зло истинное? Внутреннее спокойствие находится не в чувствах, а в воле. Оно нимало не нарушается и самою сильною горестию, если воля остается твердою, спокойною и покорною Промыслу.

Слыша ропот и негодование человека, находящегося в несчастии, можно подумать, что он самый невинный в міре, что весьма несправедливо не позволено ему быть в раю земном. Но пусть он вспомнит все грехи свои перед Богом, пусть основательно размыслит о глубине своего развращения, о своем недостоинстве пред Богом; тогда он, без сомнения, согласится, что Правосудие Божие имело причины наказать его несчастием. Тогда вместе с блудным сыном в глубоком смирении скажет он: «Согреших на небо и пред Тобою! Я знаю, чем должен я Твоему правосудию, но мое сердце неспособно дать Тебе удовлетворение. Ежели бы Ты простил мне преступления Закона Твоего, мое сердце не почувствовало бы благодарности к Тебе: оно более бы удалилось от Тебя. Но Твоя милосердая Десница сама исполняет надо мною то, чего исполнить я сам никогда не был бы в состоянии: она поражает меня, будучи побуждена к тому Твоею благостию; поражает, дабы исцелить мои душевные раны. Дай мне силу переносить терпеливо Твои спасительные удары! Грешник должен с благодарностью принимать от Тебя их, как способ возвращения к Тебе, которого избрать он сам не имел бы ни мудрости, ни силы. Твое милосердие ко мне, сыну погибели, пригвоздило некогда ко кресту

Единородного сына Твоего и соделало Его Мужем болезней... Пусть же страдальческий образ Его показывает мне непрестанно, что я должен более страшиться мучений вечных, нежели мучений, уготовляющих мне вечное Царствие с Сыном Твоим...»

Образцом терпения всяких скорбей, даже до скорби смертной, были всегда для нас наши великие старцы. Таким крестоносцем терпения был и старец Леонид, в схиме Лев, отшедший ко Господу в монастыре нашем 11 октября 1841 года, с небольшим, стало быть, семь лет тому назад. Я жил при его старчествовании в обители нашей более десяти лет. Вся жизнь этого великого Старца была скорбь и гонение; по неисповедимым путям Божественного Промысла проходя в мір горний вечного радования, он и перед самым исходом души своей из тела призван был потерпеть тяжкие страдания. У меня сохранилось письмо одного из ближайших учеников его, строителя Тихоновской пустыни, Геронтия, к одной боголюбивой особе, и в письме этом изображена кончина этого «до конца претерпевшего» подвижника веры Христовой.

«Предчувствуя, — так пишет Геронтий, — скорое скончание свое и отшествие к Богу, батюшка, в бытность в нашей обители, сказал:

— Не увижу я, видно, трапезу новую...

В то время, за благословением его, она начала строиться.

Мы же ответили:

— Может, Господь и продлит вашу жизнь и нас утешит?

Но он ответил:

— Нет, едва ли до зимы проживу; уж я отъездился к вам и не буду здесь больше.

И давал конечное решение в недоумениях.

Одному князю московскому (имени его не могу означить) говорил:

— Поживи, если хочешь, до ноября и схоронишь меня.

Но ему так удивительны показались эти слова, что он не решился остаться. Когда же дошло до него известие о кончине батюшки, то он сбывчивости его слов весьма удивился и писал: «Неужели сей светильник получил скончание дней своих?» — о чем и послано было к нему уверительное известие.

В первых числах сентября начал батюшка ослабевать здоровьем, но до 15-го числа еще ходил по келье, а в праздник Рождества Богородицы и Воздвижения Честнаго Креста Господня, на всенощном бдении, которое по болезни его служили у него в келье, во время положенное сам кадил, но был поддерживаем и пел по силе своей величание. 16-го числа, по своему желанию, был особорован св. елеем при множестве братий, любивших его, куда я нечаянно подоспел со своими сотрудниками — о. Сергием, о. Михаилом и о. Ефремом. И удивительно нам было смотреть, отчего такое большое стечение братий, ибо никому не сказывали и хотели тайно от всех, кроме священных особ и им сослужащих, сие исполнить. Это было желание самого батюшки нашего. От сего дня более начал он готовиться к общему долгу —

смертному часу и при прошении молитв от приходящих братий утешал их своим благословением; иному притом давал книгу, иному — образ и никого не оставлял без утешения. В 28-й день сентября, по его желанию, был сообщен Св. Христовых Таин и над ним был пропет канон исходный. Это удивительно было и ужасно всем. Размысля в себе скорое свое сиротство, начали братия просить его, дабы не оставлял их в скорби. Он же, слыша сие и видя, возмутился духом и, мало прослезившись, сказал:

— Дети! Если у Господа стяжу дерзновение, всех вас приму к себе. Я вас вручаю Господу: Он вам поможет течение сие скончать, только вы к Нему прибегайте — и сохранит Он вас от всех искушений. А о сем не смущайтесь, что канон пропели: может быть, и еще раз шесть или семь пропоете.

Что и случилось на самом деле, ибо по его слабости канон сей пели от 28 сентября до 11 октября восемь раз и двенадцать раз сообщали его Св. Христовых Таин. Пищи же никакой не мог вкушать!

От 28-го сего сентября начал более ослабевать силами, а 6 октября не стал уже и вставать, но на смертном одре лежа, взывал умиленным гласом:

— О Вседержителю, о Искупителю, о Премилосердый Господи! Ты видишь мою болезнь: уже не могу более терпеть — приими дух мой в мире!

А потом:

— Господи, в руце Твои предаю дух мой!

А после сих произношений непрестанно взывал и к Божией Матери, преблагословенной Богородице, прося от Нее помощи. К приходящим же отцам и братиям говорил:

— Помолитесь, чтобы Господь скорее сократил жизнь мою!

Но потом, паки повинуясь воле Божией и возлагая себя на Его Промысл, взывал:

— Господи! да будет воля Твоя и, якоже Тебе угодно, тако сотвори.

И так продолжал подвиг свой до утра 11-го числа.

Утром же 11 октября в 20 минут 10-го часа начал креститься и говорить:

— Слава Богу! слава Богу!

И, сказавши много раз эти слова, помолчал мало и обступившим его потом сказал:

— Через час милость Божия на мне будет.

И через час с того времени, как сказал это, начал более веселиться духом и радоваться сердцем и хотя в трудах болезни, но, уповая на будущее воздаяние, не мог скрыть лица, которое все более и более стало светлеть. Когда приблизился вечер и заблаговестили к вечерне, он, услышав звон, приказал читать вечерню и слушал оную, а каноны велел оставить. Сам же начал говорить:

— Слава Богу, слава Богу!.. Слава Тебе, Господи!

И богомудро, великою пользою исполненные давал вопрошающим его ответы. Простясь со всеми, послал нас ужинать, оставив при себе только одного брата, который, заметивши его

редкое дыхание и быстрый взор на икону Пресвятыя Богородицы, в ту же минуту позвал нас; но уже батюшка перестал говорить. Мы, видя его кончину, прослезились. Но он, посмотревши на нас, перекрестил сам себя, а потом, сложив руку, благословил ясно всех нас предстоявших и опять взглянул на икону Божией Матери, как будто просил о нас заступиться. После сего закрыл глаза и отошел в Небесные Селения в 7 часов и 20 минут вечера 12-го числа октября.

По кончине батюшки нашего приближенные Старца и братия начали советоваться, где погребсти его тело, и у всех явилось желание положить его в монастыре против придела св. Николая Чудотворца Введенской церкви, и предложили о сем игумену, на что он изъявил согласие. Удивления достойно, как при сем сбылись слова батюшки, которые мы, однако, припомнили уже после похорон: он еще при жизни своей, как бы шутя, уговаривался с находившимся в монастыре, где он старчествовал, Алексеем Ивановичем Желябужским, скончавшимся там же в июне, и говорил ему:

— Старец! мы с тобою рядышком ляжем и бок с боком.

Так и лег с ним рядом.

Достойно еще удивления, что тело батюшки, находясь во гробе до третьего дня, согрело всю одежду и даже немного доску гроба; ручки же его были весьма мягки и имели особенную белизну. Между тем он, бывши больным, имел и руки, и все тело холодными и многим любящим его говорил:

— Когда получу милость Божию, то тело мое согреется гораздо теплее.

Это мы и увидали на самом деле. Особливо же о сем говорил батюшка своему ближайшему и любимому келейнику, Иакову.

При погребении народу было множество, как в великий праздник, и по любви к Старцу его тело целовали со слезами и прощались непрерывно четыре часа.

Такова награда от Бога еще здесь, на земле, богоугодному терпению. Какова же она там, на Небе?!

9 ноября

2 марта, в среду Св. Четыредесятницы, — отмечено в моих черновиках, — выбыл из нашего монастыря г. Пороховщиков Иван Александрович, поступивший прошлого, 1848 года, в октябре месяце из отставных поручиков. Он все время пребывания у нас занимался чертежами, снятием копий с планов и фасадов монастырских зданий и также с натуры.

Замечательно происхождение его и не менее замечательна его судьба.

Родился он в Албании в 1803 году от отца турка-магометанина и матери гречанки. Отец Пороховщикова, по имени Али, был берейтором и с посланником турецким прибыл в Петербург при Императоре Павле. Понравился Али Императору и убежден был остаться при Дворе. Потом он принял христианскую веру, и при крещении ему дали имя Александр. Он служил и при Императоре Александре I, занимая дол-

жность метрдотеля, и за границею был безотлучно при Государе. На службе царской он заслужил должность коллежского асессора, вступил во второй брак и скончался при Дворе Императора Николая Павловича в 1827 году в Москве, где и погребен в Донском монастыре, оставив по себе наследство сыну — 40 душ крестьян в Московской губернии. Сын его, Иван Александрович, оставался в Албании у деда своего. Осиротевши от матери, он был привезен в Петербург восьми лет и помещен в число сирот, покровительствованных Императрицею Мариею Феодоровною, и был окрещен в христианскую веру. По смерти Государыни его воспитывала фрейлина княжна Горчакова, а потом — графиня Строганова; воспитывали по-княжески, и он был любим ими. Судьба готовила ему, казалось, обширные богатства и связи, но он ими не умел воспользоваться. Строганова уехала за границу, а Иван Александрович был передан в Петербургский Императорский театр. У него открылись таланты, и он восемнадцати лет от роду был выпущен на сцену. Актер, музыкант, танцмейстер, он в то же время записан был в кавалерийский полк, бывши при театре, получил чин военный. По смерти Императора Александра I, Император Николай, увидав в поданном списке в числе актеров прапорщика Пороховщикова, потребовал его на лицо и спросил, почему он не находится при полку. Пороховщиков ответил, что он этого давно желает (театр ему уже тяжел становился), но директор театра доложил, что Пороховщиков

находится при театре по воле покойного Государя и что на представляемые Пороховщиковым пьесы нет другого способного актера.

При открывшейся в 1829 году войне с турками Пороховщиков выпросился у Императора из театра в полк и был прикомандирован к Генеральному штабу за границу в действующую армию, при Дибиче; был в сражениях; затем воевал с поляками и находился при взятии Варшавы.

По окончании войны он в 1837 году вышел в отставку поручиком и поступил музыкантом в Придворную певческую капеллу, но за самовольное вступление в брак удален из нее в 1842 году. Это-то и было началом его падения на счастливой дороге его жизни. Из Петербурга он вынужден был отправиться с женою в Харьков. Здесь, как и везде, он в качестве знатока своего дела мог получать хорошие доходы и жить безбедно, но супруга его, привыкшая щеголять по Петербургу и обладавшая, кроме того, иными непохвальными качествами, расстроила его семейную жизнь. Он дрался за нее на дуэли и затем оставил ее. После того он жил в домах многих богатых помещиков, обучал их детей танцам, игре на фортепиано, на скрипке и других инструментах; обучал хоры музыкантов известных помещиков Калужской губернии — Клушина, теперешнего вице-губернатора, Домогацкого, Смагина, Толмачева, Толубеева и др. Получал он за это в год до 7 тысяч, но для него одного и этого не доставало. Оставив супругу, он заглушал горе свое хмельными

напитками и мотовством, ожесточаясь сердцем против всего человечества. К религии он стал совершенно равнодушен; поста, как он сам сознавался, никогда не знал во всей своей жизни и более 29 лет не приобщался Св. Таин. Наконец, в августе 1848 года, бывши с товарищем своим на Макарьевской ярмарке по своим танцевальным и музыкальным занятиям, он заболел жестокою холерою. Смерть устрашила его, и он вознамерился, если останется жив, исправить свою жизнь, принуждаемый к тому еще и недостатком во всем. От холеры он выздоровел, но оглох до того, что ему надо было кричать над самым ухом. Кое-как расплатившись за постой в гостинице последними своими вещами, платьем, продав даже свою скрипку за полцены (стоила 1500 рублей, а отдал за 800 рублей), он в крайней нужде едва добрался до нашей обители, о которой он прежде, проживая в Калужской губернии, слышал много доброго. Не имея надежды исправить свою жизнь в мирских домах, он остался у нас в монастыре; надел монастырское послушническое платье, по силе своей трудился при общих послушаниях в поварне, а днем занимался чертежами. В Филиппов пост готовился и удостоился приобщиться Св. Таин, после чего от этого дара Божией благодати совершенно успокоился духом. В день Причащения он с радостнейшими слезами говорил:

— Теперь я опять сделался сыном Церкви.

Назидательно было слышать прямое и откровенное сознание его в отчуждении от всякого религиозного чувства. В монастыре ему

открылось многое, чего он не мог познавать в суете міра.

Г. Пороховщиков росту небольшого; волосы черные; образ лица круглый, турецкий; характер пылкий, как у азиатца, но добрый, сострадательный и благодарный; а с нуждающимся он готов делиться последним. Он умен и хорошо образован; говорит на языках: французском, турецком, татарском, греческом и молдаванском.

Почувствовав облегчение в своей совести и утвердившись в благих начинаниях, Пороховщиков объяснил о. Игумену, что он, как обязанный семейною жизнью, теперь намерен отправиться в Москву.

Добровольно переоделся в мирское платье и отправился с благословением из обители сей.

Во все время своего пребывания в обители вел себя скромно и мирно со всеми.

10 ноября

ПОЧЕМУ ОДНИ УМИРАЮТ ВНЕЗАПНОЮ СМЕРТЬЮ БЕЗ ПОКАЯНИЯ, А ИНЫЕ ДОЛГО БОЛЕЮТ?

Такой вопрос предлагает себе человеческое сердце, поражаемое видом разнообразной смерти, собирающей свою беспрерывную жатву в этом многоболезненном міре. Ум человеческий на этот вопрос ответа не дает и дать не может. Но вот что некогда было открыто Духом Святым чрез блаженного Нифонта преподобному Григорию о некоторых тайнах смерти и жизни.

— Отец святой! Почему, скажи мне, так не равна бывает смерть людям, что одни долго перед смертью страдают и болеют, а другие умирают скоропостижно? — спросил преподобный Григорий блаженного Нифонта, епископа кипрского города Констанции.

Отвечал блаженный Нифонт:

— Сын мой Григорий! послушай, что о внезапно и без покаяния умирающих говорит Священное Писание: «И низложил еси я, внегда разгордешася». Так наказуется только гордость, грех диавола: повинные этому греху так и умирают. Кто страдает пред смертью продолжительною и тяжелою болезнью, тот, хотя бы и одержим был всякими страстями, конец своей жизни пред переходом в вечность проводит в продолжительном и добром покаянии. Господь исцеляет только сокрушенных сердцем, принимая их сердечное сокрушение в объятия Свои, ибо никто из праведных не может без скорби окончить дней своих. Нам ли, грешным, не дано будет такого искушения ради очищения многих наших скверн, если Господь и самого апостола Павла не пощадил, но дал ему в плоть «пакостника плоти», чтобы не превозносился апостол Господень обилием высших дарований благодати Святаго Духа? Пример праведного Иова, на которого сатана испросил навести искушение, пусть вразумит нас и болезнью смирит, чтобы научиться нам смиренномудрию. Человеческая злоба наша так трудно подчиняется врачеванию, что нам мало грешить самим, мы еще и тщеславимся и осуждаем, а не слышим Госпо-

да, говорящего нам: «Что высоко у людей, то мерзость пред Господом».

ПОЧЕМУ МЛАДЕНЦЫ ТЯЖЕЛО СТРАДАЮТ И БОЛЕЗНЕННО УМИРАЮТ? ПОЧЕМУ ГОСПОДЬ ИХ РАНО ОТ НАС ВОСХИЩАЕТ?

Об этом спросил тоже преподобный Григорий блаженного Нифонта, говоря:

— Вот и еще, отец мой, вижу, что в лютых болезнях страждут младенцы; какой грех сотворили они? Как понять, за что низлагает их Бог?

Отвечал блаженный:

— Когда умножаются грехи человеческие и уже неисцельна становится злоба людская, тогда Господь восхищает к Себе детей их и посылает на них многочисленные и тяжкие болезни, чтобы этим уцеломудрить их родителей. Видя мучения детей своих, греха не сотворших, не устрашатся ли и не обратятся ли они сами на покаяние? Не воскликнут ли они: «Горе нам, грешным, что за наши беззакония мучатся незлобивые младенцы! Что же будет нам, окаянным, в страшный день Второго Пришествия Господня?» И если, видевши то, родители не исправятся, но пребудут в прежнем нечестии, то подвергнутся еще большей страшной муке, потому что наказаны были и не уразумели. Детям же, здесь пострадавшим и мученным ради обращения к покаянию родителей, возда-

дутся Господом венцы и почести в веке бесконечной жизни.

— Но, отец святой! — сказал на это преподобный Григорий блаженному Нифонту, — ведь в Писании сказано, что каждый по делам своим приемлет, но не сказано — за грехи другого.

Отвечал блаженный Нифонт:

— Милосердый Господь видит окаменение человеческого сердца и неразумие, ибо многие, живущие в міре, подъемля на себя труды великие ради тщеславия, на Бога ропщут и в печали своей даже смерть призывают, а в грехах своих не каются и о душах своих попечения не имеют. По этой-то причине Господь наказывает как детей, так и самих родителей различными бедами, чтобы болезнью детей очистить родительские беззакония и возбудить самих родителей к принесению покаяния и тем оправдать их на Страшном Суде Своем. Итак, сын мой, знай, что младенцы без греха страдают для того, чтобы им за напрасную их смерть получить жизнь нетленную, а родителям их удостоиться за их страдания целомудрия истинного покаяния.

И подивился такому толкованию преподобный Григорий, и сказал:

— Многих вопрошал я о сем и не мог уразуметь истины. Теперь же воистину разумею, что твоими устами, честной отец, Сам Дух Святый даровал мне извещение.

На это отвечал ему блаженный Нифонт:

— Нет, брат, нет! В моей душе нет ни одного дела доброго, нет и в устах моих ни одного

полезного слова, только одна скверна и мерзость. Но в тебе — вера о Господе неоскудная и ты меня, грешного, вопрошал с такою искренностью, желая познать истину, что Бог, не желая оскорбить веры благой души твоей, по вере твоей и дал тебе, сын мой Григорий!

Удивился Григорий смирению святого и сказал:

— О раб благий Господа! раб возлюбленный и верный! Всякий целомудренный ум, и чистое сердце, и помысл немятежный, и сердце чистое получит освящение от Святаго Духа и Духом Святым от сияния Его подает просвещение находящимся во тьме.

ВОЗВЕЩЕНИЕ БЛАЖЕННОГО НИФОНТА ТОМУ ЖЕ ПРЕПОДОБНОМУ ГРИГОРИЮ О ТОМ, ЧТО СВЯТЫЕ БУДУТ И В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ, НО БУДУТ СОКРОВЕННЫ ОТ ЛЮДЕЙ, ПОДВИЗАЯСЬ ВТАЙНЕ

— Еще спрошу тебя, отец! — так говорил блаженному преподобный Григорий, — открой мне: есть ли еще на всей земле святые Божии подвижники, которые бы, сияя добродетелью, как Ангелы, были подобны Антонию Великому, Иллариону, Павлу и другим многим, явным и тайным, ихже знает только Бог Один?

И отвечал блаженный:

— Сын мой! до скончания века не оскудеют святые, но в последние годы скроются от людей и будут угождать Богу в таком смирен-

номудрии, что явятся в Царстве Небесном выше первых чудоносных Отцов. А такая награда им будет за то, что в те дни не будет пред очами их никого, кто бы творил чудеса, и люди сами от себя восприимут усердие и страх Божий в сердцах своих, ибо в то время и чин архиерейский неискусен будет и не станет любить премудрости и разума, а будет заботиться только о корысти. Подобны им и иноки будут от обладания большими имениями; от суетной же славы помрачатся душевные их очи, и будут у них в пренебрежении любящие Бога всем сердцем; сребролюбие же в них будет царствовать со всею силою. Но горе инокам, любящим злато: не узрят они Лица Божия! Чернец и белец, дающие золото в рост, если не отстанут вскоре от этого зла, лихоимцами и здесь назовутся, и молитва их принята не будет, и пост без пользы, и приношение жертвы Богу, и милостыня — все вменится им в мерзость и осквернение. По широкому пути пойдут они... Но я не хочу много говорить о них, ибо и сам я от юности и до старости не попекся о своем спасении.

Знай же, что умножится всякая злоба от неведения Писания.

<>

И уже умножилась теперь «всякая злоба», переполняя едва ли не до краев чашу гнева Господня. Еще у нас в Православной России Бог пока грехам терпит, но надолго ли? У нас еще в благословенной тишине святой обители — слава Богу — все, за молитвы наших стар-

цев, тихо, мирно; но и в наше уединение нет-нет, да проникнет молва из внешнего міра; и свидетельствует молва эта о том, что умножаются и у нас, на Руси, беззакония міра, и что все теснее и теснее становится верующему сердцу жить на белом свете, угрожающем стать тьмою.

Одному такому сердцу, трепещущему в тисках умножающейся неправды, в ответ на письмо его, отец игумен А., близкий по духу нашей обители, писал так:

«Вы недовольны окружающим вас міром; и я — также. Но вы ищете здесь чего-то, а я знаю и верую, что Царство Христово не от міра сего, ожидаю и правды, и совершенства в будущей жизни. Несчастен человек, если он здесь, на земле, станет искать и покоя, и правды, здесь, где осуждена и распята Истина. Вы спрашиваете: где же милосердие? Но я спрошу вас: можно ли и *должно ли* быть милосердым к тем существам, которые тысячи лет бьют, и терзают, и клевещут, и обманывают друг друга? Надобно еще удивляться милосердию Правителя міра, что солнце, луна и звезды доселе совершают свой порядок и что земля дает плоды к насыщению ненасытного, алчного, кровожадного человека. Кто отстранит себя от соучастия в людских неправдах (отстранит по возможности, ибо вполне этого нельзя сделать), тот познает в самом себе и правду, и милосердие Божие; тот во всех превратностях жизни будет выше всех испытаний и внутреннего своего человека не преклонит ни за что и

ни перед кем из подлой корысти и даже самосохранения. Я знал до *пяти* человек (не более) в жизни моей шестидесятилетней, которые были блаженны в этом міре скорбей и, лишенные всего, даже крова и насущного хлеба, не заботясь вовсе об этом дневном подкреплении, ходили по міру, как вольные птицы, и совершенно предали себя в волю Божию. Два из них были из купцов, и притом богатых: один — Зиновьев, скончавшийся восьмидесяти с лишком лет на Валааме; другой — Лосев, двадцать лет юродствовавший и утопленный в 1847 году за правду. О трех остальных говорить долго. Кто сам будет милосерд к другим и строг к себе, тот познает и милосердие Божие и в душе своей ощутит радость и блаженство, что все блага, и покой, и удачи этого міра не возьмет за свою *горькую* слезу о бедном и падшем человечестве. Самые скорби и слезы его души праведны и будут греть, а не терзать его душу; он *без слов*, одним появлением своим доставит несчастливцу мир и некоторое облегчение. Не проклятия и запросы к правосудию Божию услышатся от него, а только одно теплое желание отдать самого себя за ближнего. Любовь ко всему міру — от последнего животного, от бедной мыши до грешного человека — ощутит он в себе; вот где — совершенство!

Простите. Вот мои понятия, если и неудовлетворительные, то *опытные*. Скажу, что здесь христианин всегда найдет и радость, и дело, и мир душевный, если полюбит ближнего любовью Евангельской. Но для этого он должен прой-

ти множество испытаний. Эту тяжкую науку желал бы я лучше познать, нежели еврейские и эллинские слова даже о Имени Непостижимого: в них легко ошибиться, особливо мало знающему; но совесть наша знает и без Канта, что худо и что хорошо...

Но как любить ближнего любовью Евангельской, когда на место Евангелия ум человеческий поставил теперь философию, на место Бога — гордыню ума своего?

«Умножается, — по глаголу блаженного Нифонта, — всякая злоба от неведения Писания...»

15 ноября

Но «да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли».

Как здесь на земле, так и на небе не происходит ничего без воли и позволения Божия. Но люди любят волю Божию только тогда, когда она согласна с собственными их желаниями. Будем любить ее одну, — тогда земля будет для нас небом. Будем благодарить Бога за все, как за худое, так и за доброе, потому что зло делается добром, когда мы его принимаем как ниспосланное Богом. Не будем роптать на пути Промысла Божия, но будем с благоговением искать в них, сколько позволят наши силы, следов премудрости и благости Божиих. И в течении светил небесных, и в порядке времен года, и в происшествиях жизни человеческой — везде исполняется воля Божия. Будем молить Бога, чтобы воля Его исполнялась и в нас, что-

бы и мы ее любили, чтобы она все для нас услаждала, уничтожала нашу волю и одна она царствовала в нас, ибо одна воля Божия есть воля благая, и угодная, и совершенная, — и наша обязанность исполнять ее.

Господь наш Иисус Христос сказал о Себе, что Он всегда угодная творил Отцу Своему. Иисус Христос есть образец наш, и Отец Его есть также и наш Отец. Итак, будем молить Господа, чтобы действовал Он в нас по воле Отца Своего так, как Он сам действовал по ней; чтобы Он таинственно соединил нас с Собою и мы не желали бы ничего, как угодная творить Отцу Его. Тогда все сделается в нас непрестанною жертвою Богу, непрестанною молитвою, постоянным выражением нашей любви к Богу.

Передо мною объемистая старая рукописная книга, озаглавленная «Памятная записка о скончавшихся и погребенных в Богохранимой Обители (нашей) и в Ските св. Иоанна Предтечи, находящемся при оной». На книге этой на заглавном месте — надпись:

«Кто есть человек, иже поживет и не узрит смерти?

Блаженны умирающие о Господе, ей! — почиют от трудов своих».

Сколько в книге этой записано имен христиан, проведших жизнь свою Господа ради и подчинивших волю свою воле Господней!

Отмечу в дневнике своем из книги этой кое-что на душевную потребу и пользу самому мне, многогрешному Евфимию.

«30 апреля 1815 года, пополудни в 4 часа скончался схимонах Иоанникий на 55-м году от рождения. В монастырь поступил из пономарей Жиздринского уезда, села Толстошеева в 1802 году; пострижен в мантию 1806 года марта 29-го, а в схиму в 1810-м в апреле месяце. В послушании трудился при пасеке, бывшей в монастырском лесу. *При сей пасеке уединенная его келлия послужила первым основанием уединенной жизни, ибо на сем самом месте в 1819 году построен ныне существующий Скит, и даже доселе соблюдена в целости попечением настоятеля та самая деревянная келья, в которой жил схимонах Иоанникий.* В иноческих подвигах преуспевал, в особенности послушанием, тихостью и кротостью с блаженной простотою и незлобием; имел нелицемерную любовь к настоятелю, игумену Авраамию, и ко всей о Христе братии; к церкви Божией притекал первый и исходил последний. По добром подвизе о спасении души своей почил блаженно о Господе с напутствием всех потребных для вечной жизни Таинств. Тело погребено 2 мая, в воскресный день. Многие из окрестных жителей память его доселе почитают служением на его могиле панихид о упокоении его души».

А вот и возлюбленный схимонахом Иоанникием настоятель его, игумен Авраамий! В рукописи событие это записано так:

«Умер в 12-м часу ночи 14 января 1817 года настоятель нашей Пустыни, игумен Авраамий на 58-м году от рождения, положивший первое основание возобновлению Обители. Погребен в

южной паперти Введенского собора. Теперь, с расширением храма, место его погребения вошло внутрь придела во имя святителя Николая Чудотворца. Над местом тем ныне икона Введения Богоматери в киоте и пред нею лампада.

По кончине игумена найдено в бумагах его духовное завещание такого содержания:

«Духовная грамота К. В. О. Пустыни многогрешного черноризца, игумена Авраамия.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Се аз, многогрешный игумен Авраамий, слушая глас Господа моего, во Святом Евангелии глаголющего: «Будите готовы, яко в онь же час не мните Сын Человеческий приидет. Не весте бо когда Господь приидет, в вечер, или в полунощь, или в куроглашение, или утро, да не пришед внезапу обрящет вы спяща». Того гласа Господня слушая и бояся, а к тому же частым недугованием одержим бывая и день от дня изнемогая телом, чая на всякое время онаго, Господем глаголанного нечаянного часа смертного и по силе приготовляяся к исходу от сея жизни, — сею духовною грамотою моею вестно хощу сотворити всякому, иже восхощет по кончине моей взыскивати имения моего келейного, воеже бы не трудитися ему вотще и не истязавати служивших мне Бога ради. Да весть мое сокровище и богатство, еже от юности моея не собирах. Сие не тщеславяся реку, но да искателей моего по мне имения вестно сотворю: отнележе бо приях святый иноческий образ и постригохся в Московской епархии, в Николаевском Пешношском монастыре в три-

десять третие лето возраста моего и обещах Богови нищету изволенную имети, от того времени даже до приближения моего ко гробу не стяжах имения и мшелоимства, кроме святых книг и сорочек с карманными платками. Не собирах злата и сребра, не изволях имети излишних одежд, ни каких-либо вещей, кроме самых нужных, и то для служения: две ряски — теплая и холодная и один подрясник; но нестяжание и нищету иноческую духом и самим делом по возможности моей соблюсти тщахся, не пекийся о себе, но возлагаяся на Промысл Божий, иже никогдаже мя остави. Входящия же в руце мои от благодетелей святыя обители сея подаяния и тыя истощевах на монастырские нужды для братий и на разные постройки; также иждивах на нужды нуждных, идеже Бог повеле. А о имении моем никтоже убо не трудится, по смерти моей испытуя или взыскуя каковаго-либо келейного моего собрания, ибо ниже что на погребение оставлено, ни на поминовение, да нищета иноческая наипаче на кончине явится: Богу бо верую, яко приятнее Ему будет, аще ни единая цата по мне не останется, неже егда бо многое собрание было раздаваемо. И аще мне тако нищу никтоже восхощет обычному предати погребению, молю убо тех, иже свою смерть памятствуют, да отвлекут мое грешное тело на К. кладбище и тамо между трупиями да повергнут е. Аще же владычествующих изволение повелит меня, умершего, погребсти по обычаю христианскому, то прошу и молю христолюбивых погребателей, да погре-

бут они меня в сей О. Пустыни у соборной церкви, по правую сторону у южных входных дверей; и никого не зовите на погребение.

Аще же ли кто от христолюбцев изволяет безденежно помянуть грешную мою душу в молитвах своих Бога ради, таковый и сам да помяновен будет во Царствии Небесном. Требуяй же за поминовение мзды, того молю, да не поминает мя, нища, ничтоже на поминовение оставивша. Бог же да будет милостив и мне, грешному, во веки. Аминь.

Сицевый завет мой, се моя духовная грамота, таковое о имении моем известие. Аще же кто сему известию не имет веры, начнет со испытанием искати по мне злата и сребра, то, аще и много потрудится, ничтоже обрящет, и судит ему Бог».

Блажен, триблажен игумен святый, сотворший волю Господа своего!..

В той же книге монастырских записей нахожу под 1828 годом запись такую:

«22 декабря. Скончался в Скиту преподобный старец Досифей на 75-м году от роду. Пострижен в Площанской пустыни. Из однодворцев Драгунской слободы города Карачева. Провождал пустынную жизнь более 40 лет в лесах Рославльского уезда Смоленской губернии. Достиг блаженного незлобия и искренней простоты. Из Смоленских лесов прибыл на жительство в Скит в октябре 1827 года. Пред смертию его за несколько времени достопамятный был случай: супруга одоевского помещика, Александра Сергеевича Воейкова, лежала в горячке

близ смерти. Окружавшие ее одр потеряли всякую надежду на возвращение ее к жизни. Больная забылась на минуту, и в это время окружавшим ее показалось, что она беседует с кем-то невидимым. После этого она вдруг встала с постели сама собою, без посторонней помощи, и спросила:

— Где же монах? Он мне сейчас сказал: «Что ты лежишь? Вставай да в О. Пустынь приезжай молебен служить, а я на твое место лягу — так Бог велел!»

Больной ответили, что никого в комнате, кроме них, не было. С того часа больная чрез несколько дней была здорова и поспешила с супругом в О. Пустынь. Когда они приехали, то, по Божьему строению, первым встретили на скитской дорожке старца Досифея, который только один из всей братии был в то время в Скиту, а прочая братия была на послушании. Увидавши Старца, бывшая больная, никогда раньше его не видавшая и ничего о нем не слыхавшая, в ту же минуту вспомнила, что именно его видела в своем видении, в том же образе и в том же одеянии. Старец показал им внутренние постройки в Скиту и приветливо побеседовал с ними на пользу души в простоте сердца. Вскорости после того, в декабре месяце, Старец занемог, проболел 12 дней и тихо почил о Господе в твердом уповании на спасение свое после 50-летних трудов в монашестве».

Такова чудесная сила пустынных подвигов. Такова сила пустынной молитвы. «Непрестанно молитеся», — говорит апостол Павел. Наша за-

висимость от Бога так велика, что не только мы должны делать все для Бога, но должны просить у Него и средств угождать Ему. Эта обязанность прибегать к Нему во всех наших делах не должна казаться нам тягостною, напротив, она должна быть для нас утешительной. Не есть ли блаженство беседовать с Богом, открывать Ему все сердце свое и чрез молитву быть в теснейшем общении с Ним? Сам Бог побуждает нас к молитве. Разве не даст Он нам те блага, которых просить у Него Сам побуждает нас? Итак, будем молиться ему с верою, будем опасаться, чтобы плод молитвы нашей не уничтожился сомнением, которое, как говорит апостол Иаков, подобно волнению, возметаемому и развеваемому. Если кто из вас находится в печали, говорит тот же св. апостол, тот должен утешать себя молитвою. Но сколь мы несчастны! — мы чувствуем скуку в этом небесном занятии. Наше хладнокровие к молитве есть источник других отступлений от Закона Божия! «Просите, и дастся вам; ищите и обрящете; толцыте, и отверзется вам». Если бы мы должны были просить только богатства, то какая бы заботливость, какое усердие, какое постоянство наше было бы в молитвах! Если бы мы должны искать только сокровища, то куда бы только не проникло наше желание найти его? Если бы мы должны были стучать в двери, чтобы получить свободный вход в тайный совет Царя, чтобы открыть себе путь к важнейшим должностям государственным, то сколько бы раз мы повторяли свои удары! Чего

только не делаем мы, чтобы найти ложное счастье! До каких унижений, до каких даже бедствий не доводим мы себя единственно для призрака мирской славы! Сколько трудов, сколько стараний употребляем мы для получения ничтожных удовольствий, которые оставляют по себе только одни угрызения совести!.. Истинное сокровище есть только сокровище благодати, и его-то люди обыкновенно не хотят искать и просить у Бога. Будем же неослабно стучать в двери милосердия Его: Он их отворит нам, ибо слова Господа нашего Иисуса Христа не могут быть неверны: неверны только мы.

Отмечу в записках моих еще две смерти, записанные в книге монастыря нашего: рядового послушника и знатной боярыни.

«1839 года в августе (число не обозначено) скончался рясофорный монах Макарий, в міру — вяземский купец, Макар Осипов Барышев. Лет престарелых. В монастыре с 1837 года. По силе своей трудился в послушании на чреде чтения Псалтири. Кроткого нрава и правдивого. Поболел недели три. При смерти необыкновенно скоро заговорил Иисусову молитву и, на вопрос о сем, послушнику сказал:

— Приседят бесы!

И указал рукою к ногам своим.

Почил о Господе тихо».

Это одна запись. А вот и другая:

«1841 года, августа 30. Скончалась на монастырской гостинице подполковница, Графиня Александра Ильинична фон дер Остен-Сакен на 44-м году от рождения. Они приехала в гос-

тиницу в июне сего года нездоровая и постепенно ослабевала. Во все сие время находилась при ней родственница, вдова, графиня Елисавета Александровна Толстая, чернская помещица. Пред смертию, по прочтению духовником отходной, она тихим голосом с поспешностью говорила невидимому духу:

— Руку, руку! Пустите руку!..

И скончалась тихо. При погребении довольно было родных ее: малолетние племянники, графы Толстые[1], генерал Ергольский и другие...»

...Выписал я сказание об этих двух смертях себе в назидание: уже поговаривают умники из мирских о міре невидимом:

— Какие там бесы? Кто их видел? Монахи да попы выдумали их, чтобы пугать ими невежественных простолюдинов и властвовать над ними!

Жалкие безумцы! каков будет их ужас в час смертный!..

---

[1] Один из них был Лев Николаевич Толстой, современный нам отступник и ересиарх. Графиня Александра Ильинична Остен-Сакен была воспитательницей малолетних Толстых. Вот что пишет о ней Л. Н. Толстой: «Тетушка была женщина истинно религиозная. Ее любимым чтением было чтение жития святых, беседы с странниками, юродивыми, монахами и монахинями, из коих одни жили постоянно в нашем доме, тогда как другие посещали его мимоходом. В числе монахинь, проживавших у нас постоянно, была некая Мария Герасимовна, крестная мать моей сестры. В молодости она странствовала по монастырям под видом юродивого Иванушки. Мария Герасимовна крестила мою сестру, потому что матушка ей обещала это, если Господь пошлет ей дочь; имея уже четырех сыновей, матушка очень желала иметь дочь, и когда она родилась, то ее крестила Мария Герасимовна. Она жила частью в женском монастыре в Туле, а остальное время у нас... Тетушка, Александра Ильинична, была

1850 год

Июль 20. Давно уже не касался я своих записок. Многие тому были причины, и, конечно, главная из них — мое нерадение; но в тихой и мирной, по милости Божией, жизни нашей монастырской за протекшее время ничего особенно достопримечательного не происходило, а на мне лежало столько обязанностей по моему послушанию, что не до записок мне было.

Сегодня, и 17-го, и 19-го приходил к нам в монастырь пешком из города К. граф Алексей Константинович Толстой[1] и, когда о. игумен предлагал ему лошадей до города К., он сказал, что имеет обещание ходить в монастырь пеший. Он

не только обрядово-религиозной, то есть соблюдала посты, много молилась и беседовала с людьми святой жизни, каким был о. Леонид из Оптиной Пустыни, но она жила истинно христианскою жизнью, чуждалась не только роскоши и помощи слуг, но сама старалась услужить другим. У нее никогда не было денег, потому что она раздавала их всем, кто просил у нее... Горничная Даша, перешедшая к ней в услужение по смерти бабушки, рассказывала мне, что когда бабушка жила в Москве, то, идя в церковь, она проходила на цыпочках мимо спавшей девушки и делала сама все то, что, по общепринятому обычаю, должна делать горничная. Трудно себе представить, до чего она была проста и нетребовательна во всем, что касалось жизни и одежды... Религия, наполнявшая душу тетушки, имела для нее такое высокое значение, была так выше всего, что она не могла ни на что сердиться, ничем огорчаться и не придавала всему земному того значения, какое обыкновенно придают ему...»

...И такой-то рабы Божией в час смертный дерзали касаться бесы!.. Чего же ожидать тому, кто своими лжеучениями смутил весь мiр?.. — *Прим. сост.*

[1] Известнейший поэт и личный друг Императора Александра II. — *Прим. сост.*

служит в Императорской канцелярии и в город К. прибыл с сенатором, князем Давыдовым.

Жива еще Россия, пока среди знатнейших ее бояр находятся еще такие рабы Божии, живущие одной душой, одним сердцем со своим народом!..

О ТОМ, ЧТО МЫ ЖИЗНЬ СВОЮ ДОЛЖНЫ СООБРАЗОВАТЬ СО СЛОВОМ БОЖИИМ

«Господи, к кому мы идем? Глаголы живота вечнаго имаши». Так говорили Апостолы Господу Иисусу Христу. Более всего мы должны слушать Его, Господа нашего. Слова людей только тогда должны обращать внимание наше, когда они согласны со словами самой Истины, которая есть Иисус Христос. Поэтому все сочинения людей тогда только могут быть хороши, когда в них нет ничего противного Евангелию. Итак, будем сколь можно чаще прибегать к этому священному источнику, чтобы почерпать в нем слова жизни вечной. Иисус Христос ничего не говорил, ничего не делал, чего мы не должны были знать, из чего бы не должны были извлекать правил жизни. Но мы обыкновенно руководимся собственными своими мыслями и желаниями, которые не представляют ничего, кроме суеты, и не хотим последовать Божественной Истине, слова которой показывают нам путь жизни вечной. Будем молить Божественное, Несотворенное, Воплотившееся для нас Слово, чтобы слово

его проникло в нашу душу, оживотворило ее и освятило.

Многие говорят, что они желали бы знать, каким образом можно успеть в добродетели; но как скоро узнают об этом из Слова Божия, то ревность к добродетели ослабевает. Мы чувствуем, что мы не то, чем быть должны и ясно видим иной раз грехи свои, и как они ежедневно возобновляются. Но мы думаем, что уже освободились от них, коль скоро начали желать себе спасения, несмотря на то, что мы ограничиваемся одним желанием. Будем же почитать недействительным и ничтожным всякое, даже по-видимому благочестивое желание, если оно еще не столь сильно, чтобы могло жертвовать всем, что останавливает нас на пути к Богу. Будем не только слушателями, но и исполнителями Слова Божия. Псалмопевец не просто молит Бога, чтобы Он научил его Своей воле, но чтобы научил и творить ее...

Нынешний день к обедне приехал преосвященный, и я, как чередной, имел счастие служить с ним. Хотя и ожидали его, но он приехал сверх чаяния, и я назначен не в свою чреду; а это значит — Богу так угодно.

11 октября

Десятый год пошел со дня смерти великого старца Льва (Леонида). Полезно вспомнить, хотя бы и вкратце, славное и многотрудное житие его.

Старец скончался в субботу в половине восьмого пополудни 11 октября 1841 года на 71-м году от рождения. В монашестве он был 46 лет, а происходил из мещан города Карачева Орловской губернии и в міре назывался Леонтием, по фамилии Наголкин. Много претерпел он на своем веку до самой своей кончины всяких скорбей чрез ложные хулы, изобретаемые завистью людей за богоугодное житие его. По ревности его к совершенству в духовной жизни он, бывши строителем в Брянской Белобережской пустыни, с 1804 года оставил добровольно начальство и жил вместе со схимонахом Феодором и другими старцами, пришедшими из Молдавского Нямецкого монастыря, в скитах на Валааме и в Свирском монастыре. Родился старец Лев в 1769 году. Начально поступил в Оптину Пустынь в 1797 году; жил два года и пришел в Коренную пустынь. К нам переместился в 1829 году в Скит. Во время десятилетнего его пребывания у нас он был подобен столпу, духовно утверждающему и советом, и примером благочестие христианское. Он имел свыше дар рассуждения и смирения. Настоятелю был верный и преданный помощник в благоустроении обители, Скита и братии. Братия, желающая своего спасения, во всякое время получала в душевых скорбях своих и недоумениях полезные советы, разрешение сомнений и утешения при содействии благодати Божией, обильно на нем почивавшей. Кроме нашей обители, из всех мест всякого состояния, звания и пола стекались к нему люди, изливали пред ним лич-

но или чрез письма свои скорби и болезни душевные и в советах его получали отраду и утешение. Исцелялись духовным врачевством его и телесные недуги. В подобных случаях обычным советом его было поговеть, чистосердечно покаяться в грехах, начиная с семилетнего возраста и приобщиться Св. Таин. Он читал над больными из требника и помазывал елеем из лампады, горящей неугасимо пред иконою Богоматери Владимирской, принесенной из Молдавии схимонахом Феодором, и заповедовал молиться по заповеди Евангельской за обидящих и ненавидящих. Кто только с чистою и доброю верою притекал к о. Льву, никто не отходил, не быв утешен духовно и телесно, чрез что и обитель наша процветала как умножением доходов, так и собранием братства, стекавшегося из разных мест под духовное окормление отца Льва (Леонида). Пред народом же любил он скрывать высокое устроение своего духа под крайнею простотою слова, часто соединенного с некоторою шутливостью, называемою иными даже юродством. Речь его отличалась особенным, своеобразным соединением духовной силы Писания и яркой выразительности народного русского языка. Вид его был мужественный, крепкий. Борода у него была небольшая, редкая; на голове волосы седые, густые и длинные до пояса. Во время жизни своей в скитах он часто встречался с дикими зверями — с медведями и волками; но звери не делали ему вреда, и только один волк ухватил было его раз зубами за ногу, но тотчас же,

точно чем-то испуганный, оставил пустынника и убежал. От укуса этого о. Леонид прихрамывал во всю остальную свою жизнь. Некогда случилось о. Леониду, обрубая на сосне сучья, упасть с дерева на землю; от этого у него сделалась мучительная болезнь кишок, постепенно усиливавшаяся. В сентябре 1841 года о. Леонид стал крайне ослабевать телом. 30-го он особоровался. Таинство елеосвящения совершали нечаянно приехавшие: игумен Антоний, бывший скитский начальник; строитель Тихоновой пустыни, иеромонах Геронтий и наши скитские: скитоначальник, иеромонах о. Макарий, игумен Варлаам, иеросхимонах Иосиф, казначей, иеромонах Гавриил и прочие — все ученики о. Леонида. Двенадцать дней о. Леонид не принимал никакой пищи, укрепляясь частым приобщением Св. Таин. 8 октября вечером позвал своего духовного отца, иеросхимонаха Иоанна, исповедовался, приобщился Св. Таин и велел собравшимся ученикам петь канон на исход души. По окончании отходной благословил всех и все более ослабевал от жестокой болезни. Настала суббота 11 октября. Отец Леонид, приобщившись поутру в 8 часов Св. Таин, сказал:

— Ныне со мною будет милость Божия!

Пополудни в 4 часа благословил ученикам читать в келлии своей малую вечерню и по «Сподоби, Господи» велел окончить. Ученик его, послушник Иаков, умиленно сказал:

— А прочее, батюшка, вы, верно, будете править *там,* в соборе св. Отец?

Так и устроил Господь, ибо 11 октября Святая Церковь празднует память св. Никейского Собора. Отца Льва (Леонида) клеветники называли еретиком, но Господь принял его душу именно в этот день.

В начале 8-го часа он стал умиленно взирать на икону Божией Матери; в келлии были его ученики. Отец Леонид взглянул на предстоящих и, приподнявши правую руку, благословил всех иерейским благословением и тихо предал душу свою в руце Божии[1].

Помянув молитвенно память великого Старца в день блаженной его кончины, я невольно вспомнил о том, не менее его великом, кто был его руководителем, наставником и учителем в духовном делании. Я имею в виду того схимонаха Феодора, о котором я упомянул, записывая кончину старца Леонида (Льва). Под рукой у меня находится одно замечательное письмо его, найденное в рукописях, принадлежащих старцу Леониду. Писано оно к какому-то ученику по поводу его падения.

Что за премудрость, что за сила слова и что за любовь! И подумать, что письмо это писано рукою «необразованного» человека, простейшего мещанина города Карачева (схимонах Феодор происходил из одного города и звания со старцем Леонидом)! Премудрые и разумные

[1] Оптиной Пустынью издано житие старца иеросхимонаха Леонида (в схиме Льва). Интересующиеся им и старчеством, этим высшим проявлением христианского духа, могут выписать этот прекрасно составленный труд из упомянутой Пустыни. Адрес: Козельск Калужской губернии, Оптина Пустынь, заведующему монастырской книжной лавкой.

міра, возьметесь ли вы найти объяснение, откуда могло родиться такое вдохновение у одного из тех, коих вы обличаете в темноте и невежестве?

Выписываю это сокровище дословно.

«Честнейший отец! Я, духовные друзья мои и дети неизобразимо желаем тебе в единственном Міроправителе, Иисусе Христе, духовно царствовать.

Хотя по ничтожеству нашему мы на посланные к тебе письма ответов не удостоились и о твоем положении не имели от тебя известия, несмотря на то что были вернейшие случаи, при которых должно было непременно известиться; но сие-то самое более и вынудило нас написать к тебе еще однажды. Причина же этому та, что я хотя и грешник недостойный, но и твой духовный отец, и духовный не просто, ибо я имею преимущественное обязательство от Святаго Евангелия: я был приемником тебя тогда, когда ты священно обещался хранить чистоту, послушание и строгость жизни, принял на себя вид Ангела, вступил сердцем твоим на путь самоотвержения.

Итак, я обязан назидать тебя в местах и отдаленных, внушать тебе все то, из чего благопокорливый сын может извлекать непосредственную пользу для души своей; и это не только для тебя и твоего спасения, но и для спокойствия, собственно, моего духа и совести.

Я приемлю в уме первосвященника Илию, который сокрушался за необразование детей своих, Офнии и Финееса, в должном благо-

честии, за что не только испровергся дом его, но и Кивот свидетельства Господня раздраженным беззакониями детей Богом предан был в избивательские руки Филистимлян. При сем жалостнейшем положении святыни поражены были смертно и дети добродетельного старца. Здесь-то бесчестную жизнь запечатлели плачевною кончиною, ибо — увы! — они пали и душами. Созерцая сие горестное событие, ужасаюсь, чтобы и нам не подвергнуться той же участи.

Что же?

Услышал я, что ты привязан к твоей матери чрез попечение о ней, как будто один из сынов міра, которые имеют обязанность посвящать себя спокойствию своих матерей не только по закону, но и по предлогам суетным. Ты попущаешь ей часто быть в обители, где обитаешь. Но это совершенно несообразно с твоим обетом: твоею матерью должно быть сердечному сокрушению — с сею-то матерью мы обязаны всегда разделять время; а о той, от которой ты родился, сию ты должен внутренно почитать, но не сообращаться часто. Ибо стыдно и бедственно монаху последовать требованиям міра, поелику сие тщетно и гибельно. Одно слово скажу тебе о сем: исправься!

Слышу еще от многих, что ты очень часто оставляешь обитель и келью, поздно возвращаешься на место уединения и будто пребываешь тогда в местах неизвестных или, лучше сказать, подозрительных. Наконец, в разговоре с некоторым человеком сказал ты:

— Я здесь потерял такую вещь, которой не стоит весь город!

Признаться должен я, что ты это справедливо сказал: не только город, но и весь мір не стоит души, о драгоценности которой изобразил и Спаситель міра священно: «Кая польза человеку, аще весь мір приобрящет, душу же свою отщетит?» и проч. Если ты потерял душу, то ты потерял такое сокровище, коего все великолепное изящество природы поистине не стоит.

Однако же, любимейший отец, поколе еще не прекратилась жизнь твоя, при истинном познании грехов и твердом уповании на заслуги Христовы, неоцененную сию потерю возвратить можно, а наиболее тогда, когда со смиреннейшим сокрушением сердца, призвав духом веры в помощь Всевышнего, положишь в храме души твоей решительное основание, так сказать, вторительно легкомысленно не следовать по стремлениям плоти. Умная Дина — душа твоя да не снидет в Сихем порочных направлений. Правда, следующая истина: «Несть грех побеждающ милосердие Божие» может ободрить и самый отчаянный дух; но должно рассудить, что это относится только к тем, которые, говорю, истинно покаялись с душевным намерением не возвращаться более на грех, которые не подражают оным псам, прибегающим на свои блевотины... Может быть, ты надеешься на будущее время? Но кто нам возвестит, что родит следующее утро? Не цвету ли сельному подобен человек? Послушай же, что написал на

сей конец премудрый и святой Исаак Сирский: «Кто, — говорит он, — надеяся на покаяние, грешит, тот идет пред Богом путем коварства; но таковой не достигает цели покаяния». Следовательно, его внезапно восхищает рука смерти и с лица земли поднебесной переселяет в темную землю жителей немилосердия, адских оных духов, коих пища — огнь, питие — зависть. Ты, освященный сын, послушай! Не трогательны ли для тебя следующие примеры?

Один священноинок многими был почитаем по наружности за мужа благочестивого и уважаем, но внутренно он тайно предавался мерзким плоти вожделениям. Однажды, совершая Божественную священнейшую литургию, пред Херувимскою песнию наклонив обыкновенным образом голову и читая молитву «никтоже достоин» и проч., внезапно скончался. В каком состоянии оставила его душа его?

Еще: один известный мне священноинок, увлекаясь любострастием, осмеливался недостойно совершать Божественную службу: его свергает ужасная болезнь и сближает со смертию. Все средства отразить оную были тщетны; напротив того, болезнь усиливалась и становилась опаснейшей. Пробужденная горестию совесть внушает, что он должен быть жертвою смерти за недостойное священнодейстие. Пришедши в чувство, он решительно обещается никогда не совершать Божественной литургии и вместе с сим отречением возвращается и прежнее его благосостояние, так что и следов болезни не было приметно.

Подлинно, сан священства и облачение великолепны, однако дотоле, пока соответствует тому и внутренняя красота души. Когда же она, по ненаблюдению, померкает, когда совесть, строго обличающая нечистоту, пренебрегается, — то тьма заступает место света и открывает путь ко мраку и огню вечному, если только не уклонимся от сего пути на путь добродетели и смирения, что приводит в царство славы. Так пишет преподобный Феогност в гл. 51-й, 54-й и 55-й.

Но сказывал мне еще один благочестивый отец следующее событие, о котором он слышал от своего Старца: два брата и по духу, и по намерению, оба будучи уединенны, посвятили себя и уединенной жизни. Это было на Украйне в конце XVIII столетия по Рождестве Христовом. Жили они по разным кельям, и по прошествии некоторого времени один из них увлекся любострастием, которому он весьма и предался. Узнав о сем, другой, любитель чистоты, смиренно и любвеобильно уговаривал его отстать от сей гибельной привычки; но порабощенный страстию нечистоты, имея, вероятно, на то несытое сердце, соединив вместе еще и гордость, ответствовал:

— Ангельское — не согрешать, диавольское — не покаяться.

Кто не согласится с ним? Но это не должно обращать в повод к беззаконию, ибо милосердия Божескаго тайна сокрыта. Хотя милосердие Триединаго одержало и одерживает верх над правосудием, но это, мне кажется, про-

стирается более до нечаянности, нежели до намерения, простирается к слабостям человеков правых сердцем и смиренных, но не до обманывающих себя нерадивцев, имеющих гордый рассудок или восхищающихся мерзким Оригеновым учением о высочайшем милосердии Непостижимого, Которого правда пребывает в век века.

Спустя несколько времени целомудренный оный брат, однажды окончив положенное свое правило, сел на скамью, приклонясь на столик, на котором погрузился нечаянно в тонкий сон. И видит он в таком положении при тамошней речке, Ирдик называемой, двух сидящих ефиопов[1], которые обыкновенным образом вметали в воду рыболовные удки. При таком занятии, они один другого весьма поощряли к ловле. Один из них закинул на добычу свою удку и ничего не вытащил, на что другой смотря говорит следующее:

— Как ты неискусен! Смотри, как я свою запущу!

С сим словом погружает свою удку в глубину и вдруг вытаскивает из воды монаха в полном облачении, приличном его сану. На сего присматриваясь, брат заметил живо, что это тот самый друг, который легкомысленно ввергал себя в сладострастие и нечистоту. Пробудясь в страхе, немедленно пошел он навестить брата, которого видел пойманного ефиопом. Достигает кельи его и увы! — ужасное и горестное зрелище представилось глазам его. Что

[1] Бесов.

же? Он находит брата уже мертвым, лежащего в жалостном беспорядке. Женщина, с которою он соединялся беззаконно, сидела в крайнем огорчении, недоумении, страхе, и ужасе, и вопле, и призналась, что преследующая ежеминутно земнородных коса смерти поразила брата на самом деле плотской нечистоты.

Увы! увы! увы! Кто даст очесам нашим слезы оплакивать погибельную участь несчастного плотолюбца? О! что удивительного, что и всех таковых сквернителей более, нежели других людей, преследует внезапный час смерти?

Послушай также еще и о следующем жалостнейшем происшествии, которое мне сообщил тот же Старец:

Один монах, воспитанник Софрониевой пустыни, облеченный там в ангельский образ славным архимандритом Феодосием, оставил обитель и, по единственному стремлению своей воли, определился в один из монастырей Черниговской епархии. Здесь был произведен в иеромонаха. Живши таким образом несколько времени, низвергся, так сказать, в реку бесчестнейших плотских страстей и, возмутив источник совести своей, многократно осмеливался совершить Божественную литургию. Называю я мерзкую страсть любодеяния рекою, ибо как трудно пересечь стремление реки, так и еще более трудно ограничить гнусную привычку плотолюбия. Как в возмущенном источнике ничего нельзя приметить, кроме мрачного хаоса двух стихий — воды с землею, так и в потерянной совести ничего более нельзя заметить, кроме недостой-

ного расположения сердца к истине, ибо человек уже «не еже хощет содевает, и сие творит живущий в нем грех». Так он легкомысленно решается на всякое законопреступление, о богатстве благости Божией нерадит, почему и весьма удобно подвергается наконец погибели. И вот однажды, приготовившись совершать страшную Тайну Св. Евхаристии, пошел тот инок, как обыкновенно, в святой храм. И что же? Является ему ужаснейшее бесовское привидение, которое как скоро он узрел, дух его смутился, сердце вострепетало, весь чувственный состав, подобно как в лихорадке, потрясся, изменились черты лица; испущенный им страшный голос, выражающий мрак души и отчаяние, привлек на живой труп его духовных орлов той обители: братия слетелась к нему на необыкновенный вопль его. Хотя они слетелись не терзать его, а восхитить от бедствия и гибели, воспарить с ним к Престолу милосердия Божия, но — увы! намерение не достигает цели. На вопрос братии бедный и безобразный вестник тайных своих беззаконий в ужасе, трепете и страхе объявляет подробно все свои пороки, за которые и поражен он был взором неописанного адского духа. Признаваясь в своих грехопадениях, сожалея о дерзости своей относительно священнодействия, наконец заключил он:

— Если еще встретит взор мой такое же страшилище, то едва ли во мне останется дух мой.

По произнесении сих последних слов, необыкновенно возревевши, он пал на землю мертв.

Кто столько нечувствителен из недостойных священнослужителей, чтобы равнодушно мог вообразить сию ужасную картину вечного несчастия?

Сие приключение пересказывал вышеупомянутому Старцу иеромонах, знавший несчастного сослужителя своего, так как Старец по случаю посетил келью его, где несчастный открыл ему и свои язвы душевные, о чем всегда терзался совестию, потерянною в этом предмете и непримиренною. Совесть хотя была в нем порочна и уязвлена, но все внушала ему оставить священнодействие, а вместе и пороки, чего, однако ж, он или по страху, или по малодушию, или по страсти и самолюбию сделать не решился до того времени, пока горестная смерть не прекратила дней его. Мщение совести есть тайный глас Божий; но кто Бога не уважает, как может надеяться от Него защиты во время бедствий?

Желая тебе в Триедином Боге спасения, помещаю здесь и третие времен наших событие, а именно, что благоговейный один муж пересказывал мне.

В одном из российских монастырей был некто священник, а вместе и монах, который по обязанности своего сана начал однажды совершать Божественную Литургию, которую продолжая, достигнул приятия Св. Тела и Крови дражайшего Искупителя міра Господа нашего Иисуса Христа. В это время, по обыкновению, запели по клиросам причастный стих, а священнослужитель должен был приступить к

св. жертвеннику для таинственного соединения с нескверным Апокалипсическим Агнцем в правоте и смирении сердца, с чистотою чувств. Напротив того, с оскверненною завесою духа и совести приближаясь, ощутил он ужасное потрясение, так что едва не опровергнулся на землю; однако ж, отошедши, сел на стул. Потом, несколько ободрившись в силах, приступает вторично к жертвеннику и вторично поражается бессилием. Посем, отдохнувши, усиливается в третий раз, но уже ослабевает чрезвычайно. Предстоящие вне алтаря — наместник, казначей и братия, удивившись необыкновенному продолжению времени, вынуждены были войти в св. алтарь. Находят священнослужителя в крайнем бессилии, едва дышащего; спрашивают о причине. Убежденный наказанием милосердой еще к нему Десницы Вышняго, признался, что он, будучи порабощен плотскою страстию, не внимая ни естественному закону, ни Закону Божию, без страха, раскаяния и благоговения приступал несколько раз к священнодействию. По признании и объяснении своих грехопадений, с глубочайшим уже страхом, сокрушением сердца и твердым намерением исправления едва мог окончить Божественную службу. По донесении о сем высшей духовной власти и по производстве следствия, за глубочайшее его признание и уже нелестное смирение духа определено было послать его в один из пустынных строгих монастырей под строжайшую эпитимию.

Слава Богу, что Он наказал недостойного и пощадил. Но на это надеяться нельзя.

Любезный во Христе сын! Представив на среду сии страшные события, умоляю тебя Богом: если за гордость нашу и случилось тебе, как человеку, пасть, но «восстани, спяй, и освятит тя Христос!» Убоимся страшного Суда Божия и гнева, который носится над главами нечувствительных грешников к их поражению, поражению немилосердому. Обратим взор наш на страну пламенной вечности, которая нещадно пожрет всех непокаявшихся сквернителей, погрузив их в бездну вечную, покрыв непросветимым мраком, где огнь их не угасает и червь их не скончается.

Потщимся свергнуть с себя мерзкую одежду нечистоты, то есть оставь, говорю, гибельную привычку отвратительного любострастия. Убойся Бога, о сын мой! Если так, то не только я, ничтожный отец твой, но и Ангели на небесех возрадуются о твоем обращении. А коль скоро иначе, то слушай следующее: «Или не весте, яко храм Божий есте? Аще кто Божий храм растлит, растлит сего Бог». Ибо не ужасно ли сие определение?.. Пал ты? Но восстани! Нарушил ты целомудрие? Но исправь оное покаянием и печалию яже по Бозе, сколько можно! Осквернил ты храм Божий? Но можешь очистить обращением, и Бог милосердый всегда готов тебя простить и наградить. Притом послушаем совета св. Отцев: что они советуют в таком случае? Вот что: ты должен непосредственно удалиться от того места, где случилось пасть и с сердечным расположением к исправлению переселиться в другую отдаленнейшую обитель.

Проси же сего у Бога, и даст тебе и средства, и силы. О, когда бы ты пожелал прийти в мои недостойные объятия! Какая бы это была душе моей радость! Ах, любимый сын! Я о тебе весьма нередко проливаю горестные слезы, а иногда, не вместивши горести сердечной, вопию подобным гласом, каким оплакивал св. Давид любимого им Авессалома: «Сыне мой! Сыне мой! Сыне мой!»... Пишу к тебе сие неравнодушно, ибо сгорает мое сердце. Пишу же не по разуму, но по сердцу. Но хотя ты меня и оставил, однако я еще себя питаю надеждою, что милосердый Бог даст тебе крыле рассуждения, яко голубине, да полетишь чрез покаяние в страну благочестия — покоя. Если же не послушаешь, то я, с сердечным прискорбием предавши тебя Промыслу Божию, «чист от крови твоей», и ты сам понесешь бремя свое и «от дел своих осудишься». Но когда такие о тебе сведения несправедливы, то я, известясь о том откровенностью твоею и сочувствием, более и более целомудрию твоему возрадуюсь, благодаря Бога, Которому поручив тебя, вторично приветствую во Христе духом искренности. Пребываю мирных и премирных благ тебе желатель, недостойный твой отец, ничтожный старец, схимонах Феодор. 1820 год. Александро-Свирский монастырь».

СЛУЧАЙ С НАШИМ ЗВОНАРЕМ

Звонарь, послушник Фрол Пожидаев (восемнадцати лет от роду), имел в келлии своей изображение святой преподобной Феодоры и про-

хождения души ее по воздушным мытарствам. В изображении этом послушник Фрол несколько раз колол глаза сатане иглою или булавкой, обвиняя его в прилучавшихся ему каких-либо смущениях или поползновении своем на гнев.

Сего 8 ноября, по окончании в колокола трезвона к Евангелию, Фрол подумал: теперь я не понадоблюсь в церкви, стало быть, и поспать можно. Сложившись с этим помыслом, он пришел в свою келью, лег и не успел как следует заснуть, как в тонком сне увидал в темноте сатану лежащим на постели и точно таким, как он изображен на видении прп. Феодоры, и с выколотыми глазами. Фрол в страшном испуге закричал:

— Зачем ты здесь?

И услыхал ответ:

— А ты здесь зачем?

В то же время из соседней кельи послышался голос:

— Я тебе говорил вчера вечером сходить к Старцу; тебе нужно было, а ты не пошел!

Соседняя келья в это время была заперта, и живущий в ней послушник Николай находился в церкви.

Фрол затрепетал от страха, очнулся, побежал вон из своей кельи и при этом видел, как бес, вскочив с постели, прыгал за ним. В это время еще трепетавшего от страха Фрола встретил сосед его по келье, Николай, шедший домой из церкви. О случившемся Фрол объяснил Николаю. Крик Фрола слышали находившиеся в среднем (втором) этаже старики — Афиноген

и Никита, но старики эти не поняли, что такое с ним случилось. Келлии Фрола с Николаем находятся в 3-м ярусе в башне над кузницею.

1851 год

«Иже Христовы суть плоть распяша со страстьми и похотьми».

Чем больше мы боимся креста, тем более имеем мы нужду в нем. Мы не должны падать под бременем, которое налагает на нас Десница Божия, но должны судить о величине своих болезней по силе врачевства, которым Небесный Врач хочет их исцелить. Если Бог налагает на нас тяжкий крест, то мы должны из этого заключить, что наши душевные раны глубоки и опасны и что все-таки Бог милосерд к нам, когда в кресте находит средство к исцелению наших закоренелых и тяжких болезней. Итак, не будем противиться благотворному действию милосердия Божия, но из самого креста будем извлекать побуждения любить Бога и возлагать на Него упование свое; будем утешать себя словами апостола: мгновенное легкое страдание наше произведет для нас в величайшем преизбытке вечную славу. Мы не имеем целью видимое, но невидимое, ибо видимое временно, невидимое же вечно. Блаженны те, которые здесь, на земле, сеют слезами: на небе с неизреченною радостью они будут собирать жатву жизни вечной и блаженной (Пс. 125, 5).

«Христови сраспяхся», — говорит апостол Павел. И мы должны распяться с Искупителем

нашим, и мы должны терпеть болезни крестные, умереть вместе с Ним, если хотим ожить и воцариться с Ним. Спасительная благодать, нисходящая со Креста, должна нас привлекать ко Кресту. Мы даже не можем удалиться от Креста, не удаляясь вместе от Христа Иисуса Господа, распятого на нем, ибо Крест и распятый на нем нераздельны. Итак, будем молить Господа нашего, чтобы Он, даруя нам Крест Свой, даровал вместе и силу распяться на нем и чтобы ниспослал нам дух любви к человечеству и незлобия к врагам нашим. Будем любить Его, чтобы Он расположил сердца наши к чувствованию не столько страданий наших, сколько блаженства страдать вместе с Ним. Можем ли мы терпеть какие-нибудь бедствия, которых бы Он не претерпел? Или, лучше: что значит наше терпение в сравнении с терпением Его?.. Беспечные и слабые мы! Не должны ли мы стыдиться малодушия, видя страдания Господа своего?..

Март

Многие из братий нашей обители с 5-го числа заболели от простуды горлом, сильным насморком и головною болью, в особенности же монах Порфирий[1], у которого заболевание через 4–5 дней перешло в сильный кашель и горячку,

[1] В міру — Петр Александрович Григоров, бывший гвардейский офицер. В начале поступления своего в монашество он был некоторое время келейником великого Задонского затворника Георгия, с которым сохранил близость духовного отношения и по переходе своем в Оптину Пустынь, где и скончался. Православная Русская Церковь обязана ему составлением жития Георгия, затворника Задонского. — *Прим. сост.*

так что наш городской лекарь, Плетнер, 10-го числа уже нашел невозможным пустить кровь. 12 марта о. Порфирия причастили Св. Таин и пустили кровь из правой руки, но с большим трудом, потому что сгущение крови оказалось необыкновенным.

У о. Порфирия обнаружилась тифозная горячка: жар в голове, сухой кашель — вся простуда пала на легкие. К груди припустили пиявок, наложили на нее пластырь, к шее поставили мушки. Г. Плетнер старался усердно, приезжал каждый день утром и вечером и обнадеживал, что болезнь не так опасна и так пройдет. Но о. Порфирий не внимал уверениям и с утра понедельника решительно повторял, что ему непременно должно умереть между 14-м и 17-м сего месяца. 13-го его особоровали св. елеем и приобщили Св. Таин. С примерным смирением и самоукорением он у всех испрашивал прощения и молитв. На вопрос старца своего, отца Амвросия, почему он знает, что ему должно умереть между 14-м и 17-м числом, о. Порфирий ответил:

— Так говорят у затворника, отца Илариона.

Сей затворник, 90-летний Старец, давно знакомый о. Порфирию, живет в Лебедянском уезде за 300 верст от нашей обители.

— Отец Иларион послал мне с Анной Васильевной рубашку и масло и приказал поспешить. Что ж это не несут ко мне?

Эти слова о. Порфирий повторял в понедельник и во вторник. Всем казалось, что он это говорит в бреду от сильного жара в состо-

янии беспамятства. Это тем более представлялось вероятным, что затворник, находясь за 300 верст от больного, не мог ни от кого в один день получить известия о болезни о. Порфирия. Но в среду 14 марта, утром, к удивлению всех, приехала в нашу обитель Анна Васильевна Андреевская (урожденная Гессе), козельская помещица, и прислала со своим человеком в келью к о. Порфирию посланные ему затворником о. Иларионом рубашку, пузырек деревянного масла и кусок ржаного хлеба. Госпожа Андреевская при этом сказывала, что она отправлялась по усердию своему к затворнику Илариону, не зная ничего об о. Порфирии, а отец Иларион в беседе с нею говорил...[1] и дал отвезти о. Порфирию рубашку, масло и хлеб и, улыбнувшись, советовал ей поспешить к нам, сказав:

— Еще захватишь ли его?

Она приняла эти слова за шутку, а приехавши в обитель, убедилась в прозорливости о. Илариона.

14-го пополудни о. Порфирий надел на себя присланную рубашку затворника. Вечером он прощался с братией, попросил к себе отца игумена, объяснил ему свои желания и распоряжения относительно вещей и дел по занятиям и испросил у него последнее прощение и благословение, сказав о близкой своей кончине.

В ночь с 14-го на 15-е, в три часа пополуночи, в начале утрени, о. Порфирий просил удостоить его приобщения Св. Таин, и, когда иеро-

---

[1] Пропущено в подлиннике.

монах Паисий приобщил его и предложил запить теплотою, о. Порфирий ответил:

— Нет, батюшка! В моем положении легко может возмутиться рвота.

Это были последние слова его. Тут же на лице его заметили отображение некоего благодатного утешения: лицо его, бывшее от жара красным, сделалось вдруг бело и приятно, дыхание же тихо и кратко. Отец Паисий начал читать отходную, и в половине чтения отходной о. Порфирий тихо и незаметно успе о Господе до последней трубы Архангела...

Вот и дни великие Великой Четыредесятницы преполовились! Дожили, по милости и долготерпению Божию, до повторительного чтения Великого канона св. преподобного Андрея Критского: сегодня стояние в честь и славу преподобной матери нашей Марии Египетской. Душа моя, душа моя, возстани! что спиши?..

Душа моя, возстань! Душа моя, проснись
От тягостного сна!
Душа, войди в себя, опомнись, осмотрись:
Ты вся во тьме грехов погружена!..
Зачем ты вверяешься морю сует,
Мечтам своей жалкой дремоты?
И радости жизни, и горестный след,
И смутные сердца заботы,
Покоя отрада и время труда
И шум повседневных событий —
Все это проходит для нас навсегда,
Как сон, поутру позабытый.
А ты средь потока волнений мирских

Забыла, куда им влечешься!
Не помнишь священных обетов своих,
Не мыслишь о том, не печешься:
Взошла ль в тебе жизни бессмертной заря?
Начался ли подвиг твой трудный?
И с чем ты предстанешь пред Бога-Царя
Воздать Ему слово в день судный?
Твой близок час, душа! Быть может, наступил
Последний жизни день,
Когда в томительном бореньи жизни сил
Тебя вдруг смертная застигнет сень!..
И тело растает, как воск под огнем;
Твой рушится столп утвержденья:
Останешься там ты одна ни на чем,
Не став здесь на камне спасенья.
Ты будешь там тяжко во веки страдать,
Стенать, поглощаема бездной,
И жить, чтоб, к несчастию, видеть и знать,
Что нет в тебе жизни небесной...
И ужас суда обуяет тебя;
Всю гнусность свою ты узнаешь:
И в бездне ничтожества скрыла б себя,
Но тщетно сего возжелаешь!
Постигнет проклятие судного дня
Твой грех, твою злость и беспечность...
Увы! — твоих мук не угасит огня
Во веки веков неизменная вечность.
О, воспряни, душа! Молись, чтоб Царь Христос
Тебя не осудил!
За верных Сам Себя на жертву Он принес
И Кровью их пречистою омыл.
Он — наш Искупитель! Бессмертья лучи
Из гроба Его воссияли;

В руке его — неба и ада ключи,
И жизни, и смерти скрижали,
И суд на главы ослепленных врагов,
И рай, и венцы испытаний.
В Деснице Его — беспредельность веков
И вся необъятность созданий.
И Он, мирозданья великий Господь,
От Ангелов трепетно чтимый,
Приявший здесь долу смиренную плоть,
Всем тайно присущ нам, Незримый.
И ясны сердца всех, как день, перед Ним,
И всех Он щадит и врачует,
И долго тебя милосердьем Своим,
Как блудного сына, взыскует.

Стихи эти принадлежат перу вдохновенного Самим Богом трудника Его на ниве Христовой, Алтайского миссионера, архимандрита Макария. Выписываю их в свои заметки, как дар чистой, христианской поэзии, как утешительный отзвук великих и радостных дней Св. Четыредесятницы, приготовляющей сердце наше к приятию и вмещению в себя победного торжества Воскресения Христова.

Батюшка старец, отец Макарий, получил письмо из Томска, из тех сибирских краев, где подвизался автор вышеприведенного стихотворения. Пишет ему монах с Афонской горы, Парфений, живущий в Томске при архиерейском доме. Этот Парфений проездом был у нас в монастыре и в Скиту в 1837–1838 году. В письме своем он между прочим описывает сказанное при нем архиерею миссионером — протоиереем

с Алтая, что на Алтае один крестьянин искал лошадей своих по лесам и дебрям. Удалившись незаметно в непроходимые места, крестьянин этот достиг в дремучем лесу горы. Пройдя по глубокой расселине, он увидал поляну, на которой земля оказалась вскопанной, и на ней были устроены гряды. Крестьянин удивился и подумал: кто бы мог сюда зайти? Оглядевшись кругом, он заметил в горе пещеру и в ней — дверь. Он пошел по направлению к пещере, и тут к нему из пещеры навстречу вышел человек, совершенно нагой, весь обросший волосами, препоясанный каким-то рубищем.

Оба они испугались друг друга и стали креститься. Пустынник спросил:

— Кто ты? дух или человек?

— Крестьянин села ... — ответил крестьянин.

— Как ты зашел сюда? Я вот двадцать лет живу здесь и никого еще не видел.

— Я ищу своих лошадей и, потеряв путь, забрел сюда... Скажи же и ты мне, пожалуй, как ты сюда поселился и с кем живешь?

— Я рассмотрел суету міра, — отвечал пустынник, — и удалился сюда со Старцем, который со мною прожил здесь и скончался; и вот двадцать лет я здесь один.

— Чем же ты питаешься?

— Зельем и овощем, вот на этих грядах растущим. Огня у меня нет: ем сырое.

— Не принесть ли тебе хлеба?

— Нет, не нужно. Не сказывай про меня никому, пока угодно будет Богу!

— Как же ты согреваешься зимою?

— По милости Господа Бога для меня зима и зной — все равно; не ощущаю ни холода, ни жару.

— Научи меня, — сказал крестьянин, — как молиться. У нас некоторые говорят, что должно молиться двумя пальцами и не ходить в церковь.

— Молиться должно, — отвечал пустынник, — как пастыри Христовы учат в церкви Божией и отнюдь от нее не уклоняться: она — мать спасения нашего.

По таковой беседе крестьянин расстался с пустынником и, вернувшись домой, рассказал миссионеру, который и сам вознамерился было отправиться к пустыннику (место пустыни той от пребывания миссии в пятнадцати верстах), но не осмелился из боязни обеспокоить Старца...

Не образец ли это, подобный древним, совершенного предания себя воле Божией?.. «Господи, что мя хощеши творити?» — так вопрошал святой апостол Павел, когда благодатию гонимого им Спасителя чудесно был обращен в христианскую веру. Сколько раз и мы гнали Его своим неверием, страстями, пороками, которые препятствовали действию милосердия Его в сердце нашем! Итак, если Богу угодно было посетить нас несчастием, если Он сокрушил гордость нашу, если посрамил плотскую нашу мудрость, то с совершенною преданностью скажем Ему: Господи, что нас хощеши творити? Доселе мы почти не знали Тебя и делали бесчисленные опущения в исполнении

священных обязанностей своих; обращение свое мы всегда отлагали к будущему времени: теперь мы готовы исполнять все повеления Твои — будь неограниченным Владыкою нашего сердца и жизни!

Решиться исполнять волю Божию и, спустя несколько времени, не соответствовать этой решимости, или решиться исполнять волю Божию только в важных делах жизни — не значит решиться. Решимость эта должна быть твердая и постоянная, она должна простираться и на самые малейшие поступки наши. Если мы решились посвятить жизнь свою Богу, то, чтобы увериться в этой решимости, мы должны испытать свое сердце: готово ли оно пожертвовать Богу самыми тесными связями дружества, самыми закоренелыми привычками, самыми сильными наклонностями, самыми приятными удовольствиями?..

Апреля 11-го

СРЕДА СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ

Больной чахоткой послушник Варсонофий пополудни на одре своем едва только задремал, как увидал во сне: будто он стоит на земле, и вокруг него все пространство вдруг охватило страшным адским пламенем. Все горит с шумом и треском, и пламя приближается к нему... Бежать некуда. Он в страхе и отчаянии будто бы закричал и отпрыгнул. И, в ту же минуту очнувшись, слышит:

— Христос воскресе!

Это помолитвился иеромонах Гавриил у двери, придя его навестить. Войдя в келью, о. Гавриил видит Варсонофия, трясущегося всем телом и изменившего в лице. Он спрашивает его:

— Что с тобою, брате?

— Ох, батюшка! — едва выговорил Варсонофий, — я ад видел. Вся внутренность моя поворотилась от страха!

И он рассказал все подробно. Отец Гавриил утешил его беседой и советовал надеяться на милосердие Воскресшего Господа, Который верующим в Него и исполняющим дела веры уготовал не ад и не муку, а такое неизобразимое вечное блаженство, егоже «око человеческое не виде, и ухо не слыша». После этого Варсонофий едва через несколько часов успокоился и благодарил Бога за то, что Он послал ему в эту страшную минуту посетителя.

Виденный огнь и пламя Варсонофий не мог уподобить никаким ужасам на земле...

Блажен монах, блажен всяк христианин, кому не чужда память о смерти! И что за ужас беспросветного отчаяния ожидает тех неверных христиан, кому чужда эта память! «Безумне! в сию нощь истяжут душу твою от тебе, а яже уготовал еси, кому будут?» (Лк. 12, 20.)

Для тех людей, которые очень привязаны к этой жизни, нет ничего страшнее смерти. Удивительно, что столь много протекших веков не научили нас правильно судить о прошедшем и будущем и не освободили нас от самого очевидного и грубого заблуждения в суждении нашем

о времени. Мы живем так, как будто никогда не должны умереть. Но, хотя бы мы на зрелище міра сего обращали на себя всеобщее внимание, — память наша погибнет вместе с нами, если мы в делах своих руководимся не преданностью воле Божией, но единственно самолюбием или желанием оставить по себе славу своего имени. Богу угодно, чтобы все скрывалось в бездне забвения и чтобы в ней люди погружались гораздо глубже, чем все прочее. Египетские пирамиды еще целы, но имя строителя их неизвестно. Допустим даже, что оно может открыться или уже открылось; но что пользы в том строителю? Он также останется чуждым и неизвестным міру, как если бы он никогда и не был на свете. Итак, что же мы должны делать на земле? К чему послужит самая счастливая жизнь, если она не руководит нас к смерти блаженной, к смерти истинного христианина, исполненного веры в блаженную вечность?

«Будите готови, яко в оньже час не мните Сын Человеческий приидет», — сказал Спаситель. Эти слова относятся к каждому человеку, в каком бы кто возрасте, в каком бы кто состоянии ни был. Но, несмотря на это, большая часть людей составляет себе различные планы, исполнение которых предполагает долговременную жизнь, составляют даже тогда, когда жизнь их очевидно должна скоро окончиться. Если и в самой опасной и неисцельной болезни мы обыкновенно еще питаем надежду выздороветь, то какими только надеждами не обманываем мы себя, когда мы совершенно здоровы?

Отчего в нас такая уверенность как бы в бесконечном продолжении жизни? Отчего мы всегда желали бы отдалить от себя смерть? Оттого, что мы не любим Царствия Божия и благ будущего века. Слабые, беспечные и безверные христиане, мы не можем возвыситься над земными удовольствиями, которые, по собственному нашему признанию, почти всегда вредны и часто гибельны для той же продолжительной жизни на земле, которой мы так дорожим и к которой так стремимся!.. Истинное и верное средство приготовить себя к последним минутам жизни состоит в посвящении каждой минуты жизни единственно исполнению воли Божией и в непрестанном памятовании смерти.

Но памятование смерти для верующего христианина не есть ожидание холодной могилы, но — благ вечных: «ихже око не виде и ухо не слыша и на сердце не взыдоша благая, яже уготова Бог любящим Его» (1 Кор. 2, 9).

Какая, по-видимому, несоразмерность между нашими делами на земле и наградами на небе! Древние христиане непрестанно одушевлялись надеждою будущих благ. Небо не только им казалось, но и было для них отверстым. Ни бесславие, ни мучения, ни жестокая смерть не могла ослабить ревности их на пути благочестия. Они уверены были, что страдания их вознаграждены будут бесконечным блаженством в будущей жизни. Кажется, что мучения и бедствия, как бы ни были они велики и многочисленны, еще не вполне удовлетворяли их сильному желанию терпеть за имя Господа Иисуса

Христа, и они были ничтожны для их непоколебимой твердости. Они даже радость великую испытывали, когда осуждаемы были на глубокое унижение и делались предметом всеобщего презрения. Но мы, малодушные и беспечные христиане, мы не умеем терпеть, потому что не умеем укреплять себя надеждою небесных наград. Мы падаем под бременем и малых, даже часто таких крестов, которые налагают на нас наша гордость, наше неблагоразумие, наши пороки, расслабляющие нас.

Написано, что «сеющие слезами радостию пожнут». Сеют обыкновенно для того, чтобы после собрать жатву. Настоящая жизнь дана нам для сеяния: плоды трудов своих мы будем пожинать в жизни будущей. Но мы, люди земные и плотские, мы хотели жать не сеявши; мы хотели бы служить Богу только тогда, когда бы нам это недорого стоило. Наше самолюбие обыкновенно питает себя великими надеждами, нимало не основывая их на великом терпении. Глухие и слепые, неужели не слышали мы никогда, неужели не видели мы никогда в примерах Святых, что Царствие Божие с нуждою восприемлется и что только те достойны бывают получить его, кто имеет силу и крепость побеждать себя? Путь жизни нашей мы должны омочать слезами о грехах наших, ибо «блажени плачущии, яко тии утешатся; и горе смеющимся, яко возрыдают»; горе тем, кто утешается в этом міре! Будет время, когда все ложные утехи исчезнут и оставят после себя одни гибельные следствия. Мір, который радуется

ныне, будет некогда плакать; но слезы, проливаемые о грехах ныне, будут некогда стерты Самим Богом (Апок. 21, 4).

16 апреля, в понедельник

Прискорбный произошел сегодня в обители нашей случай. Пополудни в 5 часов прибыли в монастырскую гостиницу: земского нашего суда непременный член, Новиков, становой пристав 1-го стана Соколов и священник Казанского собора, Иоанн. Не отнесясь к настоятелю обители, они стали ходить по монастырским заведениям и каждого встречавшегося им расспрашивать: кто он и имеет ли вид? На скотном дворе они ворвались в прачечную к моющим белье, бесчинничали и горько обидели прачек. При входе в гостиницу становой Соколов грозил гостиннику:

— Мы потрясем теперь вашу обитель! Я хоть не бывал здесь, а знаю, как вы тут живете!

Отец игумен вынужден был отыскать их и пригласить в келью. Тут они были угощены и просили, чтобы им прислали ужин на гостиницу. На гостинице они потребовали к себе прибывшего на богомолье щигровского мещанина, Михаила Иванова Авдеева, отобрали от него паспорт, грозили разными дерзостями, грозили, что отдадут его в солдаты, отправят по пересылке... Авдеев, не зная за собой вины, не понимал, чего они от него хотят. Священник же, Иоанн, будучи в беспорядке и куря трубку, твердил:

— Подписывайся — отпустят!

Находившийся у них для угощения и наблюдения рясофорный монах Александр Смирнов, из отставных поручиков, потчевал их ужином. Священник, вернее, поп изругал Смирнова, а становой Соколов с досадой на Смирнова сказал:

— Что вы меня потчуете этим? Я не этой пищи хочу: я денег хочу!

Больно было это слушать Смирнову. Заметив его неудовольствие, компания струсила, и, чтобы как-нибудь замять безумные слова Соколова, они начали кричать на Смирнова:

— За дерзкое ваше обращение мы в присутствии временного отделения суда составим журнал... Пиши! — обратились они к приехавшему с ними письмоводителю, приказному старику, который нюхал в это время табак и держал перо над бумагою. На столе, вместо зерцала, стоял графин с травником и рюмки с закускою. Смирнов возразил им, что он не видит и не признает в таком положении временного отделения, и с этими словами ушел из гостиницы. Наглецы чрез полчаса послали просить Смирнова к ним и по его приходе стали стращать составлением журнала, но ничего, конечно, не составили и Смирнова не запугали. Чрез полчаса они стали просить лошадей до города или дать им проводника, но опять остались и ночевали в гостинице...

Недаром Варсонофий за пять дней до этого видел адский пламень... Но да простит им Господь многомилостивый! Нам заповедь дана апостольская: «друг друга тяготы носите и тако

исполните Закон Христов». Христианская любовь не требует, чтобы мы совершенно не видели слабостей другого: для сего надобно было бы закрыть глаза; но она требует, чтобы мы без нужды не были слишком внимательны к погрешностям и недостаткам ближнего, чтобы мы, имея столь великую склонность замечать ошибки другого, обращали внимание и на совершенства его. Мы должны помнить, что Бог и из самой последней, и из самой ничтожной, по-видимому, твари может сотворить Себе сосуд славы Своей; должны часто представлять себе причины, которые побуждают нас презирать самих себя. Наконец, мы должны помнить, что истинная любовь все прикрывает, все переносит, даже и самое оскорбительное. Любовь знает, что в презрении к другим выражается жестокость и гордость, которые противны Духу Божию. Божественная благодать не презирает того, что в глазах людей часто бывает презренным: она переносит то, потому что Бог, по непостижимым Своим планам, часто из зла производит добро. Ни гордое отвращение, ни излишняя строгость и нетерпеливость, оказываемая человеку, сделавшему некоторые погрешности, не сообразны с ее действиями. Никакое человеческое развращение, если можно так выразиться, не удивляет ее, потому что везде вне Бога она видит только ничтожество и грех. Должны ли мы прекратить или умалить благожелательность наших отношений к человеку потому только, что он подвергся некоторым слабостям? Мы жалуем-

ся, что принуждены бываем терпеть оскорбления от других; но неужели же мы сами не оскорбляли никого? При виде недостатков другого мы показывали неудовольствие; но неужели же мы сами во всем совершенны? Не ужаснулись ли бы мы, если бы все те, которых мы оскорбили когда-нибудь, пришли к нам потребовать удовлетворения за оскорбления? Хотя бы нам и казалось, что мы довольно честны и справедливы во всем, но Бог, который знает самые малейшие и сокровеннейшие дела наши, не может ли обличить нашу виновность пред Ним и, может быть, пред теми самыми людьми, которых мы почитаем виновными пред собою? Итак, будем опасаться, чтобы Бог в день всемирного Суда не спросил у нас, почему мы были немилосердны к нашим братьям, тогда как Он обильно изливал на нас Свое милосердие.

Путь к снисхождению к слабостям ближнего указан Господом нашим Иисусом Христом, говорящим: «Научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем». Он научает нас Своим примером. Он сошел с Неба на землю, принял слабое и бренное тело человека, умер на кресте, чтобы обличить нашу гордость. Тот, Который есть все для нас, унижал Себя до позорнейшей и лютейшей смерти; а мы, которые не значим ничего, хотим быть всем или, по крайней мере, хотим, чтобы нам приписали то, чего мы не имеем. Господь Иисус Христос говорит нам, что Он кроток и смирен: довольно нам того, чтобы подражать Его при-

меру. И кто откажется последовать Ему? Грешник ли, который своею неблагодарностью к Господу своему уже многократно был достоин, чтобы Божественное правосудие поразило его молнией?..

Смирение есть источник истинной кротости. Напротив, гордость всегда бывает надменна, нетерпелива, раздражительна. Человек, который внутренне презирает себя, охотно терпит презрение и от других. Человек, который думает, что он не имеет в себе ничего доброго, не оскорбляется, если должен терпеть обиды от других. Истинная Евангельская кротость не может быть следствием природных кротких качеств души: она есть плод самоотвержения. Господь Иисус Христос был кроток и смирен сердцем — это значит, что смирение не ограничивается одним умственным сознанием своей греховности и недостоинства пред Богом. Смирение есть чувство сердца. Оно есть такое самоуничижение, в котором участвует воля, которого не стыдится человек, но которое приятно ему, потому что он видит в нем средство к прославлению Божию. Смирение есть болезненное чувствование своей бедности пред Богом. Оно состоит в отвержении всякой надеянности на свои естественные силы. Врачевство к исцелению душевных ран оно находит только в одном Боге. Но видеть небесное состояние души своей и впадать в отчаяние — не значит быть смиренным. Отчаяние есть плод гордости. Оно хуже самой гордости.

2 июня

Пополудни прибыл проездом из Одессы в Петербург известный писатель, Николай Васильевич Гоголь. С особенным чувством благоговения отслушал вечерню, панихиду на могиле своего духовного друга, монаха Порфирия Григорова, потом всенощное бдение в соборе. Утром в воскресенье 3-го числа он отстоял в Скиту Литургию и во время поздней обедни отправился на Калугу, поспешая по какому-то делу. Гоголь оставил в памяти нашей обители примерный образец своего благочестия.

Большая была бы сила для Церкви Христовой на земле в лице Николая Васильевича Гоголя, если бы не так поздно обратилась она к истинному благочестию! Какая бездна ума, таланта, энергии затрачена им была, и на что же? На осмеяние души родного русского человека! Велик дар Божий — талант писателя, но и какова же возложена на него ответственность! И как мало на земле людей таланта, постигающих, на что дарование это дано им от Бога, разумеющих истинный смысл Господней притчи о талантах! На что, на какую мелочь житейскую, на какой, в сущности, вздор, именуемый нами «делами», размениваем и размативаем мы наше духовное богатство, забывая о «едином на потребу!» Гоголь, хотя и поздно, но все же истинно и искренне понял назначение христианского писателя, устрашился страшного ответа, который ему придется дать пред Домовладыкой, от всего сердца принес

покаяние в содеянном им тяжком грехе осмеяния Божьего творения — души христианской: на нем и в нем милосердие Божие победило грех человеческий. Но что сказать о других великих русских талантах? Вспомним горестный конец обоих «властителей» верхов русской мысли — Пушкина и Лермонтова, и скажем себе с сердечным трепетом: «Страшно грешнику впасть в руце Бога Живаго!..»

«Печешися и молвиши о мнозе, едино же есть на потребу», — сказал Спаситель Марфе, сестре четверодневного Лазаря. Нам кажется, что у нас тысяча дел, между тем как у нас одно только дело. Если мы худо исполняем это дело, то все другие дела, сколько бы они ни казались успешными, бесполезны для нас. Для чего же мы печемся о многих делах? Для чего умножаем беспокойства свои? Решимся же впредь посвящать внимание свое, все труды этому одному делу, которое дано нам здесь на земле. При свете слова Божия, при содействии Божественной благодати, в каждое мгновение данного нам времени будем, сколько позволят нам наши силы, исполнять то, к чему будет призывать и обязывать нас Промысл Божий. Оставим все прочее, если оно не относится к «единому на потребу», потому что все прочее препятствует его исполнению.

«Дело соверших, еже дал еси Мне да сотворю», — сказал Спаситель Богу Отцу Своему. Каждый из нас должен быть готов сказать слова эти в тот день, в который у него потребуют отчета всей его жизни. Все то, к исполнению

чего ежедневно призывает нас Промысл, мы должны почитать делом, возложенным на нас Самим Богом, и потому должны заниматься этим делом соответственно величию и важности его нам Назначившего, то есть должны исполнять свои обязанности с точностью, со спокойным духом, как бы в присутствии Божием. Не должны показывать нигде нерадения, никогда не действовать по побуждению страстей; должны подавлять в себе самолюбие и не увлекаться ревностию к славе Божией, основанной на одном самолюбии. Более всего мы должны молить Бога, чтобы Он нам дал силу и крепость в исполнении обязанностей наших и дух смирения при успешном их выполнении, чтобы волею Своею Он оживотворил волю нашу и, наконец, чтобы благодатию Своею побуждал нас и в самых занятиях наших должностями, сколько можно чаще, обращать сердце наше к Нему. Мы должны быть совершенно в воле Его и предоставлять Ему благословлять наши слабые труды такими успехами, какими Ему будет угодно, или никакими, если Ему не угодно будет...

Ноябрь

Разбирая рукописный материал, оставшийся в черновых бумагах в Бозе почившего старца Льва, я нашел два его письма к неизвестным мне мирским лицам. Хотя содержание их ничего не имеет общего с жизнью монашеской и, казалось бы, не место им в моих записях, но они исполнены такой мудрости и убедительной силы, что было бы жаль мне не сохранить для

себя этих образцов силы слова основателя старчества в нашей Обители.

Первое из этих писем обращается к некоему господину, преступившему 7-ю заповедь, укоряемому совестию и собственным разумом желающему просвещения от книг Божественного Писания.

«Писанием вашим от 24-го сего октября, с людьми вашими посланным, — так пишет Старец, — изъявляете моей худости известную мне вашу слабость, от коей не только не воздержались, но еще видите в себе усилившеюся более — по случаю известному... Желая найти успокоение совести, терзающей ваше сердце, делаете заключения по вашему понятию, приведя из Ветхого и Нового Завета тексты Священного Писания и течение естественного закона. Однако ж ни в чем оном не находите себе успокоения и могли бы прийти в отчаяние, ежели бы не слова св. апостола Павла, что самая вера и добродетель — не от нас, но дар Божий. Итак, вы припадаете ко Господу с покаянием и прошением победить в вас все противное, воскресить или возродить в вас нового духовного человека, в чем, однако ж, просите моего наставления и вразумления. Хотя я чувствую слабость своего здоровья и лишение себя в написании вам своеручного ответа, но так как вижу веру вашу ко мне, убогому, диктованием чрез другого сие вам пишу, желая как мнения ваши обратить к истине, так и указать средство, где и как искать исцеления болезнующей душе вашей.

Истинно и несомненно то, что грешнику, ощутившему свои грехи и биемому от угрызения совести, должно искать прощения и исцеления язв своих у милосердого нашего Спасителя, искупившего нас крестною смертию, пролитием пречистой Своей Крови, принесшего Себя Богу и Отцу в жертву о грехах наших. Но Он, совершив дело спасения нашего, даровал нам Божественное Свое учение, основал на земле Церковь, установил Св. Таинства, поставил пастырей и учителей церковных и, посылая их, св. апостолам сказал: Шедше научите вся языки, крестяще их во Имя Отца и Сына и Святаго Духа блюсти вся, елика заповедах вам: иже веру имет и крестится, спасен будет, а иже не имет веры, осужден будет». И прежде сего: «Слушаяй вас Мене слушает, и отметаяйся вас Мене отметается и пославшаго Мя Отца». И: «Аще преслушает Церковь, буди тебе яко язычник и мытарь»; и: «Аще свяжете на земли, будут связана на небеси, и аще разрешите на земли, будут разрешена на небеси». Все сии слова относятся как до св. апостолов, так и до преемников их, церковных пастырей и учителей, даже до сего времени. Церковь в своем основании пребудет всегда тверда, и врата адовы не одолеют ей. Какие сделаны впоследствии установления в учреждении Св. Церкви как св. апостолами, так Вселенскими Соборами, пастырями и учителями церковными по вышеписанным заповедям Божиим, должны мы почитать и хранить свято, повиноваться учению Церкви и Священного Писания смысл не определять своим

разумом, а так, как оный Церковь приняла и определила, ибо она Духом Святым все сие действовала, имея Главу Церкви Самого Христа. От противного же сему известно, какие произошли ереси, расколы и разделения. Но мы, как благодатию Божиею находимся в истинно Православной Соборной и Апостольской Церкви, должны, благодаря Бога, повиноваться ей во всем, не внимая чуждым или своим мнениям, а иначе уже не можем именоваться и быть сынами Церкви, но противники оной, за что нельзя избежать осуждения.

Вы, делая свои заключения, основываясь на Священном Писании, нигде не предложили себе заповеди Божией о повиновении Св. Церкви и к ней ни в чем не относили умозаключения, а прямо сами полагали смысл Священного Писания. Но во многом погрешили те люди, которые сомнительно установляли в Церкви порядок и определяли по-своему смысл Священного Писания. В богодухновенных пастырях и учителях церковных Сам Дух Святый действовал в их деле, но вы сего о себе сказать не можете, хотя и имеете естественный, науками просвещенный ум, но не благодатию. Знайте же, что «мудрость века сего — буйство есть у Бога». Итак, советую вам, когда желаете спастись, во всем повинуйтесь Церкви, в которой вы находитесь — Православной Восточной Греко-Российской. А дабы знать в точности ее учение, прочтите православное исповедание Апостольской Кафолической Церкви Восточной, которое уже в седьмой раз издали в 1838 году в

Москве. Еще помещено оно в «Христианском Чтении» 1838 года и после особой статьей напечатано под названием «Царские и Патриаршие грамоты», послание патриархов Восточной Кафолической Церкви о Православной вере.

Вы пишете, что, по слову св. апостола к Ефесянам (2, 8), вера и все добродетели суть дар Божий — плоды Духа Святаго, почему и опираетесь на сие, будто бы не от вас зависит исполнение сего. Прочтите на сие толкование св. Иоанна Златоустого: «Вера, точно, — дар Божий, пришествием Его нам дарованный; но не отнято самовластие. Он удаляет от нас то, чтобы мы не похвалялись бы собою, говоря: «Божий дар — не от дел, да никтоже похвалится». А далее говорит: «Создани о Христе Иисусе на дела благая, яже прежде уготова Бог, да в них ходим». Сим поставил не едину веру, но и добрые дела. Имея основанием дар Божий — веру, не можем похвалиться ни ею, ни исполнением благих дел, ибо имеем предваряющую нас благодать Божию, чрез совесть зовущую нас ко благому; и когда самовластие преклонится ко благому, тогда паки благодать помогает, потому что и еже ходити, и еже деяти — от Бога. Когда же Бог зовет нас через совесть ко благому, а самовластие наше противится оному, то Бог, не нудя нас, попускает исполняться воле нашей, отчего помрачается ум наш, изнемогает произволение, и мы «творим дела неподобныя: понеже не искусиша Бога имети в разуме, попусти их Бог творити неподобная». Плоды же Духа Святаго даруются уже

тем, которые стараются исполнять заповеди Христовы.

Опять вы приводите св. Евангелие Матфея, главы 5-й ст. ст. 31 и 32, совсем в противном смысле предлежащему делу о выдаче в замужество... Там сказано *о жене.* Но в сем деле есть одно только преступление, о котором надо более ужасаться, нежели уважать закон естества, потому что оно — от греховного действа, в противность 7-й заповеди Божией и Евангелию (Мф. 19, 9), а также и учению св. апостола Павла (1 Кор. 6, 9 и Евр. 13, 4). Без всякого опасения надобно стараться выдать в замужество, дабы расторгнуть греховные узы, связывающие вашу совесть: тогда вы будете свободнее, и покаяние ваше будет истинное и действительное, ибо покаяние тогда только истинно бывает, когда человек восчувствует грехи свои, коими прогневал Создателя своего, оставляет греховное действо, сожалеет об оном и раскаивается, после чего удостоивается прощения благодатию Христовою чрез разрешение священника. А когда не оставляет греха, хотя и кается, то сие не есть покаяние, но опасное, чрезмерное и даже безрассудное упование на благость Божию, которое так же, как и отчаяние, в равной мере судится пред Богом. Вы видите, что носите печать наказания Божия отведением в греховный плен сердца вашего и помрачением смысла, ибо и самое Священное Писание толкуете не в свою пользу, а во вред себе и некоторым образом поставляете Бога виновником, якобы не давшего вам дара к де-

ланию угодного Ему. Вспомните ваши лета: может быть, уже к вечеру склонился день ваш; к тому же и неизвестность кончины! И дабы еще более не помрачаться и не остаться в плену и узах греха, зовущу вас Богу биением совести (я знаю, что она вам мира и покоя не дает), покажите самовластие вашего благого произволения, оставьте... и просите Божией помощи, которая очень нужна вам: тогда и разрешение получите, а без того оное служит вам вящим поводом к греху. Я воспомянул вам о наказаниях духовных, постигших вас; но опасайтесь и явных, в коих является правосудие Божие. Когда человек волею не оставляет чего вредящего ему, то и неволею к сему принудит. Повинитесь по всем правилам св. Церкви и богодухновенным учителям ее, а не своему разуму. Может быть, нет ли сего в вас, что не имеете к себе особенного внимания и не считаете должным во всем держаться постановлений Церкви, рассуждая все своим разумом? Это можно отнести к гордости, за что и попущено вам отведенным быть в плен. Смиритесь же во всем пред Богом и людьми: на смирение это призрит премилосердый Господь и избавит вас от сего плена и дарует прощение грехов.

Предлагая вам сей мой совет, молю Господа, да даст вам чувство и силу к исправлению себя и к принесению истинного покаяния, нужного для вечности. И, при пожелании вам мира, здравия и спасения, с нижайшим почтением пребыть честь имею ваш недостойный богомолец иеросхимонах Лев.

Выписка из книги 1-й части воскресных и праздничных поучений: «Христианине, хотящий причаститися, не приближайся семо, не приступай! Развяжи прежде связывающие твою душу узы грехов своих истинною исповедию. Во вражде ли ты с кем — развяжи прежде узы вражды и примирися с ближним твоим; обидел ли кого, украл ли, отнял ли что у кого и имееши у себя чужую вещь — развяжи узел обиды и учини обиженному праведное возвращение. Связался ли с блудницею или прелюбодейцею и жил в грехе толикое время на общий соблазн другим — развяжи узел плотский и свободи плененную душу от рук диавольских». И паки во 2-й части Добротолюбия, у иноков Каллиста и Игнатия гл. 80-я — «О поползновении и покаянии». И Св. Исаак пишет в 90-м слове: «Не егда в чесом поползнемся, тогда опечалимся, но егда пребудем в том: поползновение бо множицею случается и совершенным. А еже в нем пребыти — умерщвление есть совершенно. Уже упованием покаяния поползаяйся вторицею, сей коварно ходит с Богом: на сего неведомо нападает смерть, и не достизает времени упования своего — исполнити дела добродетели».

Другое письмо великого старца Льва касается сожительства с женою в браке и обращается к некоему мирянину, возмнившему, что жизнь по плоти в браке может служить препятствием к достижению Небесного Царствия. Сети вражеские уловляют весьма часто неопытное благочестие призраками и мечтаниями мнимого подвижничества: раскрытию одного из таких

обманов врага нашего спасения и посвящено с великою проникновенностью предлежащее письмо:

«Пишешь ты: «можно ли в вере, имевши брак, то есть жену, и живши в неразлучности с нею, быть наследником Царствия Небесного?»

Касательно сего пункта Спаситель наш Иисус Христос сказал: «Несте ли чли, яко Сотворивый искони мужеский пол и женский сотворил я есть; и рече: сего ради оставит человек отца своего и матерь и прилепится к жене своей, и будета оба в плоть едину, якоже ктому неста два, но плоть едина: еже убо Бог сочета, человек да не разлучает» (Мф. 19, 4–6). И св. Апостол Павел сказал: «Честна женитва во всех и ложе нескверно: блудником же и прелюбодеем судит Бог»(Евр. 13, 4). Еще чти Еф. 5, 25; 1 Кор. 7, 1–11. Поелику Сам Бог сотворил мужа и жену; а когда Сам Бог сотворил их, следовательно, не на погибель душевную, но на пользу, и сказал: «Раститеся и множитеся, и наполните землю» (Быт. 1, 28); и паки: «Не добро быти человеку единому, сотворим ему помощника по нему» (Быт. 2, 18).

Прочти и историю церковную и увидишь, как в Ветхом Завете и Новой Благодати сколько было праведников в мире, живших с законными женами: они не погибли, а получили Царство Небесное. Так и ныне живущие с женами по закону не погибнут, но получат жизнь вечную. А что ты пишешь о каких-то людях-постниках, разлучившихся с женами, живущих розно по домам и по временам собирающихся в

одном доме для отправления по своему обычаю какой-то службы: об этих людях безошибочно можно заключить, что это какие-нибудь раскольники, а не правоверные, ибо противятся Церкви и ее постановлениям, основываясь на своем помраченном страстями и прелестию бесовскою разуме. И потому они суть подражатели древним еретикам, о каковых ниже сего увидите. В Кормчей же Поместного Собора иже в Гангре, в правилах 5-м и 6-м, сказано следующее: «Аще кто учит дом Божий, рекше — Церковь, преобидети и нерадети о ней, ни собиратися в ней во время молитвы на пение, да будет проклят». И паки: «Аще кто кроме Соборныя Церкви о себе собирается и, нерадя о Церкви, церковная ищет творити, не сущу с ним пресвитеру по воле Епископа, да будет проклят».

При сем скажу тебе о еретиках, бывших в древности, кои гнушались законным браком и учили расторгать оный, а именно были: 1) маркиониты, 2) евстафиане. Они, кроме того, что брак отвергали, охуждали мясо ядущих и вино пиющих, брачные ризы носящих; гнушались и Причастием Тела и Крови Христовых (так же, как и нынешние раскольники, противники Церкви); учили в церковь святую не входить на пение и молитвословие, и во вретищах ходили. За таковое их лицемерное воздержание и осуждение благочестивых, святой Поместный Собор, бывший в Гангре, осудил и проклял (зри в Кормчей означенного Собора — правила 1-е, 2-е и 9-е). Подобно сему, и мессалиане и энк-

ратисты, и богомилы также учили расторгать законные браки, а сами тайно сквернились так, как и ныне многие из раскольников. И потому — прошу и молю таковых не слушать, но повиноваться церковным пастырям — преемникам апостольским. Ходи в церковь Божию, исповедуйся пред служителем Христовым, приобщайся Божественных Таин, то есть Тела и Крови Христовых; и ежели что по-видимому и увидите в служителях Христовых, делающих сану их непристойное, бойся осуждать их, поелику их и нас судить будет Судия нелицеприятный Сам Бог Иисус Христос. И когда сохранишь сие, не лишишься милости Божией, а брак твой и сожитие с женою в благочестии не воспрепятствуют тебе внити в Царствие Небесное, поелику Церковь, основываясь на вышеписанном Священном Писании, установила в числе семи таинств церковных и таинство брака, которое служит освящением к размножению рода человеческого, и потому, без сомнения, живущие по заповедям Божиим и повинующиеся Церкви наследуют Царство Небесное. Недостойный богомолец, иеросх. Лев».

1852 год

29 января. Вторник утром в 8 часов скончался престарелый трудник в обители сей, Антоний Никитин; от роду имел более ста лет, а в монастыре находился с 1834 года на монастырских трудах в числе послушников, с дозволения своего господина, помещика Егорьевского

уезда Рязанской губернии, Гвардии штабс-капитана Николая Петровича Полозова. По паспорту покойному было до девяноста четырех лет. Крепок телом, был обходчиком монастырского леса. С 1849 года ослабело у него зрение, а потом ослеп. Пред смертию поболел, исповедался, приобщился Св. Таин, особоровался в совершенной памяти и удостоился видеть внутренними очами посещение его Богоматерью, но не мог подробно изъяснить того посещения. Тихо почил о Господе. 31-го по Литургии погребен на братском кладбище.

Как от земли до неба, так и наша современная жизнь монашеская от жизни тех великих духом, кто положил основание чудному житию монашескому! А все-таки нет на земле ему равного, и не оставляет нас Господь Своею милостию: хотя плохо, с трудом, хромая на оба колена, а тянемся мы, нерадивые монахи, к Царству Небесному. Не то в міру: там о Царстве Божием, кажется, и вовсе забыли. Чем только все это кончится?..

Сказывал мне иеросхимонах Антоний:

«Один отставной военный спрашивает меня:

— Можно ли поминать мне мою родную матушку? — А сам заплакал.

— Почему ж не поминать? Ведь ты — сын, кто ж должен более поминать, — отвечаю, — как не ты?

— Так-то так, батюшка! Да вот наш священник запретил; даже поминанье выбрасывает в окно из алтаря, где имя ее вписано. «Пожгу, — говорит, — ваши поминанья, где эти

проклятые вписаны. Или вымарайте их, а так не носите в церковь!»

— Да почему ж, — спрашиваю, — такое запрещение?

— Да они, вишь, в бунте побиты, их много.

— Какой же это бунт и по какому случаю он был?

— Я в это время не был дома, а состоял на службе. Вот сестра моя, тоже солдатка, та вам все расскажет: она была это страшное время дома, все видела и потонку все знает... Когда меня отдавали в солдаты, наш народ был зажиточный, благочестивый; хлеба, скота — всего вдоволь. А как отслужился, пришел в свое село да как глянул — сердце замерло!.. Ну ты, сестра, рассказывай, что своими-то глазами видела!

«Наша слобода Масловка, — так повела мне свой рассказ сестра военного, — принадлежала одному графу, которого ни мы, ни старики наши и в глаза не видали: он все жил то в Питере, то где-то в чужих землях. Жил он, сказывали, очень роскошно, оттого и прожился. По этому самому и продал он нас богатому армянину. Дарма, что это был армянин, а у него на груди было много медалей и крестов разных: попали, значит, в хорошие руки! Да нам бы — Бог с ним: ведь и жиды бывают богатые; а нам, крестьянам, кому бы ни работать, все же работать. Да дело-то только вот в чем: он — хозяин, дело свое знает, а жены у него нету. Говорили другие, что есть, да она жить с ним не захотела. Вот и приказал он

бурмистру выбрать для его горницы девчонок лет в пятнадцать и до двадцати. Делать нечего: хочешь не хочешь, а исполняй волю барскую, хоть он и не природный наш барин. Потом оказалось, что он всех этих девчонок насильно осквернил, чего у нас в слободе сроду не было, чтобы нечестная девка да замуж выходила. А армянин велел: какую ни на есть, да бери девку замуж — барин, мол, велел. А на место тех давай, бурмистр, новых!

— Ваше благородие, — говорит бурмистр, — у нас того не было; ведь народ обижается!

— А, ты еще учить меня стал! Чтоб было, что приказываю! Имение мое; что хочу, то и делаю!

Раскричался армянин, растопался на бурмистра...

Народ — к священнику.

— Что ж делать? — говорит священник. — Надо повиноваться.

— Нет, батюшка, не так говоришь, — отвечает народ, — а вы скажите-ка барину, что у нас каждый за свое дитя на смерть готов.

С того времени священник барину сделался друг и приятель: везде с ним целые ночи гуляют и даже на охоту с ним стал ездить...

Барин еще имел слободу верстах в восьмидесяти. Он там при доме устроил рукодельню, куда набрал девок из Масловки; а в Масловке тоже была своя рукодельня, куда он набирал девок из той слободы. Поживет, поживет он в Масловке да туда и переедет: там ему с девками — своя воля. Постов у него, как у басурма-

на, никаких не было. А в Масловку переедет — с девками, что из той слободы, что хочет, то и делает; а потом опять меняет. Брюхатых поп венчает. А как возьмут девок-то домой, да как они своим порасскажут, что было, что он — нечистая сила — с ними делал, то прямо ужас возьмет.

Вот собрались наши, помолились Богу, пошли к барину: какую, мол, хочешь работу мы на тебя будем делать, только не твори ты этого с детьми нашими!

Как закричит на них армянин:

— Если я делаю — кто мне указ? Я ведь вас купил; что хочу, то и делаю! Свиньи! не понимаете, что никто мне запретить не может; ведь и кожа ваша, и та — моя собственность!

Накричал, цукал, чертакал, даже зубы многим расколотил до крови; а кончил тем, что сказал:

— Если вы еще осмелитесь прийти, то всех велю передрать кнутьями, а свое все-таки делать буду.

— Ну, что тут делать, братцы? Его, басурмана, хоть как проси, а он только злится, да потешается, да кнутьями нас драть собирается. Видно, не сдобровать нам!

Собрались опять к барину.

— Ну, что пришли?

Становимся на колени:

— Опять к вашей милости! Мы к вам назначенных девок не пустили — не во гнев вашей милости будет!

— Как? Стало быть, не я, а вы будете мною распоряжаться?.. Эй, кнутьев!

— Нет, барин! мы ни один не виноваты. Пусть нас по суду наказывают, а мы больше тебе не слуги.

Чего-чего только тут он не делал: кричал, проклинал, ругал! Но мы, как один человек, уперлись на своем.

На другой день он укатил в Ставрополь. Что он там делал, кому там на нас жалобу заносил, только нагрянул на нашу Масловку суд и команда солдат с пушками. Судьи поместились в барском доме, а солдат расставили по слободе. Начали нас водить поодиночке под караулом с ружьями. Все показывали одно: от барина, мол, мы не прочь, но за насильство наших дочерей не хотим повиноваться. Потом собрали сход. На сходе то же все говорили; а судьи всё увещевали барину повиноваться.

— Мы готовы, — говорим, — только вот он требует наших дочерей на осквернение, и уже скольких осквернил; за это мы не повинуемся и готовы на смерть!

Потом собрали нас к церкви. Вышел к нам благочинный, протопоп и наш священник. Поставили аналой, положили Крест и Евангелие.

— Ну, православные! знаете ли, — говорят, — что вы наделали своим неповиновением?

Ответ был один: мы повинуемся, а дело-то идет не за то, а за дочерей наших.

— Ведь вот, — говорим, — батюшка знает: мы ему всё наше горе рассказывали.

Стали они тут Евангелие читать. Зашумел народ наш:

— Что это еще, батюшки, отцы наши духовные, наставники наши! Да чему ж вы нас учите? Чтоб наших дочерей водили к басурману на осквернение, а мы бы молчали? У вас свои дети есть: ну-ка, попробуй кто вашу дочь тронуть! Что вы тогда заговорите?.. Ах, отцы наши, наставники! Вы бы судьям-то внушили, чтобы они барину сказали закон христианский, а вы еще настаиваете на том, что от нас басурман требует. Грех вам непростительный! Пусть нас Бог судит, а вашего наставления мы принять не можем!

— А-а! Так вы, проклятые, нас теперь учить стали! Не христиане вы есте, коли властей не слушаете!

И все трое закричали в один голос:

— Команда, делай свое дело!

Взяли аналой, Крест и Евангелие и понесли в церковь...

Вдруг раздался из пушки холостой выстрел. Народ вздрогнул. Обратились все к церкви, начали молиться; послышался плач, рыдание; начали друг с другом на смерть прощаться; руки к небу воздевают... Команда кричит:

— Смирно!

И этой команды слушать некому: сплошной стон стоит над толпой, ничего уже не слышит народушко. Как ударят тут по народу из пушки картечью — так целую улицу и вырвало мертвых! Боже мой, что тут было! Кругом — мертвые тела, и между ними ворочаются в своей и

чужой крови раненые, но еще живые...Бросился было народ к убитым, да солдаты не допустили и начали всем вязать назад руки. Я тоже кинулась к убитой своей матери — у нее вся голова была разбита, и мозг с кровью залил ей все лицо, — а солдат меня схватил за шиворот так крепко, что едва не задушил, и отбросил меня, как сноп, в сторону: только и видела я родимую!.. А теперь и поминать не велят, как проклятую!..»

И рассказчица при этих словах залилась слезами.

Я спросил:

— Скажите же, чем все это кончилось?

— Да чем? Всех разогнали по домам, хоть и рвался народ к покойникам. Вырыли солдаты две большие ямы и начали туда зря кидать мертвых. Накидали в одну сто тридцать человек, а в другую, которая была вдвое больше, валили без счету. Говорят, что всех было четыреста, ведь там были из слободы все до единого человека, да еще с младенцами на руках. Священники погребения служить не стали: сказали, что будто они все одно что удавленники — сами, мол, шли на смерть; к тому же и нас-де, отцов своих духовных, не послушались, а еще и нагрубили... Ямы зарыли; а судьи и священники в барские хоромы отправились. И был им бал на всю ночь; перепились все мертвецки. И эта непросыпная продолжалась у них около месяца. А солдат расставили по всей слободе; велено им было гулять и вольничать как хотели. Вот тут-то мы и еще больше горя хлеб-

нули... Как только потерпел его Господь?.. По примеру барина потребовали и власти девок да молодых баб; и пошло тут сплошное насилие. Довелось этого греха вкусить и попам. Рассорилась как-то уж после попадья с попом и, не таясь, при всем народе кричала, упрекала его в этом. Да и барин тоже после говорил:

— А что? Вот и попы ваши то же делали, что и я. Да я-то — барин, а они-то к чему такую беду творили?

Солдаты хоть и вольничали, но не делали такого насилия, как власти. И пока девок-то да баб в хоромы водили, да власти там сидели да бражничали, солдатам строго было приказано из слободы никого не выпускать, боясь доноса. Собираться двоим-троим вместе тоже не было позволено; от могил, и от тех отгоняли людей. Каждый почти день оседали могилы, и их обваливали свежей землей. Долго не зарастали могилы... Шесть человек отправили в тюрьму. Четыре человека ушли было тайком доносить Государю; их поймали да в ту же тюрьму. А тут и власти разъезжаться стали, довольные-предовольные барином. Благочинный от барина получил пару жеребцов; протопоп — заводскую кобылу, а нашему попу он дом выстроил и всем хозяйством обставил... Так это и прошло. Крестьян разорили. Кого в тюрьме сгноили, кого при усмирении убили, а кто и сам помер с горя да со страху...»

Такую-то вот едва вероятную историю поведал мне иеросхимонах Антоний, и еще добавил:

— Служивый, бывший у меня, справлялся в судебном месте своего губернского города по

этому делу. Ему дали выписку, а в выписке было сказано: «Масловский-де бунт усмирен благоразумными мерами губернских властей. Хотя и было прибегнуто к огнестрельному оружию, но больше для оказания страха; причем урон в бунтовавшей толпе был самый незначительный...»

К чему приведет Россию все умножающееся беззаконие? — подумать страшно! Страшно еще, в особенности и потому, что ей вверено Богом Православие, она — единственный крепкий приют и могущественный оплот истинной Христовой Церкви на земле. Правда, в описанном мною беззаконии действующим лицом был армянин-иноверец. Но так ли стало теперь чуждо его духу наше коренное российское дворянство? Если вспомнить грехи его за время, протекшее со времени приобщения его к западной лжецивилизации, то как не сказать, что вольтерианизм, масонство, иезуитизм, продажа своей чести и руки откупщикам, подрядчикам, поставщикам, раскольникам, скопцам, жидам, казнокрадство и все беспорядки управления Россиею — все это тяжелым бременем наипаче ляжет на дворянство! А катастрофы восшествия на престол! А смерть Петра III, Павла I, Ивана Антоновича, 14 декабря! Во всем этом блистают благородные имена. Стоит только вспомнить о Перекусихиной, о шутах и шутихах — невольно подумаешь, что иногда Царям и Царицам дворянство служило не одною верою и правдою. О Русь! куда ты катишься?.. Еще укажу на одно: любовь к французам и подражание их людям и обычаям. Это дворян-

ская болезнь, доходящая до помешательства ума. Французы разорили Москву, поругались над святынею Кремля. Французы — вечные враги России. С этою мыслью я живу. Нынешнее поколение забыло страшный 12-й год... Будущее никому не открылось. Исправить нас может Единый Всемогущий Господь. Но если Греки ничем не исправлялись и заслужили разорение своего святого города, преисполненного святынею, то и нам к древней простоте возвратиться невозможно. Хотя в России хранится Ковчег Православия, но и ее не пощадит Господь. Руки его не отведет даже и консервативное дворянство. Да, оно, это консерваторство, никогда не останавливало потока, ежедневно все более наполняющегося разными притоками и ручьями, и консерваторы наши, как и французские жирондисты, увлечены будут общим потоком.

Я думаю, что и наше дворянство кончит на французский манер...

Но да не возглаголют уста мои дел человеческих!

Май

Записал я в свои заметки некоторые мысли о русском дворянстве и думал на том и покончить с этим вопросом. А теперь приходится опять вернуться к нему не без чувства негодования, и вот по какому поводу. На днях наш отец Настоятель получил письмо от Наместника Троице-Сергиевой Лавры, архимандрита Антония. Привожу его целиком:

Иноков украшение,
пустынных мироварниц благоухание,
подвигов старческих обновление,
славословие Отцев!
Богом умудряемые Отцы!

Кланяюсь вам смиреннейше, а паче тебе, вождь боголюбивейший, любезнейший о Господе Старец Отец Моисей!

К вам, как умудренным опытами, прибегаю с моею просьбою: поверьте, Господа ради, мои рассуждения и поступок и требующее исправления исправьте, согласное с истиною подтвердите.

Чтобы понятнее было дело, надо вам описать случай просто, как он подошел ко мне.

На днях приезжаю я в Скит наш. Приходит ко мне отдельно живущий в пустынной келье иеросхимонах, о. Иларион, и рассказывает свое смущение и недоумение.

«Был, — говорит он, — у меня князь В. и рассказывал мне, что киевский иеромонах, о. Парфений, отец его духовный, говорит, что как ныне все науки и художества от просвещения приобрели новое и лучшее направление, чего не было известно древле — одно открыто, а иное усовершенствованно — так и в молитве умно-сердечной он, отец Парфений, открывает усовершенствование и облегчение, которых прежде не знали, а ныне он опытом своим познал и заповедует детям своим духовным творить ее новым образом и учить оной и

других, а именно: «Иисусе Марие» — и больше ничего не нужно. Сей образ сокращенной молитвы беспрестанно повторять мысленно, и самым скорым временем посетит человека благодать Божия».

Лицо отца Парфения, как мужа духовного, всеми уважаемого, известно всем, так князь и предлагал иеросхимонаху нашему воспользоваться сим учением.

По смирению своему и не найдясь вдруг, что ответить, иеросхимонах промолчал и ничего не ответил князю; а как я был в тот же день в Скиту, то он пришел ко мне и пересказал разговор князя.

Я счел своею обязанностью не только говорить с князем, но и просить его, дабы он впредь подобными новыми учениями не смущал духовного мира братий.

На другой же день, встретясь в Лавре с князем, я сказал ему просто, что, вероятно, вместо чаемой пользы, он нанес пустыннику смущение, в котором я, по обязанности, разделяю участие. Притом говорю:

— Вероятно, князь, вы ошиблись и не так поняли учение о. Парфения; быть не может, чтобы духовный человек, вопреки догматического понятия и преданий отеческих, стал учить нецерковной молитве.

Князь мне подтвердил то же самое, что сказал и схимнику, и, естественно оскорбясь на меня, доказывал святость учения святостию жизни о. Парфения и видениями, каких он, по милости Божией, сподобляется.

Я говорю князю, что иное дело — видение, а иное дело — учение. История показывает нам многие опыты, что за чистоту жития и труды о Господе иные имели видения (не говоря о подложных) истинные, и в то же время содержали неправое учение: так, читаем в Отечнике, что одному старцу сослужил Ангел, а, по незнанию и неопытности, сам старец содержал в молитвах кое-что из учения Нестория; и когда сведущий в догматах диакон указал на неправность священнику, то Ангел велел послушать диакона, а за безнамеренность и незнание успокоил священника. Подобно и преподобный Евфросин вошел в учение сугубого аллилуйя, основываясь сам, а на сем и другие, то есть — на видениях, и тем далеко простер волнение Св. Церкви.

Пересказав все это князю, который даже и своих благодатных опытов не постыдился по закону смирения представить, говорю, что я это просто называю важной ошибкой, кто бы ни был ее изобретатель. Имена Иисус, Мария — суть имена общечеловеческие, и на призвание сих имен могут подойти к душе «Иисусы и Марии», от которых лучше бежать, нежели дать гостеприимство в душе и в сердце. Преданная же Отцами Святой Церкви молитва есть столп и утверждение истины, ибо в ней содержатся: исповедание веры нашей в Богочеловека Искупителя, молитва и покаяние. Так, с учения святых триех апостолов — Петра, Иоанна и Павла — условили произносить оную так: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй

мя, грешного». За немощь твердости мыслей учили на пол-оной сокращать, но никогда не учили смешанно и так непочтительно, без Ипостасного Имени Господа и Пресвятыя Богородицы, именовать в молитве.

Есть одно указание у Каллиста и Игнатия в 50-й главе, что «совершеннии о Христе единым Именем «Иисусе» довольни суть». Но это вовсе не благоприятствует новому учению, ибо о нем сказано для *совершенных*, прошедших начало и среду и высших всего міра действами и помышленьми, а не для нас, просто влающихся в страстных обычаях. Притом Имя это единичное, а не смешанное. Святая Церковь совокупляет Имена Святыя Троицы, и это по единосущию Божества, но в прочих именах явственно разделяет и нигде не учит: «Иисусе — Марие, спаси нас». И видно, что Первый призывается спасти естеством Божества, а Вторая — благодатию обожения.

Князь не принял моих слов, но я все-таки подтвердил, чтобы он нового учения в обители не распространял, хотя он в доказательство и то говорил, что многие и духовные особы благодарят его за такой краткий способ молитвы, от святого мужа им преподаваемый.

Я говорю князю:

— Не людям и святости их надо веровать и послушать их учения, а Святой Церкви и ее учителям, святым Отцам. А опытнейшие из учителей и Ангела повелели не слушать, если бы учил их не по преданию Святой Церкви.

Так, кажется, беседа наша окончилась, к сожалению моему, видимым оскорблением на меня князя.

Теперь прошу вашего ответа: должен ли я вступиться как блюститель не точию стен обители, но и чистоты духовных и православных мыслей братии?

Буде должен был, по незнанию моему опытно дела молитвенного, не погрешил ли я сказанием и — в чем? И находите ли вы такую молитву — «Иисусе Марие» — несообразной с преданием и православием Святой нашей Церкви?

На все сие буду ждать ответа вашего с любовию и смирением.

Целую вас о Христе Иисусе Господе нашем, ваш послушник, Свято-Троицкой Сергиевой Лавры Наместник,

Архимандрит, грешный Антоний.

Как же не негодовать на дворянство, представители которого, исказив и извратив основы и разум самобытного государственного устроения государства Российского, ныне тщатся внести лжеучения даже и в такие недра отечественной Церкви, как монастыри и пустынножительство? Если бы еще пример князя В. был единичный, но — нет: подобными этому примерами исполнена летопись нашей православной церковной жизни, которая еще так недавно пережила давление свыше лукавого лжемистицизма другого князя с присными. Времена Голицына еще свежи в нашей памяти...

1853 год

Августа 13-го в 9 часов в скитской церкви совершено присоединение к Православной Церкви и св. Миропомазание сына пастора, кандидата Московского университета, Карла Карловича Зидергольм. Дано имя — Константин. Он прибыл к нам в обитель 9 августа к старцу Макарию, по совету Натальи Петровны Киреевской. Новоприсоединенный чувствовал необъяснимую духовную радость, и все бывшие при действии присоединения и миропомазания тронуты были до слез духовною радостию о присоединенном.

Этот раб Бога Вышнего в испытанной им духовной радости стяжал себе залог душевного мира. «Мир оставляю вам, мир Мой даю вам: не якоже мір дает, Аз даю вам», — говорит Спаситель. Все люди ищут мира, но ищут его не там, где он находится. Мир земной, которого обыкновенно ищут люди, так же отличен, так же удален от мира небесного, как небо отлично и удалено от земли. Мир земной заключает в себе выгоды преходящие. Эти выгоды часто не стоят тех трудов, которые для них были употреблены. Только один Господь Иисус Христос может дать истинный мир человеку. Он примиряет человека с самим собою, исцеляет его душевные болезни, укрощает его страсти, освящает его желания; в бедствиях утешает его надеждою благ вечных, дарует ему радость о Дусе Святе и этою внутреннею радостию возвышает его над несчастиями. Так источник

этой радости никогда не иссякает, и так как глубина сердца, в которой она находится, неприступна никакой злобе человеческой, то для праведного она есть такое сокровище, которое похитить у него никто не может. Истинный мир проистекает от совершенной покорности вере, от совершенного повиновения Закону Божию. Пусть человек удалит от себя все, запрещенное Законом Божиим, пусть оставит все желания, противные воле Божией, пусть освободит себя от всех внутренних беспокойств, которые не относятся к исполнению необходимых обязанностей звания, пусть все желания свои обратит к одному Богу, ищет одного Бога, — тогда, без сомнения, он будет вкушать сладость Божественного мира при всех внешних волнениях, при всем шуме міра. Бедность ли или презрение, оказываемое ему ближними, или неуспех в делах, или, наконец, внутренние и внешние кресты будут угрожать спокойствию его — пусть на все бедствия эти смотрит он, как на дары милосердного Бога, которыми Он наделяет друзей Своих и в которых делает Он и его участником; тогда ничто не лишит его внутреннего мира, и этот во зле и пороке лежащий мір будет казаться ему только обманчивым призраком...

В старых рукописях Скитских довелось мне обрести истинное сокровище — ветхую тетрадку, писанную старинным полууставом, в которой заключено великое назидание для такого нерадивого монаха, как я, многогрешный. Тетрадка эта озаглавлена так: «Житие и подвиги

преподобного отца нашего, Архимандрита Дионисия». К этому житию — приложение, носящее заглавие «О Дорофеи иноке и о крепком житии его», и под ним — примечание: «Сие списал Троице-Сергиева монастыря келарь Симон по прошению монаха Боголепа Львова».

Житие Священно-Архимандрита Троице-Сергиевой Лавры Дионисия известно как деятеля, имя которого сохранено даже и гражданской историей дорогого нашего отечества; но «крепкое житие» инока Дорофея, не сотворившего ничего такого, пред чем преклоняется мiр, едва ли не предано забвению. А между тем в нем отразилась вся крепость и сила истинно монашеского, подвижнического духа, который, втайне работая Господу, был истинным создателем величия и могущества державы Российской. Кому дано вникать в разум жизни частной, общественной и государственной, тот, конечно, разумеет, что источником как созидания, так и разрушения является не внешний человек — орудие, а дух, в нем заключенный, внутренний, сокровенный сердца муж. «Не весте, коего духа есте», — сказал Спаситель сынам громовым, Иакову и Иоанну, в ревности своей пожелавшим огонь низвести с неба на Самарян (Лк. 9, 55). Дух русского человека напоевался и определялся духом истинного монашества: Антониям, Феодосиям, Сергиям и тьмочисленной рати угодников Божиих Русской земли дана была Богом власть указать русскому человеку, какого он духа, и направить дух этот на созидание, а не на разрушение. Горе и

гибель стране нашей, если иссякнет животворный источник подвижнического монашества: огонь всепожирающий низведется ею тогда с неба, который, истинно, пожрет и потребит все живущее на земле, не пощадив, без сомнения, и ее, яко продавшей за тридесять сребреников своего Господа...

Так вот, себе в назидание и решил я выписать «крепкое житие» инока Сергиевой Лавры, Дорофея, выписать дословно, сохранив без изменения несравненную красоту и простоту слога подлинной рукописи.

«Поведа мне отец мой, Архимандрит Дионисий, о ученике своем, именем Дорофее, бывшем у него в келлии, яко таково житие его бысть, яко не отлучатися ему соборного пения николи, и в церкви Никона Чудотворца пономарскую службу содержа, паки на собор поспеваше, понеже и канархист великия Церкви он же бысть и книгохранительную службу исполнял, все творяще без отлучения. Сего ради многие укоры от братии приимаше, не сопротивляшеся никому конечного ради смирения. Еще же и келейное правило содержаше свыше человеческия силы, токмо Самим Богом таковая сила даровася ему, молитв его ради; ибо по вся дни Псалтырь всю глаголаше и по тысящи поклонов понуждашеся класти, окроме общаго правила, еже есть в келлии со Архимандритом. Еще же между книги писание и многи книги остави по себе своея руки. Сон же его зело мало бысть и на ребрах николиже

почиваше, но, седя на рукоделии своем, дремаше. А пища его: мал кус хлеба или толокна ложка и воды, и то не по вся дни. И толико постом изнури себя, яко и внутренним его вредися, и пупу присохти к хребту. Архимандрит же, узрев его зело изнурившася, едва увеща его хлеба с квасом ясти, да не како от многаго неядения вредитися крепости, и рече ему:

— Телесную и безвременную смерть примеши.

И егда нача изнемогати телом той инок Дорофей, Архимандриту же в то время готовящеся к Самодержцу ехати и уже хотящу ему из келлии своея идти, ста в сенях на молитве, хотя благословити братию; той же Дорофей немощен к нему изыде благословения ради, прося последняго прощения.

— Уже, — рече, — время мое приходит, и смерть приближается. О едином, — рече, — скорбно ми сердце, яко, отъехавшу тебе отсюду, от твоея преподобныя руки погребения не сподоблюся.

Преподобный же глагола ему, яко на глум[1], с запрещением:

— До моего, — рече, — приезду буди жив и не сотвори того, еже смерть прияти, донележе возвращуся от Самодержца — и тогда умреши, и погребу тя, аще Господь изволит.

Он же рече:

— Воля Господня да будет: якоже хощет, тако и сотворит.

---

[1] Как бы в шутку.

Архимандрит, быв у Самодержца, паки возвратися в обитель Святыя Троицы и чудотворцев. Егда же вниде в сени келлии своея, глаголя молитвы обычныя, подая братии благословение, той же Дорофей паки исходит к нему о себе, конечно немощен, прося благословения от него, паче же и прощения. Он же благослови его, простися с ним, иде в церковь, облачився в ризы, хотя пети молебен за Царское многолетнее здоровье, якоже обычай содержит во обители Святыя Троицы и чудотворцев Сергия и Никона на приезде властей. И прежде нежели наченшу ему молебен, возвестиша ему, яко отыде ко Господу инок Дорофей. Он же многи слезы на лице свое испусти и, по исполнении церковных пений, погребе его со всем собором; и вси благодариша Бога, давшего такую благодать просящим у Него с верою.

Мнозем же сие писание прочтено бысть и, неведущим, житию его усумневающимся и глаголющим: «Невместно быти человеку в таковых подвизех», — аз же, убогий Симон, слышав сия, послах сие писание на Москву, соборныя великия Церкве к ключарю Ивану, зовомому Наседке, самовидцу того Дорофеева жития, собеседнику и сострадателю Архимандрита Дионисия жития, яко вкупе подвизашеся с ним во исправлении потребников. Той же Иван, прочет сие, восписа ко мне сице:

«Аз, многогрешный Иван, о сем Дорофеи истинно вем: тако было прямо, како зде написал еси, господине мой. Ты же, отче честный, еще тогда у Живоначальныя Троицы в монас-

тыре не был еси. А что аз, грешный, ведаю о сем Дорофеи старце, и то я тебе зде явственно пишу без лжи, что своими глазы видал, так прямо у тебя писано. А сие, что не написано у тебе, и тебе, честнейшему господину, буди то ведомо:

Я в келлии Архимандрита многажды ночевывал и писывал много дел духовных и грамат от властей для соединения земли; и про то ведает Алексей Туханов и иные подьячие, того старца Дорофея крепкое и святое житие достойно слышания сказывати. Аз, грешник бедный, после разорения Московского вскоре прибрел к дому Пресвятые Троицы и того старца Дорофея за полтора года до смерти его застал; а видал его по вся дни больна: не болезнию болен был, но болезнь ему была от поста презельного и от жажды великия; и нозе его опухли от стояния, от службы, вверенныя ему. Да еще ему же Архимандрит Дионисий давал денег да и платья на нуждных, и полотенец, и платков; и он, Дорофей, то все, по Дионисиеву приказу, разносил больным всяким и раненым людем, и от воров мученым различными муками. Да от Архимандрита всегда ему приказ был навещать больных и мученых или ограбленных. И тот Дорофей не только по Архимандричьему велению все прямо исполнял наипаче и сугубо, но и премножае исполнял Божии заповеди: всегда нощию все с больными, и со нагими, и со увечными беседу творяше и Архимандриту все о всех возвещая, всем бедным и немощным вся полезная и добрая творяше. И слышах то от

братии его, иноков, дело его стерегущих, иже поведаша мне с клятвою, яко многие и различные труды о бедных подъяше; а все, втайне творимое им, многажды приметиша, яко дни по три, а иногда же и четыре и более отнюдь не ядый и не пияй, а иногда же и седьмый день мину, и не усмотрехом его ни к сосуду какому прикоснувшася, ни позревша на что. Некогда же видех аз, бедник, посмехаема его при мне от келейныя его братии, яко валяется около стен и печи. И бысть у них спор: иные глаголаху, яко свят есть муж; иные, яко дурак есть. И аз, бедный, с ними же глумляхся. Отец же Дионисий пришед воззре токмо на скаредство мое и ничто ми изрек. Аз же, клятый, внях себе о погляде том и, по времени, улучих беседу духовную, восхотех, дабы ми уведати, что тот был взгляд. Дионисий же отец рече ми:

— Несть ти пользы в том: мирянин еси. Знай себя!

И аз, грешный, ктому не спросил более десяти лет.

И как взяли меня, грешнаго, к Москве жить, и в приезд Архимандрита у его святыни в духовной беседе сидех. И он меня спросил о некоем деле, в немже бедствоваше, от иконома своего. И аз его честности воспомянух ответ его ко мне о Дорофее. И разумех абие, яко оскорбися отец мой на мя, и поклонихся ему со слезами, прощения прося от него. Он же, мало осклабився, благословил мя рукою и рече ми:

— Скажу ти се, послушай мя, но *не вопрошай ктому иноков о делах иноческих, ибо вам,*

мирянам, нам, иноком, велия беда открывати тайны: есть бо писано о том, яже втайне творит десница, да не увесть шуйца его.

И умолча. Аз, грешник, всяко понудихся, дабы мне изведати, чего ради оскорбися на мя. Он же, видев мя стужающа ему, нача мя учити сице:

— *Вы, миряне, что услышите о чернецах нелепо, осуждаете их и укоряете, и то вам грех есть. А что услышите добро и полезно, тому не ревнуете, но токмо хвалите, и тоя ради вашея хвалы злые беси належат на нас и в величание, и в гордость нудятся ввести нас. Сего ради покрыватися нам потребно, да не ведомо будет дело наше вам, и тем в леность и во всяко небрежение да не введет нас диавол. И лучше нам есть, да никтоже весть нас, и диавол да не тягчае ратует нас.*

Аз же, грешник, рекох ему:

— Аз же, государь, не о вашем житии хочу ведати, но о себе: что ти разумел о моем безумстве и взглянул на меня?

Он же рече ми:

— Не гневайся! Святому мужу вы просмехалися, и вам всем грех то есть, что не по вашему жил он и всегда постом себя морил. Мне ведомо о нем: не токмо он седмицу не едал, но часто и девять, и десять дней ни ложки воды не пивал; а в службах во всех, по заповеди нашей, ходил и наг, и бос, и голоден, и ознобен, да еще не умываючи ни лица, ни рук. И как, по приказанию, ходил кругом больных, да тот смрад и гной и на руках, и на

свитке своей, не омыв, и тем утирав и очи, и уста свои. А юн сый и всегда помышленьми блудными зле мучим был. И того ради и алчбою или жаждою по вся часы крепце сопротив мысленных врагов ратова. А омовением его лицу, и очима, и персем, и дланем — всегда слезы изливая тем умывашеся и на своя дела добра отхождаше. Почему мне смехотворение то от вас болезненно стало тогда.

Таково несравненное сказание о «крепком житии инока Дорофея». Я нарочито подчеркнул вдохновенный ответ великого Архимандрита Дионисия ключарю Успенского Московского Собора, Иоанну Наседке, ибо в нем заключена богомудрая отповедь всем мирским как хулителям, так и не по разуму ревнителям чистого жития монашеского. Но, по-видимому, близится время, когда люди не будут уже принимать здравого учения; а для людей тех какое будут иметь значение слова даже такого великого носителя монашеского духа, каким был Архимандрит Свято-Троицкия Сергиевы Лавры Дионисий?

Да не узрят очи мои надвигающегося царства тьмы!..

1854 год

Война с беззаконной Европой!.. Начинается!..

Предсказания старцев наших о том, что дух растленного Запада, дух антихриста вскоре ополчится и на твердыни российские, чтобы сокрушить в них препону его победоносного шествия по лицу міра, видимо, исполняются.

«Кто победит в неравном споре?» Сокрыты от нас неисповедимые пути Божии, но доброго что-то не возвещается смятенному сердцу...

«Горе сшивающим возглавийцы под всякий локоть всякой руки и сотворяющим покрывала под всякую главу всякого возраста, еже развратити души» (Иез. 13, 18).

Истинный пророк говорит это о лжепророках, которые развращали сердце праведного неправедно и укрепляли руце беззаконнику, еже отнюдь не обратитися ему от пути его злаго и живу быти ему. Итак, не только можно, но и непременно должно говорить тем, которые к тому призваны, в слух других, в слух всякого возраста и всякого состояния самые строгие истины Евангельские. «Горе мне есть, — говорит апостол, — аще не благовествую». Какое же горе тем, которые станут благовествовать только угодное страстям человеческим, подделывать Слово Божие льстивым красноречием? Горе, горе им! Они развращают души; они, успокаивая совесть грешников, и себя, и их приготовляют к смерти вечной.

Но горе и нам, если мы извиняем грехи свои, заглушая упреки совести нашей шумом міра и страстей, если сами себе составляем возглавия под всякий локоть руки и покрывала под всякую главу всякого возраста. Каким образом? Главу нашу, если она еще юная, покоим на той ложной мысли, что юношеские страсти суть слабости извинительные; главу в возрасте мужества извиняем множеством забот и сует мирских, как будто они более необходимы

нам, чем спасение душевное; а главу седую старческую защищаем от совести самою немощью ленивой плоти, а иногда и тою необходимостью, которую сами же произвели греховными привычками. Не значит ли это укреплять руки себе, еже отнюдь не обратитися от пути злаго и живу быти?..

На злом пути стоит родина наша, сшивающая возглавийцы под всякий локоть всякой руки. Эта портновская работа еще мало кому заметна, но умственное движение прошедшего десятилетия, которому оказалось причастным дворянство в некоторой его части, доказывает, что мастерская портновского цеха, работающая «возглавийцы» эти и «покрывала», уже открыла свои действия.

А из Крыма вести все хуже и хуже...

2 мая. Сего числа я вступил в чреду служения; а вчера получил известие о смерти моей матери, Марии, страдавшей около 15 лет и от простудной болезни, лишившей ее ног, и от крайней бедности. Да упокоит ее Господь Бог с болящим Лазарем на лоне Авраамли...

1 августа

Утром рано сего 1 августа исправник нашего города, прибывши к нам в монастырь, схватил из числа прибывших богомольцев несколько человек из шайки разбойников. Случай, как говорится по мирскому, открыл их: один из шайки, пойманный в городе, на допросе признал, что их 20 человек с двумя повозками, двумя женщинами, и с ними — чиновник от-

ставной, который составляет и пишет фальшивые паспорта, и что все они условились иметь к 1 августа сборный пункт в нашем монастыре. По этому случаю исправник расставил на дороге караульных, и 1-го числа схватили до 15 человек, но чиновника не нашли. Иеродиакон Сергий опознал на пароме беглого мальчика лет тринадцати, которого и представили в Земский суд, а бывшая с ним женщина скрылась. Таким образом, шайка злоумышленников оказалась рассеянной и захваченной, лишь только дерзнула в свят день соприкоснуться для своих воровских целей со св. обителью.

Велики и доходны молитвы наших живых и почивших старцев ко Господу и к Пречистой Его Матери, Святейшей Покровительнице нашей обители!..

Надо или родиться духовно слепым от материнской утробы, или же по своей доброй воле ослепнуть, ослепить себя духовно, чтобы грех возвести в ремесло, обратить его в источник средств к существованию. Воровское сообщество, фальшивые паспорта, быть может, убийства даже — и все это для плоти, которая сегодня есть, а завтра нет.

Мудрено ли, что над грешным міром тяготеет карающая десница Божия, поражающая нас всевозможными бедствиями? «Кто согреши, сей ли или родителя его, яко слеп родися?» Не естественно ли было апостолам обратить этот вопрос к Господу, в сознании греховности, общей всему подзаконному человечеству? Сколько есть в міре несчастных, родившихся уже несчастными, о

которых также можно спросить: за чьи грехи они родились такими? Есть не только слепорожденные, но и глухонемые от рождения, хромые, безрукие и с другими жалкими недостатками телесными. Есть люди, страдающие болезнями наследственными, например чахоткою, падучею болезнию. Семена родительских болезней скоро раскрываются в детях и наполняют их жизнь страданиями, нередко ужасными. Есть также и душевные болезни, с которыми родятся несчастные, например слабоумие и зверские наклонности. Нет сомнения, что многие из этих и других несчастнорожденных страдают за грехи своих родителей. Испорченная уже грехом природа перешла от родителей к детям, и бедные, по нашему мнению, совсем невинно терпят казнь, заслуженную другими. Боже! какая великая ответственность на родителях, грехи которых производят такие ужасные последствия для их потомства!

Сколько также я видел и таких несчастливцев, которые хотя и не родились со своими болезнями, но получили их, как мне казалось, без всякой вины своей. Узнав о причине болезни кого-нибудь из них, заключавшейся или в неосторожности, или в непредвиденном несчастном случае, я спрашивал так: Господи! За что так строго наказывается этот несчастливец, который несравненно меньше имеет грехов, нежели я?

Я видел людей, у которых или в груди, или в шее был аневризм — болезнь опаснейшая и неизлечимая. Им нельзя было говорить громко,

нельзя было сделать и иного сильного движения, потому что всякое энергичное движение могло разорвать расширенную аорту и мгновенно прервать их жизнь. Они не знали, когда придет это ужасное мгновение, но могли ожидать его ежечасно. Я видел и внезапную смерть этих страдальцев. Я спрашивал некоторых из них и узнал, что причиною их болезни были, по большей части, непредвиденные случаи, вроде падения с лошади или из экипажа. Милосердый Господи! Ты избавил меня от таких ужасных страданий; но не заслуживаю ли я, по грехам моим, еще более страшной казни?

Сколько видел я других несчастных! Ими исполнены больницы, дома умалишенных, богадельни; они встречаются нам и на торжищах, и при храмах. А сколько их таится под соломенными кровлями! Жизнь таких часто гораздо бедственнее, нежели тех, которые всем известны. И всегда, когда видишь таких страдальцев, приходит на мысль и вопрос: за что они страдают? И другой вопрос: отчего же я и другие подобные мне грешники так мало испытывают страданий?

Не спросят ли, глядя на нас, счастливцев, другие: «Доколе, Господи, доколе грешницы восхвалятся? В трудех человеческих не суть и с человеки не приимут ран, яко путь нечестивых спеется, угобзишася вси творящии беззакония...» О некоторых же счастливцах от рождения и по самому рождению можно еще спросить: кто заслужил? они или родители их, что они так счастливы?

Где решение всех этих вопросов?

Св. Псалмопевец нашел их решение в святилище Божием: «Непщевах разумети, сие труд есть предо мною, дондеже вниду во святило Божие и разумею в последняя их». Так в последних минутах грешника, ныне, по-видимому, счастливого, решение судьбы его. И здесь последняя его часто бывают разрушением всего мнимого счастия, которым он думал наслаждаться вечно. Но окончательное возмездие нераскаянному грешнику в последнем из последних — в вечности...

Что же сказать о несчастливцах, по мнению нашему, невинных? Не можем сказать о всех того же, что сказано в Евангелии о слепорожденном: «Ни сей согреши, ни родителя его», потому что очень известно, как многие страдают или за пороки родителей своих, или за свои грехи, которые они иногда и не почитают грехами. Но то, что прибавил Спаситель, говоря о слепорожденном, можно сказать о всех так называемых невинных страдальцах: «Да явятся дела Божия на них». Какое дело Божие должно явится на том или на другом — это или совсем не дается знать нам, или узнаем о том через многие годы страданий. Кто знал, какое дело Божие хочет явиться на невинном Иосифе, когда он, проданный в Египет, томился там в темнице? Кто мог предвидеть, что будет потом с Иовом, когда он от чрезмерной болезни проклинал день рождения своего, сидя на гноище, покрытый ужасными струпами? Иногда мы и вовсе не узнаем особенной

цели Божественного Провидения. Что же из того? Не знаем ли мы, не должны ли мы быть совершенно уверены в том, что всем распоряжается премудрость и благость Божии? что без воли Отца нашего Небесного не падет и влас главы нашей? что Всемогущий и Всеблагий может из зла нашего извлекать для нас же или для других величайшее благо? Иногда Господь лишает кого-нибудь зрения, но просвещает духовные очи его; не лучшее ли это благо? Иногда посылает человеку расслабление телесное, но страданием укрепляет дух его; не драгоценнее ли это здоровья телесного? Поставив человека в самом бедственном состоянии, заставляет его самого чаще обращаться к милосердию Божию и другим дает случай оказывать несчастному собрату человеколюбие; не дороже ли это всех богатств и сокровищ міра? Отняв у человека некоторые члены или употребление их, Господь полагает преграду многим тяжким преступлениям, которые, быть может, пали бы на совесть теперешнего несчастливца, если бы он был по всему здоровым. И сколько, может быть, других благ, которых Всеблагий Отец наш небесный достигает для нас посредством наших бедствий! По уверению Слова Божия, добродетельный и терпеливый христианин тем более обновляется во внутреннем человеке, чем более тлеет во внешнем, и легкое страдание производит в нем и для него в величайшем преизбытке вечную славу.

Не это смущать нас должно, что видим страдания людей, по-видимому невинных: хри-

стианин должен даже радоваться таким страданиям, когда они его постигают. Справедливо возмущаться духом тогда, когда мы сознаем в себе множество согрешений, а между тем не терпим здесь наказаний от Бога. Ах! может быть, потому-то мы так и счастливы здесь, что лучшего блага в вечности недостойны. Быть может, правосудие Божие находит уже нас недостойными здешних очистительных наказаний или неспособными к очищению. Быть может, мы уже — не дети, а, по словам апостола, «прелюбодейчища», когда остаемся без наказания, ему же причастницы все истинные чада, и, прияв благая в здешней жизни, должны ожидать самой плачевной участи в будущей... Всесвятый и Всеблагий Господи! Твое снисхождение ко мне в этой жизни да не отяготит мучений моих в вечности! Нет, Боже мой! лучше здесь потерплю, что угодно Всесвятой воле Твоей, но помилуй мя на Страшном Суде Твоем!

Цветут розы... А там, у берегов Эвксинского Понта, потоками льется кровь моих братьев. Кому в міру доведомо, что война эта ведется не Европой против России, а «тайной беззакония» против Православия, падшим Денницей против Креста Господня? Времена созревают, наливается колос блаженной нивы Господней, поспешают и плевелы дать семя по роду своему: близится жатва! Когда начнется уборка урожая? Кому из смертных дано это знать? Но не к добру гремит туча с Запада, не к добру бороздят ее зловещие молнии...

А розы цветут и благоухают...

Роза благовонна, но она окружена шипами; полевая лилия душиста, но она растет среди терния; весна приятна, но быстро проходит; лето прекрасно, но зима разрушает всю красоту его; радуга величественна, но скоро исчезает; жизнь любезна, но смерть похищает ее...

Но есть страна, где розы без шипов, где терние не мешается между цветами, где вечная весна и свет безоблачный. В той стране растет древо жизни, реки удовольствий орошают ее, и цветы там никогда не увядают. Там мириады блаженных духов окружают Престол Господа, поют Ему гимн вечный; Ангелы непрестанно славословят Его на златых арфах, и Херувимы летают на огненных крыльях.

Та страна — небо.

Небо — жилище только одних добродетельных: нечестивец не может обитать там. Там жаба не изрыгает яда своего между горлицами и ядовитая трава не растет между цветами: ничто вредоносное не должно войти в эту блаженную страну...

И эта земля прекрасна, потому что она — земля Божия и исполнена многих красот. Но та страна без сравнения прекраснее. Там не будет ни притеснений, не будет ни обид, ни огорчений. Там холод зимы не будет изнурять нас, и летний жар не опалит нас. В той стране нет ни браней, ни раздоров, но каждый любит друг друга со всею нежностию...

Когда родители наши и друзья умирают и скрываются в холодную землю, то мы их уже не видим здесь более. Но там мы их опять

обнимем, опять будем жить с ними и никогда уже не разлучимся. Там мы встретим всех добродетельных людей, о которых читали здесь в святых книгах. Там мы увидим Авраама, наименованного Богом отцом верующих; Моисея, странствовавшего некогда в пустыне Аравийской; Илию, пророка Божия; Даниила пещеры львовой, трех отроков святых пещи огненной; сына Иессеева, пастыря-царя, сладкого певца Израилева. Они все любили Бога и славословили Его на земле; как же должны они Его любить и славословить там!!! Там увидим мы и краснейшего паче всех сынов человеческих, Иисуса Сына Божия, открывшего нам путь в ту блаженную страну; там открытыми очами будем созерцать великую, безмерно великую славу Божию. Мы не можем видеть Бога на земле, но любить Его должны еще здесь, чтобы слиться с ним в любви Божественной. Мы находимся телом на земле, но мыслью должны часто возноситься на небо. Здесь мы на малое время. Там — в бесконечные веки!..

1855 год

Борьба Креста с Люцифером и союзным с ним полумесяцем продолжается; льется кровь; изнемогает Севастополь. Следящий за событиями военной грозы не по стихиям міра, а по разуму Св. Церкви, не мог не обратить внимания, что в прошлом году на святые дни Страстной седмицы попущено было врагам Креста начать борьбу с Крестом: в Великий Пяток со-

юзный флот обложил Одессу с моря, а в Великую Субботу начал бомбардировку почти беззащитного города. Не знаменует ли событие это, что Русь Святая уже недостойна именоваться этим именем, что благодать и сила Честнаго Креста Господня отступает от тех, кто поставлен быть вождями Русского народа, кто, принося клятву быть верным вере и Царскому Престолу, первородство свое и верность продает за чечевичную похлебку низменного тщеславия и самолюбия?

14 сентября — день Воздвижения Честнаго Креста Господня — был днем начала осады Севастополя. Не откровение ли это для внимательного?..

Пресвятая Богородице, спаси нас!..

18 марта

Гроза военной бури не стихает. Горе за горем, беда за бедою! Исполнился уже месяц со дня кончины незабвенного Отца Отечества, Великого Государя Николая Павловича, уже месяц прошел, как не стало Защитника веры и царства: не вытерпело, разорвалось великодушное рыцарское сердце колосса Самодержавия. Нет, не силой человеческой, как бы ни была она велика и могуча, остановить напор силы нездешней, ополчившейся на Господа и на Христа Его!

Вникая в немой для многих язык чисел, вникая, разумеется, с должною осторожностью и при непременном условии не погрешать против учения Православной Церкви, я, отметив в

записях своих таинственное значение 14 сентября, не могу не вспомнить, что прообраз антихриста — Наполеон I перешел через Неман, то есть вступил в пределы России, единой хранительницы Православия и Самодержавия, 12 июня 1812 года, в среду. В том году Троицын день, то есть неделя Пятидесятницы был 9 июня: следовательно, день его вступления был среда Пятидесятницы, или осьмой недели по Пасхе. В этот день Апостол был — к Римлянам, гл. I, ст. 18–27, зачало 80-е. Он начинается так: «Братие! Открывается гнев Божий с небесе на всякое нечестие и неправду человеческую, содержащую истину в неправде...» Мы знаем теперь конец Наполеона, зане обратилась к покаянию и вере отцов Русь Православная. Не столько силою войск, не гением Кутузова, а искупительной жертвой святой Москвы, подъемом веры и молитвы и... морозами и снегами лютой зимы двенадцатого года была сокращена мощь беззаконного вершителя судеб Европы. Достойны ли мы будем теперь такого же чуда милости Божией? Разве только за молитвы Пречистой за тех остатков Нового Израиля, которые, подобно старцам нашим, в сокрытой тишине своего уединения возносят теплые молитвы к страшному и превознесенному Престолу Творца всяческих. Пресвятая Богородице, спаси нас!..

Как образец современного шатания умов в вопросах веры и Церкви, не могу отказать себе в удовольствии выписать целиком письмо друга нашего, игумена Антония Б., писанное в ответ

одному из таких праздношатающихся, хотя еще и не порвавших окончательно и бесповоротно связи с предстоятелями Церкви. Самого письма совопросника века сего у меня нет под рукою, но есть черновик игуменского на него ответа; но и в нем, как в зеркале, отразилось духовное обличье вызвавшего эту отповедь представителя нашей космополитической образованности.

«Достопочтеннейший Петр Александрович! — так пишет о. игумен. — Письмо мое, в котором я просил о паспорте Петру, отправлено было мною на почту вчера; там оно встретилось с письмом вашим, на которое отвечаю по мере слабого рассудка, по мере темного ума моего.

Письмо ваше — простите! — заставило меня паки улыбнуться: чего тут нет? и Ангелус, и Вольтер, и, наконец, проповедь вашего сочинения, где текст — «Будьте совершенны, яко Отец ваш», — выставлен вами неправильно: все это с немецкою важностию, с великим почтением к жрецам науки; и все это сделано к убеждению меня, ко вразумлению, к просвещению моему! Благодарю, что потрудились так много для такого неблагодарного дела.

Начнемте с Имени Божия, хотя и не во Имя Божие, чтобы не произносить Его всуе, а просто — без школьной важности.

Священник ваш, у которого вы вопросили, что такое Элогим и что такое Иегова, или Егве, Сый, отвечал вам уклончиво, неудовлетворительно. И он, конечно, человек *ученый,* потому и не осмелился или постыдился просто сказать

по-сократовски — «не знаю»; а этим бы и дело достославно для него кончилось, потому что это имя доселе не объяснили ни наши богословы-гебраисты, ни даже все талмудисты.

Мало ли чего мы не знаем!

Теперь, если я вопрошу, почему слово *тьма* называется иногда *потемки* — единственное во множественном числе? Увы! все мы, русские, должны сказать — *не знаем*. Почему *дом, стол* в мужском грамматическом роде стоит в женском на французском? Кто это объяснит? Какая наука?.. Почему, наконец, *нос* называется носом, а *рука* — рукою? Кто дошел до начала, до происхождения звуков и слов, которыми мы, словесные, обозначаем предметы, и притом слов, понятных в России, непонятных во Франции? Опять — *тьма*, опять — *потемки*. И вот наша наука! Поэтому полезно, и честно, и *добросовестно* сказать просто *не знаю*, когда не знаешь.

Посему-то похвальнее было бы тому, кто мало знает Евангелие, сознаться в своем малом знании, чем ссылаться на него неправильно, своевольно и превращать тексты по своему разумению.

Выписываю из Богословия свидетельства Нового Завета о Троичности. Главнейшее свидетельство — Мф. 28, 19. «Шедше научите вся языки, крестяще их во Имя Отца и Сына и Святаго Духа». Сам Господь Иисус Христос очень часто возвещал, указывая все три лица Пресвятыя Троицы, а именно: Бога Отца и Сына Его Единороднаго (Ин 3, 16–17 и 35; 5, 17, 21–23 и 26; Мф. 11, 27) и Духа Святаго (Мф. 10, 20

и 32; Лк. 12, 12; Ин. 3, 5–8). С особенною ясностью говорил о Духе Святом в прощальной Своей беседе: «Утешитель, Дух Святый, Его же послет Отец во Имя Мое, Той вы научит всему». В сих словах ясно усматривается: Отец, посылающий Духа Святаго, Сын, обещающий во Имя Свое ниспослать Его и Дух, ниспосылаемый для утешения и наставления.

При Крещении Господа ясно открылась Пресвятая Троица.

То же учение содержится и в послании св. Апостола Павла: «Благодать Господа нашего Иисуса Христа и любовь Бога Отца и общение Святаго Духа со всеми вами» (2 Кор. 13, 13). Выписываю главное и вкратце.

В Ветхом Завете есть указания, хотя и не столь ясные, где различается Господь от Господа (Быт. 19, 24) — «Господь одожди на Содом и Гомор жупел и огнь от Господа с Небес» (Пс. 2, 7); — «Господь рече ко Мне: Сын Мой еси Ты, Аз днесь родих Тя (кроме того, Пс. 44 и 109, ст. 8 и 1); — «И ныне Господь, Господь посла Мя и Дух Его». «Дух Господень на мне, Егоже ради помаза мя, благовестити нищим посла Мя» (Пс. 48, 16, 61, 1).

А Авраам, принимающий Бога под видом трех странников! «Явился ему Бог у дуба Мамврийска, седящу ему пред дверми сени своея. И поклонися до земли, и рече: *Господи*, аще убо обретох благодать пред *Тобою*, не мини раба *Твоего*». *Господи* — в единственном числе.

Из числа догматических примеров Троичности, примеров к нам ближайших, есть один,

древними Отцами переданный и не часто употребительный: *ум*, дар человеческий, рождает *слово*, которое произносится при содействии *духа*. Произнесенное *слово*, хотя и отделилось при произнесении и явлении, но неотъемлемо принадлежит *уму*. Но этот пример не объясняет чудного и непостижимого рождения Бога Слова, рожденного с наитием Святаго Духа во времени и вне времени Предвечнаго по Своему предвечному рождению.

Напрасно вы говорите, что Библия была дана с предвзятою мыслию, а ученые проповедовали добросовестно. Напротив: я вижу, что ученые, начиная от Спинозы до хвастуна Вольтера и позднейших всегда проповедывали с предвзятыми мыслями, *все до одного человека*, а некоторые с намерением разрушить веру верующих.

Вы требуете доказательств связи Библии с Евангельскими заповедями. Я уже имел честь писать вам, что мы имеем последовательное учение от св. Евангелистов до наших времен, от Игнатия Богоносца, Оригена, Григория Богослова до Фотия-патриарха в неразрывной цепи писаний и свидетельств, кроме преданий, без которых нет истинной связи. Но станете ли вы все это читать? Не думаю. Для этого надобно прочесть целые томы и посвятить тому́ целые годы, даже всю жизнь, если это нужно для уверения себя. Вы будете поверять себя немецкими философами и не захотите прочитать истинных философов христианских, начиная с Василия Великого до Иннокентия Пензенского, историка Церкви. Не пожелаете этого со-

вершенства. Почему? С предвзятою мыслью, что правда на вашей стороне, то есть в новейших мутных писаниях, на которые уже сделаны опровержения и в иностранных, и в русских журналах. Вы, конечно, читать этого не захотите. Что же с вами делать? Я мог бы вам посоветовать: помолитесь Отцу светов о просвещении души вашей, да внушит вам и откроет, на чьей стороне истина. И я уверен, что открылись бы ваши очи внутренние. Испытайте! Так я начал свое обращение, будучи неверующим. Покорно, с молитвою и со слезами обратился я к Творцу нашему, да поможет Он мне узнать истину: Господь помог познать по мере слабого ума моего, несовершенно, но для верующего слишком довольно.

Но, думаю я, вы и писем моих не читаете, а только свои, по убеждению, что я стар, ничего не знаю; а в своих письмах видите *нечто*. Моих доказательств поверять не хотите, а держитесь за свои весьма темные и малоубедительные доказательства, как вообще все, что доселе писалось против христианства. Христианству свидетели и доказательство целый народ Еврейский, знающий Иисуса Христа и Его историю, начиная с Иосифа Флавия до наших времен. Они, по крайней мере, не отвергают ни чудных дел Его, ни силы Его проповеди. Они, соблюдая как святыню пророческие книги свои, свидетельствующие о Господе Иисусе Христе, своею ненавистью, и хулами, и клятвами, яко свет полуденный, изводят истину Христовой веры и всему міру трубят о своем поражении.

А наши сладко-пряные хвалители Евангельского учения только его искажают и портят — в том числе и жалкая проповедь ваша или чья-либо (их тысячи!) *о совершенствах*.

Потрудитесь вглядеться, только просто (без предвзятой мысли), о каких совершенствах говорит Сын Божий. Прочтите наперед всю главу 5-ю от Матфея и узнаете, что совершенство состоит не в науке, а в христианской любви. В Св. Евангелии Матфея Господь прямо говорит в другом месте (19, 21); «Аще хощеши совершен быти, иди продаждь имения твоя и даждь нищим, и гряди вслед Мене». Вот — совершенство.

Таланты Евангельские суть также добродетели и познания, растворенные любовью к человечеству, а не своекорыстные изобретения новейшие, которых плоды еще и доселе горьки, а не сладки. Естествознание, говоря о небе и земле, доселе не умудрилось сделать мухи, оживить околевшего клопа. А философы, говоря о силах и началах, доселе не доискались, кто дал силу силе? Между тем совершенным заповедует Спаситель: «Болящия исцеляйте, прокаженныя очищайте, мертвыя воскрешайте (!!!), бесы изгоняйте (!!!): туне приясте, туне дадите» (Мф. 10, 8). И эту науку, и эти совершенства Господь подает туне, даром, по благодати Своей и по вере верующих.

Наука, познания необходимы и полезны всему христианству. На сие есть послание одного из греческих патриархов, где он убеждает учиться, познавать, изыскивать, но с покорно-

стью Церкви и с молитвою к Отцу Небесному, к Вечной Премудрости.

Лучше вовсе не знать Евангелия и отвергнуть его, нежели искажать святые слова с предвзятыми мыслями.

И острие врачебной светлой бритвы
Быть может тайною рукой отравлено:
Писанием и песнями молитвы
Немало душ невинных прельщено.

Теперь насчет вашей проповеди.

Священники наши дают подписки не затрагивать житейских дел, иначе потребуют к благочинным. Не позволяется им даже указывать резко на слабости человеческие. Это все сделалось в угоду міру сему и по осторожности, чтобы не перешли границ. Надобно творити и учити. Делами христианскими скорее и прежде, нежели словами препретельными, следует пастырям учить паству. Вы в них не видите ревности Евангельской — быть по сему. Но в христианах нашего времени где добродетели первых христиан? В целом Петербурге, если бы пришел Спаситель (как некогда в Содом Ангел ко испытанию), не нашлось бы ему места, где главу подклонити. И скорее у священников и в их семинариях нашлись бы добродетели любви и милосердия, нежели у огромного большинства мирян.

Ваш почитатель, многогрешный и малоученый

Игумен Антоний».

Каков становится наш «православный» міp в лице его так называемых «образованных» представителей! Письмо игумена Антония, мною записанное, как документ времени, не свидетельствует ли о том, что в большей части светского общества назрела необходимость новой Евангельской проповеди и новое вознесение на крест Искупителя міра? Но второй проповеди, второго креста быть не может: что же мудреного в том, что мрачная грозовая туча с Запада, как явная кара Божия, гремит не умолкая почти над самыми головами нашими? Благодарение Богу, тайники души простого народа еще не затронуты или мало затронуты злом неверия и вольнодумства его руководителей — в этом временное спасение земли Русской, яко хранительницы чистой Христовой веры. Коснется этих тайников дух Князя века сего, тогда чего ждать? Не грозного ли и Страшного Суда Господня?..

Сентябрь

Одиннадцатимесячная осада Севастополя окончилась к празднику Успения Пресвятыя Богородицы: молитвы Пречистой Ходатаицы и Заступницы рода христианского укротили пыл ярости врагов Христа и православной Русской земли. Севастополь пал, но еще не пала Россия, за Православие ее младших сынов, буиих міра, пощаженная Господом. О любовь Божественная, любовь неизреченная!..

Бог есть любовь. Но кто из нас, какое из всех сотворенных существ может обнять мысль эту, великую, величественную мысль? *Бог есть*

любовь! Чье сердце так пространно, чисто и крепко, чтобы, совершенно согретое и проникнутое возвышеннейшим из чувствований — чувствованием, что Бог есть любовь, оно не изнемогло под необъятным его величием?

С чего мне начать, чем кончить, чтобы доказать истину, которая имеет более доказательств, чем небо — звезд, песку — берег моря, которую доказывает и вечно будет доказывать все живущее, чувствующее, мыслящее, способное к блаженству, сущее на небе и на земле? Бог есть любовь. Он желает добра и только одного добра всем Своим тварям, хочет, чтобы они были счастливы, радуется о их блаженстве, непрестанно всеми средствами споспешествует им и в этом находит Свое высочайшее блаженство. Об этом нам говорит вся природа и в особенности природа моя собственная; это говорит мне вера моя и религия.

Открой, человек, глаза свои, воззри на міp твоего Бога, рассмотри все его устройство, всех его обитателей, все его блага: и ты повсюду увидишь явственнейшие следы благоволения, отеческой любви и попечения, величественнейшие учреждения для блаженства всего живущего, и в особенности для твоего блаженства. Земля, которая тебя носит, ее прекрасный, привлекательный вид, который тебя восхищает; воздух, которым ты дышишь; пища, которая тебя питает и укрепляет; питие, которое тебя оживляет; одежда, которая тебя прикрывает; жилище, которое тебя защищает; великолепие лугов, полей, гор и лесов, которые в каждое

время года радуют тебя своей разнообразною красотою; многообразие, красота, польза каждого дерева, каждого растения, каждой травки; благовоние и искуснейшая ткань цветов; веселое пение птиц; живые, рождающиеся от радости самочувствия движения каждого животного; бесчисленные и неисчерпаемые силы, которые сокрыты во всем одушевленном и неодушевленном міре, которые раскрываются и обнаруживаются в нем бесконечно; всеобщая, всегдашняя наклонность всей твари к взаимному сближению и соединению между собою, ее взаимная зависимость и связь; постоянное сохранение и распространение каждого рода; непрерывное умножение жизни и деятельности как между человеками, так и между животными; бесчисленные виды удовольствия и радости, к которым все одушевленное творение способно, и к удовлетворению которых все оно знает и находит источники и средства, и которыми все оно более или менее, так или иначе, наслаждается; веселая толпа радующихся о своем бытии чувствующих существ в воздухе и в пыли, на холмах и долинах, над водою и под водою, на листке папоротника и на вершине самого высокого дерева — всюду, всюду или радость, или блаженство, или ясно выраженная способность к нему — о чем тебе говорит все это, о чем возвещает?

Все это говорит об одном, что Бог есть любовь. Он повсюду творит, сохраняет и распространяет повсюду жизнь, радость и блаженство.

А еще: взгляни, человек, на солнце, которое тебя освещает и греет, плодотворит и благословляет твое поле; взгляни на луну, которая таинственным и тихим светом своим сопутствует тебе в часы ночного безмолвия; взгляни на бесчисленный сонм небесных звезд, который возносит дух твой к небу, к твоему Творцу и Богу, и заставляет его теряться в восхитительных предчувствиях и надеждах: о чем все это поет тебе, что славословит?

Все это поет и славословит, что Бог есть любовь, и что любовь Его неистощимо богата; пределы ее — пределы беспредельной Вселенной; она объемлет все міры; и нет радости, удовольствия, веселия и блаженства, которыми нельзя было бы насладиться в неизмеримом и непостижимо величественном, необъятном царстве этой Божественной любви.

Взгляни теперь на свою природу! Не ясно ли и она свидетельствует о том, что Бог есть любовь? Твое зрение, твой слух, твое обоняние, твое осязание, слух твой — что это за удивительные орудия, испытатели и проводники всякого удовольствия, всякого усладительнейшего чувствования! Можешь ли ты открыть глаза и не видеть бесчисленных чудес и красот в міре Божием? Можешь ли ты, имея слух, не слышать тысячекратных голосов истины, мудрости, человеколюбия, дружества, радости, сострадания и утешения? Можешь ли ты когда-либо иметь попечение о поддержании себя пищею и питием без того, чтобы вкус твой и обоняние не были различным образом возбуж-

дены и удовольствованы? Движение и покой, труд и отдых от труда, красоты природы и искусства не суть ли для тебя источники приятнейших ощущений? Можешь ли ты употребить когда-либо один из твоих членов, не удивляясь его гибкости, его многоразличной пользе, его премудрому соединению с целым телом, не радуясь о том благе, которое ты можешь получить от пользования им?

Кто же одарил тебя этими чувственными орудиями, этими членами, столь искусно устроенными? Кто установил это дивное взаимоотношение между ними и внешним міром? Не Бог ли? И не любовь ли Бог, так тебя Создавший?

А твой дух, который все это может наблюдать, чувствовать, всем этим наслаждаться и восхищаться; твой дух, который может мыслить, с сознанием мыслить, сравнивать, сочетать свои мысли, соединять их между собою, сохранять их для будущего употребления и умножать их до бесконечности; твой дух, который может испытывать, исследовать, открывать, заключать от видимого к невидимому, от действия к причине, возвышаться от твари к Творцу и в одно и то же время обнимать собою и небо и землю, время и вечность; твой дух, который способен к счастию от познания истины и непрестанного в ней совершенствования, который может возноситься к надежде блаженного бессмертия, может творить для себя в тиши самого глубокого уединения, в глубине темнейшей ночи светлейшие, чистейшие, воз-

вышеннейшие радости; дух, который чувствует, что он призван к радостям еще более высочайшим, — как ясно свидетельствует тебе этот дух твой, что Бог есть любовь, что Он по любви Своей сотворил тебя для блаженства и соделал тебя способным к наслаждению им в высочайшей степени!

Бог есть любовь. Это утверждает и нравственная наша природа. Мы не должны следовать только инстинкту механических сил, поступать по слепым и кажущимся непреоборимым побуждениям. Мы можем намечать себе цели, к ним стремиться и их достигать; можем делать выбор между добром и злом, поступать по известным нам законам и истинам, стремиться к высшему совершенству и постепенно достигать его. Мы способны к сообразному с законом поведению, способны к благородным чувствованиям, бескорыстным, великодушным поступкам и духовным наслаждениям; мы можем непрестанно расширять круг нашей деятельности, улучшать свое нравственное состояние, чрез упражнение укреплять и умножать наши силы, облагородить всю нашу природу и непрестанно становиться лучше и лучше и благотворительнее: может ли наш разум и наше сердце не говорить нам, что Бог есть любовь?

Так, подлинно, Он есть любовь, ибо и в нас, Его тварях и детях, Он насадил любовь друг к другу, тесно соединил с каждым проявлением этой любви блаженство и радость, с каждым умалением ее — неудовлетворенность и скорбь; вложил в сердце наше сильнейшую

наклонность к сообществу, к взаимообращению и взаимному соединению между собою, склонность к состраданию, вспомоществованию, благотворительности и взаимообмену наших удовольствий и радостей; соделал каждого, кто правильно разумеет свое назначение, истинным другом человечества, почтенным для всех его братий, и напечатлел на нем печать особого Своего к нему благоволения. И если мы, ослепившись своекорыстием и страстию, поступаем вопреки этой врожденной склонности, то через это неестественное, насильственное и тягостнейшее состояние перестаем быть спокойными и счастливыми, в глубине сердца чувствуя, что тем самым мы помрачаем в себе прекраснейшую черту Божия образа и бесчестим наше небесное происхождение.

Так ясно свидетельствует вся природа, и в особенности природа человека, о том, что Бог есть любовь.

Не то же ли самое говорит нам и вера?

Бог есть любовь: тому научает нас цель, учит нас тому вся сущность веры, ибо что имеет целью вера? Должна ли она налагать на нас бремя, делать нас печальными и унылыми, возбранять нам удовольствие и делать его горьким; вливать в нас страх и ужас пред Божеством; делать нас мрачными, угрюмыми, несчастными или самоистязателями? Нет, совсем напротив — она должна облегчать нам неизбежное из-за первородного греха бремя жизни; освещать и уравнивать ее путь; услаждать ее горести; облагораживать каждое невинное удо-

вольствие; предохранять нас от невежества и пороков и чрез то от многих и величайших несчастий; руководить нас к истинной мудрости и добродетели и чрез них — к наслаждению чистейшему; подавать надежду на Бога; научать нас умеренности и внутренней удовлетворенности; образовать из нас искренних и деятельных друзей человечества; делать для нас очистительные страдания этой жизни благодеянием и мысль о смерти представлять нам радостию. Вот назначение веры христианской, вот исполненная любви цель Бога, даровавшего нам эту веру! И к чему направлены все ее наставления, все ее заповеди и обетования? Не должны ли они внутрь и вне нас распространять жизнь, радость и блаженство? Не проповедуют ли они нам о своем Виновнике, как о самой любви? Да и не любовь ли Бог, Который открывает нам Себя Творцем, Промыслителем, Верховным Владыкою и Отцем всего міра и всех людей, Который уверяет и опытами жизни доказывает нам, что Он над всем и о всем печется, всем управляет, что Он знает все наши потребности и желания, что Он всегда близ нас, никогда не забывает нас, что Он присутствием Своим наполняет небо и землю, и что без воли Его ничто не может случиться с нами? Не любовь ли Бог, Который позволяет, приказывает нам с детскою откровенностью приближаться к Нему, изливать пред Ним все сердце свое и от Его Отеческого Промысла ожидать всегда всего для нас лучшего, Который, как Отец, Сам зовет к Себе заблудших детей Своих

с пути их заблуждений, прощает им их погрешности и ведет их к блаженству, если только они добровольно и сознательно изменяют свое расположение ко греху и греховную жизнь? Не любовь ли Бог, Который ничего не возбраняет нам, кроме того, что вредно для нас и для наших братий, что их и нас может унизить, привесть в расслабление, лишить высших удовлетворений, длительнейших радостей, что может нам причинить болезнь и несчастие или душевную смерть, Который ничего нам не повелевает, кроме того, что само в себе есть добро, что доставляет нам и другим здоровье и жизнь, крепость и веселие духа, мир сердца, самоудовлетворение и радость, что лишь содействует к утверждению нашего частного и общественного, настоящего и будущего благополучия? Не любовь ли Бог, Помогающий нам в наших обязанностях, обещающий пособие в нужде, покров в напастях, утешение в скорбях, спасение в смерти, Бог, Который обещает и даст нам вечную жизнь и непрерывное, непрестанно умножающееся блаженство?

Итак, не вся ли вера говорит нам: Бог есть любовь?

1856 год

5 февраля. Пополудни в три часа принесли к нам в обитель тело г. Верре Владимира Петровича, городового врача нашего города. Верре прежде был лютеранского исповедания. В январе настоящего года он заболел горяч-

кою. Во время болезни к нему приехал пастор и напутствовал его по своему обряду; но через несколько дней болезнь усилилась, и г. Верре почувствовал, что для перехода в вечную жизнь лютеранская вера не успокаивает его духа, и потому стал просить присоединить его к Православной Церкви. Когда городской священник с причтом читали надлежащие молитвы присоединения, больной все торопил их и повторял:

— Скоро ли окончите? Соедините меня со Христом!

По миропомазании и после исповеди г. Верре удостоился Причащения Св. Христовых Таин и в радости полной надежды на милосердие Божие уснул телом 2 февраля до трубы Архангельской и всеобщего воскресения.

18 февраля

Отправляли поминовение годовщины блаженныя памяти в Бозе почившего в Петербурге Великого Государя, Всероссийского Императора Николая I. Службу Божию совершал отец Архимандрит Моисей. К вечерне в пятницу, тоже к утрени и к Литургии в субботу благовест был в большой колокол в один край. Этот унылый благовест, как бы из-за могилы, возвещал о кончине великого Отца Отечества и плакал в скорби от великой и тяжкой утраты. При нем Россия направлялась могучей и бестрепетной рукой прямым путем премирного своего назначения. Пресеклась жизнь великого Царя. О Русь Святая, какими путями поведет тебя новое цар-

ствование? Тебе надменною рукою врагов Креста уже нанесен был удар коварный из-за ключей Священного Гроба Господня: куда направишь ты теперь полет некогда могучей своей силы? туда ли, на Восток, в лучи светозарного символа спасения міра? иль обратишь ты взор свой к заре кровавой, занявшейся на Западе? Кто исповесть пути Господни? Но ведай, родина моя святая, что воля твоя в твоих руках; в твоих руках и путь спасения!..

21 июня

Пополудни в восемь часов привезено к нам в обитель из Петербурга тело умершего там 12 июня на 51-м году от рождения надворного советника, Ивана Васильевича Киреевского, известного в русской литературе замечательными сочинениями. При жизни своей покойный был очень близок к нашей обители и к старцам нашим. Общение в духе привело и бренные останки этого глубоко православного и русского человека под покров и молитвы нашей святыни. В Петербург Иван Васильевич приехал на время за сыном, вышедшим из Лицея, вдруг заболел холерою и после кратковременной болезни умер на руках у сына и друзей. Тело его погребено за алтарем придела Свят. Николая Чудотворца, позади старца иеросхимонаха Леонида. Будем молиться о упокоении души его в селениях праведных.

А как нужны молитвы нашей земной воинствующей Церкви усопшим, показывает между многими иными свидетельствами рассказ отца Наместника Троице-Сергиевой Лавры, Архимандрита Антония, удостоившего своим посещением и братскою любовью нашу пустынную обитель.

«Когда я поступил в Лавру Пресвятыя Троицы и Прп. Сергия, — рассказывал мне о. Наместник, — там было и братии мало, а диаконов с голосом и вовсе почти что не было. Вскоре, после моего назначения Наместником, к нам в Лавру прибыл и определился в число братии один вдовый приходский диакон. Голос у него был недурной, и он стал всегда служить со мною. Незадолго до праздника он стал проситься у меня на побывку домой. Я и говорю ему:

— Ну, отпустить-то я тебя отпущу. А ну как ты к празднику не вернешься? С кем я тогда служить буду?

— Вернусь, — отвечает, — уж на этот счет будьте благонадежны.

Утром, в канун праздника, спрашиваю:

— Пришел диакон?

Отвечают:

— Нет.

Началось повечерие, а диякона все нет. Большое это для меня было смущение, и сильно я на него за это оскорбился. Перед самой всенощной диякон явился и объявил, что он готовился к Богослужению. Постих мой гнев на него; я и говорю:

— Если готов, то служи!

После Литургии мы пошли на трапезу обедать. Перед трапезой кое-кто из братии стал над дияконом подшучивать:

— То-то что значит на родину съездил, а голос-то на родине и оставил.

Что-то ответил на это диякон, а там и стали они между собою препираться, пока я не вмешался в их распри и не успокоил.

Вернувшись в свою келью, диакон взял кувшин и отправился за водой. Наполнив кувшин, он пошел обратно в келью, стал отпирать дверь и только успел воткнуть ключ, как упал мертвым.

Когда мне об этом сказали, то мне тотчас же представилось, что я был виновником его смерти, так как заставил его, усталого с дороги, служить со мною бдение да еще готовиться к служению Литургии, вычитывать каноны, акафист и повечерие. Тяжело мне это было.

В этом сознании я стал молиться об усопшем диаконе, велел его записать во всех церквах и поминать на всех проскомидиях и на всех церковных службах. Горячо, помню, молился я о душе покойного диакона.

Накануне сорокового дня по кончине диакона я прилег на короткое время в своей келье и вдруг слышу, кто-то ко мне входит. Осветилась моя келья, и предо мною предстал почивший.

— Я пришел вас благодарить, — сказал он.

— За что?

— За молитвы обо мне.

— Не один молился, — отвечаю, — прочая братия также молилась. Я вас велел везде записать и поминать.

— Я, — говорит диакон, — нигде не записан, и меня нигде не поминали.

Потом я спрашивал, было ли это упущение. Оказалось — правда: диакона забыли записать.

Я спросил усопшего:

— Почему же вы знаете, что я о вас молился?

Он мне на это отвечал:

— Если человек и на три сажени зароется в землю, то мы, с кем Господь сотворит милость, видим, какой человек молится, кому молится, за кого и о чем просит. Господу же все известно.

— Как вы прошли мытарства? — спрашиваю.

— Как молния, — ответил он мне.

— Почему же?

— За честь Тела и Крови Господних, так как я только что причастился в день своей смерти.

— А как же вы с братией в трапезе поспорили?

— Господь мне не вспомянул того.

В то же время в Хотьковом монастыре умерла одна монахиня. Я спросил диакона об ее загробной участи.

— Она выше меня! — ответил почивший».

На том и кончилось видение Архимандрита Антония.

22 июня

В 5 часов утра от нас отправились в Калугу к преосвященному Григорию отец Архимандрит Игнатий Брянчанинов, гостивший в нашей оби-

тели с 26 мая, и с ним настоятель наш, о. Архимандрит Моисей. Добрую оставил по себе у нас память Архимандрит Игнатий: смиренный муж и духовный. Из многих духовных бесед его с нашими старцами записываю от многого малое, но, на мой взгляд, глубоко знаменательное.

«В ямщицком селе Тосне, под Петербургом, в 1817 году произошел такой случай, о котором, — так сказывал о. Игнатий, — я узнал со слов лица, заслуживающего всякого доверия. В этом селе жил богобоязненный ямщик Феодор Казакин, женатый, но бездетный, неграмотный, кроткий и поведения во всех отношениях примерного. Был он уже человек лет пожилых, к себе внимательный, не только на выдумку, но и на какую-либо неправду, по простодушию своему, неспособный. Занимаясь кузнечным мастерством, он сам для дела своего выжигал уголья в лесу, версты за три от села, на правом берегу реки Тосны, в местности, называемой Дубок. Однажды Казакин работал один около своей угольной ямы и внезапно, среди бела дня, увидел множество бесов в образе людей обоего пола. Бесы в странных одеждах и в колпаках сидели на высоких деревьях, играли на каких-то невиданных музыкальных инструментах и припевали:

— Наши годы! наша воля!

Они и еще что-то пели, но Казакин с испугу не мог вслушаться. Казакин стал креститься и молиться, но видение не исчезало. Страшно испуганный Казакин бросился бежать домой. Дорога к дому шла по берегу реки, а на берегу

росли большие развесистые березы. И на всех березах этих во множестве сидели бесы, играли на инструментах и с торжеством бесчинно припевали:

— Наши годы — наша воля! Наши годы — наша воля!..

С версту от места работы, где впервые увидел Казакин бесов, он их увидел в третий раз: они сидели на деревьях и пели ту же песню:

— Наши годы — наша воля!

До полусмерти испуганный Казакин добежал до села, от которого его отделяла река, и, пока ему подавали с другой стороны реки плот для переправы, он присел отдохнуть и в это время увидел страшного змия, который явился у ног его и хотел уязвить; но Казакин отскочил от змия».

Отец Архимандрит слышал этот рассказ от причетника села Тосны, Ивана Андреева, принявшего монашество в Сергиевой пустыни, где настоятельствует теперь сам Архимандрит Игнатий.

Что могло означать это ликование бесовское, мы теперь, кажется, можем догадываться, если с духовной стороны взглянем на события, совершившиеся вскоре после этого страшного видения. Вспомним восшествие на престол в Бозе почившего Государя Николая Павловича и страшные декабрьские дни 1825 года, подготовленные духовным шатанием цвета русской образованности, бросавшегося, как былие, ветром колеблемое, от одной крайности в другую, от прелести

бесовской искаженного мистицизма в прелесть материальных лжеучений, изменяя и в том и другом случае вере и верности отцов своих, строителей царственной нашей Родины, святой Русской земля. Твердая православно-самодержавная рука почившего Венценосца указала и повела было Россию по историческому, Богом намеченному пути ее, но семя тли, брошенное в тучную ее ниву, росло и развивалось, засоряя плевелами пажити Господни.

Умаление веры, развитие, хотя и тайное, западных лжеумствований в недрах благородных образованных русских дворянских семейств; падение нравов, неверность служилых людей данной присяге; воровство всех видов и степеней; казнокрадство; утрата помещичьим дворянством разумения своих обязанностей перед престолом и Родиной; искажение дворянством смысла предоставленных ему прав, вытекающих только из обязанностей, им забвенных, и, главнейшее, отпадение его в массе от сыновства Святой Православной Церкви, следовательно, и от Владыки-Христа — все это и многое другое, ускользающее от монаха, поправшего красная міра, не доказывает ли с очевидностью, что видение тосненского простеца было истинным откровением, обнажившим глубочайшие язвы современности? И что же? Не успели отгреметь Севастопольские громы, а уже мы видим Русь стремящейся по тому же следу давно растленного Запада.

Налагаются на нас язвы тяжкие гнева Божия, но мы не обращаемся, не исповедуем

грехов своих, да исцелит нас Господь. Чего же ждать? На что надеяться?

Но да не возглаголют уста моя дел человеческих!..

Сказывал нам о. Архимандрит Игнатий еще и о благодатных видениях Валаамского схимника Кириака. Боже мой, Боже мой! От чего, от какой благодати и истины отпадает бедная, несчастная, израненная духовным врагом своим, святая моя родина!..

В наших книгохранилищах есть рукописное житие его, вернее, повесть о его обращении из тьмы раскола и о благодатных его видениях. Составлена повесть эта им самим по благословению бывшего Саровского и Валаамского настоятеля, игумена святой жизни, Назария. К нам сказание это доставлено отцом Исаиею, братом нашего настоятеля, из Саровской пустыни, где ныне настоятельствует о. Исаия. В память старца нашего, иеросхимонаха Иоанна, обратившегося также некогда из раскола, и в память беседе о. Архимандрита Игнатия, выписываю я повесть Кириака себе в назидание. Так как слог ее — слог прошедшего столетия, то я решил, не изменяя ее существа, передать ее языком современным. В духе глубокого смирения и единственно в исполнение святой обязанности послушания своему игумену Назарию составил сказание это блаженный старец, и потому для верующего христианина оно представляет собою сокровище неоценимое.

«О, горе мне, окаянному! — так начинается история обращения Кириака из раскола в

Православие, — да не постигнет меня казнь Страшного Суда Божия за то, что, не сохранив в чистоте ризу Святаго Крещения, дерзаю поведать дивные дела Божии, явившиеся на мне. Но, опасаясь, как бы не прогневать своим дерзновением Божие человеколюбие, вместе и страшусь, как бы не услышать того же, что сказано было Господом ленивому рабу, взявшему талант от господина своего и сокрывшему его в землю... Да будет со мною воля Твоя, Господи! Сотвори со мною, треокаянным, по милости Твоей, за молитвы отца моего и всей о Христе братии, и всех святых, угодивших Тебе! Поспеши, вразуми, направи и благослови, Господи, описать обращение мое, дабы оно послужило не к соблазну, а в пользу чтущим и слушающим и в прославление Святаго Имени Твоего, в славу, радость и честь святой матери нашей, Соборной и Апостольской Церкви.

Родился я от благочестивых христианских родителей в городе Великом Устюге, в котором и проживал некоторое время до перемещения меня в волость Цывозеро, приписанную к городу Красноборску. Возрастая под кровом родной своей семьи, я с самых юных лет обнаруживал наклонность к жизни духовной и наклонность эту проявлял в том, что неопустительно посещал храмы Божии, когда совершалась в них Божественная служба; с большою охотою слушал пение и чтение слова Божия; любил и сам читать жития святых Отцов, но более всего — житие Алексия, Божиего человека. При таком постоянном упражнении и наклонности к жизни

духовной, родилось и во мне самом желание поревновать самому житию святых Божиих человеков. А как такой род жизни возможен только под руководством человека, опытного в духовной жизни, то я и решился, прежде чем оставлю жизнь мирскую, поискать руководителя на новом моем пути. Скрывая намерение это от отца и матери, я приступил к ним с просьбою о дозволении отлучиться мне от них на сторону для приобретения будто бы денег и увеличения нашего состояния. Просьба моя, однако, не имела желанного успеха. Отказывая мне в ней, родители говорили мне :

— Ты у нас только один. Отпустить тебя — значит не видать более.

Неудача моя, однако, этим не окончилась. Отец и мать принудили меня еще и жениться. После женитьбы моей родитель жил недолго. Он умер и оставил меня в летах еще молодых. Независимый уже от воли отца, я прожил в той волости лет пятнадцать, а потом, по скудости землепашества, переселился в другую волость.

Прошу не соблазняться тем, что теперь услышите от меня о прежней распутной моей жизни, которой скрывать я вовсе не желаю. Да и к чему скрывать то, что будет же открыто на Страшном Суде Христове пред лицем всей вселенной, если теперь добровольно не обнаружу я дурных дел моих?

Некогда увлечен был я несколькими бесстыдными девицами, с которыми вошел в незаконные связи, и так провел около десяти лет, пока милосердый Господь не сотворил со мною,

окаянным, великой Своей милости и не поразил грешной души моей страхом, памятью смерти и вечными муками. Признаюсь, страх образумил меня тогда и с тем вместе показал в самом отвратительном виде картину порочной моей жизни, при воспоминании более двух лет. Почитая себя — и весьма справедливо — одним из самых закоснелых грешников, я не находил иного средства для примирения со своею совестию, как рассчитаться окончательно с міром, то есть удалиться из него навсегда. С того времени постоянное желание влекло меня в места пустынные; но желание мое не могло скоро осуществиться, потому что в тех местах, где я проживал тогда, не было человека опытного в духовной жизни, которому можно было бы доверить спасение души своей и который был бы силен насытить душу, ищущую небесного хлеба. Жившие по тамошним пустыням отступники от Православия узнали как-то, чего я ищу, и начали посещать меня и предлагать принять участие в их заблуждениях. Более других старался вовлечь меня в свою прелесть двоюродный дядя мой, Григорий Минич. В то время сам он еще не уклонялся явно от Святой Церкви и только скрытно держался раскола еще с детского возраста. Мало-помалу я был увлечен им, не понимая и сам того, какая пагуба заключена в его лжеучении. Ох! увы, грешная душа моя, лишилась ты Божией благодати!

Увлекшись в раскол, я оставил и дом, и жену, и детей, и вместе с моим совратителем, дядею, мы отправились водным путем к городу

Архангельску. Здесь отыскали мы подобных себе раскольников, которые, однако, не во всем были между собою согласны: одни называли толк свой — филипповщиною, другие — федосеевщиною, даниловщиною, онуфриевщиною — по именам основателей толков и так далее.

Я не берусь описывать подробно, в чем именно не соглашались между собою эти сектанты, — на это потребовалось бы много времени, — скажу только, что все они были по большей части перекрещеванцы — так они именовали себя в просьбах, в отпускных письмах и в других письменных актах. Браков они не признавали и жить с женами не позволяли: жизнь брачную считали тяжким грехом, но снисходительно смотрели на тех, которые вне брака изобличаемы были в незаконном сожитии. Кроме помянутых толков, между ними есть и беспоповщинцы, которые сами совершают обряд крещения над младенцами, а приходящих к ним не перекрещивают и браков не отвергают.

Такое разнообразие несогласных между собою толков казалось мне такою путаницею, что я свое недоумение высказал и дяде, и небольшому числу единомышленников наших. Все они на общем совещании положили, что мудрования о вере этих толков, разделившихся между собою и самое название их по именам основателей противны Святой Церкви и что святые, при всех случаях, исповедовали себя христианами. После того дядя мой и наши единомышленники отделились от помянутых сект и приискали себе отца, по имени Василия, по отчеству Степанова, во

всем согласного с нами. Этот новый руководитель наш прожил в пустыне лет сорок да среди міра лет тридцать, где он был пастухом. Находясь под его управлением, мы не давали братству нашему названия по имени отца нашего, бывшего прежде пастухом; но сторонние люди, тем не менее, не иначе называли наше согласие как пастуховщиною.

Между многими установлениями, какие существовали в нашем согласии, в особенности замечательны нижеследующие: 1) везде при всяких случаях, называть себя христианами, 2) не самосожигаться; 3) не запащиваться; 4) не топиться и 5) каким бы то ни было образом не лишать себя жизни; а если бы довелось кому быть истязанным о вере нашей, то каждый из нас должен твердо держаться ее, хотя бы и пришлось пострадать за нее.

Держась неуклонно этих установлений и других обрядов вместе со службами, которые изучали в новом месте, мы прожили тут около года; потом пускались в море для отыскания пустынного места, и, хотя нашли там пристанище себе и проживали некоторое время, но дух мой все еще не был покоен, потому что мне приводилось в жизни тамошних раскольников, рассеянных по скитам и пустыням, видеть такие поступки и обычаи, о каких мерзко и писать. Чтобы избавить себя от соблазнов и не быть их очевидцем, я решился удалиться оттуда и отправиться в те пустынные места, где проживал прежде. Но наперед направился я к Архангельску и обратился к жившим там бра-

тиям и к старцу Василию за советами и наставлениями, какую жизнь мне вести в месте нового моего жительства. Долго уговаривали они меня не бросать их общества, долго убеждали не пускаться в те места, где прежде я обитал, но все их убеждения остались бесплодными. Наконец, уступая моей настойчивости, они предложили мне в напутствие такое наставление:

— Где бы ты ни основал свое местопребывание — в міре ли или в пустыне — будь непременно наставником других и не оставляй никого без учения, кто только будет его требовать. В противном случае ты будешь отвечать на Страшном Суде Христовом за душу того человека, который умрет, не получив твоего наставления, если бы он в нем нуждался.

Приняв это благословение и наставление, я отправился от них и поселился в одной пустыне, расстоянием верст на семьдесят от жилых мест, а для совместного жительства пригласил местного жителя. Главная моя забота была та, чтобы жить на новом месте как можно скрытнее от людей и подальше от мест населенных. Несмотря, однако ж, на мои предосторожности, многие из окрестных жителей узнали о месте моего пребывания и начали приходить ко мне и требовать моего учения.

О, горе мне, окаянному и лишенному Божией благодати! Не удержал я скверного языка своего и научил многих богомерзкой прелести. Стоило, бывало, только показаться мне в места жилые за своими надобностями, как все бегут ко мне навстречу. Случалось, я старался

избегать подобных встреч, но не всегда успевал в этом. Сначала, как выше сказано, жил я в новых пустынных местах вдвоем только с одним местным жителем; но через три года приехал ко мне из Архангельска и дядя мой, привез с собою брата, по имени Тимофея, и поселились они со мною для совместного жительства. С их прибытием умножилось и число посещавших нас мужчин и женщин, из числа которых в короткое время успело обратиться в раскол около трехсот душ; между ними были и престарелые. Жизнь этих людей и подвиги были изумительны: они простаивали целые ночи на молитве, в слезах и сердечном сокрушении; но, видно, все эти самочинные подвиги не были угодны Богу, о чем можно заключить из того, что когда кто из них умирал, то на другой день к нему и приступить было почти невозможно: тело быстро разлагалось и распространяло страшное зловоние; у некоторых из них даже расседались утробы. Совсем другое замечал я при кончине тех людей, которые прежде смерти прибегали к покаянию и сподоблялись приобщению Св. Таин: кончина этих людей и погребение их были весьма благолепны.

Казалось бы, беспристрастные эти наблюдения могли бы убедить меня в том, что мы сбились с пути правого, ведущего ко спасению и что деяния наши противны Богу. Это и приходило мне, действительно, на мысль, но только иногда, на время; а потом я опять погружался во тьму заблуждения, которая до того омрачила меня, что я уже неспособен был отличить

света от тьмы и обратиться к матери нашей, Святой Соборной и Апостольской Церкви.

Убежище наше, где мы скрывались в расколе, не могло долго оставаться тайной. Священник той волости, поблизости которой скрывалось наше братство, узнав, где мы живем и где бываем, донес о том духовной консистории. Тогда по распоряжению правительства немедленно прибыл ночью в место нашего жительства капитан-исправник с чиновниками. Прежде всего он начал допрашивать детей наших, подвергая их вместе с тем жестоким наказаниям. От детей он узнал, в каком жилье находились я и дядя мой с братом Тимофеем, зашедшие туда для некоторой надобности. Приведенный к нам детьми нашими, исправник велел взять меня и дядю, а Тимофей перед этим только что вышел к соседу. Но так как исправник через детей же знал, что вместе с нами был и Тимофей, которого теперь не оказывалось, то и стал допрашивать меня, где он скрывался; однако ж, я не только не открыл места, где находился тогда Тимофей, но старался раздражить исправника ответами, чтобы он убил меня. Такое безрассудство с моей стороны вызвало побои, нанесенные мне плетью, до того жестокие, что тело мое, пробитое на хребте, висело лоскутами и потом, предавшись гниению, совсем отделялось от хребта. Тяжко и невыносимо было тогдашнее мое состояние: больше полугода я находился под стражею и во все это время не переставал страдать от побоев, а вдобавок к тому не имел возможности пользовать мою болезнь

лекарствами, почему и не думал остаться живым. Тело мое еще не зажило, а за мною прислан был курьер. В моем еще городе Красноборске оковали меня по рукам и по ногам и в таком виде в продолжение трех недель содержали как в этом городе, так и в других городах — Великом Устюге и в Вологде, куда меня пересылали.

Еще раз повторяю: находясь в оковах, с израненным телом, много тогда претерпел я, но претерпел не по разуму. По словам апостола, только тот венчается, кто страждет невинно: а мои действия, за которые я терпел, противны были учению Святой Церкви. Богу единому известно, что, упорствуя в раскольническом заблуждении, я не желал и не искал суетной славы человеческой или богатства, скоро гиблющего; но как человеку, ищущему спасения, нельзя прийти в познание себя без искушения, то искушение не миновало и меня. Впрочем, я нимало не сетую на постигшие меня скорби, а радуюсь, напротив, что посредством их-то и познал я свою немощь, познал и матерь свою, Святую Соборную и Апостольскую Церковь, которая еще в детстве чрез Святое Крещение отродила и воспитала меня. Супостат и наветчик души моей похитил было меня и загнал во двор не овчий, а в тот двор, в котором витают тьма и заблуждение. Но Господь не оставил меня, овцы своей, блуждавшей по горам: Он отыскал ее, возложил на рамо Свое, принес и водворил в ограду словесных Своих овец. А как все это совершилось, — я начну с того, чем закончил предшествующий рассказ.

По взятии меня под стражу я отправлен был потом под конвоем в Петербург, в тамошнюю Александро-Невскую Лавру, где и содержался в ожидании, когда потребует меня к себе преосвященный Гавриил, митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский, для увещания. Время это памятно мне, в особенности тем, что тогда-то именно коварный бес ополчился на пагубу души моей всеми зависящими от него средствами. Когда предстал я пред лицо помянутого архипастыря, мне тогда показалось, что у него обритые усы, а борода острижена. После, однако, одумавшись, я понял, что все это ложь бесовская и мечта, употребленная для того, чтобы я не слушал и не принимал от святителя никаких увещаний, и потому сначала терпеливо слушал некоторые увещания от посещавщего меня по поручению митрополита московского купца, Алексея Степановича Сыромятникова, который все доводы свои представлял от Священного Писания; но потом, заткнув уши, не только не хотел более слушать никаких убеждений, но даже стал ругать его, а от митрополита Гавриила потребовал старопечатных книг с тем, чтобы, опираясь на них, крепче утвердиться мне в своем заблуждении, — в чем со стороны снисходительного святителя и не было отказа.

Между тем, находясь под стражей, постился я, простаивал ночи на молитве и просил Бога — не о том, чтобы познать истинную Церковь, а о том, чтобы устоять в раскольнической прелести. Пользуясь таким настроением моей души,

лукавый бес начал внушать мне различные помыслы: «Что сидеть тебе здесь? Надобно же этому положить конец: ведь придется погибнуть против воли!» Вместе с тем стал он приводить мне на память сгоревших и утонувших: «Все они и все святые пострадали за Святую Церковь. Если хочешь, то, видно, и тебе приспело уже время последовать примеру их. Смотри, как они смело дерзали на смерть Бога ради: не убоялись ни огня, ни меча, ни воды. Так и ты смело дерзни за веру христианскую и за Святую Церковь; а чтобы скорее кончить это дело, надобно тебе попоститься дня три и помолиться с прилежанием, без чего такая решимость приведет тебя в ужас и ты не исполнишь того, что совершили они». И я, окаянный, по совету лукавого постился и молился три дня. Вслед за тем лукавый внушал мне: «Солдаты, приставленные к тебе, исполняют свою стражу небрежно — ночью спят, а потому, когда заметишь такую оплошность, сними с себя кушак, привяжи его к чему-нибудь и посредством его спустись в окно, уйди и скройся у своих верных», — то есть у раскольников. Наступила ночь. Смотрю — все солдаты, действительно, погрузились в крепкий сон. Желая воспользоваться этим удобным случаем для исполнения внушенного мне от врага совета, я тогда же снял с себя кушак, прикрепил его к стоявшему недалеко от меня водоносу, который концами утвердил поперек окна, и таким образом хотел опуститься вниз, как в эту самую минуту невидимая сила удержала меня.

«Не уходи, — говорит мне кто-то, — не просто ты взят сюда. Тебе добро будет: ты здесь неисчетным богатством обогатишься и домой уедешь». Слушая эти слова, я утешился ими и вместе с тем ощутил в душе моей какую-то сладость и умиление; из глаз моих струились радостные слезы. Быть может, и воистину добро мне будет, — рассуждал я сам с собою. Но такое утешительное состояние продолжалось недолго: спустя день лукавый враг опять подходит ко мне и внушает новый помысл такого рода: «Здесь для спуска воды устраиваются трубы — стоит только тебе спуститься головою вниз по трубе, и ты будешь непременно мученик». Чтобы не упустить случая к выполнению демонского совета, дождался я ночного времени и, как солдаты уснули, сперва помолился Богу с прилежанием, а потом уже смело, со всего размаху хотел низринуться головою вниз. Но в это самое время невидимая сила Божия снова удержала меня. «Человече, — внушал мне тайный голос, — не погубляй себя всуе! Ты взят сюда судьбами Божиими, и благо тебе будет, и богатства много получишь здесь, и домой уедешь». Голос, произносивший слова эти, был голос тихий, тонкий и сладостный, какого мне не доводилось слышать никогда. Я чувствовал благоухание. Сердце мое в это время исполнялось благими и радостными помыслами, восхвалявшими и ублажавшими Святую Соборную и Апостольскую Церковь. Но здесь нельзя передать всего того, что перечувствовала и в какой мере насладилась грешная душа моя тогда, когда

посетили ее благие и радостные помыслы. Такое отрадное состояние души продолжалось до полудня, а после обеда стали нападать на меня уныние и печаль вместе с злыми и тяжкими помыслами бесовскими, которые хулили Святую Церковь и предлагали столько опровержений против учения ее, что я и перечислить их не в состоянии. Тяжко было мне в то время: сердце мое терзалось и ожесточено было до того, что я не отказался бы и от смерти, если бы только кто решился лишить меня жизни.

В таком состоянии расстроенной души не было уже в ней места для принятия каких бы то ни было увещаний от пришедшего ко мне вышеупомянутого купца, Алексея Степановича Сыромятникова: равным образом не имел я охоты и слушать то, что читал он мне. Я даже и видеть его не желал и осыпал его бранью, чтобы за это подвергли меня мучению.

— Если бы ты хотел истинно освободиться от прелести раскольнической и быть сыном Святой Церкви, — говорил мне Сыромятников, уходя от меня, — ты бы просил Бога с прилежанием и верою, и Господь не оставил бы тебя долее коснеть в заблуждении, но избавил бы от него и от вечного за то мучения.

Слова эти не остались бесплодны: выслушав их, я стал на молитву и молился усердно. Во время молитвы один помысл услаждал меня и говорил: «Поверь, что только та правая Церковь, которая управляется пастырями — епископами и священниками». Другой помысл утверждал напротив: «Та правая Церковь, за ко-

торую ты страждешь и за которую непременно должно тебе пострадать до конца». Среди такой борьбы помыслов, со слезами обратился я к Господу и взывал к Нему:

— Господи! откуда бы Ты послал мне голубицу, дабы возвестила сердцу моему: которая истинная Церковь? Господи! не оставь меня погибнуть в борьбе с моими помыслами».

Долго молился я; но вот новые бесовские помыслы напали на меня: «Что ты молишься двусмысленно и несправедливо? ты должен молить Бога о том только, чтобы Он помог тебе до конца пострадать, за что наравне с мучениками и увенчаешься». Но я не поддавался этим помыслам и продолжал молиться, читал прилежно книги, слушал со вниманием увещания Сыромятникова, и не только его одного я слушал, но и многих из жителей как петербургских, так и иногородних, равно и обращенных из раскола, в числе которых был и знакомый мне житель города Ростова, Гавриил Веревкин. Плодом всего этого было то, что я начал было убеждаться в том, что, действительно, мы, раскольники, блуждаем во тьме неведения и уклонились от матери нашей, Святой Соборной и Апостольской церкви. Вследствие этого некоторое время упражнялся я в изучении правоты Православной веры. Но потом, по Божьему попущению, опять постигло меня искушение.

Сильное раздумье овладело мною, когда внимал я искусительным помыслам. «На что решиться мне теперь? — думал я тогда, — и какой способ употребить к отнятию жизни у

себя? Сожечь себя огнем? Но этого устроить нельзя: здание, в котором я содержусь, каменное; за мною постоянно следит стража. Утопиться в воде? как это сделать в тесном заключении?..» «Что ж ты долго размышляешь? — говорил мне опять помысл, — вот скоро из Сената придут за тобою, возьмут тебя туда, будут принуждать обратиться к их заблуждению, подвергнут тебя жестоким побоям, от которых ослабнешь и потом, против воли своей, склонишься на их желание. Но смотри, Господь, желая устроить спасение твое, вот какое представляет тебе к тому средство: у караульных солдат есть нож, которым они режут хлеб и кладут без осмотрительности на окно: возьми ты нож этот, скрой его в сапоге твоем; а как настанет день, выйди вон, будто бы для своей телесной нужды, и припрячь орудие это в нечистом месте, а между тем постись и молись с прилежанием Господу Богу и не думай, что, решась на это, будто бы неправо поступаешь, в чем могут убедить тебя прежние примеры и Священное Писание».

Советы дьявола я принял за внушение свыше: семь дней постился, не ел хлеба; а чтобы скрыть свой пост от караульных, притворился больным. Каждую ночь проводил я в молитве и от таких суровых подвигов крайне изнемог, но намерения своего на самоубийство не оставлял; напротив, назначил даже и день, в который положил непременно заколоть себя спрятанным ножом, и для приведения в исполнение замысла ослабевшие свои силы подкрепил немного хлебом. С наступлением рокового дня

помолился я Богу, вышел в уединенное место, взял спрятанный нож и, оградив себя крестным знамением, замахнулся уже ножом, чтобы нанести себе крепкий удар. Но — благодарение милосердому Богу! — какая-то невидимая сила удержала мою руку, внушая, как и прежде, не погублять себя. Внушение это сопровождалось некоторою отрадою, какую ощутил я в сердце своем; а потом напал на меня страх, почему опять я скрыл нож в то место, где он был спрятан прежде, и пошел под стражу. «Бог весть, — рассуждал я сам с собою, — Божие ли это внушение или бесовское?..» Спустя несколько дней я решился еще попоститься и помолиться с тем, что если встретится вновь такое же препятствие в посягательстве моем на самоубийство, то надобно будет согласиться, что меня удерживает сила Божия, а не бесовская. Вздумано — сделано: после поста и молитвы я опять вышел в прежнее место, отыскал нож и лишь только замахнулся им для нанесения себе удара, как и в этот раз невидимая сила удержала мою руку. «Не погубляй себя, человече, — говорил мне тайный голос, — ты не случайно взят, тебя Бог привел сюда, и великим богатством обогатишься здесь, и многих обогатишь, и домой уедешь».

Как прежде, так и теперь я чувствовал в себе то радость, то какой-то страх; и мне пришло на мысль: видно, Господь к мученическому венцу призывает меня! — и принял намерение идти лучше на мучение, за что от Бога причтен буду к лику мучеников, нежели

произвольно убивать себя, что запрещено даже и в братстве нашем, к которому принадлежал я. Но чтобы осуществить на деле свое желание и непременно добиться мученичества, я для этого употребил следующий способ: со всеми приходившими ко мне для увещания православными, в том числе и с Сыромятниковым, я стал спорить, называть их всех еретиками и отступниками, а пастырей Церкви — епископов — мучителями и волками. Однако способ этот мне не удался.

Вместо ожидаемых мучений, которых я добивался, потребовал меня к себе высокопреосвященный митрополит Гавриил. Так как в то время были у него посетители из знатного сословия, то велено было мне обождать у келейника, отца Феофана. Я ждал, сидя на стуле. Наконец мне говорят:

— Ступай — митрополит тебя спрашивает!

Я безумно отвечал:

— Не пойду! что мне делать у него? Я его видел много раз. Если же я ему нужен, то пусть сам ко мне придет!

И что же? Кроткий и смиренный святитель, услышав безумные слова мои, не замедлил прийти ко мне. С кроткою улыбкою приблизился он и, положив десницу на правое плечо мое, начал увещать меня самыми кроткими, смиренными и умиленными словами. А я, окаянный, вместо того чтобы воздать архипастырю подобающее поклонение, и не встал даже перед ним со стула, на котором сидел, и к этой дерзости прибавил новую:

— Зачем долго держишь меня? — сказал я ему, — отсылай, куда надлежит!

— Подумай-ка, Ксенофонт, — говорил мне ласково Владыка, — и рассуди своим умом: для чего я держу тебя? Доход ли какой получаю от тебя? чести ли ищу? Воистину, о душе твоей пекусь, дабы спасти ее от вечной погибели.

Так он говорил мне в присутствии разных лиц: священников, купцов и другого звания людей, которые с должным благоговением внимали ему. Потом святитель обратился к иконе Пресвятыя Богородицы, стоявшей на стене и, воздев свои руки, начал молиться:

— О Всемилостивая Госпоже, Дево Владычице, Богородице, Царице Небесная! Ты рождеством Своим спасла род человеческий от вечнаго мучительства диавола, ибо от Тебя родился Христос, Спаситель наш. Призри Своим милосердием и на сего, лишенного милости Божией и благодати; исходатайствуй матерним Своим дерзновением и Твоими молитвами у Сына Своего, Христа Бога нашего, дабы ниспослал благодать Свою свыше на сего погибающего. О Преблагословенная! Ты — надежда ненадежных, ты — отчаянных спасение, Ты — на помощь скорое и готовое заступление! Никто, Заступнице христианская, под Твой покров прибегая, посрамлен не исходит: да не явимся и мы посрамленными пред Сыном Твоим на Суде Его Страшном и да не порадуется враг о душе его!

Затем святитель Божий обратился ко Господу с молитвою:

— Господи Боже мой! Ниспошли благодать Твою свыше и ходатайством Матери Твоея, Пресвятыя Богородицы, отжени гордого и нечистого беса от души его и согрей теплотою Святаго Духа охладевшее сердце его, дабы он мог слышать вопиющий глас от Святыя Матере, Соборныя и Апостольския Церкве, глаголющий: *повинуйтеся наставником вашим и покоряйтеся, тии бо бдят о душах ваших* (Евр. 13, 17), кои хотят слово и ответ дать пред Тобою, Страшным Судиею. О Господи, помилуй немощь нашу!

Оканчивая молитву эту, высокопреосвященный проливал слезы. Ей! не лгу, любимцы мои: *гордый бес не выдержал пламенной молитвы достойного пастыря и оставил меня.* Когда Владыка снова увещевал меня, а потом обратился с молитвою обо мне к иконе Пресвятыя Богородицы, в то время преобладала мною гордость бесовская; но когда он проливал слезы, молясь обо мне, тогда как будто кто молотом ударил меня по шее и ударом этим мысли мои вывел из оцепенения: проснувшаяся совесть, этот неподкупный судия, сильно обличала неправоту мою; от стыда горел я, как от огня. «Глупец бессовестный! — говорила мне совесть, — смотри, святитель Божий молится о тебе с воздетыми руками; смотри, он плачет о тебе пред Богом, а ты? ты не устыдился сидеть пред ним в то время, когда подобало бы тебе стоять и плакать о своем заблуждении!»

После этого стало уже ясным для меня то, что прежде казалось темным от помрачения бесовского. Я уже не отвергал более того,

что заблуждался доселе; сердце мое умягчилось настолько, что я начинал питать истинную любовь к этому пастырю — словом, я весь переменился и был безгласен пред Владыкою, пред которым встал теперь с благоговением. Заметив во мне такую перемену, святитель продолжал мне делать увещания и делал их целое утро, до обеда стоя на ногах. Наконец он сказал мне:

— Ксенофонт! Если соизволишь с нами пообедать — пойдем: уже пришло время обедать.

Такая ласковость и доброта оскорбленного мною архипастыря изумили меня. Я весь растерялся и молчал. Вспоминая невежество, какое я оказал пред лицем святителя, я горел от стыда и наконец пал ему в ноги, прося прощения.

Это было, помнится мне, в субботу.

Простившись со мною, добрый пастырь поручил людям знающим и обращенным из раскола побеседовать со мною, — и они беседовали. Особенно много говорил со мною Алексей Степанович Сыромятников.

Но все эти беседы не имели на меня благотворного действия: я все еще колебался и ко всему, что говорено было мне, показывал заметное невнимание, и потому многие из моих собеседников стали расходиться по своим местам.

В это самое время Господь послал мне помощь Свою: ко мне пришли двое — обращенный из раскола, по имени Авраамий, живший прежде долгое время в стародубских слободах, и послушник Валаамского монастыря, Алексей Николаевич. Этот Авраамий (отчества и прозвания его не знаю) сначала сообщил мне ласково

и кротко о том, как и он находился в заблуждении раскольническом; потом говорил, как он был на Святой горе Афонской, — сколько там мощей и каких именно угодников Божиих, и какие истекают чудотворения от этой святыни, каких подвижников видел там и что слышал от них; а когда заговорил он о Киеве, тогда я спросил его:

— Скажи, любезный приятель, как выгорецкие ответы ссылаются на мощи Киевских угодников Божиих, почивающих в пещерах, якобы они имеют сложение двуперстное?

Он мне отвечал:

— Не верь их ложному свидетельству, а поверь тому, что скажу тебе неложно: заклинаю себя Богом Живым, что они имеют сложение троеперстное, а не двоеперстное.

Я поверил ему и предложил другие сомнения. Когда он разрешил все мои недоумения, мне стало весело и легко, так что никогда не чувствовал я такой радости.

Тогда-то стал для меня понятным настоящий смысл слов — «неисчетным богатством обогатишься», которые голос Божий не раз уже повторял мне, когда покушался я уйти из-под стражи, чтобы укрыться у раскольников, или готов был прекратить жизнь свою самоубийством. Поистине, я вдруг приобрел неисчетное, неописанное и несравненное богатство, посланное мне от Владыки моего и Господа — в познании Святой Соборной и Апостольской Церкви, в которой несомненно пребывает благодать Божия и совершается превеличайшее Таинство

Пречистаго Тела и Крови Иисуса Христа для теснейшего соединения с Ним на веки вечные. Со слезами благодарил я Господа Бога и Пречистую Божию Матерь, что для просвещения сердца моего и разрешения сомнений послан мне был такой человек, с которым беседовал я не как с человеком мне подобным, а как с Ангелом Божиим.

— Поистине, дорогой приятель мой, — сказал я Авраамию, — Бог твоими устами беседует со мною.

Это было в воскресный день и именно в те самые часы, когда совершалась Божественная литургия.

После обедни я с радостию отправился к высокопреосвященному Гавриилу, припал к его стопам и просил у него прощения в моем заблуждении и в том бесчинии, какое оказал ему в субботу, а с тем вместе просил его присоединить меня к Святой Церкви. Выслушав просьбу мою, святитель Божий порадовался обращению моему и возблагодарил Господа и Пресвятую Матерь его. В это же время у него был и генерал Степан Иванович Шешковский. Владыка просил его приказать, чтобы сняли с меня железные оковы, что и было тогда же исполнено.

Получив свободу, я с усердием стал посещать храмы Божии. В один из дней праздничных бывший в то время эконом, а потом наместник здешней Лавры, отец Иоасаф, привел меня к себе в келью и предложил мне разделить с ним трапезу. Напитав меня пищей вещественной, не лишил он и духовной. После обеда

пошли мы с ним гулять в сад, продолжая рассуждать о духовных предметах. Простившись же с ним, я дорогою размышлял о том, как совершается святая и Божественная литургия, какое заключается в ней таинство, как над святыми просфорами происходит тайнодействие? И вот мне пришло на мысль постоять в алтаре во время ранней обедни.

— Господи! — взывал я к Царю Небесному, — сподоби мя сие святое Твое тайнодействие видети.

С этими мыслями взошел я в собор, в котором почивают мощи св. благоверного князя Александра Невского, помолился тут Господу, Пресвятой Богородице и угоднику Божию и просил Всевышнего исполнить желание мое, если оно угодно будет Его святой воле. От собора отправился я в келью и, проходя по галерее, встретил бывшего наместника Лавры, а потом епископа Новгородского, Афанасия. Поклонившись ему в ноги и получив от него обычное пастырское благословение, я сообщил ему свое желание и со слезами просил его исполнить.

— Хорошо, — сказал мне наместник, — Бог исполнит твое желание. В которой церкви желаешь быть?

— Благослови быть, батюшка, на кладбище, у святого и праведного Лазаря! — сказал ему я и поклонился.

— Изволь! — отвечал мне наместник, — я скажу служащему иеромонаху, чтобы он дал тебе место в алтаре; а ты приходи пораньше и,

как только придет иеромонах, иди за ним прямо в алтарь, ничего не опасаясь.

Удалившись от наместника, я плакал от радости и размышлял: «Что это будет со мною? Радость к радости. Буди, Господи, воля Твоя!»

В следующий день, только что окончилась утреня, я был уже подле той церкви, где должна была быть ранняя Литургия. Из служащих никого еще не было. Я сел на камень и ожидал их прибытия. Наконец, увидев идущего к церкви иеромонаха, я просил у него благословения постоять в алтаре во время Литургии. Он сказал:

— Хорошо, ступай с Богом!

И в алтаре указал мне место, где я должен был стоять. Здесь, проникнутый страхом, я с большим вниманием следил за ходом совершавшейся проскомидии и, когда служащий иеродиакон начал кадить святой алтарь, почувствовал такое благоухание, исходившее из кадила, какого не случалось мне обонять во всю свою жизнь. Затем во все время, пока совершалась Литургия, дух мой восхищен был как бы на самое небо, так что земного ничего тогда не приходило мне и на мысль. Когда служащий иеромонах, снимая с дискоса звездицу, возгласил: «Победную песнь поюще, вопиюще» и проч., — тогда я еще более чувствовал благоухание, чем прежде, и помысл в эти минуты говорил мне: стой и внимай со страхом — *хощет Бог велие чудо показати.*

Когда иеромонах возгласил: «Твоя от Твоих Тебе приносяще о всех и за вся», — в это

время от Престола Господня, казалось мне, излилось на меня, грешного, необычайное благоухание.

Когда же стал он призывать Святаго Духа на предлежащие Дары, — Святый Престол и иерея, казалось мне, окружили Херувимы и весь алтарь наполнился ими. Сам служащий иерей, предстоящий Престолу Божию, объят был весь огнем; и лишь только сделал он поклон земной пред Святым Престолом, вижу — белый голубь, только в меньшем размере, чем обыкновенный, слетел с вышины и стал парить над святым дискосом; потом слетел на верх Святой Чаши и, сжав крылья, опустился в нее; а Силы небесные в это время, падши ниц, поклонились Святому Престолу.

Когда иерей возгласил: «Изрядно о Пресвятей» и проч., — Силы небесные опять поклонились до земли.

Когда пропели «Достойно есть», — они в третий раз поклонились; потом окружили иерея, осенили главу его, как бы пречудною плащаницею и затем стали невидимы.

Смотря на это чудное видение, я дивился величию таинства и в то время много плакал, повергался пред Господом, просил у Него прощения:

— Прости меня, Владыко Человеколюбче! много согрешил я пред Тобою неведением, когда был в заблуждении раскольническом, износил скверным языком моим хулы на Матерь нашу Святую Церковь, на пастырей ее — епископов и честных иереев и на святые, страшные

Таины, то есть на Пречистое Тело Твое и Честную Кровь Твою! Недоумеваю, как терпел Ты, Человеколюбче, окаянство мое?

По окончании Литургии благодарил я литургисавшего иерея и, получив от него благословение, удалился из алтаря со скорбию о том, что долгое время лишал себя общения такой великой святыни. С этого времени я уже не колебался в намерении моем обратиться из раскола в Православие и отправился к Высокопреосвященному Гавриилу. Снова просил я у него прощения в своем заблуждении и повторил прежнюю просьбу мою присоединить меня к Святой Соборной и Апостольской Церкви. Святитель с радостию изъявил согласие исполнить мое желание и пригласил к себе священника Больше-Охтенской церкви, Андрея Ивановича, который и сам был некогда в расколе, когда находился в купеческом звании. Святитель приказал исповедать меня и приобщить Св. Таин. О. Андрей благословил мне приготовиться к Святому Таинству постом, молитвою и хождением в течение недели к каждому Богослужению. Как жаждущий олень спешит на источники водные, так и я спешил исполнить и исполнял повеленное мне. В день субботний, после утрени, исповедал я согрешения свои о. Андрею в церкви святого благоверного князя Феодора, брата святого благовернаго князя Александра Невского, а потом тут же слушал и святую Литургию, которую совершал сам о. Андрей. Стоя близ правого клироса, у каменной колонны, слушая со вниманием святую Божественную

службу, я помышлял в себе: не покажет ли мне Господь и теперь какое-нибудь знамение, дабы я с верою и без всякого сомнения причастился святых, животворящих, страшных Таин? И милосердый Господь не оставил втуне моего желания: когда иерей возгласил: «Твоя от Твоих Тебе Приносяще...» я почувствовал, как и прежде, благоухание, исходившее из алтаря от Св. Престола. Потом, когда иерей стал призывать Святаго Духа на предлежащие Дары, тогда, чрез скважины церковных дверей, увидел я, как возблистал в алтаре свет, а от иконы Спасителя взлетел белый голубь и, полетав окрест иконостаса, влетел в алтарь.

Наконец Господь сподобил меня причаститься Христовых Таин. Возрадовалась тогда душа моя о Господе, и радость моя усугубилась еще от того, что день этот был праздников праздник — день Светлого Христова Воскресения. Вспоминая, сколько времени блуждал я вне Православной Церкви и лишался толикой святыни до престарелых лет, я приносил Богу глубокое раскаяние и обязал себя долго, долго пред Ним каяться. Прошу и вас, любимцы мои, помолиться обо мне, по заповеди Господней, возвещенной апостолом: «Молитеся друг за друга, яко да исцелеете» (Иак. 5, 16), дабы по вашим святым молитвам услышано было покаяние мое и милосердием Господним изглажено было неисчетное множество грехов моих.

Не подумайте, любимцы мои, будто, возвещая вам теперь о бывших мне откровениях и о дивных видениях, коих сподобил меня Господь,

я делаю это из тщеславия или ради похвалы. Нет! я верую, что все происшедшее со мною и самое обращение мое из раскола в Православие — все это плод не моих грешных молитв; нет, это — плод святых молитв святителя Божия. Поэтому, не крайнее ли безумие было бы с моей стороны на малое время искать себе похвалы от других и навеки за то быть отверженным от лица Господня? Напротив, истину говорю: лучше мне скрыться под землею, чем слышать о себе человеческую похвалу — так ненавистна мне она! Если же я решился сообщить на письме о всем случившемся со мною, то это сделал не по своей воле, а ради святого послушания, какое обязан я оказать отцу игумену Назарию, и ради многих братий моих, блуждающих и доселе в расколе...

Вскоре после того, как приобщился я святых и страшных Христовых Таин, призвал меня к себе Высокопреосвященный митрополит Гавриил и спросил:

— Какое имеешь ты намерение, — дома ли жить или в какой-нибудь святой обители?

Я ответил ему:

— Возвратиться домой нет у меня желания; мое истинное теперь желание поступить в Валаамский монастырь и облечься там в монашеский образ, ибо слышал я, тамошние иноки имеют житие богоугодное.

Владыка изъявил на то свое согласие, и я отправлен был в Валаамскую обитель, где и поныне жительствую и где пострижен в монашество в первый год моего туда поступления.

Кстати, сообщу вам нечто и о том, какие средства употреблял Господь для удержания меня от осуждения ближних.

Однажды прибыли в обитель нашу по своим надобностям чухны, исповедающие веру лютеранскую. Ненастная погода задержала их здесь, а хлебом они были небогаты. Вот и пришли они к настоятелю монастыря с просьбою ссудить их нужным количеством хлеба на то время, пока не прекратится противный ветер. Настоятель не только не отказал им в просьбе, но даже приказал их кормить на братской трапезе. Надобно же было случиться, что в это самое время зашел и я в трапезу. Вхожу туда и вижу: маймисты сидят за столом и вкушают пищу из братской посуды. Признаюсь, не выдержал я: рассудок мой помрачился и недуг раскольнический пробудился во мне снова. Мысленно я начал роптать на настоятеля за то, что он дозволил кормить из братской посуды маймистов — людей, которые отвергают Православную веру. Я решился идти к настоятелю и горячо поговорить с ним, зачем он так делает; но потом раздумал: зачем же мне идти? Ведь я пришел сюда не закон уставлять, а покоряться повелениям других. Да и кто послушает меня?.. С этими скорбными мыслями пошел я в свою келью и пробыл там до вечера. Когда же ударили в колокол к вечерне, я пошел в церковь, не очистив наперед совести своей покаянием в осуждении маймистов и в ропоте на настоятеля обители. Что же? Как Господь судил привести меня к истинному сознанию

моего согрешения?.. Прошу не соблазниться, любимцы мои, тем, что хочу написать здесь для вашей пользы... Когда вошел я в храм Божий, мое обоняние сильно поражено было самым смрадным зловонием. Я стал осматривать кругом себя, полагая, что пристала зловонная нечистота к моей одежде, но ничего подобного не заметил. Лучше будет, подумал я, когда уйду отсюда, да не соблазню братию; ибо если сам от себя не могу терпеть смрада, то как же могут терпеть это другие? С этими мыслями я и удалился из церкви в свою келью, где уже не чувствовал зловония. Переночевав в келье, пошел я в положенное время в церковь к утрени. В церкви опять почувствовал прежний смрад. Эти два случая сильно опечалили меня, тем более что я никак не мог понять, что это значит. Пойду еще к обедне, думал я сам с собою, и, если братия почувствует тот же смрад и велит мне выйти из храма, я без прекословия выйду; а если промолчат, буду стоять и ожидать, что последует дальше. Пред тем как надобно было идти в церковь, обратился я с молитвою ко Всевышнему:

— Господи! — взывал я, — открой мне, чем я согрешил пред Тобою, дабы мог я покаяться.

После молитвы пошел я в церковь для слушания св. Литургии; но лишь только вошел туда, опять поразил меня прежний смрад. Грустно стало мне. Стою я и каюсь в согрешениях своих. Когда иерей начал читать молитву: «Благословляяй благословящия Тя, Господи», в это время слышу в сердце моем таинственный голос:

— Как же ты не помнишь согрешения своего? Не ты ли вчера осуждал и уничижал маймистов и настоятеля, роптал и скорбел? того ради благодатию Своею Бог и отвращается от тебя.

Узнав, чем именно подвигнул я милосердого Бога на гнев против себя, я после обедни поспешил к настоятелю обители, отцу игумену Назарию, и, пав к ногам его, поведал ему мой грех, и просил у него со слезами прощения. Выслушав исповедь мою, отец Назарий с любовию простил меня во всем, но при этом подтвердил блюстись на будущее время от подобного греха.

— Аще потеряешь благодать, — говорил он мне, — то не скоро обрящешь ее потом.

Много и еще говорил он в назидание мое: как, например, обращаться с братией и как хранить иноческие обеты.

После принесенного мною покаяния, я хотя более не чувствовал смрада в церкви во время Божественных служб, однако ж, Господь не удостоивал меня несколько времени и тех благодатных ощущений, которых прежде сподоблялся я, многогрешный, во время совершения Божественной литургии. Глубоко чувствовал я эту потерю и беспрестанно повторял: согрешил, Господи, прогневал благодать Твою.

Но прошло с месяц, и Господь снова умилосердился надо мною. Стоя за Божественною литургиею со вниманием и страхом, я, во время призывания иереем Святаго Духа, ощущаю, как и прежде, чудное благоухание, исходящее

из алтаря от Св. Престола, — и душа моя чувствует такую радость, какой и описать нельзя; могу только сказать, что, если бы кто в это время показал мне горы золота и обещал дать их в собственность, я отверг бы предложение, даже не взглянул бы на эти горы...

По неисповедимым судьбам Божиим и по моим грехам в настоящее время благодать Господа скрылась от меня. Я сетую об этом, чувствую свою греховность, но не отчаиваюсь в милосердии Господнем; только дай нам, Господи, быть при Святой Матери Нашей Церкви, о грехах своих покаяние приносить, милость Божию и прощение грехов получить и Единаго в Троице Бога хвалить, Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно, и во веки веков.

Аминь.

Повторяю вам, любимцы мои: все то, что только сообщил я вам здесь, все это сущая правда.

С Божиею помощью и по молитвам отца игумена Назария я, неразумный, написал сие сказание для того, чтобы люди, погруженные, как и я прежде, во тьму заблуждения раскольнического, познали матерь свою, Святую Соборную и Апостольскую Церковь. Если кто в подкрепление сказанного мною присоединит и от себя что-либо в пользу Православной Церкви и к прославлению имени Божия, — то порадуюсь и я и Бога хвалить не престану. Если же кто извлечет что-либо полезное во спасение души своей и из написанного здесь мною, то да помолится и о мне, грешном, дабы чрез молитвы

его получить мне во грехах моих прощение как в сем веке, так и в будущем.

В незабвенную память благодеяний Божиих, оказанных многогрешному, написал я собственною моею рукою об обращении моем из пагубного заблуждения раскольнического ко Святей Соборней и Апостольстей Церкви, в 7291 году от создания міра, а от Рождества Христова в 1783 году, в исходе месяца июня и в начале июля. Благодарение приношу Богу и должен всегда приносить Ему, что не попустил Он сатане поглотить душу мою за беззакония мои и свести ее во ад.

Многогрешный и убогий монах Киприан».

На подлинной рукописи — две надписи, разными руками написанные старинным почерком:

1-я надпись

«Оный монах Киприан пострижен в схиму был в 1796 году, и наречено имя ему — схимонах Кириак, а в 1798 г., мая 20 числа, в четверток после полудня преставися».

2-я надпись

«А пред смертию, вставши, сел и попросил воды испить, и испивши так как с ложечку, и с час времени полежавши, паки вставши, сел и сказал сии слова: «Теперь слава Тебе, Господи!» — и с сими словами предаде дух Богу и главу опустил вниз.

Вечная память достоблаженному брату нашему, схимонаху Кириаку. Бог да ублажит его и упокоит и нас помилует, яко благ и человеколюбец. Аминь.

Сие написано в Валаамском монастыре, в незабвенную последующим родом память».

Еще приписано:

«Тетрадь преподобного отца схимонаха Кириака дана, по преставлении, монаху Иоанникию».

9 августа

Видно, положено быть сему в юдоли этой, где духовное, душевное и плотское так сплетены тесно между собою, что и разделить их невозможно, пока не явится великая разделительница — смерть; так вот и мне, убогому монаху, под числом этим приходится отметить не то, что духа, а то, что — плоти. От дождливой погоды появилось изобилие всякого рода грибов: братия всякий день набирала их помногу на трапезу. Находили грибы из породы белых, называемых «боровики», необыкновенной величины: на верхней шляпке в одну поперечную линию по две и по три четверти аршина. Один из таких грибов в две четверти поперек шляпки, совершенно свежий и крепкий, стоял на столе в трапезной, как исполин. Весом он оказался 4j фунта.

13 августа

Понедельник. Утром в 6 часов скончался на конном дворе рабочий, крестьянин помещика

Каткина, Михаил. В 1855 году летом он поступил в монастырь наш в число наемных рабочих. Раньше он много раз за поступки свои подпадал под наказания в полиции. Господин его настаивал, чтобы сослать его на поселение, но крестьянин этот убедил отца Архимандрита Моисея освободить его от суда, обещаясь при старости покаяться. На просьбу о. Архимандрита г. Каткин изволил отпустить Михаила в обитель. Михаил жил на конном дворе скромно, заболел в начале августа, приобщен Святых Таин и умер в надежде милосердия Божия.

Так в тишине и тайне монастырской святыни управляются в царство небесное грешные души человеческие.

1857 год

Отцом игуменом Антонием получено было на этих днях письмо от присной ему духовной дочки, монахини Нектарии. В утверждение немощной веры моей и на молитвенную память об этой рабе Божией хочу я это письмо выписать себе в назидание.

«Ваше высокопреподобие, всечестнейший отец игумен! — так пишет монахиня Нектария, — письмецо ваше, писанное в прошлом году, я получила в новом. С наступившим венцом благости Господней, с новым годом, поздравить мне вас благословила матушка игумения и от нее. Они благодарят вас за память вашу и впредь просят не забывать вашими святыми молитвами.

На письме вашем адрес, вместо Нектарии, вы написали — Марии; но Великосельцева одна: матушка прямо мне и прислала. Суеверия не имею, кажется, а подумалось: что это батюшка меня переименовал? не изгладится ли имя Нектарии из книги живых? Буди воля Божия.

Час от часу хуже живется. Только читаю с большою радостию ваши назидательные письма и каждую строку применяю к себе, где есть что-нибудь доброе. Нет у меня ни поста особенного, ни молитвы, ни правила; часто и малым правилом сплошь остаюсь в долгу: слава Богу, погордиться нечем. Не знаю, больна ли я или ленива? Точно против воды плыву; только в церкви мне ровно посвободнее и хожу полегче, а внутренно-то все сплю; и будто так и быть должно. Большое будет мне, батюшка, горе за лень и нерадение.

Перечитываю ваши письма, но в одном, простите, что-то не совсем схожусь с вами: вы как-то точно не одобряете порядка нашей проскомидии — замечаете, что она слишком большая: сотни помянников, тысячи имен, толкотню наших сестер, груду частиц... Это все справедливо. Но возьмите во внимание просьбы просящих донести до жертвенника их помянннички (это святое послушание исполняет многогрешная Нектария) — тут что делать? Несколько пихают просфоры и говорят в одно и то же время по нескольку имен; а как просят-то! «Ради Бога, матушка, не забудь того и того!» А памятцов накладут столько, что войду в алтарь, и положить нельзя — целая ноша! Да

и не забыть нельзя. Ну, — говоришь себе — Ангел Господень, донеси их усердие! Как же тут быть, батюшка, моей пребестолковости?..

Боюсь, батюшка, писать, да давно хочу у вас спросить: так ли, по пути ли мои мысли? Агнец на дискосе — это Младенец Вифлеемский; частицы — мы, сухое сенцо. Придет весна вечная; оживотворимся все заслугами Богочеловека: кто — цвет, кто — маленький цветочек или листочек; а иной — большой стебель... Господи! хоть бы самой-то маленькой былиночкой воскреснуть! Сено-то сухое вспыхнет зараз... Ах, как страшно-то будет!.. Я во сне немножко видела это давно. Если помнить этот страх всегда, так надо зарыться в пещеру. Или, видно, по грехам моим не дает Господь мне этой памяти!..

Вы помните ли, батюшка, у нас в Горицах празднуют Смоленской Царице Небесной? Большое бывает стечение народу; и вот тут-то проскомидия сказать, что большая. Другой год тому назад пришлось мне стоять, по тесноте в церкви, у самых пономарских врат. Смотрю, недостойная — как поставили священнослужители Дары на Престол, вижу — над дискосом, поверх звездицы — дымок, или пар тонкий.

Откуда это? — думаю. Смотрю в сторону, в другую — неоткуда этому быть, а дымок стоит. Только вдруг в Чаше-то точно что закипело, и вино в Чаше поднялось кверху и покропило над звездицею. Вдруг прежний маленький дымок вспыхнул как пламя; по частицам на дискосе запылало, а вино обратно вернулось в

потир. Я со страху к земле припала и только говорю: «Боже, милостив буди мне, грешной!» и «Господи, помилуй!..» Что пели и читали, я не слыхала в ту минуту: видела только пламя не пламя, такое прозрачное... Недостойна я видеть благодать, поядающую грехи наши... Поднялась с земли; двери пономарские уже закрыты; а на них написан Архангел Михаил с пламенным мечом. Я обрадовалась тому, что он между мною, грешницей, и алтарем предстал... Вы, батюшка, приносите бескровную Жертву: помяните убогую Нектарию, вашу племянницу Горицкую.

Вот и еще недоумение: имела глупость положить обещание в первый год моей жизни в монастыре съездить в Тихвин и не знала, что это не должно. Матушка схимница Маврикия тогда мне говорила, что она будет просить матушку Игумению, чтобы отпустила. После десяти лет я просилась у матушки Игумении Арсении; но она сказала, что берет мое обещание на себя, и не отпустила. А я и рада была. Теперь же что-то прихожу часто к мысли: ну, если я не выполню, умру? Не спутать бы мне души своей этим? Что вы, батюшка, на это мне скажете? Боюсь и мыслию надолго выйти из обители, также беспокоить и матушку, всечестнейшую Игумению Филарету. Я так привыкла к доброй своей матушке: всякий день меня перекрестит; поцелую ее ручку — и весело мне, и радостно! Дай ей, Господи, пожить подольше! Дай, Господи, и вам, батюшка, терпения побольше читать бестолковые строки!

Я верую, что вы поймете меня. Осените вашим всемощным благословением пустую голову многогрешной Нектарии».

Простое и в подлиннике малограмотное письмо это поразило меня: какая простота, какая любовь, какая вера! Какое, наконец, оправдание веры! Не говоря уже о важнейшем в этом письме откровении чудесного видения, которое могло быть дано только истинно облагодатствованной душе, — что за дивное смирение, что за чистота сердечная сквозят и дышат в каждой строчке, в каждом слове этого послания окормляемой к своему духовному руководителю и Старцу! Подумать только: «обрадовалась» тому, что Архангел Михаил своим изображением на закрытых пономарских (северных) вратах закрыл от ее «недостойных», но удостоенных очей видение Страшной Тайны — это ли не глубочайшее смирение детски-чистого сердца?.. А эта картинка сокровенных недр монастырской жизни, монашеской любви, незримой, да и не понятной міру: матушка Игумения Филарета крестит ежедневно, как дочку, свою послушницу; послушница целует, как у родной, любимой матери, ручку; и над всей этой чистейшей любовью — веселье и радость как хрусталь прозрачной и светлой души! Как же не зреть таким Бога и всей Его присносущной светлейшей славы и в сем еще веке, и в будущем!.. Внимай, монах, внимай, благоговей и поучайся!

Чем еще помянуть мне, убогому и нерадивому монаху, наступившее новолетие? Не памя-

тью ли о том, что моя временная жизнь на земле дана мне в залог иной лучшей вечной жизни, к которой переход — великое таинство смерти?.. В рукописях наших я нашел завещание Московского Митрополита Платона: да будет оно мне в память неизбежности исхода грешной души моей из грешного тела и в воспоминание о великих добродетелях почившего великого иерарха Российской Церкви. Вот это завещание:

«Господи Боже мой! Ты создал мя еси, якоже и все твари, даровав душу бессмертную и соединив оную с телом смертным и тленным.

Сей состав должен в свое время разрушиться, всем бо детям Адамовым предлежит единою умрети, потом же суд.

Достигши далее семидесяти лет, болезнями удручаемый и разными искушениями ослабляемый, жду сего страшного, но вкупе и вожделенного часа, ибо и младый, и здравый не весть, егда Господь приидет.

Яко уже наступившу сему часу и оглашающу уши моя сему судеб Твоих гласу, исповедаюся тебе, Господи, всем сердцем моим и —

Благодарю Тя, яко просветил еси мя светом Евангелия Твоего.

Благодарю Тя, яко отродил мя еси новым таинственным рождением, во усыновление Христом Твоим.

Благодарю Тя, яко восприял мя еси в сообщении Крове искупления чрез Христа Твоего.

Благодарю Тя, яко удостоил еси быти мне хотя малейшим членом святейшего тела Церкве Христа Твоего.

Благодарю Тя, яко благоволил еси быти мне в причте владычняго дома Твоего — Церкве Твоей и, хотя сосуд есмь скудельный, но не возгнушался в священном и царском доме Твоем.

Благодарю Тя, яко во многих моих делах к назиданию премудрого строения Церкве Твоея во благий успех содействовать и благодатию спомоществовать благоволил еси.

Благодарю Тя, яко во многом мое нерадение многих благих дел чрез злые намерения превращение прикрывал Ты долготерпением Своим.

Благодарю Тя, яко Ты, Господи щедрый и милостивый, долготерпеливый и истинный не по многим моим и скверным беззакониям сотворил еси мне, и не по тяжким грехам моим воздал еси мне, вдыхая ко обращению моему чувствие обличения и раскаяния.

Благодарю Тя, яко во многих моих искушениях и напастях, праведно на меня ниспосланных, не попустил Ты мне впасть в уныние и отчаяние, но подкреплял Ты мя силою свыше, по мере веры моея, яже есть дар Твой.

Благодарю Тя за многие дары Твои и по телу и по душе, коими злоупотребляя, являл я безумие мое и неблагодарность; аще же кое благое их употребление принесло какой-либо плод, буди Тебе Единому благодарение, честь и слава.

Благодарю Тя, яко в надежде милосердия Твоего даровал Ты мне таинство покаяния, паче же — бесценные заслуги и Святейшую Жертву

Тела и Крови Христа Твоего, Искупителя моего, Ходатая моего, Великого и Вечного Архиерея, сего Небесного и Святейшего Жреца, единожды на кресте Себе за мя принесшего и во веки освятити мя могущего.

Приими, Господи, сие мое сердечное исповедание.

Прости мои грехи и прикрой их честною ризою Христа Твоего. Даруй воспети со всеми святыми: блажени, ихже оставишася беззакония и ихже прикрышася греси. Блажен муж, емуже не вменит Господь греха.

Благослови, Господи, Православную Церковь Российскую и утверди оную в вере и благочестии во веки непоколебиму.

Благослови, Господи, всех благодетельствовавших и доброжелательствующих мне в пути жизни моея и милостиво восприими на Ся долг моего им обязательства к воздаянию.

Прости, Господи, и всем чем-либо меня или по неведению, или по общей слабости оскорбившим и обидевшим; и я их прощаю пред лицем Твоим.

А паче прости, Господи, мне многих по неведению или по действию страсти оскорбившему и обидевшему и расположи их, да, простив мя от сердца, помолятся о мне лицу Твоему.

Прошу и молю всю Церковь Святую, да пред священным жертвенником приносимой таинственно-духовной, умилостивительной Жертвы Христовой и о мне, грешном Платоне, пролиют богоугодные молитвы во отраду души моей.

Земле! разверзи свои недра и приими от тебя взятое.

Господи! приими дух мой, Господи, в руце Твои предаю дух мой!

Вем, Емуже и веровах, и извещен есмь, яко силен залог мой сохранити в день он».

На подлинном: «Писах своею рукою многогрешный Митрополит Платон. 1801 года, февраля 20-го дня.

Прошу сие завещание прочесть в церкви при погребении, по прочтении Евангелия, пред молитвою разрешительною».

20 января

Воскресенье. К сожалению всей о Христе братии, о. Архимандрит Моисей не служил по болезни ног: в левой его ноге раны открылись до изнеможения. Иноки Дорофеи «крепкого жития», видимо, еще соблюдаются Господом в лице нашего отца Архимандрита и достославного брата его по плоти и по духу, отца игумена Антония, и им подобных, втайне работающих Господеви. Міp не знает их и знать не хочет. Мы, монахи, недостойные спутники их на пути к царству незаходимого Света, и мы даже редко удостоивается узнать при жизни их, какая умилостивительная за грехи міра жертва приносится Богу их сокровенными подвигами: бдением, пощением, молитвенным стоянием, слезами — всем бесконечным, как душа человеческая, внутренним подвигом монашеским, отражающимся в подвигах и внешних. Раны на ноге о. Архимандрита Моисея открылись и

помешали ему служить Божественную литургию. А как приобретены были им эти раны? Когда отец Архимандрит и брат его, о. Игумен Антоний, оставив ради Христа вся красная міра, удалились на пустынножительство в глухие, едва проходимые леса Рославльского уезда Смоленской губернии, то к подвигу молитвенному они приложили и богоугодное рукоделие переписки книг священных — богослужебных, житий святых и великих учителей монашества, древних аскетов. Время, положенное для молитвы, они проводили *стоя*; *стоя* же занимались они и своим рукоделием из чувства благоговения к тем великим и славным, чьи письменные труды они переписывали для своего келейного употребления. Отсюда — мучительные раны на ногах у обоих братьев. Никому бы из нас, даже приближенных, это не было бы известно, если бы Господь не прославлял прославляющих Его для назидания нашего и укрепления в вере и подвигах.

Когда о. Игумен Антоний начальствовал в новоустроенном Скиту нашей обители, то в числе скитской братии был один инок доброй нравственности, но страдавший недугом пристрастия к излишнему ночному отдохновению, почему частенько и не являлся к утреннему братскому пению. В Скиту утреня, как и у нас в монастыре, поется в час или два пополуночи. С течением времени обычай этот так укоренился в иноке, что он и вовсе перестал подниматься к утрени. В то же время и у отца скитоначальника, Игумена Антония, болезнь ног уси-

лилась в такой степени, что он не мог обуть сапоги и потому тоже перестал ходить к общим службам, исполняя правило у себя в келье. Показалось ли это нашему иноку оправданием своего нерадения, или уже вражии наветы тому были причиной — кто знает, но только в своем нерадении он стал упорствовать так, что когда будильщик приходил его звать к утрени именем отца Игумена, то он и на такое приглашение не захотел отзываться. Доведено это было до сведения о. Антония, который, конечно, не замедлил позвать к себе неисправного инока.

— Ты что же это опускаешь ходить к утрени? — спросил его Скитоначальник.

— Простите, батюшка, Бога ради, немощь мою, — отвечал инок, — но, истинно говорю, не могу так рано подниматься. Все исполняю, во всем прилагаю старание быть исправным, но это сверх сил моих. Да будет ли еще угодно Богу, если, повинуясь вам, я понесу непосильное послушание это с ропотом, а, понесши его, уже на целый затем день ни к чему не буду способен?

Со всею любовью и силою убеждения о. Антоний увещевал упорствующего брата, просил, молил, доказывал, что непослушание в одном делает ничтожным все исправное в остальном; но инок наш не поддался убеждениям — хоть уходи совсем вон из Скита. Чем же вразумил его отец Игумен? Будильщик продолжал ходить будить, инок продолжал просыпать утреню, пока не совершилось нечто, что сломало-таки упорство ожесточившегося сердца. Ото-

шла раз скитская утреня; на ней присутствовал сам о. Игумен. Кончилась служба, вышла из храма братия, и после всех вышел и Игумен; но не в келью свою пошел он, а прямо направился в келью того инока. Подошел он к двери, помолитвился, вошел в келью. Инок, увидевши своего Скитоначальника, вскочил с ложа испуганный, а о. Антоний, как был в мантии, так и упал ему в ноги:

— Брате мой, брате мой погибающий! Я за тебя, за душу твою обязан дать ответ пред Господом: ты не пошел на святое послушание — пошел я за тебя. Умилосердись, брате мой, и над собой, и надо мною, грешным!

Сам говорит у ног своего послушника, сам плачет, а под мантией его — целая лужа крови: набралась в сапоги из открытых ран на ногах от стояния кровь и при земном поклоне брату и вылились, как из ушата.

Так и спас великий немощного своего соратника.

Пока в духовных недрах России скрывается еще такая сила духа любви Христовой, жива еще и будешь жива, святая родина моя! Помилуй, Господи, если сила эта оскудеет!..

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

Кто Бог велий, яко Бог наш? Ты еси Бог, творяй чудеса!

Нашему старцу, отцу Макарию, когда он еще был иеромонахом Площанской пустыни, из Троице-Сергиевой Лавры прислано было следующее сообщение:

«В Богородицкую
Площанскую пустынь
Иеромонаху Макарию

Свято-Троицкая Сергиева Лавра.
1823 года, генваря 30

Исцеление девицы Екатерины Николаевны Грезенковой. С тем, чтобы для прочтения и пользы посылать и другим верующим

Сведение о сем исцелении заимствовано частию из сказания отца получившей исцеление, частию из очевидного свидетельства многих в Троице-Сергиевой Лавре. Симеона Столпника церкви священник Николай Феодоров также письменно засвидетельствовал как о необычайной болезни девицы Грезенковой, так и о чудесном исцелении. Обстоятельнейшее же описание всего происшествия с подробным означением времени, когда что случилось, сделано родственником ее, титулярным советником, Василием Добровольским, очевидным свидетелем бывшего и спутником болящей Грезенковой в Троице-Сергиеву Лавру.

«Я долгом почел, — пишет он в своей записке— записать для себя, что видел и что слышал от самой болящей».

Мы думаем, что не менее того есть долг сообщить сие и другим верующим в благодатное Провидение для утешения и назидания.

1821 года, марта 3-го дня, девица Грезенкова ездила проститься с принявшею ее при рождении повивальною бабкою, которая в этот день скончалась. Возвратясь домой, Грезенкова почувствовала зубную боль, стрельбу в ушах, потом боль в правом боку и, наконец, подверглась судорогам и лому, вынуждавшим ее кричать день и ночь. Лечение производилось призванным врачом, но, вместо помощи, привело ее в великое расслабление. По времени приглашен был другой, но и этот не имел успеха. Накануне Светлого Христова Воскресения присоветовал он поставить больной в хрен ноги, но после этого у нее свело правую ногу к спине. Врач уверял, что это ничего не значит. Потом взят был и третий врач, который и обещал скорое выздоровление, но, не видя облегчения, сам отказался наконец от пользования.

Екатерина Николаевна во время болезни своей неоднократно видела во сне Преподобного Сергия, который приказывал ей сказать отцу ее, чтобы ехал с ней «к Троице». Преподобный сказал ей так:

— Ты будешь здорова, только не скоро: иначе скоро забудешь!

Но родители ее, почитая эти сновидения обыкновенным действием воображения и болезненного состояния, хотя и собирались ехать в Лавру для утешения страждущей, но с отъездом медлили.

Однажды ночью, когда Екатерина Николаевна спала, бывшие при ней девицы увидели, что она вдруг повернулась, вскрикнула, протя-

нула сведенную ногу и уперлась ею в грудь одной из них. Чрез несколько времени ногу опять начало сводить, и когда хотели удержать ее, больная не велела трогать. Было это ночью. Поутру окружающие рассказали об этом ее родителям. Те спросили ее: не видала ли чего во сне? Тогда она рассказала следующее:

— Видела я, что пришел Преподобный Сергий с Божиею Матерью, и оба, наложив на ногу руки, сказали: «Теперь поверят!» Божия Матерь сказала еще: «Жаль, давно ты страдаешь. Поезжай, он исцелит тебя».

Но как выпрямилась нога, больная не чувствовала и не помнила даже, что не велела удерживать, когда ее опять стало сводить.

После этого, конечно, неверие уступило место вере, и решено было собираться в Лавру.

Между тем Преподобный еще виделся ей и приказал на дорогу исповедоваться и приобщиться Святых Христовых Таин. В ночи же пред тем днем, в который ей надлежало исповедаться и приобщиться, она опять видела во сне Божию Матерь и Преподобного, который пришел со Св. Дарами, чтобы приобщить ее. Она сказала, что ее будут завтра исповедовать и сообщать, но Преподобный ответил:

— Нет нужды: то будет завтра, а я теперь приобщу тебя.

Когда же Преподобный приобщил ее, то Божия Матерь отерла уста ее пеленою. Потом вновь Матерь Божия повелела ей ехать, говоря:

— Поезжай! и если дорогой тебе будет хуже, не отчаивайся: мы будем с тобою всю дорогу.

Наконец 12 мая Грезенковы отправились в путь, и по чрезвычайной слабости больной на переезд шестидесяти с небольшим верст потребовалось им четыре дня.

16 мая, к вечеру, приехали они в Троице-Сергиевский посад, и когда под стенами Лавры остановились, чтобы найти удобную квартиру, больная очнулась и, услыхав, что приехали, перекрестилась, и слезы радости полились из глаз ее.

18 мая больную на доске и на перине внесли в соборную церковь и положили на правой стороне у правого клироса, против самой раки Преподобного. До начала Литургии, по желанию больной, она исповедовалась у иеромонаха Гавриила при гробе Преподобного. К выносу Св. Даров ее принесли для принятия Тела и Крови Христовых, а потом перенесли на прежнее место.

По окончании Литургии и соборного молебна, когда народ приложился к мощам Преподобного, больная принесена была ближе к раке, и для Грезенковых начали служить частный молебен. В это самое время у больной начались сильные судорожные движения.

«Она схватила мою руку, — говорит г. Добровольский, — и приложила к своему сердцу, которое билось так, как будто бы хотело вырваться из нее».

Нога больной в то же время стала выпрямляться и, когда окончился молебен, была уже совсем выпрямлена. Больная несколько раз крестилась, а присутствовавшие за этим

молебном, видя явление Божией милости, молились со слезами, и многие стояли на коленях. По окончании молебна больную приложили к мощам.

С прямой ногой привезли ее на квартиру; но часа два спустя ногу опять начало сводить, и к другому утру она была сведена по-прежнему.

21 мая, в день празднования Божией Матери в честь Ее Владимирской иконы, больная привезена была опять в собор и поставлена на прежнем месте. И опять во время молебна, после Литургии, нога стала выпрямляться и выпрямилась совсем, с тою только разницею, что судорожные движения не были так сильны, и сердце хотя и необыкновенно, но билось меньше прежнего. После молебна, как и в первый раз, приложили больную к мощам Преподобного и привезли домой с прямой ногой. Но через несколько времени ее начало сводить опять.

22 мая, также во время молебна у гроба Преподобного, нога вновь выпрямилась, но уже без судорожных движений. По возвращении же больной домой ногу опять свело и, кроме того, свело пальцы левой руки.

29 мая, в Троицын день, во время молебна, нога выпрямилась, и когда стали прикладывать больную к мощам Преподобного и рука ее коснулась одежд, покрывавших св. мощи, то выпрямились и сведенные пальцы левой руки. Возвратившись домой, она рассказывала, что в то время она чувствовала, как будто ее кто ударил по руке. После этого руку уже более не сводило.

30 мая, в день Сошествия Св. Духа, 31 мая, 3 июня, 4-го, 5-го, 6-го и 8-го того же месяца всякий раз при гробе Преподобного, во время молебна угоднику Божиему, нога выпрямлялась; при этом необходимо заметить, что уже со второго раза ее сводило раз от разу все менее, и наконец 8 июня нога как выпрямилась, так и осталась прямою.

Во все время пребывания больной в Лавре лекарств она не употребляла, кроме масла из лампады Преподобного. В то же самое время не принимала она также и никакой пищи, от чего пришла в такое расслабление, что в конце июня у нее закрылись глаза и голос ослабел до того, что она сделалась как бы немою.

По исцелении ноги ее и пальцев руки больная знаками давала понять родителям, что должно ехать в Москву и быть пока довольными. Этим как будто внушала им, что еще не пришло время окончательного ее исцеления.

24 июня больную привезли в Москву с закрытыми глазами, без употребления языка, но с прямой ногой и здоровой рукой.

В таком состоянии она пробыла до 24 ноября, то есть до дня своего Ангела. В этот день, когда пришел священник приобщить ее Св. Таин, она вдруг открыла глаза.

Наконец, 1822 года, в день Светлого Христова Воскресения, Спаситель міра, по молитвам Угодника Своего, благоволил довершить милосердие Свое над страдалицею. Когда отец ее возвратился домой от Светлой заутрени, подошел к ней с пасхальным приветствием и сказал:

— Христос воскресе, дочка!

Уста больной разрешились, и первое слово ее было:

— Воистину воскресе!

После этих слов больная попросила дать ей палку, с ее помощью встала с постели, стала с тех пор укрепляться, а ныне окончательно здорова».

На документе этом отметка:

«Получено из Синода 30 декабря 1822 года».

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

О Пасха Велия и таинственная, о Христе! Какое море бездонное чудес творишь Ты, Жизнодавче, Воскресением Твоим! Самому міру не вместить пишемых о них книг: истинно, источник Ты, Владыко, всяких сокровищ приснонеоскудевающий и приснотекущий!

В день Христова Воскресения 1822 года довершено было на Москве чудо исцеления девицы Грезенковой, а годом раньше, в апреле 1821 года, священник нижегородского Благовещенского собора, о. Павел Иванов, донес своему епархиальному архиерею, епископу Нижегородскому и Арзамасскому Моисею, следующее:

«В приходе моем, в доме титулярного советника, Кесария Андреева Гулимова, случилось следующее происшествие, по важности своей заслуживающее внимания всех благомыслящих людей, а именно: сестра оного Гулимова, девица Ирина Андреева, имеющая от роду 35 лет, сделалась больна и лишилась зрения,

слуха, языка и движения, так что не могла ничего ни видеть, ни слышать, ни ходить и в таком состоянии находилась на одре болезни до истечения прошедшей Св. Четыредесятницы сего 1821 года. Ныне же получила исцеление скорое, без всякой постепенности.

Пред праздником Воскресения Христова она видела себя во сне, как сама мне о сем потом пересказывала, в великолепном храме Господнем, красота коего превышала всякое описание. В этом храме она узрела некоего светоносного Мужа, облеченного в златую одежду, окруженного парящими Ангелами и в деснице Своей держащего знамение нашего спасения — спасительный крест. Муж этот велел ей к Себе приблизиться. Она содрогнулась пред Его величием. Он вторично ей повелел то же, и она со страхом приблизилась к Сему Блаженному Мужу, пала к Его стопам и в то время, как она повергласъ пред Ним, она усмотрела на ногах Его по одной глубокой ране, равно и на руках Его после сего увидела таковые же раны. Муж сей благословил ее и дал ей облобызать спасительный крест, сказав благосклоннейше:

— Страдания твои кончились, и ты в день Воскресения Моего будешь здрава.

И, действительно, слова сии оправдались самым событием: воссиявшее от гроба солнце правды озарило оную страдалицу лучом милосердия Своего и просветило тьму ее в самый радостнейший Воскресения день, спустя несколько времени после Литургии, когда страдающая вдруг почувствовала в себе необыкно-

венную перемену: легкость в ногах, облегчение в голове; глаза открылись, язык стал говорить, хотя и не очень явственно, ибо она от природы была косноязычна; слух ее сделался способным к слышанию; словом, в одну минуту она стала здорова. В неизреченной радости она встала с болезненного одра своего, вышла в другую комнату и, подойдя к зеркалу, рассматривала себя как бы после глубокого сна.

— Ах! — воскликнула она, — как я сделалась стара, худа, сама на себя не похожа.

Мать ее, Евдокия Родионовна, видя дочь свою, которой она служила около четырех лет в болезни, не имея никакой надежды на выздоровление, была в недоумении и едва могла прийти в состояние спросить ее:

— Иль ты видишь, дочка?

— Вижу, матушка, — отвечала она.

— И ходить можешь?

— Могу свободно.

Явление это поразило все семейство удивлением и неописанною радостию. Все проливали слезы, принося хвалу и благодарение Всевышнему, творящему дивные чудеса.

Помянутый брат ее, г. Гулимов, бросясь в объятия исцеленной сестры своей, говорил:

— Возможно ли тому быть, чтобы ты, сестра, когда-либо могла быть здорова? Ныне воскрес Спаситель міра и тебя утешил!

О сем достопримечательном происшествии в апреле я лично узнал от сего осчастливленного дома и из уст исцелившейся девицы слышал величие Божие.

Почему долгом моим почел донести о сем вашему преосвященству, яко Архипастырю моему, пекущемуся о распространении славы Господа нашего Иисуса Христа, с таковым к донесению моему дополнением, что оная страдалица на другой день чудесного своего оздоровления поспешила в храм Архистратига Михаила для принесения Господу Богу живейшей благодарности.

О сем достопамятном происшествии было сего апреля 16 дня исследование как с духовной стороны, так и с гражданской при полицмейстере и двух частных, и все то найдено справедливейшим.

Сей список в Московский почтамт при рапорте прислан из Нижегородской почтовой конторы 23 апреля 1821 года».

Кто Бог великий, яко Бог наш!..

8 апреля

Пополудни прибыла в обитель нашу Мария Ивановна Гоголь, мать покойного известнейшего писателя, Николая Васильевича Гоголя. С Марией Ивановной был и внук ее, Николай. Она прожила у нас до 17 апреля.

Боже мой! до чего велико и страшно писательское призвание, тот божественный талант, который вручается Тобою Твоему избраннику не для самоуслаждения себялюбивой человеческой гордости, не для скорогиблющей земной славы, а для славы Святейшаго Имени Твоего, да святится оно в сердцах человеческих и да устрояет в них Царствие Твое — Царство любви

и благодарности к Тебе, к міру духовному и внешнему, премудростию Твоею созданному, любви и благоволения к венцу создания Твоего — к человеку, которого Ты малым чем умалил еси от Ангел, венчав его и честию, и славою, и за спасение которого Ты пролиял Честнейшую Кровь Твою и на крест вознес Пречистое Тело Твое. Ты Бог-Слово, в Троице Пресвятой славимый, не на разрушение, а на созидание дал человеку божественное слово Твое, освятил уста его Хлебом небесным, дающим жизнь міру, чтобы ни одно слово гнилое не изошло из уст освященных и не погубило ни одной души человеческой для блаженной вечности, ни одной словесной овцы Христовой не извело из ограды пажитей Господних. Привести и соблюсти Христу во всей полноте любви Его душу христианскую — вот единственная задача христианского писателя, вот истинное употребление доверенного ему таланта. Лукавое, оязычившееся время наше едва ли не навсегда утратило разумение смысла, значения и назначения писательского дара и, ублажая духовную гордость человеческого сердца писателя, отводит его с прямого, истинного пути и увлекает в бездну глубин сатанинских, из тьмы которых нет возврата к свету высоты небесной и тем более — пренебесной. Духом отрицанья и сомненья дышат произведения новейших светских писателей, явной и тайной насмешкой проникнуты они, ядовито осмеивая не только то, что достойно, как слабость, сожаления и исправления, но и самую добродетель и святое

святых сокровенной человеческой души. Кому, падши, поклоняются они?

...Гоголю со всей его чистой христианской душой, с сердцем, напоенным Христовой истиной, не удалось миновать общего течения взбаламученного житейского моря, и свой большой корабль он подчинил его силе и воле, думая совершить большое плавание и... разбил его со всеми доверившимися его наблюдению пассажирами об утес отрицания и сомнения. Талант, данный на созидание, обратился на разрушение: под жгучим ядом насмешки, обличения прожглось и провалилось рубище, прикрывавшее доселе наготу общества русского, а на соткание ему новой ни силы, ни разума, ни дарования не хватило у того «духа», который талантом Гоголя обливал все его произведения своим ядом. Исполнилось и на Гоголе Господнее слово: «Без Мене не можете творити ничесоже».

Трудно представить человеку непосвященному всю бездну сердечного горя и муки, которую узрел под ногами своими Гоголь, когда вновь открылись затуманенные его духовные очи, и он ясно, лицом к лицу, увидал, что бездна эта выкопана его собственными руками, что в ней уже погружены многие, им, его дарованием, соблазненные люди, и что сам он стремится в ту же бездну, очертя свою бедную голову... Кто изобразит всю силу происшедшей отсюда душевной борьбы писателя и с самим собою, и с тем внутренним его врагом, который извратил божественный талант и направил его на свои разрушительные цели? Но борьба эта для Го-

голя была победоносна, и он, на смерть избранный боец, с честью вышел из нее в царство незаходимого Света, искупив свой грех покаянием, тесным соединением со спасающею Церковию и злоречием міра.

Да упокоит душу его милосердый Господь в селениях праведных!

26 мая

Праздник Св. Пятидесятницы. Утром, в половине четвертого часа, скончался в обители нашей Николай Александрович Щеголев. В черновиках моих я нашел отметку такого содержания: 1856 года, января 23-го. В одиннадцать часов утра из Малоархангельского уезда Орловской губернии привезено к нам в обитель тело умершей в 1855 году отроковицы Марии, дочери отставного поручика, Николая Александровича Щеголева, который сам сопровождал тело. Покойная отроковица была погребена в имении своего отца, но он, с дозволения Министра внутренних дел Ланского, перевез ее тело в нашу обитель с намерением, как вдовый и одинокий, остаться в Оптиной на всегдашнее жительство. Г. Щеголев — человек еще средних лет, не более 35 лет от роду, но страдает сильным ревматизмом, приключившимся с ним на военной службе во время сопровождения из Варшавы в Петербург Высоконареченной Невесты Цесаревича, ныне Императрицы Марии Александровны.

То было в прошлом году в январе, а в нынешнем мае сего числа г. Щеголев, поселив-

шийся было в нашей обители в качестве испытуемого, уже успел переселиться в обители вечные.

В немногом, что осталось после него в келье, была между прочим найдена собственноручная его рукопись, озаглавленная «Биография моей жизни». Эта биография не лишена некоторой назидательности, и потому я даю ей место на страницах моего дневника.

«Судьбы Господни неисповедимы ко мне, недостойному — так пишется в этой рукописи. — Щедр Господь и многомилостив: не дал погибнуть и мне, окаянному, по Своему милосердию, но спас меня от погибели, Боже и Искупителю мой! Несколько раз в моей жизни защищал меня, многогрешного, Создатель мой невидимым Промыслом Своим.

Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже!

Я служил еще юнкером в 1837 году в Драгунском его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полку. Был я на Царском смотру при городе Вознесенске Херсонской губернии. Покойный Император Николай Павлович за четыре версты от Вознесенска сомкнул в колонну весь наш 24-тысячный корпус, и как у нас была двойная служба — пешая и конная, то, чтобы поразить, во славу русского воинства, разных посланников, бывших при Государе, Государь скомандовал всему корпусу:

— С места: марш-марш!

Это означало — во весь опор сомкнутой колонной.

Мы не доскакали полуверсты до Вознесенска, как Государь скомандовал:

— Стой!

И две части людей спешил с лошадей; ружья с плеч долой; сомкнул пешие колонны в батальоны; со всего корпуса застрельщиков вперед, — и штурмом брать город Вознесенск холостыми зарядами.

Действительно, для иностранцев это была картина удивительная: в один момент явилась пехота и началось примерное сражение.

Когда весь корпус несся во весь опор колонною, то от глубокого песку и пыли не видно было рядом человека, — все равно как бы горел губернский город. В это самое время, когда мы от места отскакали с версту, в первом эскадроне нашего первого полка, из первой шеренги под рядовым споткнулась лошадь, и он слетел долой; на скаку на него наткнулся рядовой второй шеренги и тоже слетел; потом второго эскадрона передней и задней шеренги на эту кучу наткнулись рядовые и попадали; потом третьего эскадрона обеих шеренг люди попадали — человека четыре. Я был за этим эскадроном в замке за унтер-офицера. Подо мною была очень быстрая матка хорошей езды: она перескочила через кучу солдат. Я с нее слетел и очутился впереди всей кучи. Мне ободрало все лицо песком, и хлынула кровь; лошадь же моя, как и все, понеслась со своим эскадроном. Потом 5-го, 6-го и 7-го эскадрона люди натыкались на нас и слетали; и мне подковой проломило край кивера, оторвало саблю с кожаной

портупеей, изогнуло саблю и, наконец, разорвало подковой на спине поперек куртку. Перед 8-м эскадроном ветер повернул в другую сторону, и нашу кучу люди начали объезжать. В куче нашей четырех человек побило до смерти, некоторых изранило; меня же цирюльники подняли без чувств, обмыли мне лицо уксусом и вином, давали нюхать спирт; после этого я очнулся, подкрепил себя белым вином, и меня довезли до лагерей на подводе.

Так неожиданно спас меня Творец мой небесный. Не готов еще я был, видно, для Его царствия.

После свадьбы Наследника Цесаревича, Александра Николаевича, ныне Государя Императора, как он был шефом нашего полка, то три его полка — наш, гусарский и пехотный Бородинский — в начале Апреля 1841 года вступили для церемониала в Москву на Царский смотр. От города Подольска до Москвы мы выступили в полной парадной форме. Я был офицером. За 12 верст от Москвы нас начал нудить дождь как из ведра. Мои сапоги были почти полны воды, не говоря уже о белье, которое было все мокро. Когда мы в Москве подъехали к квартире, то мой человек и денщик едва сняли меня с лошади. Меня стала трепать лихорадка, сделался сильнейший жар и бред. Полтора дня меня пользовал полковой штаб-лекарь Афанасьев. Видя, что мне хуже, он отнесся к полковому командиру, генералу Левенцу, чтобы меня, как труднобольного, отправили на Гороховое поле в госпиталь. Отвезли меня туда на

третий день моей болезни в хозяйской коляске. Ординатор Сонцев и дежурный доктор приказали мне поставить 60 пиявок, но ни одна не принялась. Потом поставили 50 банок на спину, иссекли всю спину, но ни капли крови не было. Обернули меня всего горчичниками — тоже пользы не было. В добавление мне давали разные микстуры и порошки, но я лежал решительно как колода до семи с лишком суток моей болезни. Наконец увидали, что мне нет никакого спасения и дали знать главному военному доктору, генералу Пеликану. Он немедленно приехал — награди его, Господи, Своими щедротами! — и говорит:

— Жаль молодого человека: жизни ему не более двух часов. Скорее испытать одно средство: велеть фельдшерам поставить ему в каждую ноздрю по пиявке.

И как только пиявки напились крови досыта и отвалились, я через десять минут после того мог говорить и сидеть. Когда выдавили пиявок, то крови моей нельзя было отличить от дегтя.

Опять милосердие Божие явно спасло мне жизнь. Опять я не был готов приобщиться к жизни вечной.

И был я после того женат, и имел пятерых детей. Четверо из них умерли при самом своем рождении. Я просил Господа Бога с усердием, чтобы Он даровал мне живого ребенка в мое утешение, и был я обрадован Господом: у меня родилась дочь Мария. Она так меня утешала; и я ее любил без души. Она тоже была неимовер-

но привязана ко мне; к тому же она была очень смазливенький и востренький ребенок. Я отправился от радости в Киев поклониться Божиим угодникам и по возвращении из Киева, подошедши к образу Спасителя, благодарил Его от искреннего сердца за Его милости и говорил Ему так:

— Но если Тебе, Создателю мой, угодно будет взять от меня мое утешение, и дочь моя умрет, то вот Тебе мое обещание: землю мою я продам в моем имении и выстрою храм во имя Ангела моей дочери и там ее похороню; людей всех отпущу на волю безденежно и дам им понемногу земли, а сам уйду в монастырь.

Так я молился; но прошло время, и я, вместо того, стал усиленно заниматься сельским хозяйством и извлекать из него как можно больше доходов для того, чтобы сделать мою дочь богатой невестой; я изнурял своих крестьян работой, не обращая внимания на праздники, и все копил деньги, чтобы больше приобрести дочери. И все, что только я ни предпринимал, все мне удавалось.

Шести лет, шести месяцев и шести дней от роду дочь моя заболела и умерла.

На тот день как ей умереть, она утром сказала мне:

— Я умру, но вы меня в деревне не хороните: сами тут жить не будете и уйдете в монастырь.

Этими словами она как обухом ударила меня по голове, ибо, не зная моих намерений, все в точности высказала.

В третий раз милосердная Десница моего Владыки спасла меня от смерти, но на этот раз не телесной только, но и душевной: смерть моего невинного ребенка была за меня очистительной и умилостивительною жертвой пред правосудием Судии нелицеприятного. Господь видел, что я был на краю ужасной гибели, и явил мне, непотребному, Свое милосердие, удостоив дарованием мне некоторого времени для покаяния».

Эта рукопись найдена в переплетенной книжке, озаглавленной «Молитвенник Николая Щеголева».

В книжке этой были еще две записи, начертанные рукою почившего.

Первая:

«1856 года, 22 декабря, в два часа утра я видел сон: будто бы я в чьем-то доме целовал язвы Христа Спасителя с жадностью и просил Его сими словами:

— Искупителю мой, спаси меня от ада!

И услышал голос Его, громко мне сказавший:

— Молись — и искуплю!

Вскоре я проснулся, и на душе стало так приятно, так легко; и я от восхищения не знал, как благодарить Бога».

Вторая:

«Надпись на камне или на чугунной доске на моей могиле:

«В надежде воскресения, молю вас, отцы святии, братия и мимоходящии, воззрите на

прах непотребного раба Николая и помолитесь ко Всевышнему Премилосердому Богу и Пресвятой Владычице Богородице о оставлении моих прегрешений. Да помянет того Господь Бог во Царствии Своем, кто вспомнит меня, окаянного, в своих молитвах. Боже всещедрый, помяни во царствии Твоем недостойного раба Твоего Николая».

Искренний и верный раб Бога вышнего отозван был из міра сего в день Пресвятыя Троицы: таков был дивный совет Превечнаго о рабе Своем Николае. Слава, Господи, смотрению Твоему и милосердию!

15 июля

Пополудни к нам прибыла Татьяна Борисовна Потемкина, известнейшая по благочестию восстановительница Святогорской обители.

Вот достойная представительница старинного русского дворянского духа. О, если бы с нее брали пример свой те родовитые, богатые и знатные дворянки наши, детям которых вручаются ветрила и руль государственного корабля нашего! Весь мір давно бы был у ног Христа, у ног твоих, святая родина моя! Но как бы в знамение времени и самой Татьяне Борисовне не было дано благословения Божия на чадородие — она бездетна и со скорбью этою мирится, как истинная христианка.

20 июля

И грустно, и смешно! Не без искушений внутри ограды монастырской проводят жизнь

свою иноки. В монастырях общежительных, особенно там, где насаждено и процветает, как Божиею милостию у нас, старчество, Господь, попуская возникать искушениям, посылает и легкое их избытие: побежал к старцу, открыл ему свое сердце — глядишь, в келью-то вернулся и умиротворенный, и радостный. Там, где строго соблюдается устав общежительный и живет еще вера в старцев, там врагу спасения пожива плохая. Не то — в монастырях штатных. Как они, прости Господи, еще держатся?

Одним из немалых искушений, входящих в общежитие наше братское отъинуду, является обычай[1] у некоторых владык посылать к нам на исправление, «под начал», провинившихся мирских клириков и некоторых монахов из других неблагоустроенных монастырей. Если «подначальные» принадлежат к разряду простецов, то горе еще не так велико, потому что в простоте сердечной, как бы ни пал человек, почти всегда тлеет искорка смирения, которая благодатию Божией может еще разгореться огнем покаяния; но вот горе — это когда падает человек, чем-либо огордившийся — положением ли, богатством ли, или, хуже всего, мнимою ученостию: такие — истинная язва для смиренных иноков общежития.

Сегодня выдался денек на славу, хотя по народному поверью на пророка Божьего Илию и надлежало быть грозе. Стала загораться тихая летняя вечерняя теплая зорька. После вечерней трапезы и общего молитвенного правила

[1] К сожалению, не обычай, а закон.— *Ред.*

кое-кто из стариков наших, убеленные сединами, умудренные опытом, вышли посидеть на крылечке братского корпуса, полюбоваться на потухающую зорьку, на загорающиеся в потемневшем небе звезды — Божьи очи. Повелась тихая беседа; а больше помалкивали, любуясь на дар Божий, на Божие несказанно-прекрасное творение, наслаждаясь теплынью лета, ароматом благоухающей смолы Оптинских сосен, окружающих наше безмолвие. Вышел посидеть с ними и я.

— Ну, опять этот «ученый» к нам тащится! — с тихим неудовольствием шепнул чей-то негодующий голос. — Наказание Божие для обители, а для молодежи нашей — соблазн! И чего это, прости Господи, к нам таких присылают?

Смотрю — к старичкам нашим подходит и не без развязности присаживается многоученый, но и многострастный академик — иерей из белого духовенства, запрещенный и присланный к нам на клиросное послушание впредь до исправления. Подошел, присел на свободное местечко и не без иронии к нам с вопросом:

— О чем беседуете, отцы святые?

О. П. ответил за всех:

— На Божий дар любуемся, Богу нашему дивуемся!

— Ну что ж, и это — добро! — в том же ироническом тоне продолжал академик, от которого не только на ближних, но и на дальних попахивало «влагой веселящей», — только вижу я, не с той стороны вы к этому предмету под-

ходите. Законопатили вас тут в четырех монастырских стенах, и сидите все на старых дрожжах да киснете, как тысячу лет назад кисли. А поглядеть бы вам да послушать, что теперь наука показывает да говорит, — то-то было бы для вас откровение...

И с этих слов благо, что никто не возражал, пустился тут академик толковать «Божий дар» наш по-ученому, а для Бога-то и самого маленького местечка не оставил. Все мироздание, казалось, разобрал: та-то звезда так-то называется и отстоит от Земли на столько-то; та-то — то-то, а эта — так-то... Пошел толковать, как произошла земля, как родились туманности, созвездия, планеты, их спутники... От звезд и к человеку стал подбираться академик...

Слушали его, слушали старцы, а, может быть, не все и слушали; только о. П. не вытерпел.

— Дивлюсь я на тебя, брат! — говорит.

— А что? — приосанился муж ученый.

— Да вот премудрости твоей дивлюсь: все-то ты постиг, во все-то ты проник, все-то ты по своей науке измерил; а вот невелика, кажись, твоя рюмка, из которой ты водку-то свою тянешь, а все до дна ее никак не доберешься.

Надо было видеть конфуз академика!

И грустно, и смешно! А бесчисленная Оптинская сосна к ночи все сильнее и сильнее благоухала, все ярче и ярче разгорались небесные звезды, а старцы еще долго сидели одни и вели тихую свою беседу.

7 сентября

Вот уже и желтолистая, золотая осень наступила. Багрянцем золотым оделся лиственный лес, а в обители нашей семь послушников оделись ангельской одеждой: сегодня за Божественной литургией отец Архимандрит Моисей постриг в мантию между прочими двух нарочитых мужей: Льва Александровича Кавелина из знатных дворян и из духовного звания окончившего курс Костромской семинарии Михаила Чебыкина. Первому наречено имя Леонид[1], второму — Марк[2]. Какая судьба уготована им — то уже дело Премудрости и Разума Божия; но мнится мне незаурядной судьба их. Помоги им Господь скончать течение жизни своей привременной в подвигах добрых, в вере, надежде и любви Божественной.

1858 год

8 февраля. Суббота. В ночь под 8-е прибыл в Оптину из Москвы сын лютеранского пастора столицы Максимилиан Карлович Зедергольм, брат Константина Карловича. Г. Максимилиан Зедергольм состоит на государственной службе помощником члена самарского отряда Управления денежных сборов. Прежде, по письменному сношению со старцем отцом Макарием через брата своего, Константина Карловича, а

---

[1] О. Леонид (Кавелин) скончался Наместником Троице-Сергиевой Лавры.

[2] О. Марк (Чебыкин) скончался 18 марта 1909 г. Игуменом на покое в Оптиной Пустыни.

теперь и лично он просил удостоить его присоединения к Православной Церкви, что и было совершено тут же безотлагательно, по случаю нахождения его на службе. Через посредство старца о. Макария и о. Архимандрита Моисея прибыл в скитскую церковь Козельский протоиерей Василий Онисимович Сахаров и в 12 часов, по Литургии, совершил присоединение и миропомазание. 9-го числа новоприсоединенный Максим Карлович удостоен Причащения Св. Таин Христовых в скитской церкви и отправился в путь с миром.

21 февраля

Сгорела от неизвестной причины монастырская мельница и в ней изрядные хлебные запасы. Обители убытку больше 3000 рублей.

11 марта

К утешению всей о Христе братии в обитель доставлена жертва Иустина Андреевича Андреева, петербургского 1-й гильдии купца, главного управляющего г. Мальцева: ржи 100 четвертей и муки ржаной четвертей 100, да в скит овса 70 четвертей. Господь внушил ему эту жертву по случаю бывшего 21 февраля пожара, от которого сгорела мельница и хлеба более 126 четвертей, да 100 пудов муки.

Все меньше и меньше становится мне времени для келейных моих занятий: по канцелярии прибавляются дела то по консисторским, часто только формальным, отпискам, то по делам тяжебным, которые затеваются с Пус-

тынью нашей все более и более развивающимся вкусом к сутяжничеству людей в міре, но не мирно живущих. Не тем, так другим творит враг-диавол споны и претыкания и соблазны уклоняющимся от міра, не желающим жить по его стихиям. Терпи, инок, мужайся, крепче стой и утверждайся на уповании своем, еже есть Христос Бог твой! Семя зла заброшено уже вражьей рукой в Русскую святую землю; оно еще только прозябает, и то уже сколько всякого горя распространяет вокруг ростка своего; что будет, когда оно даст плод по роду своему? Помилуй и спаси, Владыко милостивый, нас, грешных!

27 апреля

Воскресенье. Получена через почту из Саровской пустыни от духовника иеромонаха Василия печальная весть: отец Игумен Исаия, родной брат отца Архимандрита Моисея и отца Игумена Антония, успе о Господе 16-го сего апреля в 4 часа утра. Точно в предчувствии своего исхода в путь всея земли о. Игумен Исаия посетил незадолго перед тем нашу обитель для свидания с братьями и с нашими старцами. Господь привел всех трех братьев соборне править Божественную службу. Что это было за умилительное для нашего иноческого сердца зрелище!

13 мая

Исполнилось 53 года, как о. Архимандрит Моисей с братом своим Игуменом Исаией прибыли из міра в Саровскую пустынь и начали

монашескую жизнь. Это подлинные слова о. Архимандрита.

14 мая

Среда. Пример самоотвержения по любви к созданию Божию: когда братия выходила из братской трапезы, то увидала птичку, зацепившуюся крылышком за карниз колокольни. Птичка билась и трепетала, но уже, видимо, изнемогала. Один из братии, молодой послушник[1], с благословения старших отправился через колокольню на карнизы и, несмотря на опасность подвига, освободил несчастную птичку, которая из рук его отлетела на воздух, жизнерадостная.

8 июня

Воскресенье. Архиепископом Григорием совершено освящение новоустроенного храма во имя святой праведной Анны и преподобной Марии Египетской.

Вот образец истинно великого Архипастыря! Под святительской его мантией старческая обитель наша цвела и цветет, яко крин сельный, обласканная и согретая его истинно отеческою любовию. От Господа за жизнь его богоугодную Архиепископу Григорию дарован редкий талант мудрости управления, то чувство меры, которое, при величии и силе автократической власти, не принижает, а, наоборот, способствует развитию разумного самоуправления.

---

[1] Имя в рукописи не обозначено.

Это такой дар, который дается только истинно облагодатствованной власти, конечно, при условии разумно-мирной свободы самоуправления, каким было всегда и поныне, благодарение Богу, процветает Оптинское наше общежитие.

6 августа

Что-то старцы наши — отец Макарий, отец Моисей и отец Антоний — поговаривать стали и о своем исходе. Неужели же приблизился час нашей временной разлуки? Да не будет сего! — сказал бы я, если бы не вера в Промысл Божий, устрояющий о нас все только во благое...

Батюшка о. Архимандрит Моисей писал недавно письмо к двоюродной сестре своей, монахине Московского Вознесенского монастыря Максимилле.

Письмо, прочтения которого удостоил меня батюшка, до такой степени характерно для выяснения духовной личности моего отца и благодетеля, что я просил разрешения и благословения списать его себе для памяти. Вот оно:

«Пречестнейшая в монахинях, любезнейшая сестрица, Максимилла Ивановна! Возмогай о Господе!

К удовольствию моему ваше приятное для меня писание получил исправно. Усерднейше за все благодарю. Не оставляйте впредь пописывать ко мне и не затрудняйтесь в том: пишите ко мне просто, что только чувствуете и таким образом, как говорите. Не нужно мне изъяснений о расположении вашем и любви ко мне: я об этом и без того давно знаю. Мне

пишите больше всего о себе, в каких вы немощах и злострадании бываете по духу, чтобы и я мог с своей стороны оказать вам участие, единственно ради пользы душевной вашей, а не в тщетное ласкание.

Нам с вами, немощным, о крепких подвигах и высокотворных добродетелях, видимо, нечего и разговаривать, разве только что о немощах и злострадательной жизни. Нынешним письмом вашим я доволен: оно самое то, каким и всегда быть должно. Вы пишете с искреннею прямотою и доверенностью ко мне о вашем немоществовании. Сие изъяснение ваше приятно для меня, потому что и апостол Павел пред целым светом изъяснялся за себя, что он ежели силен, то благодатию Христовою, о себе же немощен. «Сладце, — говорит, — похвалюся паче в немощех моих; и, окаянен аз человек, кто мя избавит от тела смерти сея, яко не живет в теле моем доброе».

Послушайте, сестрица! Не смущайте своей души о том, что вы немощны и исправления не имеете. Конечно, вы больших исправлений, может статься, и не имеете; однако, уповаю, имеете малые, которых вы не видите, а их может набраться довольно. Они, по-видимому, невелики и будто ничего не значат, однако, могут быть ко спасению души не только не малы, но и довольны. Я вам хоть отчасти перечту те самые, которых и вы не чужды, но они, точно, бывают в вас при случаях.

Если кому когда милование какое-нибудь сделаете, — за это помилованы будете.

Если постраждете со страждущим (невелико, кажется, сие!), — с мученики счисляетесь.

Если простите обидящего, — и за сие не только все грехи ваши простятся, но дщерию Отца Небесного бываешь.

Если помолишься от сердца о спасении, хотя и мало, — и спасешься.

Если укоришь себя, обвинишь и осудишь себя пред Богом за грехи, совестию чувствуемые, — и за то оправдана будешь.

Если исповедуешь грехи свои пред Богом, — и за сие вам прощение и мзда.

Если попечалуешь о грехах, или умилишься, или прослезишься, или воздохнешь, — и воздыхание твое не утаится от Него: «Не таится бо от Него, — глаголет св. Симеон, — капля слезная, ниже капли часть некая». А св. Златоуст глаголет: «Аще посетуешь точию о гресех, — и то приимет Он в вину твоего спасения».

Видите ли, сколько дел вы исправили, о которых и не знаете? Да тем и лучше для вас, чтобы вы сладце похвалялись в немощах своих, а не исправлениями своими любовались: пусть ценит их Праведный Мздовоздаятель, а мы только на грехи свои смотреть будем, и о них каяться по вся дни, и о прощении их пещися.

Хотя и немощна ты, как и я, — однако, не бойся и не унывай, но благодарение приноси Господу Богу о всем: Он занимается спасением души твоей больше, нежели как бы вы думали. Он спасет вас, только обращайтесь к Нему со смиренным упованием и делайте по-видимому

малое: Господь Бог и мелкое, Его ради творимое, оценит дорогою ценою. И я вас уверяю щедротами Его, что помянет Он всяку жертву твою, и кажущееся по-видимому малым почтет Он великим. «Мало ли твое покаяние, — говорит св. Златоуст, — но велико есть Господнее человеколюбие: всем бо хощет спастися и малой ищет вины, то есть произволения души благого».

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

Счастливы мы, иноки, живущие под воскрилиями таких великих светильников веры и духа, как наши молитвенники — старцы. Не сказом, а показом всей своей добродетельной подвижнической жизни они действуют в нас, распространяя свое светоносное влияние далеко окрест святой обители нашей. Чем же могут жить обители, лишенные спасительного старчества и общежития? Страшно и думать. Многие еще живут, что называется, за чужой счет — за счет святыни, которой их наделило давно отшедшее прошлое: св. мощами, чудотворными иконами. Но живя только за чужой счет и не накопляя собственного духовного капитала, можно ли рассчитывать не растратить достояния, соблюденного и накопленного былыми трудниками? Уже на что было в Москве накоплено много сокровищ святыни — числа не было! А разве не видели богоугодные очи праведников, как пред самым вступлением Наполеона в Москву из Кремля через Спасские ворота выходили, отрясая прах с ног своих, угодники Московские? Мало кто этому ныне

стал верить, но не от суждения, не от их признания или непризнания зависит стояние правды, и для веры нелицемерной событие это, ставшее известным до Наполеонова нашествия, оправдание себе нашло в тех последствиях, которые оно собою знаменовало. Большие монастыри, в которых живут кружкою и жалованием, держатся пением, погребениями, знакомствами, связями, близким соседством со столицею и с дачами значительных лиц. Все это непредосудительно. Некоторые — своими потовыми трудами в области земледельческой. Но монашества нет нигде, кроме и вне старчества, соединенного со строгим общежитием. Теперь стали поговаривать, слышно, о реформах для монастырей, доходят даже до мысли о введении старчества и об изменении уставов штатных на общежительные. Начинание благое, но кому проводить его в жизнь? Где потребные для того старцы? где истинно смиренные послушники, смирением и послушанием выковавшие себе жезл старчества и настоятельства?.. На нас посмотрят и скажут: как же у вас? Да, правда у нас все это еще, слава Богу, держится, но держится кем и кем было основано? Святыми: святым Калужским епископом Филаретом, впоследствии Митрополитом Киевским; святыми Львом, Макарием, Моисеем, Антонием и целым сонмом им присных, прошедших все гонения, все скорби истинного жития иноческого и даже пустынножительного. Этими святыми и живыми их подвигами или не менее живыми о них преданиями стоит и

утверждается наша Пустынь. Ну, а где этих святых нет и где нет преданий, которым мы веровали, как у нас, потому что они — плоть от плоти нашей, там-то как? там-то откуда их взять?.. Наша Пустынь выросла на почве, утучненной гонениями на монастыри во времена, начавшиеся при Петре Первом и завершившиеся при Екатерине Второй: во времена-то этих гонений, как сталь под молотом, выковывался в Молдавском и Афонском изгнании истинный дух монашеский, укрывавшийся впоследствии в пустынных дебрях орловских и смоленских лесов, в тайге сибирской и в тундрах далекого Севера. Вот откуда шла истинная реформа монашества, молитвами святых наших привившаяся к благословенной нашей Пустыни, а не от благих начинаний и пожеланий тех, кто говорит о падении монашества, а сердце их самих от монашества отстоит далече.

Но все попытки, производимые и намечаемые реформаторами XIX века в обителях иноческих, еще не так вредны, если они вращаются около древних монастырских уставов, данных Ангелами неба ангелам во плоти, какими были Антоний, Пахомий, Саввы и им подобные. Но когда реформаторы, покидая корабль этот, пускаются плыть на утлой лодочке изобретений новшеств в духе требований міра, — вот уже тут-то хуже открытых гонений с палачами и застенками: это уже убийство не только плоти, но и духа, от которого, если бы не вера, было бы с чего прийти в отчаяние.

В грустные минуты тяжелого раздумья о судьбе современного, а тем более последующего монашеского поколения утешаюсь творениями древних подвижников, от семени духа которых отродились и некоторые из наших современников. Предо мною рукописная тетрадка с наставлениями одного старца. Хотя наставления эти обращены к христианам, в мире живущим, но они применимы и к инокам. Вот что изображено в тетрадке этой.

1) В минуту отчаяния знайте, что не Господь оставляет вас, а вы — Господа. Во имя Божие, вот как приказываю вам жить, когда вы бываете одни: хотя бы и скорбно вам было, хотя бы и не хотелось — всегда мысленно сердцем вашим призывайте Господа Иисуса Христа, живущего в душе вашей.

2) У послушников Христовых в предмете должна быть воля не своя, а Божия, которая и апостолам, и нам воспретила исследовать будущее, егоже Бог положил во власти Своей.

3) Если живете вы с другими, то служите им, как самому Богу, и не требуйте за любовь любви, за смирение — похвалы, за службу — благодарности.

4) Чем можете соблазнить или оскорбить живущих с вами ближних, того отнюдь не делайте; а если они оскорбят вас, смотрите на это не как на оскорбление, а как на приготовленное вам от Господа Бога орудие, которым, если захотите, можете истребить в себе всякую нечистоту сердечную.

5) Прежде нежели что скажете, рассудите, не оскорбит ли ваше слово или дело Бога или ближнего.

6) Не судите чужого раба, стоящего или падающего: у него есть Бог, сильный удержать его от падения и восставить по падении.

7) Вспоминайте, что та минута, которую отнимает у вас лень, есть, может быть, последняя вашей жизни, а за ней — смерть и суд. Оставьте негу.

8) Не огорчайте никого и не платите бранью за брань, скорбью за скорбь — и в книге животней имя ваше будет написано с преподобными.

9) Прошу вас, други мои, не пренебрегайте никаким средством, которым можете угодить Богу; а таких средств множество, как-то: ласковое обращение с людьми; утешение печального; заступление обиженного; подаяние неимущему; отвращение очей от дурных предметов; противостояние дурным помыслам; понуждение себя на молитву; терпение, милосердие, справедливость и прочее, тому подобное. Исполнение этих священных добродетелей привлечет к вам всесильную помощь Божию, а с нею одолеете все трудное, прежде казавшееся невозможным к преодолению нашими силами.

10) Всячески противостойте вспыльчивости, и, при Божией помощи, она непременно ослабеет. «Аще случится ти когда раздражитися, или разгневатися, тогда наипаче ничтоже глаголи, или отъиди, или затвори уста своя, да не изскочит яростный пламень и опалит душу твою и

сущим с тобою сотворит напрасный мятеж; но едва угаснет пламень, и мирно будет сердце твое, — тогда яже ко исправлению глаголи».

11) Всячески остерегайся на что-нибудь сердиться: всякая неприятность не сама по себе постигает нас, но допускается Промыслом Божиим для тех же спасительных целей, для коих св. апостола Павла постигали беды в реках, беды от разбойник, беды от сродник, беды от язык, беды во градех, беды в пустыне, беды в море, беды от лжебратии, внеуду брани, внутрьуду — болезни (2 Кор. 11, 26).

12) Зная это, не обращайте внимания на то, кто обидел вас и за что обидел, а только помните, что никто не осмелился бы нанести вам оскорбление, если бы не Господь хотел допустить это, и поэтому благодарите лучше Господа, что постигающими вас скорбями Он ясно показывает, что вы ему не чужие, и ведет вас в царство небесное. Писание Святое глаголет: «Аще наказание терпите, якоже сыновом обретается вам Бог; который бо есть сын, егоже не наказывает отец» (Евр. 12, 7).

13) Оставляйте суровость всегда и будьте пред Господом в обхождении с людьми как дети незлобивые.

14) В любви Божией пребывайте, ей учитесь, ею дышите: Бог есть любовь, и кто в любви пребывает, тот — в Боге, и Бог — в нем. И в скорбной жизни сладко жить с Божиею любовию.

15) Не в многоглаголании есть спасение, а в совершенном внимании себе.

16) Отвыкайте от споров: они, возмущая сердце, лишают нас мирного состояния души. *Всякой вздорной мысли противопоставляйте молитву Иисусову*. Не верьте предрассудкам.

17) Подозрительность — совсем не христианское свойство, и потому не усваивайте его. Мудрости же, осторожности и непорочности требует от нас Сам Бог чрез Св. Писание: «Будите мудри, яко змия, и цели, яко голубие».

18) Всегда держитесь средины: крайности нигде и ни в чем не похвальны. Помните старческое слово: «Могущему понести, все возвести».

19) Всегда будьте преданы воле Божией, всецело для нас спасительной.

20) Обращайтесь с ближними весело и с любовию. Любите их, служите им: они дороги, — за них пролита Кровь Спасителя, они — члены Христовы. Не оскорбляйте их даже едва заметным знаком.

21) Спасайте себя благоугождением пред Господом Богом, благоугождая Ему всеми видами любви. О том только и заботьтесь, чтобы обогащаться любовью. В ком есть любовь, тот имеет в себе Бога.

22) Заметьте, что вы только тогда бываете вполне довольны всем, когда имеете терпение, смиренномудрие, покорность и ко всем любовь.

23) Не вспоминайте с упреком о прошедшем, иначе Господь Бог вспомнит и взыщет с вас то, что уже простил вам.

24) В унынии заставляйте и сердце, и язык ваш молиться так: Господи, спаси мя — погибаю!

25) Если кого просите о чем, то просите с терпением жены Хананеянки.

26) Поверять чужие пороки есть грех, потому избегайте такой греховной уверенности.

27) Если вы каким-нибудь образом огорчили слугу, то употребите такое средство, чтобы он забыл сделанное ему огорчение.

28) Делайте все с разборчивостью, не спеша, чтобы дела ваши были успешны.

29) Злое побеждайте добром: худого худым исправить нельзя.

30) Без отречения своей воли нельзя положить и начала спасению, не только спастись. Испрашивайте же себе у Господа самоотречения, чада мои: оно необходимо ко спасению.

31) Если вздумаете кого навестить из ближних, то при посещении его положите себе за непременную обязанность сохранить к нему ту же любовь и то же расположение, в котором вошли к нему, хотя бы и получили от него какое-либо оскорбление.

32) Во всякой случившейся неприятности при сношении с ближними обратитесь прежде к себе: по строгом исследовании мы почти всегда находим, что сами были причиною неудовольствия.

33) В минуту вспыльчивости молчите и творите молитву Иисусову.

34) Не оправдывайтесь, не спорьте, снисходите к характерам и летам. Утешайте всех и каждого, чем можете; не осуждайте никого; не платите злом за зло; всех любите, всех прощайте; всем будьте слугами.

35) Себя считайте последними и грешнее всех.

36) Любите Господа Бога и молитесь Ему, как отцу; смиряйтесь пред всеми христианами, — и возлюбит вас Господь Бог ваш, и возрадуется о вас ваш пастырь.

37) Переносите нетерпеливость, бестолковость, невежество, напрасный гнев — все без прекословия.

38) Когда возымеете к кому-нибудь невольное чувство неприязни, старайтесь победить это греховное чувство; заставьте себя так молиться: «Спаси, Господи, раба Твоего (такого-то) и святыми его молитвами умири сердце мое». Принудьте себя оказывать нелюбимому человеку всякого рода внимание и услуги; и Господь, видя доброе ваше намерение, не только вырвет из сердца вашего греховную неприязнь, но и его самого исполнит святою любовью.

39) Если не утешает вас молитва при исполнении ее, то знайте, что она готовит вам божественное утешение и сладость вскоре по исполнении: «Терпя потерпех Господа, и внят ми».

40) Во всю свою жизнь, пред каждым своим действием руководитесь следующим христианским рассуждением: задуманное мною действие не противно ли воле Божией, не губительно ли оно для души моей, не обидно ли оно для ближнего? Если по строгом исследовании совесть не зазирает вас, то намерение свое приводите в исполнение, а если зазирает, — удержитесь от исполнения.

41) Не касайтесь языком своим чести ближнего, но свой язык употребляйте только на

славословие Божие и на чью-либо пользу и назидание. А захотите злоречить, то вспомните грехи, соделанные вами от юности и порицайте себя за то, что сделали их.

42) Не тяготитесь жизнью: она несносна только для злочестивых; а кто верует в Господа Иисуса Христа, уповает на Него, любит Его, — для того она всегда сносна.

43) Жизнь нам дана только для того, чтобы мы славили Бога, благотворили ближнему и достигали вечного царства указанным в Евангелии тесным путем, а не для того, чтобы веселиться в ней: «Блажени плачущии ныне», а — не смеющиеся.

44) Смирение получило свое начало от смирившегося Господа Иисуса и есть венец и красота всех добродетелей. Что засохшей земле — дождь, то человеческой душе — смирение.

45) Смирение есть такая добродетель, которою любуется Сам Бог: «На кого воззрю? — говорит Он, — токмо на кроткого и смиренного, и трепещущего словес Моих».

46) Но в чем состоит смирение? По моему мнению, оно состоит в том, что человек считает себя грешнее всех, никого не унижает и не оскорбляет, не осуждает, внимает лишь себе и не ищет ни богатства, ни славы, ни похвалы, ни чести, считая себя вовсе того недостойным; мужественно терпит уничижение, брань, укорение, признавая себя в сердце своем заслужившим это; со всеми обращается радушно, всякому с любовию готов служить, не видит своих добрых дел и не говорит о них без нуж-

ды. Подобного смирения испрашиваю вам у Господа Бога, чада мои, потому что оно не только избавит вас от греха, но и приведет в любовь к Тому, Кто смирил себя до смерти, смерти же крестныя.

47) Любовь покрывает множество грехов. Если вы будете печальным — утешением, несчастным — облегчением, бедному — помощию, сироте — отцом и материю, больному — упокоением, слуге — милостивым, заблудшему — руководителем ко спасению и всякому христианину усердным, по возможности, служителем, то за такую любовь вашу к меньшим братиям и членам Господа нашего Иисуса Христа не только изгладятся грехи ваши, но и узрите Господа лицом к лицу и возрадуетесь во веки.

48) Полагайте на уста хранение, упражняйте сердце в молитве Иисусовой, прилежите всякого рода воздержанию — и получите дар бесценный, дар любви Божией к вам.

49) Воздавайте Кесарева Кесареви, а Божие — Богови. Направляя внешние, относящиеся к общежитию дела, по сердцу непрестанно будьте жертвою Богу и так живите в этом Вавилоне — міре сем, — чтобы беспрестанно памятовать о своем горнем Иерусалиме и о своем предназначении.

50) Променяйте благородство ваше на рабство Господу Иисусу Христу. Неге противьтесь, роскоши избегайте и не превозноситесь пред вашими рабами: в высшем они с вами равны, потому что Господь наш призывает и их к святой Своей трапезе теми же словами, как и

вас: «Приидите, ядите, сие есть Тело Мое... пийте от нея вси, сия есть Кровь Моя, яже за вы и за многие изливаемая».

51) Долины, лежащие внизу, почти всегда бывают тучны и плодоносны, а высокие горы большею частию сухи и неспособны к плодоношению. Равным образом колос, который держит голову вверх, всегда бывает пуст, а который стоит, поникнувши голову, в том много зерен. Имейте сердце смиренное — и обогатитесь всем нужным ко спасению.

52) На долину плодоносную дождь льется и прямо с облаков, и с высоких гор: таково смирение. Под именем дождя я разумею благодать Божию, которая дается смиренным и непосредственно от Бога, и чрез людей, в сей жизни духовно вознесенных Господом, как вознесены горы. Если внутреннее ваше будет смиренно отдано в волю Божию и закрыто для входа врагам Его, то приидет к вам Утешитель Дух Святый и вселится в вас.

53) О пространном пути забудьте: Господь, по милосердию Своему, ведет вас тесными вратами в Царство небесное, а тот путь приведет в пагубу вечную.

54) И вам, и себе желаю в этой жизни только очищения от грехов и прошу Господа Бога, чтобы Он с нами сделал все то, чем угодно будет Ему очистить грехи наши и смыть беззакония, хотя бы для сего нужно было бесчестие и бесславие. И вам, и мне должно жить по заповедям Божиим, а не по толкам человеческим.

55) Для пользы своей души любите уединение и, покорившись совершенно велениям Отца Небесного, приучите свое сердце к непрестанной молитве Иисусовой. От внутреннего пребывания в вас Господа Бога вы соделаетесь во всем терпеливее, любвеобильнее и смиреннее.

56) Берегитесь, чтобы леность не расслабила ваших сил для подвигов духовных: она — первый враг для живущих в удалении от Отца; но и не отчаивайтесь в спасении и не печальтесь чрезмерно, если иногда ослабеете в подвигах.

57) Не дела, собственно, спасут нас, а милость Божия, если мы творим дела только во Имя Господа Иисуса Христа, Который да не лишит вас, другов моих, милости Своей во все дни живота нашего. Слабы ли вы, дурны ли — все прибегайте к милосердному Господу Иисусу Христу и надейтесь на Него крепко: эта надежда не посрамит вас во веки.

58) Не презирайте слов моих и не считайте их трудными к исполнению: для Господа и с Господом все трудное не трудно и все скорбное не скорбно.

«Иго бо Его благо и бремя Его легко есть».

1859 год

29 января. Четверг. Утром в 8 часов скончался рабочий Евдоким Максимов, крестьянин Рославльского уезда, сельца Межева, господина Сергея Петровича Таптыкова. Покойному было от роду 68 лет; вдовый; высокого роста, мужественный и замечательный по своей жизни,

связующей его с пустынножителями Рославльских лесов, особенно с нашим о. настоятелем, отцом, Архимандритом Моисеем.

17 февраля

Вторник. В 8 часов утра вбежал волк на двор деревянной монастырской гостиницы; волк был бешеный и гнался за кузнецом; потом он напал на шедшую по двору госпожу Петровскую Марию Владимировну. Она бросилась от него бежать, но на крыльце упала, и волк стал рвать ей сзади салоп. Увидав это, смотритель гостиницы монах Феоктист кинулся на волка с топором, но промахнулся. Волк ухватил его зубами за рукав и, потрепав рукав, побежал к воротам, а монах Феоктист — за ним. Волк, обернувшись, собрался кинуться на Феоктиста, но он удачно нанес топором сильный удар по лбу волка, и волк пал мертвый. Его тотчас же закопали в землю. Этот же волк тем же утром изранил в Прысковском лесу собак возле избы караульщика и у одного мужика перекусил два пальца на руке. Мужик и собаки взбесились. Кроме того, до семи бешеных волков было убито в ближних деревнях и в Козельске. Несчастный этот случай произошел оттого, что в лес свезена и брошена издохшая бешеная корова: волки ее растерзали и взбесились.

20 февраля

Пятница сырной недели. В 3 часа пополудни над монастырем появились откуда-то в необычное время и необычные гости — два боль-

ших орла с белыми хвостами. Долго летали они над обителью, делая плавные круги в воздухе, потом направили свой полет на юг. Это явление было замечено всеми и всех удивило. Мое сердце сжалось каким-то неопределенным, но тягостным предчувствием; мне почему-то вспомнились слова Спасителя: «Где будет труп, там соберутся орлы».

15 мая

Отец игумен Антоний получил от одной своей духовной дочки письмо, в котором она описывает свою поездку в Иерусалим. Особа эта провела в этом святом граде десять месяцев, последние дни Св. Четыредесятницы и Пасху Господню, и присутствовала при схождении благодатного огня в Великую Субботу. Вот что пишет она Старцу об этом из году в год совершающемся чуде, которое вряд ли доступно объяснению самых ученых естествоиспытателей:

«В Великую Субботу в Феодоровском монастыре рано утром все поклонницы ленточками связывали в пучки маленькие пестрые свечи так, чтобы каждый пучок состоял из тридцати трех свечей — в память числа лет Христа Спасителя. В 10 часов утра, после католической обедни, наши православные на Гробе Господнем потушили все лампады, а в церкви — все свечи. Во всем городе и даже в окружности не осталось ни у кого и одной искры огня. Только в домах католиков, евреев и протестантов огонь не угасает. Даже турки следуют обычаю православных и в этот день

тоже приходят в храм Гроба Господня. Я видела, как дети их держали в руках своих пучки свечей, и говорила с ними через переводчицу. С этими детьми были и возрастные.

В 12 часов пополудни двери храма отворены, и собор полон народу. Все без исключения — старый и малый — идут в церковь. На переходе из Воскресенского храма в Кувуклию есть особенные места, где расположено несколько широких лестниц за решеткою. С этих возвышений открывается вид и в Воскресенский собор, и в Кувуклию. Греки в большие праздники предоставляют их русским дамам. По множеству народа, мы с трудом пробрались туда. Кавас нашего русского преосвященного пришел и поставил нас на хорошие места. Толпами поклонников не только были наполнены все пять ярусов хор, но и на стенах, где только можно было сколько-нибудь держаться, везде сидели арабы. Один обратил на себя особенное внимание: он уселся на ручке большого канделябра пред иконой и еще посадил на колени дочь свою, девочку лет семи, и во все время оставался на своем месте. В храм набежали с гор бедуины с бритыми головами, женщины с нанизанными на голове и на носу деньгами и прикрытые белыми чадрами. С ними были и дети разных возрастов. Все это суетилось и хлопотало и нетерпеливо ожидало благодатного огня. Между народом стояли турецкие солдаты и ружьями унимали волнующихся арабов. На эту пеструю картину смотрели с любопытством католические монахи и иезуиты, между которыми

находился и наш русский князь Гагарин, 18 лет тому назад перешедший в латинскую церковь.

Царские врата Воскресенского собора были отворены, и там виднелось высшее духовенство всех христианских вероисповеданий. Иерусалимскому патриарху ныне случилось в первый раз присутствовать при этой церемонии, потому что в прежние годы его блаженство проживал в Константинополе. Однако в алтаре распоряжался наместник его, митрополит Мелетий, и сам принимал благодатный огонь. То же было и теперь. Он с воскресенья (Недели ваий) ничего не вкушал, кроме просфоры, и даже не позволял себе выпить воды; от этого, заметно, был бледнее обыкновенного, впрочем, спокойно говорил с причтом. Каждый присутствующий имел в руках большой пук свечей; а другие, стоявшие на хорах, спустили на проволоках несколько таких пучков, и эти пучки висели по стенам в ожидании небесного огня. Все лампы налиты новым маслом, в люстрах поставлены новые свечи; но фитили нигде не обожжены. Иноверцы с недоверчивостью вытирают все углы в Кувуклии и сами кладут вату на мраморную доску Гроба Господня... Торжественная минута приближается, у каждого невольно бьется сердце... Так как все сосредоточены на одной мысли о сверхъестественном явлении, то у одних при этом возникает сильное сомнение; другие, более благочестивые, молятся от души с сердечным убеждением и надеждою на милость Божию; а иные, по одному любопытству, равнодушно ждут, что бу-

дет... Вот наконец луч солнца блеснул в отверстие над Кувуклией и осветил эту картину... Погода ясная, в воздухе жарко: весенний день Востока! Вдруг показалась туча и заслонила то самое отверстие, в которое падал луч солнца. Туча угрожала дождем и стояла над самой Кувуклией Гроба Господня. Я испугалась: мне показалось, что сейчас прольет дождь на всю эту толпу, что уже не будет благодатного огня и что народ от досады растерзает преосвященного наместника. Сомнение омрачило мое сердце; я стала укорять, зачем осталась. «Разве не довольно было для меня поклониться Гробу Господню? — думала я, — зачем было ожидать несбыточного явления?» И, размышляя таким образом, я все более и более волновалась. Вдруг в церкви все стемнело... Мне стало грустно до слез... я усердно молилась... Арабы начали кричать, петь, ударяли себя в грудь, молились вслух, поднимали руки к небу; кавасы и турецкие солдаты стали унимать их. Картина была страшная, тревога всеобщая!.. Между тем в алтаре начинают облачать наместника — не без участия в этом иноверцев. Клир помогает ему надеть серебряный стихарь, подпоясывает его серебряным шнурком, обувает; все это совершается в присутствии духовенства армянского, римского и протестантского. Облачив его таким образом, ведут под руку с обнаженною головою из Воскресенского храма между двух стен солдат в предшествии нарядных кавасов до двери Кувуклии и запирают за ним дверь. И вот он один у Гроба Господня. Опять тишина. Облако

спускается на народ крупною росой... досталось и мне на мое белое батистовое платье.

В передней комнате с обеих сторон Кувуклии есть в стенах круглые отверстия, чрез которые игумены и настоятели окрестных монастырей подают высокопреосвященному наместнику свечи. Нельзя себе вообразить ту минуту, когда затворяется дверь за наместником в Кувуклии... В толпе обнаруживается невольное благоговение. В ожидании знамения с неба все смолкает, но не надолго... Вот опять беспокойство: кричат, мечутся, молятся; волнующихся снова унимают. Наша миссия была на кафедре над Царскими вратами; мне видно было благоговейное ожидание преосвященного Кирилла. Взглянула я также на стоявшего в толпе князя Гагарина. Лицо его мне хорошо было видно: оно выражало грусть; Гагарин пристально всматривался в Кувуклию...

Вдруг из бокового отверстия показывается пук зажженных свечей... В один миг Архимандрит Серафим передает свечи народу. Вверху Кувуклии все зажигается: лампады, люстры... Все кричат, радуются, крестятся, плачут от радости; сотни, тысячи свечей передают свет одна другой. Суета... Арабы опаляют себе бороды, арабки подносят огонь к обнаженной шее. В этой тесноте огонь пронизывает толпы; но не было примера, чтобы в подобном случае произошел пожар. Общего восторга описать нельзя, изобразить картину невозможно: *это чудо неизобразимое!* После солнца — тотчас облако, потом роса и вследствие росы — огонь. Роса

падает на вату, которая лежит на Гробе Господнем, — и мокрая вата вдруг загорается голубым огнем. Наместник необожженными свечами прикасается к вате, — и свечи зажигаются тусклым голубоватым пламенем. Зажженные таким образом свечи наместник передает стоящим у отверстий лицам. Замечательно, что вначале от такого множества свечей в церкви — полусвет: лиц не видно; вся толпа в каком-то голубом тумане; но потом все освещается, и огонь горит ярко. Передав всем огонь, наместник выходит из Кувуклии с двумя огромными пуками зажженных свечей, будто с факелами. Арабы хотели, по обыкновению, нести его на руках; но Владыка от них уклонился и сам, как в тумане, прошел скорыми шагами из Кувуклии в Воскресенский собор. Каждый старался зажечь свою свечку от его свечей. Я была на пути его шествия и тоже зажгла. Он казался прозрачным; седые его волосы развевались по плечам; широкое его чело было без морщин, но лицо подернулось необыкновенною бледностью; весь он был в белом; два факела в его руках; глаза устремлены к небу; вдохновение горело в его очах: народ видел в нем вестника небесного. Все плакали от радости... Но вот в народе прошел невнятный гул... Я нечаянно взглянула на князя Гагарина, — вижу, у него градом текут слезы и радостию сияет лицо... Как с этим выражением в одном и том же человеке соединить его вчерашнюю проповедь на Голгофе, которую он произнес на французском языке и заключил так: «Теперь остается

пожелать одного, — чтобы мы все сделались католиками и покорились папе».

Вчера превозносил он преимущества римского исповедания, а сегодня, пораженный явлениями небесной благодати, *даруемой только православию*, льет слезы. Не есть ли это порыв преданной им веры, возбужденной общим восторгом? Не есть ли это поздний плод тайного раскаяния и отклик души, некогда православной, но легкомысленно отпавшей от единой истинной и спасительной Церкви Христовой? Где же он представитель искреннего своего убеждения? — там ли, на возвышении кафедры со словом поборничества за права папы или здесь — в толпе народа, со слезами на глазах, как с невольною данью родному чувству, призывающему его воздать Божие Богови?[1]

Но возвратимся опять к избранному Богом стражу Гроба Господня. Надо было видеть, с каким торжеством этого вестника благодати Божией принял в свои объятия патриарх; да и

---

[1] Посвященному в тайны духовной жизни открыты истинные причины подобных противоречий человеческого духа. Посетили однажды о. игумена Антония два помещика, из которых один уклонялся в вольнодумство и в течение беседы со старцем выразил сомнение в истинности повествования о том, что св. Иоанн, архиепископ Новгородский, на бесе ездил в Иерусалим (см. Четь-Минеи 7 сентября).

— Нельзя верить таким вещам! — заметил с усмешкой господин этот.

— Да! — ответил на это замечание старец, — в прежние времена святые бывали и из дворян и разъезжали на бесе, а теперь сам бес разъезжает на иных российских дворянах.

Сказано было это слово старцем значительно и с грустным укором.

все духовные наши наперерыв обнимали его и принимали из его святых рук зажженные свечи. За этим последовала обедня, которую служил сам патриарх со всем духовенством, облаченным в блестящие золотые ризы. Между тем бедуины в диком восторге собираются в кружок и пляшут посередине церкви как бы вне себя от радости; становятся друг другу на плечи, поют и молятся по-своему, пока не падают обессиленные. Никто не останавливает их, как детей, выражающих восторженное состояние своей души по-своему. После обедни все бегут домой с огнем зажигать лампады: кто — к Илии Пророку, в Крестный монастырь, кто— в Вифлеем, кто — в Гефсиманию. Огни по улицам в продолжение дня, при солнечном свете — картина необыкновенная, оригинальная! Это осязательное, так сказать, присутствие Самого Бога на Гробе Божественного Его Единородного Сына, в земле чудес, сильно развивает любовь к Православной Церкви и остается в памяти сердца неизгладимо.

Вечером патриарх прислал к нам своего секретаря, а наместник — своего племянника, чтобы дать нам удобные места в храме. Так как наша Пасха в этот год пришлась вместе с латинскою, то великолепно были освещены все части храма. У нас служба в Воскресенском соборе началась в 11 часов. Служил сам патриарх. У иноверцев в то же время начались крестные ходы с хоругвями. Сперва двинулись копты, которые имеют свой алтарь за Гробом Господним; потом — абиссинцы, которых церковь про-

тив коптской; затем — армяне, в предшествии своего великолепно одетого патриарха и, наконец, латиняне — с музыкой и органом. Ровно в 12 часов наши православные, остановившись с крестным ходом у самого Гроба Христа Спасителя, запели: «Христос анесте!» (Христос воскресе!) Великолепие крестного хода описать невозможно. На патриархе блестящие золотые ризы с изображением Воскресения Христова, изящно вышитые и унизанные драгоценными каменьями; в руках его — новый крест с частицею животворящего Древа, отделанный в Константинополе; в таком же облачении наместник с драгоценным крестом в руках; потом следует русский архиерей в новой золотой ризе. Все эти облачения и кресты — приношение константинопольских греков. Процессия вступила в собор, — и началась греческая служба. Евангелие читалось на девяти языках.

Патриарх благословил русских служить в Кувуклии на Гробе Спасителя. Греческий архимандрит, отец Виссарион, который хорошо говорит по-русски, и миссионер отец Леонид[1], с архиерейскими певчими, пели обедню, в пении которой участвовали также многие поклонники и поклонницы, именно: Л. И. Казнакова, княжна Шаховская, О. Н. Брянчанинова, И. А. Смирнова и я; князь Волконский, И. И. Карцев, Н. И. Брянчанинов, г. Обресков, г. Дурново, А. И. Макшеев. Дам поставили на возвышение, на мраморные скамьи, подле Кувуклии. С каким радостным

[1] О. Леонид (Кавелин) постриженец нашей Пустыни; скончался Наместником Троицкой Сергиевой Лавры 22 окт. 1891 г.

чувством пели мы «Христос воскресе» на том самом месте и в тот самый час, когда совершилось многовековое предсказание о пришествии Искупителя рода человеческого! Куда делась наша усталость! Мы пели вполголоса, но вокруг нас царствовала тишина. Иноверческие службы кончились, и тогда все, не оставляя храма, подошли к нам. Латинские духовные стояли ближе всех, и с ними опять стоял князь Гагарин. Стоя в толпе, он и не думал, что мы сверху можем видеть его: он, заплаканный, молился с чувством и, как видно было, слушал наше пение с удовольствием.

В два часа ночи все кончилось. Мы по-русски похристосовались между собою. На лестнице монахи из патриархии раздавали приходящим красные яйца и вино. Находясь здесь, невольно переносишься мыслью в то блаженное время, когда эта и вся земля освящалась присутствием Христа Спасителя. Все события Его жизни представляются так живо, что сердце трепещет от радости. Многие из русских причащались на Гробе Господнем, а я причастилась еще накануне, в Архангельской церкви Русской миссии.

После нескольких часов отдыха мне нужно было поздравить его высокопреосвященство, наместника Петра Мелетия. Хотя во время десятимесячного моего пребывания в Иерусалиме я привыкла с ним обращаться, как с добрым отцом, но тут, видев в нем орудие небесной благодати, преподанной нам свыше чрез его святые руки, не смела приблизиться к нему и

со страхом стояла у порога скромной его кельи. Владыка сидел на барсовой коже на полу, где обыкновенно сиживал. Заметив мою робость, он улыбнулся и сказал:

— Чего ты боишься? Вот уже тридцать лет, как Бог сподобляет меня принимать небесный огонь. Прежде ты не боялась меня, не бойся и теперь — подойди: я тот же грешник. Христос воскресе!

Я ободрилась и подошла, стала на колени и приняла его благословение. Он очень похудел и побледнел, но выражение его лица было тем приятнее и характеризовалось необыкновенным спокойствием. Он смотрел на меня внимательно и, прозорливо угадывая совершенное мое убеждение в знамении Божией благодати, сказал:

— Ныне благодать уже сошла на Гроб Спасителя, когда я взошел в Кувуклию: видно, вы все усердно молились, и Бог услышал ваши молитвы. Бывало, долго молюсь со слезами, и огонь Божий не сходил с небес до двух часов; а на этот раз я уже увидел его, лишь только заперли за мною дверь!

Я откровенно призналась ему в колебавшем меня сомнении и в испуге от набежавшего облака. Потом он спросил:

— Не правда ли, что половина церкви была в тени?

Я ответила: помню, что, не принимая еще благодати, я заметила это.

— А на тебя пала ли роса благодатная?

Я отвечала, что и теперь еще видны следы на моем платье, будто восковые пятна.

— Они навсегда останутся, — сказал Владыка.

Это так и вышло: 12 раз отдавала я мыть платье, но пятна все те же. После того я спросила, что преосвященнейший чувствовал, когда выходил из Кувуклии и отчего так скоро шел?

— Я был как слепой, ничего не видел, — отвечал он, — и если бы не поддерживали меня, упал бы!

Это и приметно было: глаза у него будто не глядели, хотя и открыты были.

Тут я ему рассказала наш восторг, что нам позволено было участвовать в пении в Светлое Воскресение у Гроба Господня. На это он улыбнулся и сказал:

— Русские у нас — свои. Видишь, какая ты счастливая — Бог сподобил тебя послужить Ему на том месте, где Сам воскрес. Ты и ко Гробу приложилась без труда во время Литургии. Не забывай никогда этого дня. Много бывает в міре и почестей, и удовольствий, но такого счастия немногие из русских твоего сословия могут в жизни удостоиться. Вспомни меня: где бы ты ни встретилась с твоими товарищами настоящего дня, везде встретишься с ними, как с родными. Тут сообщаются духовные чувства.

Мы пошли к нашему архиерею; там по-русски разговелись; он принимает ласково и радушно. Потом отправились поздравлять патриарха, доброго старца, замечательного по простоте радушного приема».

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

Таково замечательное по настроенности и изложению письмо г-жи В. Б. де С. П... Что присоединить от себя к правде, которой дышат эти строки, разве только слова песнопения великого входа Великой Субботы: «Да молчит всяка плоть человеча!» — пред священной тайной благодати Божией...

Один из посетителей отца игумена Антония усумнился в истине свидетельства о том же чуде Барского, русского паломника начала XVIII века.

— Если бы вы сами увидели, поверили бы вы? — спросил о. Антоний.

— Поверил бы.

— Ну так кому же мы должны более верить: вам, который не видал, или Барскому, который видел?

Этот господин еще обещал поверить, если увидит; но есть люди, которые и «оком видят, и ухом слышат, и — не разумеют»...

От составителя:

Явление благодатного огня в Иерусалимском храме в Великую Субботу представляет собою такое поразительное доказательство истинности и вселенского величия Православной Греко-Российской Церкви, что на этом месте дневника иеромонаха Евфимия я счел необходимым к свидетельству духовной дочери отца игумена Антония присоединить и другое, относящееся ко временам новейшим и напечатанное в «Сборнике Нивы» 1892 года (№ 4, стр. 192). Статья, заключающая в себе свидетельство это,

принадлежит перу неизвестного автора, скрывшего себя за анонимной подписью «Старый Паломник». Привожу статью эту, озаглавленную «Агиос фотос», в подлиннике, за исключением лишь некоторых ее частей, не относящихся к данному явлению чуда небесного благодатного огня.

«Святой свет» — у греков, «священный огнь» (или благодать Господня) — у русских паломников, — так пишет в своей статье г. Старый Паломник, — искони являемый в храме Воскресения Господня в Иерусалиме, в последний день Страстной Седмицы, в два часа пополудни, — торжество, коему подобного нет во всем христианском міре.

Мне довелось быть очевидцем происходящего в это время в храме Воскресения два раза. Испытываемое внешними чувствами при этом своеобразном зрелище передать с надлежащею точностию нелегко. Ссылаюсь на очевидцев: пусть скажут, какова задача...

Обыкновенно в Великую Субботу, в половине второго часа, раздается колокол в патриархии. Начинается оттуда шествие. Длинною черною лентой входит греческое духовенство в храм, предшествуя его блаженству, патриарху. Он в — полном облачении, сияющей митре и панагиях. Духовенство медленною поступью минует «камень миропомазания», идет к помосту, соединяющему Кувуклию с собором, и затем между двух рядов вооруженной турецкой рати, едва сдерживающей натиск толпы, исчезает в большом алтаре собора. Патриарх оста-

навливается перед Царскими вратами. Два архимандрита с иеродиаконами его разоблачают. Без митры и всех архипастырских отличий, в белой полотняной хламиде, подпоясанный кожаным ремнем, он возвращается, в сопровождении митрополитов и архиереев, ко входу в часовню. Вход запечатан турецкою печатью, охраняемою турецким караулом.

Накануне в храме уже все свечи, лампады, паникадила были потушены. Еще в неотдаленном прошлом тщательно наблюдалось за сим: турецкими властями производился строжайший обыск внутри часовни; *по наветам католиков,* доходили даже до ревизии карманов священнодействовавшего митрополита, наместника патриарха, когда резиденция последнего находилась еще в Константинополе.

После троекратного обхода духовенством, предшествуемым хоругвеносцами, часовни Св. Гроба с пением 6-го гласа стихиры «Воскресение Твое, Христе Спасе, Ангели поют на небесех...» патриарх останавливается на помосте пред наружным входом в часовню. Здесь его ожидает армянский епископ в облачении. Турецкий офицер снимает печать. По входе патриарха, а за ним и армянского епископа, дверь снова запирается. Оба раза я епископа не замечал; но если он, по уверению некоторых, а между ними и знаменитого паломника нашего Андрея Николаевича Муравьева, и входит за патриархом, то остается в приделе Ангела бездействующим свидетелем. Греческий же иерарх проникает чрез низкое отвер-

стие поперечной стены ко Св. Гробу. Там царит безусловный мрак ночи.

Следуют страшные... страстные минуты... иногда четверть часа, иногда двадцать минут... Это — целый век трепетного ожидания... Гробовое молчание... Представьте себе мертвенную тишину многотысячной дикой толпы, такую, что, пролети птица — слышен был бы шум крыльев, и поймете тогда степень напряженного ожидания этого люда. Только имевшие случай пережить эти минуты в состоянии понять, как бьются сердца.

В Кувуклии, в приделе Ангела, в северной и южной стене — два отверстия, овальные, величиною в большое столовое блюдо... В северном вдруг показывается длинная свеча... *пылающая*!

«Благодать!.. Господи, помилуй! Кирие элейсон!.. Воля-дин, пля-дин, эль-Мессия!» (арабское: нет веры иной, как православная!)...

...Крики, вопли неистовые, неумолкающие несутся снизу, сверху, с балконов, галерей, лож, карнизов; отовсюду оглушительные возгласы, звон колоколов, торжественные звуки деревянных бил, треск барабанов, резкие трели металлических молотков; все скачет, кричит, все лезет на плечи друг к другу... Мне сдается, что я в громадном здании, охваченном пожаром. Огонь моментально сообщается всюду; у всех горят пучки свеч; их спускают на веревках с галерей; зажженные летят вверх. Весь храм объят пламенем. Температура во мгновение доходит до 45°...

С неимоверными усилиями, ружейными прикладами и тесаками, солдаты едва успевают очистить путь вышедшему из Кувуклии патриарху. Бледный, со страдальческими чертами лица от глубокого душевного потрясения, патриарх медленно приближается к соборному алтарю. Так, во время оно, Моисей оставлял выси Синайские... Патриарх простирает в обе стороны зажженные свечи. Кто успевает, тушит свой пук и ловит пламя патриаршей свечи...

Никак не мог себе объяснить я, как огонь, едва замеченный в северном отверстии Кувуклии, почти во мгновение ока появлялся почти в алтаре собора. Там все свечи уже пылают в то время, когда огонь едва стал перехватываться и передаваться близ стоящим у самой часовни. У сказанного отверстия обыкновенно ожидают двое нарочных с фонарями; один из них немедленно скачет верхом в Вифлеем... Но как может другой в единый миг пронизать сплоченную массу народа и проникнуть в алтарь — остается решительно непонятным...

В алтаре патриарх отдыхает не более пяти минут и затем удаляется; мало-помалу все духовенство исчезает из храма.

Что же произошло? Откуда же взялся огонь у патриарха? Таковы вопросы, которые у скептика, разумеется, так сказать, на языке.

Как-то вскоре после пасхальных дней я, в числе нескольких вновь прибывших паломников, сопровождал патриарха на пути в Иерихон и к Иордану. На половине пути мы были приглашены в его палатку к обеду. Один из таких

скептиков, выбрав удобную минуту, вдруг поставил так вопрос:

— Откуда, ваше блаженство, изволите получать огонь в Кувуклии?

Престарелый архипастырь, не обращая внимания на то, что слышалось в тоне вопроса, невозмутимо отвечал так (мною почти слово в слово записано было слышанное):

— Я, милостивый государь, извольте знать, без очков уже не чтец. Когда впервые вошел я в придел Ангела и за мною закрылись двери, там царил полумрак. Свет едва проникал чрез два отверстия из ротонды же Св. Гроба, тоже слабо освещенной сверху. В приделе же Св. Гроба я не мог различить, — молитвенник ли у меня в руках или что другое. Едва-едва замечалось как бы белесоватое пятно на черном фоне ночи: то, очевидно, белела мраморная доска на Св. Гробе. Когда же я открыл молитвенник, — к удивлению моему, печать стала вполне доступна моему зрению без помощи очков. Не успел я прочесть с глубоким душевным волнением строки три-четыре, как, взглянув снова на доску, белевшую все более и более, и так, что мне ясно представились уже все четыре ее края, заметил я на доске оной, как мелкий рассыпанный бисер разных цветов, вернее сказать, как бы жемчуг с булавочную головку и того меньше, а доска начала положительно издавать яко бы свет. Бессознательно сметая изрядным куском ваты этот жемчуг, который начал сливаться подобно каплям масла, я почувствовал в вате некую теплоту и столь же бессознательно

коснулся ее фитилем свечи. Он вспыхнул подобно пороху, и — свеча горела и три образа Воскресения озаряла, как озаряла и Лик Богоматери и все металлические над Св. Гробом лампады. Предоставляю засим вам, милостивый государь, судить о моем в ту минуту душевном волнении и вывести ответ на сделанный вопрос.

...Не излишне прибавить, что между католическими писателями немало таких, которые свидетельствовали, что видели чудо, как в Великую Субботу у Гроба Господня свечи сами зажигались (Бароний, летописец римской церкви, прибавляет: «Чудо сие там бывает нередко»).

Следует еще остановиться на неверии скептиков относительно невещественного появления огня, именуемого поэтому святым, и представить им следующие доказательства: упомянутая речь иерарха, по существу, есть свод всего того, что в течение многих веков свидетельствовалось и заявлялось знаменитыми паломниками, коим, подобно мне, доводилось лично присутствовать в храме в Великую Субботу. Подтверждение тому ниже спрашивается: можно ли допустить, чтобы кто-либо из этих паломников, отмечая в своих записках виденное и прочувствованное, не довольствовался собственными впечатлениями, а искал сообразжаться еще и со свидетельствами предшественников? Более чем вероятно: то удобство компилировать свидетельства по этому предмету, которые у меня под рукою, едва ли кто имел, да и не мог ощущать в том надобно-

сти. А если так, чем же объяснить поразительное тожество, в главных чертах, их показаний, если не несомненностью периодического явления и правдивостью их сообщений?

Во-вторых: сказания о явлении невещественного огня на Св. Гробе восходят едва ли не до IV столетия нашей эры. Указывается на свидетельство Отцов Церкви — Григория Нисского и Иоанна Дамаскина. У первого читаем: «Петр верил, видел же не только чувственными очима, но и высоким апостольским умом — *исполнен убо был гроб света*, так что хотя и ночь была, однако, двема образы видел внутренняя — чувственно и душевно». У второго же: «Петр предста ко гробу и *свет зря во гробе* ужасашеся...»[1]

На страже Св. Гроба уже несколько веков стоят православные иерархи. Теперь, если допустить даже некоторую основательность в сомнениях неверующих, возможно ли подумать, что в длинном ряде наследников престола св. Иакова, брата Господня, не оказалось бы ни единого ставленника во главе Иерусалимской Церкви, который бы, впервые приступая к священнодействию у Св. Гроба в Великую Субботу и познав святотатственное, диаволу угодное дело

[1] В последнее время в Париже было опубликовано исследование бенедиктинского монаха, приора Фарибрайского аббатства Дом Каброля, посвященное открытому им сочинению IV или V века, озаглавленному «Паломничество Сильвии» (Peregrinatio Silviae. Dom Cabrol, prieur de l' Abbaye Farnborought. Librairie Picard. Rue Bonaparte). В сочинении этом, открытом в библиотеке аббатства Россано в Калабрии, сообщается тоже о схождении в Великую Субботу благодатного огня на Св. Гроб Господень.

на Гробе Господнем, не возмутился бы душою и не явил во имя предержимой им хоругви Православия всю ложь деяния и обман, подозреваемый неверующими?[1]

Итак, отрицание сих последних, ничем не удостоверяемое — не есть доказательство.

Составитель «Дневника иеромонаха Евфимия» привел здесь почти целиком статью «Старого Паломника» ввиду важности собранного в ней материала, имеющего отношение к письму духовной дочери отца Игумена Антония о том же священном для христианского міра периодическом событии низведения благодатного огня на Гроб Господень, о котором повествуется и в письме этом. Памятуя непреложное слово Спасителя, сказавшего, что «никто не может прийти ко Мне, если не привлечет его Отец, пославший Меня», составитель не имеет претензии повлиять на скептицизм тех, о ком тоже было произнесено Слово Божие, что «оком увидят и ухом услышат, и не обратятся, дабы Я исцелил их»: цель его заключена только в том, чтобы доступно его силам представить и осветить данное чудесное явление, в истинность которого

---

[1] Автор упускает из виду еще то крайне важное свидетельство истинности чуда, что Иерусалим и его святыня находится под владычеством фанатичного врага христианства в лице мусульман — турок. Невозможно допустить, чтобы в ряде веков этого владычества, при том ревнивом придирчивом надзоре за служителями Христа, который свойствен последователям Магомета, не нашлось ни одного фанатика — турка, способного обнаружить обман. Таково уже свойство чистой истины: ее можно ненавидеть и подвергать гонению, но опровергнуть нельзя. То же можно сказать и о представителях инославных христианских исповеданий, столь враждебных Православию. — *Прим. сост.*

сам он неограниченно верует, предоставляя читателю своему свободу делать выводы, какие только ему заблагорассудится или, вернее, какие ему внушит Отец его Небесный. Но чтобы дополнить сказание о священном и благодатном иерусалимском огне, не будет излишним привести здесь два поразительных примера схождения благодатного огня из жития Преподобного Серафима Саровского. В летописи Серафимо-Дивеевского женского монастыря на станице 160-й читаем: «До какой степени доходила нужда и что переживали Мантуровы, неся крест добровольной нищеты, можно судить по записанному рассказу самой Мантуровой, когда она жила в Дивееве вдовою и тайною монахинею[1]. «Часто и почти непрестанно, — говорила Анна Михайловна, — я роптала и негодовала на покойного мужа за произвольную нищету его. Говорю я, бывало: ну, можно почитать Старца, можно любить и верить ему, да уже не до такой степени... Михаил Васильевич (Мантуров) все, бывало, слушает, вздыхает и молчит. Меня это еще более раздражало. Так вот раз, когда мы до того уже дошли зимою, что не было чем осветить комнату, а вечера длинные, тоскливые, темные, я раздосадовалась, разворчалась, расплакалась без удержу; сперва вознегодовала на Михаила Васильевича, потом на самого батюшку о. Серафима; начала роптать и жаловаться на горькую судьбу мою. А Михаил Васильевич все молчит да взды-

[1] Анна Михайловна Мантурова по исповеданию веры своей была лютеранкой и в замужестве, несмотря на близость ее мужа к великому чудотворцу, Преподобному Серафиму, весьма долго не присоединялась к Православию. — *Прим. сост.*

хает... Вдруг слышу какой-то треск... Смотрю: Господи, страх и ужас напал на меня. Боюсь смотреть и глазам своим не верю... Пустая, без масла, лампада у образов вдруг осветилась белым огоньком и оказалась полная елея. Тогда я залилась слезами, рыдая и все повторяя: батюшка Серафим, угодник Божий, прости меня, Христа ради, окаянную роптунью, недостойную, — никогда более не буду! И теперь без страха не могу вспомнить этого. С тех пор я никогда не позволяла себе роптать и, как ни трудно было, все терпела».

Далее, там же, на странице 261-й читаем:

«Раз рассказывал мне (слова Анны Михайловны Мантуровой) Михаил Васильевич: быв у батюшки Серафима, они долго беседовали с ним и во время беседы-то этой Михаил Васильевич вдруг видит, что сперва одна лампадка пред образом у батюшки сама собою зажглась, а потом и другая, и обе светло сами собою затеплились. Михаил Васильевич не мог в себя прийти от удивления и даже несколько испугался, что и прозрел в нем батюшка. «Что ты видишь, батюшка, ты не дивись тому и не бойся, — то так должно быть», — сказал о. Серафим[1].

---

[1] Тот же рассказ я лично слышал из уст Елены Ивановны Мотовиловой, современницы и близкой знакомой супругов Мантуровых. Передаю его с ее слов, дополняющих это сказание, но отнюдь его не изменяющих. Был уже вечер, когда совершилось это чудо с лампадами. Становилось темно. В келье батюшки Серафима, вопреки обычаю, не горело ни одной свечи пред иконами, не было затеплено ни одной лампады. «И подумал я, — так сказывал Мантуров, — что это батюшка лампадок-то не зажигает? забыл, видно?.. И вдруг, не успел я это подумать,

Суди теперь сам, читатель! Если только ты веруешь в Бога и в посланного Им Сына Его Единородного Господа нашего Иисуса Христа, то мы поймем друг друга...

Еще одно замечание, и мы опять перейдем к дневнику иеромонаха Евфимия. Неужели в течение ряда веков фанатизм и враждебность Православию не только ислама, фактического хозяина Св. Земли, но и католиков, армян, в особенности же ожесточенного врага христианства — евреев, неужели бы все эти заклятые враги наши для унижения нашей веры не нашли бы способов и средств изобличить гнусный и кощунственный обман греческих иерархов, если бы к тому было хотя бы самомалейшее указание или повод? Однако в самый разгар фанатизма ислама, католицизма и еврейского масонства ничего подобного не было. А почему не было? Ответ один: явное чудо не могло быть опорочено ничем, и чудо это могло быть совершаемо только православными и никем другим. Скажут, быть может, что тут действовала сила денежного подкупа православными продажных турецких властей. Но кому не известно, что сила денежного богатства никогда не была на

смотрю — сперва по одной лампадной цепочке, а там и на цепочке другой лампады откуда-то сверху стал, точно ленточкой, обвиваться голубоватенький огонек; обвился змейкой и зажег обе светильни. Я от страху не смел пошевельнуться. А Батюшка и говорит:

— Не убойся, Мишенька! Тому так и быть должно. Это Ангел Господень зажигает лампадки. Вот был бы ты девственник, — и тебе было бы открыто явление Ангела; но ты женат, и потому тебе Ангела видеть не можно». — *Прим. сост.*

стороне православных, а была она всегда в руках воинствующего латинства и у главного врага Христа — всемирного Израиля? Да можно ли было и подкупить фанатизм тех же турок во времена всей силы мусульманского фанатизма?..

Кто Бог велий, яко Бог наш? Ты еси Бог, Творяй чудеса.

ДНЕВНИК ИЕРОМОНАХА ЕВФИМИЯ

1860 год

Многое из обращения великих старцев наших с мирскими людьми утаивается от нашего монашеского наблюдения, частью за собственным делом по послушанию, а частью по близости нашей к их величию: нельзя изблизи оглядеть всей красоты и величия горы высокой; от нее для того надо отойти на известное расстояние. Так и мы со старцами нашими: живешь близко, точно привыкаешь, как будто так и быть должно, и уже не дивишься, не наблюдаешь зорко за несравненною красотою духовного их подвига, за дивным величием дел их. А между тем нет-нет как из-за тучки равнодушной привычки проглянет и блеснет луч их славы, отражения славы Присносущного.

Многие из нас помнят одну бесноватую женщину, которая, сидя на дорожке, ведущей из монастыря в Скит, поносила старца Макария, выкрикивая:

— Скоро ли умрет Макарий? Он измучил весь мiр... Ох, горе мне!

И действительно, бесам было великое горе от Старца. Возьмем хоть такой пример из тысячи, вероятно, ему подобных: один из людей образованного круга имел несчастие подвергнуться припадкам беснования; родные советовались с искуснейшими докторами; те лечили долго дома, наконец послали больного за границу — на воды; облегчения не было. Несмотря на очевидные признаки беснования (припадки болезни совпадали с днями особо чтимых церковных праздников[1], а конвульсии усиливались от прикосновения священных предметов: святого креста, Евангелия, богоявленской воды; наконец, больной не в состоянии был приступать добровольно к таинствам покаяния и причащения), родные боялись или не хотели назвать болезнь своим именем. Один из друзей больного, видя его беспомощное состояние, взялся из сострадания свезти больного к нам в монастырь с тем, чтобы посоветоваться насчет непонятной болезни своего приятеля со Старцем, которого он лично знал. Успел ли он уговорить больного или хитростью привез в монастырь — не знаю; только тотчас же по приезде, остановясь на гостинице, он послал попросить к себе Старца, не упоминая ни слова о приехавшем с ним товарище и об этом ничего не говоря и ему самому. Но несмотря на это больной, в то же самое время, начал обнаруживать сильное

[1] Этот признак беснования — причинная его зависимость от чтимых церковных праздников — не следовало бы упускать из виду современникам моим, ополчающимся в Государственном совете против праздников: не познают ли они, какому духу этим служат. — *Прим. сост.*

беспокойство — признак приближающегося припадка — и заговорил:

— Макарий идет, Макарий идет!

И едва Старец вошел в занимаемые ими покои гостиницы, — больной бросился на него с бешенством, произнося разные неистовые слова и, прежде чем успели удержать его, заушил Старца. Доблестный воин Христов, зная, кто управляет в этом действии рукою несчастного, употребил против него сильнейшее оружие — по заповеди Христовой, быстро подставил ему другую ланиту, произнося слова Евангелия: «Аще тя кто ударит в десную твою ланиту, обрати ему другую». Опаленный смирением бес оставил страдальца; больной упал без чувств к ногам смиренного Старца и пролежал долгое время в совершенном оцепенении. Потом он встал совершенно здоровым, не сохранив ни малейшего воспоминания о своем поступке, в котором он, попущением Божиим, был лишь орудием.

Как же было не вопить бесам устами бесноватых, что о. Макарий «измучил весь міръ», особенно если знать, как мы все знаем, степень влияния старца Макария и других его сотрудников в делании духовном на направление русской самобытной мысли в лице таких ее богатырских представителей, какими были, например, почивший Иван Васильевич Киреевский или Н. В. Гоголь? Кому с достоверной точностию можно предугадать и учесть, на сколько лет, благодаря этому влиянию, отсрочено было в Вышнем Совете исполнение торжества диаволова дела в России и с нею во всем міре?..

25 августа

Вторник. В монастырской гостинице скончалась г-жа Мария Михайловна Кавелина, супруга козельского помещика, ротмистра Александра Александровича Кавелина, из роду Нахимовых, двоюродная сестра Севастопольского героя — адмирала и мать постриженца нашей обители иеромонаха Леонида.

Год тому назад, бывши на краю гроба, она просила старца Макария, по своей вере к нему, помолиться Господу, чтобы Он продлил дни ее для свидания с любимым сыном, о. Леонидом, который был тогда в отлучке из обители. Старец тогда сказал ей:

— Ты выздоровеешь, а умрем мы вместе.

Выздоровев, она говорила близким:

— Бойтесь моей смерти: с нею связана жизнь Старца.

За благочестивую ее жизнь и кончина была ее мирная. Глубоко благоговела она к обители нашей; во все посты говела и приобщалась Св. Таин в обители. Так было и в теперешний Успенский пост. После приобщения она должна была отправиться на праздник к своему семейству, но почему-то внезапно отложила свой отъезд, сказав старцам:

— Что-то мне не хочется ехать.

И осталась; а на другой день заболела и с каждым днем слабела, а 23-го, приобщившись Св. Таин за десять минут до кончины, сказала последние слова:

— Я не могу вам выразить моей радости: во всю жизнь не чувствовала себя так покойной, как теперь.

И тут же уснула навеки.

25-го по Литургии совершено отпевание ее тела в присутствии супруга и детей: иеромонаха Леонида (Льва, гвардии штабс-капитана), Михаила, отставного поручика, и близких родных. Еще ее сын служил в Св. Синоде, а дочь Александра — монахиней в Борисовском девичьем монастыре.

Старец Макарий присутствовал при блаженной кончине болярыни Марии, назвал кончину эту «преподобническою» и промолвил:

— Я считаю себя счастливым, что Бог сподобил меня видеть кончину праведную.

Еще задолго до смерти г-жи Кавелиной Старец стал часто поговаривать ученикам своим:

— Пора, пора домой!

Теперь слова эти он стал повторять еще чаще. Но видом еще, слава Богу, достаточно крепок, хотя ему уже пошел 72-й год от рождения.

26 августа

Старец Макарий внезапно заболел. Вчера, 25-го, накануне празднования явления чудотворной иконы Владимирской Божией Матери, особенно чтимой Старцем, он отправлял в честь ее в своей келлии всенощное бдение, а сегодня заболел припадками болезни, которой страдал по временам и прежде. К вечеру положение больного ухудшилось.

27 августа

Старец накануне вечером исповедовался, а сегодня после ранней обедни причастился Св. Таин. Состояние здоровья не улучшается.

30 августа

Вторник. Старец в 6 часов утра вторично приобщался Св. Таин. Согласно его желанию, вслед за сим, над ним совершено Таинство Св. Елеосвящения, которое совершал о. Игумен Антоний с шестью иеромонахами. После сего Старец прощался с братией и сделал необходимые распоряжения на случай своей кончины.

31 августа

Батюшка о. Макарий духом совершенно покоен, и по телу ему как будто получше. На вопрос учеников: «Как нам быть без вас, батюшка?» — Старец указал им в Алфавитном Патерике ответ аввы Исаака скитского на подобный же вопрос: «Сказывали об авве Исааке: когда он был близок к преставлению, собрались к нему старцы и вопросили: «Что мы будем делать без тебя, отче?» Он же сказал: «Вы видели, как я вел себя пред вами; если хотите подражать сему, сохраняйте и вы заповеди Божии, и Бог пошлет благодать Свою и сохранит место сие; если же не будете сохранять заповедей — не пребудете на месте сем. И мы также скорбели, когда отходили от нас ко Господу отцы наши; но, соблюдая заповеди Божии и завещания старцев, жили так, как

будто они были с нами. Поступайте так и вы — и спасетесь».

1 сентября

В монастырских церквах множество спешно прибывших с разных сторон лиц всех сословий, пользовавшихся духовными наставлениями Старца. Служат беспрерывные молебны — многие с горячими слезами — о его выздоровлении. О. Архимандрит Моисей говорит:

— Видно, за грехи мои Бог наказывает меня, отнимая у обители опытного Старца, а у меня — духовного друга и мудрого советника.

О. Игумен Антоний только плачет и молится.

2 сентября

После полудня из Москвы приехала вдова Ивана Васильевича Киреевского Наталия Петровна и привезла Старцу от Митрополита Филарета финифтяную икону Владимирской Божией Матери и обещание молиться за него Господу сил.

3 сентября

Старец слабеет. Причащался Св. Таин, которые ему были принесены из церкви.

4 сентября

После вечерни Старец выразил желание вновь приобщиться и принял Св. Таины уже сидя в креслах. Молитва не сходит с уст его.

5 сентября

В ночь с понедельника на вторник скончался в монастыре 90-летний схимник Иларион. После утрени, по монастырскому обычаю, троекратный удар большого колокола возвестил братии обители об отшествии в вечность одного из среды их. Все подумали, что это весть о кончине Старца, и бросились в беспорядке бежать к скитским вратам. Старец еще жив, слава Богу, но продолжает слабеть.

6 сентября

У Старца появилось удушье. После поздней обедни он причастился Св. Таин. Архимандрит Малоярославского монастыря Никодим привез с собою двух медиков, но им ничего не оставалось делать, как дивиться терпению воина Христова, который страдал молча, лишь изредка стеная, и все время молился.

К вечеру больному сделалось значительно хуже, и он вновь пожелал приобщиться Св. Таин, что и исполнил в 8 часов, сидя в креслах. Около полуночи Старец потребовал к себе духовника и после получасовой беседы с ним попросил читать отходную. «Слава Тебе, Царю мой и Боже мой!» — восклицал Старец при чтении отходной, обращая свои взоры то на стоящую против его ложа на столике икону Спасителя в терновом венце, то на особенно чтимую им икону Владимирской Божией Матери. «Матерь Божия, помози мне!» — так молился

ей отходящий в путь всея земли батюшка, прося скорейшего разрешения от уз тела.

7 сентября

Свершилось! В 6 часов утра в последний раз Старец удостоился причаститься Св. Таин Тела и Крови Христовых, а в 7 часов, при окончании чтения канона на разлучение души от тела, на 9-й его песне, Старец предал свою праведную душу в руце Божии. Кончина Старца была мирная и вместе величавая, как и вся жизнь угасшего праведника. Питая глубокую сердечную веру к Царице неба и земли, он отошел и в обители вечные в предпразднование всечестного Ее Рождества.

9 сентября

Сегодня получено с почты письмо Митрополита Филарета.

«Мир вам от Господа!

Что скажет немощный духом, смотря на подвижника страждущего телом, но не изнемогающего духом? Потерпи Господа, отче, мужайся и да крепится сердце твое.

Но, Господи, аще и неподвизавшихся и прещения достойных милуеши, облегчи подвизавшегося Тебе ради. Если и праведно ему желати разрешитися и с Тобою быти, но и еще пребыти во плоти не благопотребно ли есть многих ради? Призри на сих и еще им даруй его.

Обаче Ты един веси лучшая и даруеши полезнейшая. Твоя да будет воля, и Тебе слава во веки. Аминь».

С тою же почтою было получено письмо и от лечившего Старца доктора. Письмо это замечательно тем, что писавший не принадлежит к Православной Церкви.

«Только теперь, — пишет он, — могу сказать, что видел человека, говорил с человеком. Не знаю, почему я прежде его не видел, а 18 лет знакомства, кажется, могли открыть глаза. Вот как трудно видеть совершенство, а достигнуть до совершенства, я думал, не в натуре человека... Представьте себе теперь мое положение: увидеть человека таким, каким он должен быть!.. Так нечаянно увидеть живой образец человека потрясло меня. Ах! почему вы прежде не открыли глаза мне?.. Сохрани нам, Господи, жизнь о. Макария. Но сердце говорит да и ум, что такой человек есть жилец другого міра: мы недостойны иметь его».

В два часа пополудни тело усопшего о Господе было перенесено из скитской церкви в монастырскую при огромнейшем стечении народа.

10 сентября

Ни запаха, ни признаков тления, несмотря на теплую погоду, от преподобнических останков старца Макария.

После поздней Литургии, которую служил о. архимандрит Моисей с шестью иеромонахами, и по отпевании, им же совершенном с четырнадцатью скитскими и монастырскими иеромонахами, взятое от земли предано земле. Вечная память, вечная память, вечная память почившему праведнику!

Октябрь

Что потеряли мы в почившем Старце, про то знает наше монашеское сердце. Но что в нем утратил мір в тех, по крайней мере, его представителях, чье сердце еще сохранило способность воспринимать истину, — показывает лежащая предо мною рукопись, составленная одним высокоименитым духовным сыном почившего батюшки о. Макария и присланная в обитель нашу с тем, чтобы испросить у о. Архимандрита благословение на ее напечатание.

«Пусть извинят меня, — так пишет автор рукописи, — если начало рассказа моего покажется кому-либо несколько далеким от дела. Я не могу не начать его так: мне нужно показать, что послужило мне поводом к знакомству с одним из великих старцев Руси Православной, который стал впоследствии моим наставником в деятельности христианской, моим отцом духовным, усердным молитвенником пред Богом, у престола Коего предстоит он в венце праведника...

Итак, несколько слов о самом себе.

Я — русский помещик и, по милости Божией, женат. Оба мы получили современное образование; но, воспитанный покойною моею матерью в православии, я уберег в душе моей искру страха Божия, и ни студенческая жизнь, ни гусарская служба, ни столичные развлечения не погасили ее во мне. Правда, подобно другим, и я редко посещал храмы Божии, забывал утренние и вечерние молитвы, любил

театры и разные другие общественные увеселения; но бывали минуты, когда в душе моей неотразимыми упреками заговаривала совесть, и я, с глубоким вздохом сокрушения о моем окаянстве, обращал мысль мою к Тому, Кто сказал: «Не хощу смерти грешника, но еже обратитися и живу быти ему».

Однажды случилось мне проехать по делам своим в разные места. Это было в сырую и пасмурную осень. Грязь была невылазная, к тому же положение дел моих не слишком радовало меня; естественно поэтому, что я был в самом дурном расположении духа. Жена, встретив меня на пороге моего дома, сказала, что к нам собралось несколько знакомых. Не до них мне было; но делать нечего, я переоделся и вышел в залу. Поздоровавшись с гостями и усевшись вокруг кипящего самовара, мы повели разговоры о сене, о гречихе и других подобных предметах, «вызывающих на размышление». Беседа наша час от часу становилась шумнее; посыпались анекдоты и рассказы про разные деревенские случаи... Вдруг докладывают, что в прихожей дожидается какой-то монах. После нескольких секунд колебания решено было принять нежданного гостя. Вошел инок и, помолясь пред иконами, объявил, что он — иеродиакон Оптиной Пустыни, К. После обычных приветствий он объяснил причину своего приезда, что-де послан от обители для сбора доброхотных подаяний на нужды монастырские. Было уже поздно. Я и жена предложили ему переночевать; он согласился. Затем мы стали

продолжать прерванную беседу и скоро вошли в обычную колею толков и пересудов. Нас немного стесняло присутствие монаха, и потому мы старались вести речь больше на французском языке. Монах молчал. Чувствуя неловкость нашего положения, мы пробовали как-нибудь втянуть в общий разговор и гостя. Как там оно случилось, не помню, но только речь наша коснулась вопросов религиозных; поднялись сначала легкие, а потом и более серьезные споры. Монах все молчал. Наконец, когда я, чтобы прекратить неуместную полемику, заговорил несколько в тоне поучительном, гость прервал свое молчание. Частью из любопытства, частью из учтивости все наше общество перестало спорить и внимательно прислушивалось к скромной и простой речи инока. Довольно говорил он; откланявшись затем, он вышел от нас в отведенную ему комнату. Мы тоже недолго оставались вместе: через час каждый из нас отправился с думами, далеко не теми, какие были у всех при начале вечера.

На другой день инок, получив от нас посильное приношение, уехал.

К завтраку мы собрались, как и накануне, целым обществом; но уже не тот был у нас разговор: все как-то не вязалось, не клеилось. Пробужденная простым, но сильным словом инока совесть не давала покоя; что прежде нам казалось пустым и ничего не значащим, то теперь для нас получило смысл и выпукло стало пред открывшимися нашими внутренними очами — по крайней мере, так чувствовал я.

До борьбы с грехом было еще далеко, но сознание своей порочности уже явилось; образ жизни пошел по-прежнему, но спокойствие духа уже было нарушено.

На следующий год опять посетил нас тот же о. К. Мы обрадовались ему, как давно знакомому, и упросили пробыть у нас целый день. Мы и не заметили, как прошел этот для нас прекрасный день: так много было сладостного в беседе человека, напитанного духовною мудростию опытных подвижников жизни духовной. Очень естественно, что мне и жене моей захотелось побывать в Оптиной Пустыни и познакомиться с тамошними подвижниками, особенно со старцами: иеромонахом Леонидом (Львом) и иеромонахом о. Макарием, о которых о. К. рассказывал нам много интересного. Впрочем, проект наш на этот раз остался только проектом. Уже на другой год мы с женой исполнили наше сердечное желание и прибыли в Оптину Пустынь, помнится, в конце сентября.

Остановившись в монастырской гостинице, мы послали за нашим знакомым, о. К. Он не замедлил явиться и, повидавшись с нами, пошел и привел с собою о. Макария.

Первая наша встреча со Старцем, против нашего ожидания, не имела ничего особенного. Припоминая себе рассказы о. К., мы думали встретить подвижника с особенным выражением в лице, с особенными приемами; оказалось, что это был простой, обыкновенный монах, чрезвычайно скромный, неразговорчивый и к тому же косноязычный. Я положительно был

разочарован; но жена моя, несмотря на свою светскую бойкость, с первого раза почувствовала какой-то безотчетный страх, смешанный с благоговением; а в следующие его посещения привязалась к нему всей своей душой.

Отговев и приобщившись Св. Таин, мы возвратились в деревню, а через несколько времени выехали в Петербург.

Это была пора, или, как говорят, сезон общественных увеселений. Спектакли, балы, маскарады, вечера не давали отдыха великосветским людям. Не каждый день, но, однако ж, и мы посещали театры, бывали на балах; только странное дело! — как-то неспокойна была совесть, и звон колокола, благовестившего ко всенощной, пробуждал в душе чувство, похожее на стыд и угрызение, когда, бывало, уже порешено было нам ехать на балет или в оперу. Нарушение поста тоже перестало нам казаться делом неважным: мы начинали понимать, что живем не так, как того требует Православная Церковь. Пред встревожными взорами души неотразимо стоял Старец со своим тихим, спокойным взором, со своею умоляющею речью...

В следующую осень мы опять посетили Оптину Пустынь. Отец Макарий был уже обходительнее и откровеннее с нами. Он подробно расспрашивал нас о нашем житье-бытье, говорил о Петербурге и встречающихся в нем на каждом шагу искушениях. Когда я признался в смущениях, которые так безотвязно преследовали меня среди столичных развлечений, отец

Макарий заговорил так, как никогда до того не говорил с нами. Жадно ловили мы каждое слово подвижника и, по уходе его, соревнуя друг другу, записали чудную речь Старца Божия.

— Всяк человек, — говорил о. Макарий, — создан для того, чтобы, живя, славить Бога. Создан он хорошим; но, по времени, увлекаемый телесными страстями, ниспадает в состояние греховное; однако никогда не поздно всякому грешнику стараться возвратить себе первобытное состояние.

Покаяние и старание исполнять заповеди Божии — вот вернейший путь к милосердому Господу для каждого.

Христианину обязательно ежечасно обращаться к Богу и полагать начало исправлению своего духовного бытия.

Никто не должен смущаться своим греховным состоянием: «Несть человек, иже поживет и не согрешит»; и чем греховнее человек, тем сильнее будет помощь Божия для изведения его из тины греховной. Но помощь Божия бывает тогда лишь, когда грешник с сокрушением сердца кается, имеет произволение исправиться и, не видя в себе столько сил душевных, чтобы самому собою отторгнуться от дел греховных, ищет помощи Божией. Тут-то часто бывает *видимое* милосердие Господа, «не хотящего смерти грешника, но еже обратитися и живу быти ему». Но ни в каком случае не должно ни на минуту отлагать начало своего исправления; и ежели голос совести возбуждает в нас чувство угрызения или раскаяния, то

должно усердно молить Ангела-хранителя жизни человеческой, да сохранит он нас от тлетворных падений и да поможет нам «работати Господеви со страхом и трепетом...»

Как, однако же, вяло слово человеческое, когда оно укладывается в размеренные строки и обусловленные знаки, прозванные буквами!.. Доселе чувствуется в сердце та невыразимая сладость, та непобедимая сила речей о. Макария, которыми он тогда потряс все существо наше... Вся пошлость жизни светской встала перед нами во всем своем безобразии; в груди стало тесно от накопившихся слез, которые неудержимо потекли потоком из глаз моих. Да, мы плакали! и сладки были эти слезы глубокого раскаяния в грехах!.. Отец Макарий утешал нас словами Священного Писания и писаний отеческих. Боже мой! Как много было в речах его врачующей елейности, какая чудная заря невечернего дня Христова поднималась тогда из-за туч нашей грешной души!..

О. Макарий посоветовал нам поговеть и, благословив нас, пошел в другие номера гостиницы для назидания и поучения посетителей, которые жаждали его внушающего слова. Мы сами видели, как встречали его на дворе гостиницы: ему кланялись в ноги, теснились, чтобы принять благословение и крестились от радости, получив его.

Во все время приготовления нашего к исповеди и Св. Причащению Старец ежедневно навещал нас и назидал духовно. Мы раскрывали перед ним все наши помышления... Как-то раз

зашла у нас речь о постах. Признаться, я боялся сказать ему о виновности своей в этом отношении, опасаясь услышать строгий выговор за нарушение постановлений Церкви. Вышло совсем не так. Отец Макарий кротко заметил нам, что это дурно, нехорошо, что в Церкви на то и существуют разные постановления, чтобы мы, как дети ее, соблюдали их со всею строгостью; что они обязательны для всякого, невзирая ни на какие условия обыденной жизни; все это он говорил так мягко и ласково, что у меня явилась смелость спросить его:

— А можно ли, в случае нужды, например: в дороге, в гостях, вообще, где неудобно найти постную пищу, разрешать на скоромную?

О. Макарий, улыбнувшись, отвечал мне на это:

— Могу ли я — иеромонах — разрешать то, что запретила Церковь? Нет, я бы просил вас, хоть из любви ко мне, начать соблюдение постов.

Мы решились послушаться. Сначала трудненько было, а потом привыкли и теперь, благодаря Бога, не чувствуем в этом никакой тягости.

Разговаривая с о. Макарием, я как-то сказал ему, что живя и вращаясь в свете, случается, что вдруг, ни с того ни с сего, понравится какая-нибудь девица; слово за слово и привяжешься к ней, да так, что после находишь необходимым из опасения ревности скрывать это от жены; даже на молитве и в храме Божием все думаешь о ней да о ней. Конечно, с

течением времени эта привязанность сама собой проходит и забывается, а все-таки...

— Да, — со вздохом сказал о. Макарий, — вам, людям светским, такая ветреность кажется пустою, незначущею; а между тем в ней кроется страшное зло, влекущее за собою бездну бед и напастей и окрадывающее вашу духовную сокровищницу. Спаситель прямо говорит: «Всяк, иже воззрит на жену, во еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердце своем». Видите, вы только взглянули с вожделением, а грех уже совершен и заповедь Господня нарушена. А с житейской-то точки зрения — сколько горьких скорбей влекут за собою подобные пристрастия! Вот вы теперь, как я вижу, живете счастливо и покойно в вашем семейном быту, любите вашу жену, и она вас любит, откровенны вы с нею; вы имеете в ней друга, который искренно участвует в ваших скорбях и радостях; а лишь только в сердце ваше проникнет помысл об измене — искуситель тотчас схватится за него и повлечет вас с такою силой, что трудно уже будет остановиться и воротиться к священному вашему долгу. До падения тут уже недалеко; а совершись оно — все тогда расстроилось! В жене вашей, если она верна вам, вы будете иметь скорее врага, чем друга; вместо любви вы начнете питать к ней ненависть; вместо утешения вы будете видеть в ней помеху удовлетворению вашей грубой нечеловеческой страсти; вы и не заметите, как станете беззаконным врагом вашей законной супруги, что за горькая будущ-

ность такой жизни! Но это еще здесь; а что там, за гробом!.. Страшно... страшно грешнику впасти в руце Бога Живаго!

— Научите же, батюшка, — сказал я, — как сохраниться от страстных увлечений вообще, и от соблазняющих помыслов дома на молитве и даже в церкви?

— Начало всех этих искушений, — отвечал Старец, — есть гордость. Вообразит себе человек, что он живет благочестиво, нимало не рассуждая о своей греховности, да еще иногда и осуждая других, — вот Господь и попустит действовать на него козням врага... Будьте внимательны к своему образу жизни, поверяйте вашу совесть, — и вы всякий раз невольно будете приходить к тому убеждению, что вы еще ни одной заповеди не исполнили, как следует христианину. Рассуждая таким образом, вы ясно увидите ваши немощи душевные, которые влекут за собою и плотские падения. Чтобы избавиться от этих падений, должно приобрести смирение. Что же касается до греховных помыслов в церкви и дома на молитве, то этим смущаться не должно, ибо это происходит не от вас, а от врага; вы же старайтесь не коснеть в этих помыслах, а скорее обращаться к Богу с молитвою: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного! Вот вам пример: когда родители идут с маленькими детьми своими гулять, то обыкновенно детей пускают вперед, чтобы не выпускать их из виду; вдруг откуда-нибудь из-за угла выбежит собака и бросится на детей, — что делают дети? Сейчас же

кидаются к родителям с криком «Папа! Мама!» Они с детскою простотой и чистою верой ожидают помощи от родителей. Так и вы на пути вашей временной жизни, ежели искуситель ваш диавол и начнет кознидействовать, не смущайтесь и отнюдь не помышляйте обходиться своими собственными средствами, но с детскою простотою спешите к Отцу Небесному с воплем: Господи, я — создание Твое, помилуй меня!.. Наконец, скажу вам и то, что, по моему разумению, трудно сохраниться от соблазнов жизни, живя в больших городах. Как устоять человеку, еще слабому в духовном делании, против искушений современного света? Заметьте, что настоящее светское общество состоит частью из людей иноверных, частью из христиан хотя и православных, но, по слабости их, так увлеченных обычаями света, что они православные лишь по имени, а в сущности далеко уклонились от истинного Православия. Трудно бороться со страстями, но несравненно труднее устоять против постоянных соблазнов. Наконец, роскошь, следование за модой, самые потребности жизненные — все это так дорого, что какого хотите состояния мало для удовлетворения всем требованиям света. Вот вы сами говорите, что ваши денежные дела в расстройстве; а как поживете подольше в деревне, средства-то ваши и поправятся. Да это ли одно! Душа человеческая, как существо бессмертное, не может оставаться в одном и том же положении: она или улучшается, или ухудшается; очень немудрено, что при тихой деревенской

жизни — конечно при помощи Божией — и духовное ваше устроение должно хоть сколько-нибудь улучшаться.

И много говорил мудрый Старец такого, что глубоко запало в душу, жаждущую слова правды. Никогда в жизни моей не ощущал я такого усладительного спокойствия, как в эти незабвенные минуты с благодатным подвижником; все помыслы стремились к одному твердому намерению — положить начало жить, как следует православному христианину. Слова Старца, как роса небесная, ложились на иссохшую землю сердца, и чуялось, как внутри его начинало прозябать зерно сладкого упования, что и для меня не закрыт путь спасения, путь к блаженной жизни, что и я могу быть христианином не по одному названию. Я намеревался совсем покинуть зимние поездки в города, потому что после этих собеседований и мне, и жене моей решительно опротивела шумная городская жизнь. Мы как будто в первый раз увидели логичность той простой истины, что гораздо будет разумнее привести в порядок свои дела и, вместо того чтобы проживаться, например, в Петербурге, иногда пополам с нуждою, жить безбедно и даже со всеми удобствами в деревне.

В таком настроении чувств и мыслей воротился я домой, усердно занялся хозяйством и стал жить, следуя по возможности советам о. Макария.

Наступили Филипповки. Я стал строго содержать пост; но, увы, похотствующая на дух

плоть скоро взбунтовалась против святого постановления Церкви. Сначала — колебание, потом разные думы и размышления, наконец даже — досада на Старца Божия, возмутившего, как мне казалось, спокойствие моей совести, — все это решительно расстроило меня. В таком раздраженном состоянии духа я както резко сказал жене, что мне надоело жить в деревне, что, собравшись с деньгами, я положил ехать в Петербург, куда, действительно, меня звали родные. Жена выслушала меня спокойно, но потом мало-помалу принялась отсоветовать мне поездку; она умоляла меня хоть на этот раз послушаться Старца. Но я таки настоял на своем и сказал решительно, что едем в Петербург в первых числах декабря.

Оставалось дней пять до отъезда; мне что-то не поздоровилось. Вообразив себе, что это от постной пищи, я приказал готовить себе скоромную. Но в первую же ночь после нарушения заповеди, когда все в доме угомонилось, оставшись один, я почувствовал какое-то беспокойство, похожее на угрызение совести: самовольное разрешение на скоромную пищу, а, главное, ропот на о. Макария и преслушание любвеобильного его совета преследовали меня неотразимо. Я не спал почти всю ночь. Утром я рассказал об этом жене; она снова начала упрашивать меня отложить поездку; но опасение показаться бесхарактерным не позволяло мне согласиться на ее представления. Кончилось тем, что после долгих споров мы положили послать нарочного в Оптину Пустынь с письмом к о. Ма-

карию и просить его благословения на поездку в Петербург, объяснив и причину тому. Я принялся писать; но странно, — вместо того чтобы приступить прямо к делу, я, по какому-то неудержимому чувству своей виновности, писал вовсе не то, что думал писать, принимаясь за перо. Вот что написал я:

«Долго думал я, как начать письмо мое к вам, благодетель и покровитель души моей, батюшка отец Макарий! Случалось мне красно выражаться в сочинениях светских, но недоумею выразить того, что чувствую в настоящую минуту. Умоляю вас принять и обратить внимание на мое послание. Виноват пред вами, виноват пред Господом: простите ради милости христианской! Свежо сохраняются в памяти моей ваши благие советы, но, увы, почти ничего из них не исполнено. Очень горько мне, и крайне смущает меня, что не исполнил я ваших приказаний. Я со страхом решаюсь писать к вам, но письмо мое состоит из верного описания моих греховных действий и помышлений. Я по делам моим решился ехать в Петербург без вашего благословения; я сетовал на вас, что вы не советуете поездки в столицы. Наперед прошу вас простить меня, как наигрешнейшего сына Церкви. Сознаюсь вам, я и теперь боялся писать вам о неисполнении советов ваших, даже тяготился ими, помышляя так: ведь я — не монах, не могу оставить міра. Наконец, и теперь меня не оставляет мысль, что вы воспретили мне поездки в столицы и мирские увеселения. Все описанное сильно тревожит

мою грешную душу, но более всего боюсь что-либо утаить от вас...»

Письмо мое было наскоро переписано и отправлено.

Когда нарочный уехал, я стал перечитывать черновик письма и пришел в необыкновенное смущение. Мне сделалось так досадно на себя, и на жену, и на о. Макария, что я готов был послать в погоню за нарочным и воротить его, и послал-таки, но посланный воротился ни с чем. Я был просто вне себя от досады и тогда только успокоился, когда получил от о. Макария ответное письмо. Вот оно:

«Достопочтеннейший о Господе!

В письме вашем сознаете в некоторых случаях неисполнение должного, называя оное моим приказанием. Но что я значу и могу ли что кому приказывать? Да без вопроса не могу никому и ни о чем советовать; а кто о чем вопрошает меня, я, молясь тогда, призываю Бога в помощь, что кому и как должно говорить, но не приказывать, а давать советы, согласно с заповедьми Божиими и постановлениями Церкви. За неисполнение оного я не могу требовать отчета или взыскания, ибо я не о себе советую, а всякий должен поверять свою совесть, в чем согрешит пред Богом, и приносить раскаяние с намерением положить начало ко исправлению. Вы боялись мне сознаться, помышляя, что вы — не монах и не можете оставить міра и что я воспрещу вам поездки в столицы и мирские увеселения. Это как же? Какое право я имею воспрещать вам? Но дол-

жен сказать не как монаху, а как христианину, учение св. апостола: «Аще кто хощет быти друг міру, враг Божий бывает»; и паки: «Не любите міра, ни яже в міре; аще кто любит мір, несть любле Отчи в нем, яко все, еже в міре, похоть плотская и похоть очес, и гордость житейская: несть от Отца, но от міра сего есть». Видите, что есть мір, которого дружба поставляет на вражду с Богом; *не люди, но страсти, которым мы подвергаемся из подражания міру и свету.* Не подумайте, что, написав вам это, воспрещаю вам обращаться с міром, но я только предлагаю вам учение апостолов в предосторожность. Вы имеете самовластие, разум и закон: могу ли я посудить самовластие, разум, рассуждение и волю? А вы можете избирать, что хотите — благое или сопротивное».

Прочитав несколько раз письмо Старца, я не знал, что предпринять; но когда мысли мои пришли в нормальное состояние, взволнованный дух успокоился, тогда я взвесил на весах моего разума истины, предложенные о. Макарием. Какая логически верная правда, что суетная дружба с міром поставляет нас во вражду с Богом! Очень ясно, что не люди, а страсти наши, которым мы так легко подвергаемся из подражания свету, беспрестанно увлекают нас к падению. Кто из нас, поверив свою совесть, не сознается, что если не совсем невозможно, то очень трудно удержаться от подражания светским, не совсем-то православным обычаям! Возможно ли сохранить чувство целомудрия в обольстительно-изящном балете? Явится

ли сокрушение духа после крикливой оперы или смирение — после потешного водевиля?.. Соображая все это, я чувствовал, как сердце мое сжималось тягостною тугою; во взволнованной душе поднимался вопрос о смертном часе: ужас объял меня, и я «чаях» только «Бога, спасающаго мя от малодушия и от бури». Вспомнились мне в эти минуты слова Старца о детях, гуляющих под призором родителей, и, смущенный духом, я думал с детскою простотою обратиться к Богу с испрошением Его помощи. Но где же взять простоты детской? Она чужда растленному человеческому сердцу; она подавлена кичливым разумом и безмерным самолюбием... Делать было нечего: приходилось обратиться к смиренной мудрости Старца Божия. Мы так и сделали: вместо поездки в Петербург отправились в Оптину Пустынь.

С каким-то замиранием сердца въехал я на двор монастырской гостиницы. Было около трех часов пополудни. Лишь только отвели нам квартиру, вошел к нам о. Макарий, бывший на ту пору в гостинице. Благословив и приветствовав нас, он сказал шутливым тоном:

— Видите, какой я страшный! Вы за сто верст и то меня боитесь. А я, ежели правду сказать, радуюсь и благодарю Бога за вас; ведь вы не меня боитесь, а вас пугает, что живете-то нехорошо. Не смущайтесь, однако ж, этим: Господь вам поможет. Полагайте начало вашего исправления. Имейте только произволение благое, а уж Господь устроит ваше спасение. А ежели я неискусен и не сумел вас научить

так, чтобы вы не смущались, то в этом простите, Бога ради, и не посетуйте на меня: ведь я тоже человек, как и все люди, даже грешнее многих, очень многих. Ежели и вы что-нибудь помыслили, или сказали обо мне что-либо худое, то забудьте и не думайте об этом. Мы — христиане: каждый из нас обязан, прощая друг другу, понести немощь братскую, по словам апостола: «Друг друга тяготы носите, да тако исполните закон Христов». Успокойтесь, прошу вас, и будьте мирны.

Поговорив еще немного, отец Макарий ушел. Оставшись один, я подумал: что за чудеса такие! Несколько недель душа моя была в беспрерывном волнении, мысли беспрестанно менялись и порождали в сердце то злобу, то досаду, тоску, беспокойство, — и вдруг, после его ласковых, исполненных христианской любви слов, вся это буря духовная миновалась... Неужели это от воображения? Отчего же, однако, никто другой никогда не влиял на меня так, как этот простой монах? Ведь это ж не сказка, что я назад тому сряду несколько недель был нездоров душою, почти ни одной ночи не спал покойно, — и вот теперь чувствую, как будто на свет народился. Нет, поневоле придешь к тому убеждению, что тут есть Божественная благодать, всегда «немощная врачующая», что она уврачевала меня, при молитвенной помощи Старца, что вместе с ним явилась ко мне всесильная помощь Божия и изгнала из души моей скорбь, замирание сердца заменила какою-то тишиною, пролила во все существо

мое легкость, мир и спокойствие. «Нет, Старец Божий! — сказал я решительно. — Теперь уж не отстану от тебя и, насколько сил хватит, буду исполнять все твои советы!»

В течение нескольких дней, проведенных нами в Оптиной Пустыни, вот что преимущественно сохранилось в моей памяти.

Когда у нас зашла речь о последнем письме Старца, по которому я и приехал в обитель, о. Макарий сказал:

— Помните, — я писал вам, что вы имеете самовластие, разум и закон. Рассудите здраво: вам дана воля жить, как вы хотите; дан нам всем закон, как обязаны мы жить и, наконец, — разум, чтобы понять закон и видеть, как управляем мы нашею волею: сообразны ли с уложениями закона по воле нашей творимые дела? Что преобладает в нас: твердое ли намерение исполнять заповеди или лукавый и вместе с тем заманчивый соблазн житейских наслаждений? Кто в состоянии сам собою устоять против искушений вражиих? Кто, плывя по житейскому морю, не знает бурных напастей на зыбких волнах? А между тем каждому из нас надо стремиться к тихому пристанищу, возводящему от тли к Господу, Который призывает всех труждающихся и обремененных, обещая упокоить их. Помните, что все мы здесь временны, и никому не известно, когда мы предстанем пред Господом славы; но ведайте, в чем нас застанут, в том и судить будут; и ежели мы наше самовластие употребим во зло и разумную волю нашу не покорим закону, повторяю —

страшно будет грешнику впасти в руце Бога Живаго... Не подумайте, чтобы я предлагал вам убегать общения со светом или чуждаться знакомства с добрыми и хорошими людьми, — нет: всякий человек должен жить там, где Господь определил ему жить. Вы — человек светский, вы — член вашего общества; не чуждайтесь же его, но старайтесь жить благочестиво, никого не осуждая, всех любя; во всех житейских столкновениях укоряйте себя, стараясь извинять другого. Если же вас кто чем оскорбил, то помышляйте, что это попущено Богом, дабы испытать, насколько велико ваше христианское терпение. Поминайте чаще величие Божие и свое убогое ничтожество; будьте внимательны к своему деланию и не допускайте в себе мысли о вашем достоинстве, подобно фарисею, но почаще повторяйте молитву мытаря; читайте книги старческие; выпишите себе духовные журналы — это будет занимать вас и утверждать в духовном делании.

Когда я обжился в деревне, — так продолжает автор рукописи, — и познакомился ближе с соседями, прошел слух, что меня хотят назначить на службу по выборам. Крепко мне не хотелось закабалить себя на несколько лет, не предвидя в этом ничего, кроме стеснения в жизни и лишения себя свободы. Увидавшись с о. Макарием, я обратился к нему с вопросом, как он мне посоветует поступить в этом случае.

— Не должно искать или просить, — отвечал он, — чтобы вас избрали на какую бы то ни было должность, но ни в каком случае не

должно и отказываться, ибо не совсем добросовестно уклоняться от служения обществу тем более, что ежели жребий служения падет на вас, то это, конечно, не без Промысла Божия, которому каждый из нас смирением и любовию должен покоряться. Наконец, ежели никто из благонамеренных и способных людей не захочет служить, то поневоле место его займет какой-нибудь малознающий или, того еще хуже, человек с малыми средствами к жизни, который иногда будет не в силах устоять против искушений денежных, могущих встретиться на службе: вами же выбранный человек начнет брать взятки, судить пристрастно, — а вы приметесь его бранить, осуждать да сердиться на него, — а кто виноват? Вы сами, потому что ленитесь служить, тогда как имеете все средства к тому, чтобы удержаться от каких бы то ни было незаконных доходов. Ведь вас не соблазнит мшелоимство? — спросил он, устремив на меня свои добрые, в душу проникающие очи, — не правда ли?

— Конечно, — отвечал я, — лично для меня это неопасно. Бывши в гражданской и военной службе, я никогда не имел никаких доходов; убежден и теперь, что никогда и впредь их иметь не буду.

— Ой, как вы нехорошо говорите! — почти с гневом перебил Старец, — какие у вас горделивые мысли! Как можно так самонадеянно говорить? Неужели вы не знаете примеров, что бывали люди, о коих общественное мнение говорило, что они, в строгом смысле, чест-

ны, — и неошибочно было это мнение: они, действительно, были безукоризненно честны; но когда доверили их распоряжению большие суммы, то тут-то лукавый и попутал их, — горделивое самолюбие сказалось: страстная привязанность к житейским наслаждениям искусила их слабые души. Конечно, не без труда и не без угрызения совести решились они поклониться тельцу златому, как средству для удовлетворения своих страстей. И пали они оттого, что их честность была основана на одном лишь самолюбии: они были самонадеянно честны и притом боялись только света, не помышляя о будущей жизни и об ответственности пред Всеправедным Судией живых и мертвых... Вам советую я о своих намерениях рассуждать без самонадеянности, но со смирением. Понятно, что вас не соблазнят сто рублей или тысяча, положим, даже более этого, потому что, по вашему состоянию, подобная сумма не так еще важна; а ежели бы представился вам случай приобрести мильон, несколько мильонов, и приобрести их с надеждою — авось не узнают, — что бы вы сделали? Я вам на это отвечу так: ежели обратитесь ко Господу, то Он поможет и сохранить вас от постыдного падения; а ежели понадеетесь на себя, то весьма немудрено, что впадете в преступление, от чего да сохранит вас Господь Бог и Царица Небесная!..

Раз как-то сказал я о. Макарию, что ко мне заехал монах со сбором на монастырь, что он держал себя неприлично своему званию, и манеры его были для меня так неприятны, что

я рассердился и с трудом удержался, чтобы не высказать ему этого. Отец Макарий задумался и потом сказал:

— Попал к вам в гости наш брат монах и держал себя неприлично своему званию — жалко его! А все-таки это случилось не без Промысла Божия, путеводящего всех нас. Почем вы знаете — может быть, Промысл завел его к вам, чтобы испытать, насколько у вас христианской любви и снисхождения к впадшему во искушение человеку? Подумайте-ка хорошенько: ваше ли дело осуждать его? Конечно нет. Ваша обязанность — странного принять, упокоить его да, по силе возможности, подать ему. Знаете ли вы, что ежели вы принимаете пришедшего к вам во имя праведника, то и мзду праведничу приимете; ежели — монаха, носящего на себе чин ангельский, достодолжно примете, то и за это мзды не лишитесь. А что монах чин свой носит неправедно, в том за него ответствовать не будете; да притом, вы видите только, как он погрешает, а известно ли вам, как он кается? Быть может, его раскаянию и Ангелы Божии радуются...

Бывая в Оптиной Пустыни, я познакомился с одним из духовных детей о. Макария. Знакомцу моему случилось по делам своим заехать в нашу сторону. Верстах в тридцати от нашего имения он захворал. Узнав об этом, я тотчас же навестил его, ухаживал за ним как нянька — словом, употреблял все средства, чтобы быть ему полезным. Больной трудно поправлялся и по приговору медиков едва ли должен был встать с

болезненного одра. Но к общему удивлению он выздоровел и, приехав ко мне, вместо благодарности, наговорил и наделал мне кучу неприятностей. Я страшно рассердился и если не наговорил ему дерзостей, то только из приличия и из опасения не наделать какого-либо скандала.

Увидавшись с о. Макарием, я рассказал ему все, что случилось, и горько жаловался на моего знакомца, не стесняясь нимало в излиянии своего гнева. Отец Макарий все слушал да молчал. Мне стало досадно; замолчал и я.

— Действительно, — сказал о. Макарий с обычной ему скромностью, — этот человек немного неосторожен, даже неучтив иногда; но что ж мне с ним делать? Видите, каковы у меня духовные дети! Я иногда тоже бываю немирен к нему и даже часто браню его. Что ж? и меня иногда не слушается. Сколько раз я выговаривал ему за то, что он без толку ездит и каждый год испортит или совсем загонит несколько лошадей. Ведь это тоже нехорошо, — говорю ему; а он противоречит. Погодите: вот как он ко мне приедет, я поговорю с ним, и, ежели Господь поможет, вы помиритесь. А вам теперь советую умирить ваш гнев и поговеть. Это дело будет полезней для души вашей.

Я начал говеть; а через несколько дней приехал и оскорбивший меня оптинский мой знакомец. Когда я пришел к о. Макарию принять от него прощение и благословение к исповеди, Старец сказал:

— Да ведь вы еще немирны к такому-то. Как же вы приступите к таинству покаяния и

причащения, не примирившись со всеми? Я прошу вас: докажите мне на деле, что у вас есть желание приобрести смирение: смиритесь и попросите прощения у оскорбившего вас.

Трудно было совладать с оскорбленным самолюбием. Я несколько минут колебался, но потом увидал, что делать было нечего: надо было покориться Старцу. Впервые в жизни пошел я просить прощения у человека, оскорбившего меня; но когда я вошел к нему и поклонился, он так смутился, что мне стало жаль его. Мы обнялись с ним и поцеловались лобзанием мира. С необыкновенною радостью в сердце я возвратился к батюшке.

— Спаси вас Господи за ваше ко мне послушание! — сказал Старец, когда я ему поведал все бывшее между нами. — Вот теперь идите исповедаться: Бог вас благословит!

По принятии Св. Таин я еще несколько дней оставался в Пустыни и при разговорах с о. Макарием сказал как-то:

— Отчего вы, батюшка, в ту пору как я жаловался на такого-то, не укорили меня, а напротив, даже сами осуждали его, принимая мою сторону?

— Да, — отвечал Старец, — я согрешил в этом, что осудил брата моего; но что ж мне было делать? Если бы я тогда начал укорять вас, — очень немудрено, что вы и против меня стали бы немирствовать. Ведь огонь маслом не тушат. Когда человек немирен, то противоречие только раздражает его. Должно дать место гневу. А когда бурное состояние позатихнет,

мир начнет водворяться в душе его, — тогда можно и совет предложить, который гораздо вернее подействует и примется с большею любовью. И вам советую в подобных случаях быть осторожным: человека, в гневе сущего, не укоряйте, не обличайте и не спорьте с ним, а лучше оставьте его в покое. Будьте только внимательны к самим себе, чтобы не впасть в немирствие, и когда чувствуете, что сердце ваше раздражается, то поминайте мысленно молитву Иисусову и старайтесь положить хранение устом своим.

В течение нескольких лет знакомства моего с Оптиной Пустынью и руководства о. Макария я начитался и наслушался многого из Священного Писания и от старческих книг. Свойственное мне самолюбие родило во мне охоту вести религиозные разговоры в обществе разнородных людей, иногда вступать в споры, с желанием поставить на своем. Когда я встречал сопротивление, то я раздражался и выходил из себя. Однажды я рассказал об этом отцу Макарию, — и вот что отвечал мне на это:

— Ежели вам случится сойтись с людьми единомысленными, то отчего же не говорить о религии? Этот разговор несравненно лучше и приличнее для христианина, чем какое-нибудь празднословие и пустословие. Почему не послушать духовно-разумную речь благомыслящего человека или отчего не передать того, что вы сами знаете? Но если возникнет спор, то гораздо разумнее избегать его, по учению апостола, воспрещающего словопрение, потому что оно

служит «не на потребу, а на разорение слышащих» (2 Тим. 2, 14). В этом случае лучше прекратить разговор, но и то разумно, с смиренномудрием, — или переменив предмет рассуждения, или постепенно выйдя из него, — но не заключать разом, как бы внезапно, ибо такое молчание легко может в спорящих породить такую мысль, что вы пренебрегаете их образом мысли или что вы не хотите с ними говорить, считая их недостойными вашего разговора. Во всяком случае, должно стараться всякого человека умиротворять, а не вовлекать его в страсть гневную. *Ведайте и то, что для противоречащего поучение бесполезно, ибо поучается лишь тот, кто желает и ищет поучения.*

Много бы и еще можно было поведать назидательных речей и уроков в Бозе почившего старца Макария, но довольно и этих, чтобы видеть всю духовную мудрость и опытность человека Божия[1].

Постараюсь, насколько сумею, очертить общий характер его наставнической деятельности.

Что ни предлагал бы старец о. Макарий, он всегда ставил в главизне своих советов — смирение: из этой добродетели он выводил все прочие добродетели, составляющие характеристику истинного христианина. Поверять свою совесть, быть в постоянной борьбе с своими страстями, очищать душу от грехов, любить

---

[1] Эта опытность и мудрость с особенной силой сказалась в письмах старца Макария к монашествующим и мирским, изданных Оптиной Пустынью.

Бога в простоте сердца, веровать в Него без рассуждения, беспрестанно иметь пред собою Его милосердие беспредельное и всеми силами души своей хвалить и благодарить Его; во всех неприятностях жизни искать вину в самом себе и всякую вину ближнего против нас прощать, дабы исходатайствовать тем у Бога прощение своих грехов; стараться водворить в себе любовь к ближнему; хранить мир и спокойствие в своем семейном кругу; чистосердечно участвовать как в радостях, так и в скорбях всех своих домочадцев и всех знакомых; вспоминать почаще заповеди Божии, стараться исполнять их, равно как и постановления церковные; если возможно, несколько раз в год говеть и причащаться Св. Таин; соблюдать все четыре поста, а также — среду и пятницу; каждый праздник бывать у всенощной и у обедни; каждодневно читать утренние и вечерние молитвы и хоть несколько псалмов, а ежели время позволяет, то — главу из Евангелия и Посланий Апостольских. Кроме того, утром и вечером молиться о упокоении усопших и о спасении живущих и во главе сей молитвы с благоговением молиться о Государе Императоре и о всем Царствующем Доме. Если же какую-либо из сих обязанностей по каким-нибудь обстоятельствам не привелось бы исполнить, то укорять себя в этом, приносить чистосердечное раскаяние с твердым намерением впредь сего не делать; молиться и за тех, к кому питаешь какое-либо неудовольствие, так как это есть вернейшее средство к примирению о Христе. Вот сущность уроков, кото-

рые преподавал о. Макарий всякому жаждавшему от него назидания и поучения.

Отличительною чертою характера о. Макария была невыразимая любовь к ближнему. Когда он слышал о каком-либо несчастии, или скорби ближнего, или о каком-либо греховном падении, или о семейной ссоре и т. п., — то, как ни старался Старец скрывать свои чувства, всякому видно было, что он соскорбит скорбящим и всею душою соболезнует о них. Какою чистою любовью радовался он, когда с кем бы то ни было случалось что-либо достойное духовной радости! Один знакомый мне господин около двадцати лет жил врозь с женою; ненависть между супругами была взаимная; но, вследствие увещаний Старца, они сошлись и живут теперь так, как приведи Бог каждому жить. С каким восторгом батюшка рассказывал нам об этом, относя, разумеется, успех дела не к себе, а к Богу, не хотящему смерти грешника, и искренно воздавая хвалу Ему!..

Изумительно было спокойствие Старца в минуты его наставнической деятельности! Он с одинаковым терпением выслушивал нелепое суеверие и безумное вольнодумство, бессмысленную жалобу крестьянской женщины и замысловатую пытливость эмансипированной барыни, бесхитростный рассказ простолюдина и хитросплетенную фразу; ничто не могло возмутить его христианского терпения, его полного духовного спокойствия — все было покорено им в себе глубочайшему смирению. Это был истинный учитель нравственного богословия и духов-

ного делания. Не цветисты были поучения его, но в них слышался дух, чувствовалась теплота; размягчалось самое ожесточенное сердце...

Накануне кончины о. Макария, 6 сентября, я удостоился с семейством моим принять от него последнее благословение. Благодетель наш благословил нас иконами. И вот последние, чуть слышно произнесенные слова его к нам:

— Помните Бога и смертный час; храните мир и любовь между собою и ко всем!

Быв лично свидетелем блаженной кончины праведника, я только то могу сказать: пошли Бог всякому сподобиться такого мирного, безмятежного преселения от временной жизни в вечную!..

— Это что-то необычайное! — сказал о. Архимандрит Моисей при перенесении усопшего из скитской церкви в монастырь. — Восемьдесят лет живу я на свете, а не видал таких светлых похорон. Это более походит на перенесение мощей, нежели на погребение.

«Праведницы во веки живут, и в Господе мзда их, и утешение их у Вышняго».

Да пребудет благословение Божие на сказании сем доброго мирского ученика и послушника великого старца нашего, отца Макария! Да растворит его Господь солью Своею, и да осолит оно сердце читателя во еже познавати силу Божию, в нашей человеческой немощи совершающуюся. Много, много жатвы на белеющих уже нивах Господних; да изведет Господин

жатвы делателей Своих! Еще день, хотя и близкий к своему закату, но все день, и можно пока работать во славу Божию и на спасение душ человеческих. Скоро наступит ночь, когда уже престанет всякое делание. Благослови же, Господи, трудников Твоих Твоего единонадесятого часа!..

1861 год

Январь

Девица Р., благочестивая сама и из рода благочестивого, подверглась такому искушению, о котором если бы поведать современным нашим умникам, то легко было бы за сообщение это угодить в их глазах в «обскуранты». И выдумано же такое словечко, которое столь же чуждо и русской душе, и русской речи, как чужды им и сами изобретатели!.. О подобном искушении православному христианину ведомо из жития Священномученика Киприана и святой мученицы девицы Иустины, память которых празднуется Церковью 2 октября. Девицу Р. подверг своему преследованию один молодой человек, который, видя, что все его усилия возбудить в ней к себе взаимность остаются тщетными, обратился к волхвованию и с помощью чародея стал наводить на нее бесовское обольщение. В наше время, с поражающим скорбное внимание духовного наблюдателя развитием силы бесовского спиритического учения, с новой энергией пробудились к действию адские силы, которые под своей властью столько

веков содержали языческое человечество. Девица Р., предупрежденная своей верной служанкой о кознях того человека и начиная ощущать в себе действие вражеской силы, обратилась с теплой молитвой к Богу. В одну ночь верная ее служанка видит сон, что какой-то высокий монах плотного телосложения входит в комнату ее барышни, берет барышню за руку и выводит с собою, но уже в монашеской одежде. Вечером того дня, когда был виден этот сон, наш отец игумен Антоний, не будучи знаком с семейством Р., неожиданно посетил его. При вступлении его в дом Р. целая толпа бесов, видимых о. Антонию, напала на него, с бранью и угрозами воспрещая ему вход; но старец Божий не убоялся угрозы врагов рода человеческого и разогнал их Именем Божиим. Когда о. Игумен вошел к Р., то всеми было замечено, что мертвенная бледность покрывала лицо его. Служанка же в нем тотчас же узнала виденного ею во сне монаха. После этого посещения девица Р., почувствовав к батюшке полное духовное доверие, написала к нему письмо, в котором и открыла страшную историю своей жизни, прося духовной помощи. Старец понял, что для этой девицы одно спасение — удалиться в монастырь; но родные ее об этом и слышать не хотели. Отец Антоний стал усердно молиться о ней ко Господу и в то же время письмами своими укреплял ее в борьбе с невидимыми бесовскими силами, наведенными на нее чародеем. Через несколько времени о. Антоний посоветовал всему этому семейству отправиться в

Н. монастырь, где должно было совершиться пострижение в монашество некоторых лиц. Предложение это было принято и, за молитвы старца, обряд пострижения произвел такое впечатление на мать девицы Р., что при выходе из церкви она неожиданно объявила свое согласие на вступление и дочери своей в монастырь. Теперь девица Р. находится в Т-ском монастыре. Но чародей хвалился, что он вытащит ее и из обители. Действительно, юная послушница продолжала ощущать и в монастыре действие вражеской силы, не имея покоя ни днем ни ночью; и опять она находила себе подкрепление в молитвах и советах о. Антония. Совершенное же избавление от томительного вражеского искушения она получила чрез великого святителя, благодарение Богу, и поныне здравствующего Московского митрополита Филарета: он ей явился однажды во сне, прочел 60-й псалом, велел ей повторять за ним стихи этого псалма и потом дал ей заповедь выучить его наизусть. Проснувшись, она почувствовала, что искушение, томившее ее в продолжение многих лет, совершенно отошло от нее.

Февраль

19-го сего месяца Россия вступила на новый путь — *свободы*. Волею Благочестивейшего, Самодержавнейшего Государя Императора Александра II Русский народ освобожден от крепостной зависимости. До сего дня он шел путем послушания и смирения; теперь — свободы и, по-видимому, без указания на необхо-

димость сохранения за собой прежних христианских добродетелей. Во что может обратиться подобная свобода, мы видели уже на примере Франции и на других европейских государствах. Но то — Запад, а на западе что может быть, кроме царства тьмы? Мы — Восток; но и на востоке солнце также восходит и... заходит. Да не узрят очи мои царства тьмы!

Май

16-го. О. Архимандрит Моисей, ехавши с дачи, упал, по оплошности кучера, с таратайкой на бок и повредил в боку своем бывшим у него молитвенником ребра. Растирания и банки не доставили облегчения, так что 20-го и 21-го — Царские дни — не в силах был выходить в церковь.

20-го. Замечательное событие. Один из козельских жителей, узнав, что в Оптиной есть излишек запаса картофеля, покупал его под разными предлогами, как бы для себя по $3^1/_4$ копейки за меру, а между тем, как после обнаружилось, продавал его по 16 копеек за четверик (2 меры) и даже дороже нуждающимся для сажания на огородах. И так скупил и перепродал до ста четвертей. В ночь с 14-го на 15-е дом его, за плутни против Богоматери, сгорел до основания... «Кто Тебя не ублажит, Пресвятая Дево!..»

Август

4-го. *День приснопамятный.* Аз, грешный и непотребный иеромонах Евфимий, 4 августа

1831 года, пополудни в 4 часа, прибыл в сию святую обитель — Оптину Пустынь и с того числа нахожусь в ней безысходно. Тридцать лет исполнилось уже моего здесь пребывания! Увы мне, грешному! Скольких благодеяний удостоен я, по милосердию Господа нашего Иисуса Христа, чрез святых старцев сей обители, особенно же чрез отца Настоятеля, Архимандрита Моисея, моего главнейшего благодетеля и отца, и почивших иеромонахов — Льва и Макария, а также всех монашествующих в обители и в Скиту, терпящих немощи мои даже доселе! А что сотворил я им в благодарность за все их ко мне милости? Положил ли я хоть начало своему спасению? Увы, увы, увы!

Но слава и благодарение Господу Богу за все!

4 августа 1831 года прибыл в обитель сию.

24 июня 1835 года посвящен в стихарь.

В марте 1836 года пострижен в рясофор и определен указом в братство.

4 августа 1840 года пострижен в мантию.

18 июня 1843 года посвящен в иеродиаконы.

29 августа 1850 года посвящен в иеромонахи.

1859 года. Возложен крест для ношения на Владимирской ленте, бронзовый, учрежденный в память войны 1853−1856 года.

Но спасут ли мою окаянную душу в день он все эти милости, щедро на меня излиянные?.. Боже мой, Боже мой! Милостив буди мне, грешному!..

5 ноября

Пополудни в 3 часа почил о Господе иеродиакон Палладий на 78-м году от роду. В Оптину он прибыл в 1814 году послушником из Площанской пустыни. Это был старец, якоже един от древних. 7 ноября совершено погребение многоболезненного тела его, по Литургии, отцом Архимандритом Моисеем (он же — духовник его) соборне: облачались 8 иеромонахов и 2 иеродиакона. К месту последнего упокоения почившего великого старца сопровождала вся монастырская и скитская братия.

1862 год

19 марта

Понедельник. Новолуние по святцам и явление необыкновенное. До 17 марта зима стояла довольно сурово; 17-го пополудни — оттепель; 18-го — тоже; 19-го — тучи и дожди при слабом западном ветре. В ночи с 12 часов под 20-е число — страшная туча, проливной дождь, беспрерывная, ослепительная молния с сильными громовыми ударами. На Телячьем лугу ударом молнии раздробило на корню большой дуб. Явление по силе, грозности и по времени года неслыханное. Что предвещает оно? Знамение ли это только обители нашей? или же в лице ее для нашего Отечества и с ним всего міра? Кто проникнет в тайну сию? Без числа согрешихом, Господи; помилуй нас!

Апрель

21-го. Утром в 6 часов скончался с марта 1838 года многострадальный иеродиакон *Мефодий* на 65 году от рождения. Родом он был из польских шляхтичей, по имени Михаил Георгиев Скломбовский. 33-х лет он определен был в число братства Оптиной Пустыни указом от 12 июня 1825 года. Прежде жил в Софрониевой пустыни и в Рыхловском монастыре. В 1838 году он был разбит параличом и в таком состоянии пребывал до самой смерти, не только с терпением, но и как бы с восторгом перенося свои многолетние страдания. Мученичество этого страдальца, соединенное с непередаваемым благодушием, весьма многим приносило великую душевную пользу. В почившем Божием угоднике неоднократно был замечаем внимательными и дар благодатной прозорливости.

Май

30-го. В 6 часов утра скончался рясофорный монах Николай Иванов Новацкий, из евреев; до крещения имя его было — Вульф Янкелев Абрамович. Он был келейником многострадального иеродиакона Мефодия, скончавшегося ровно 40 дней тому назад, 21 апреля, тоже в 6 часов утра. Совпадение замечательное, особенно если вспомнить, что монах Николай исполнял свои келейные обязанности при Мефодии не только с усердием, но и с великой о Господе к нему любовию.

16 июня

Последнее звено великой цепи, соединявшей меня с землею и ее привязанностями, оборвалось: сегодня, в субботу, в 10 часов утра, почил о Господе Настоятель Оптиной Пустыни, отец братства и мой благодетель, отец Архимандрит Моисей.

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

На этом месте оборвался и дневник иеромонаха Евфимия... Рассматривая другие монастырские рукописи, я нашел еще тетрадку, писанную, по-видимому, его же рукой, и в ней под 1866 годом та же рука начертала следующие строки:

«С ужасом христианское внимание останавливается пред тем, что стало твориться в міре и, в частности, в тех явлениях нездешней жизни, которым усвоено именование «спиритических». Впрочем, учение это не ново, и спириты не без основания относят начало спиритизма к глубокой древности. То, что прежде называлось некромантией, явилось ныне под именем спиритизма. Жрица древних мистерий известна была под именем пифии, волшебницы, колдуньи; жрец — под именем волхва, мага, знахаря; теперь они зовутся медиумами. Сущность дела осталась та же; переменились только названия, а заправитель его — все тот же змий древний, тот же «дух пытлив», которого изгнал св. апостол Павел и который боялся и трепетал за храм Артемиды Эфесской.

Мне доставлен перевод второго номера журнала «Revue spirite» 1866 года. Великий жрец спиритизма, как некоего нового откровения, Аллан-Кардек обмолвился наконец крупною новостью, вполне определяющею учение спиритизма как *учения антихристова:* он представил несколько бывших ему *откровений о скором пришествии нового мессии.* По словам духов, это будет не Иисус Христос, а особый посланник. Вот что говорили духи устами Аллан-Кардека:

«Звезда нового верования, будущий мессия уже возрастает в неизвестности, но враги его содрогаются, и силы небесные колеблются. Вы спрашиваете: не будет ли новый мессия сам Иисус Назорянин? Какое вам дело, если одна и та же мысль будет принадлежностью того и другого? Если Богу угодно будет продлить нашу жизнь, вы услышите проповедь истинного евангелия Иисуса Христа от нового посланника. Перемена великая последует за проповедью этого благословенного чада. При звуке могучего его голоса люди различных вер подадут друг другу руки. Бесспорно, что ваша эпоха есть эпоха переходная, время всякого брожения, но она еще не достигла совершенной зрелости. *Переделка человечества бережется для двадцатого столетия.* Человек, призванный совершить это, еще не готов для исполнения этой миссии, но звезда его, украшенная венцом, взошла во Франции... Недавно она была видна в Африке. Путь ее заранее обозначен: порча нравов, различные бедствия, упадок веры будут ее предтечами... Тот, Кто умер на кресте, исполнил Свою мис-

сию, но эта миссия возобновится чрез других духов из божественного сонмища. Это будет тот, о котором Иисус сказал: «Я пошлю вам духа истины». Честь и слава этому божественному посланнику, который восстановит заповеди Иисуса Христа, худо понятые и худо исполняемые. Честь и слава спиритизму, предшественнику мессии, разъясняющему все это! Верьте, братья, что только вы одни получаете эти сообщения; сохраняйте же их в тайне!..»

Боже, Господи! До чего все это страшно. Нужно родиться духовно слепым или быть неисцельно ослепленным диавольскою лестью, чтобы не слышать во всем этом сатанинском откровении голоса того, кто в последние дни міра, зная, что времени ему уже остается немного, в великой ярости явится «льстить живущия на земли», кто каждому из своих последователей «дает начертание на десней руце или на челах их» (Апок. 13, 14 и 16) ... «Змий, мудрейший всех зверей, сущих на земли», лучше нас, смертных, знает, что пророчества тайновидца идут прямо и непосредственно к нему, и вот, он является Аллан-Кардеку в образе Иоанна и ведет такую речь:

«Народы! Внимайте! Громкий голос слышится от одного края вселенной до другого. Голос этот есть предтеча, объявляющий явление духа истины, который грядет исправить стропотные пути, шествуя коими, человек заблудился, запутался в ложных софизмах. Читая Откровение Иоанна, вы часто спрашивали: что он хочет сказать? Как сбудутся эти недоуменные

вещи? И ваш недоумевающий разум углублялся в мрачный лабиринт, из которого не мог выйти, ибо вы хотели понимать буквально то, что говорилось иносказательно. Теперь, когда наступило время исполниться части предсказаний, вы понемногу научитесь читать книгу, которой любимый ученик вверил то, что дано ему было увидеть. Впрочем, дурные переводы и ложные толкования будут еще несколько мешать вам. Но, настойчиво трудясь, вы наконец достигнете того, что станете понимать все, что теперь от вас сокрыто. Только знайте, что если Бог соизволяет, дабы запечатленное было для некоторых распечатано, то это делается не для того, чтобы разумение тайн оставалось в руках их бесплодным, а для того, чтобы они, неутомимые труженики, распахали необработанные земли; для того, наконец, чтобы благодатною росою освежили сердца, иссушенные гордостью, в которых добрые семена живого слова не пустили еще ростков из-за суетной их жизни... Вы, которые знаете всю цену времени, вы, которым законы вечной мудрости час от часу делаются яснее и яснее, — будьте в руках «всемогущего» послушным орудием, приносящим собою свет и плодотворность для тех душ, о которых Иисус сказал: «Имут уши и не слышат, имут очи и не видят».

Спиритизм, — продолжает мнимый Иоанн, — есть тот могущественный голос, который гремит во всех концах земли. Все его услышат!..»

Старцы наши, — так отмечено в найденной тетрадке, — в один голос предваряли нас и всех

тех, кто хотел внимать их богомудрым речам, что возвещенная ныне всему міру, за исключением только деспотических стран Востока, свобода есть не что иное, как преддверие близ грядущего безначалия, плодов которого не минует ни одна страна, ни одни народ. Свобода без Господа Иисуса Христа, основанная на одном только лжеименном разуме, есть свобода беспрепятственного разлития зла, есть свобода падшего Денницы. Во времена же безначалия должен явиться и «сын погибели», имя же ему — *антихрист*.

От составителя

Заканчивая малый труд, основанием которому послужил дневник Оптинского иеромонаха Евфимия, об одном прошу и молю боголюбивого моего читателя: если только сказанное в книге этой найдет отзвук в его сердце, то да помянет он в молитве своей к Творцу всяческих грешное имя Сергея Нилуса.

Оптина Пустынь
28 апреля 1909 года

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Уже приготовлен был настоящий мой труд к печати, как в сердце моем возник помысл, настойчиво потребовавший от меня представления моей рукописи на рассмотрение и благословение предстоятелей и старшей братии свя-

той Оптиной Пустыни. И почувствовало мое сердце, что помысл этот не с шуией, а с десной страны, что, давая моему труду значение слова, исходящего из потаенных недр великого Оптинского духа, я не вправе выпускать его в свет, не получив на него от преемственных и современных носителей этого духа одобрения и благословения. Так я и поступил, не считаясь с желанием моим предварить моим трудом съезд в Обители Св. Троицы монашествующей братии.

Отсюда — задержка в печатании, но отсюда же — и полное спокойствие моей совести, как списателя на пользу ближних достоверных и важных свидетельств веры нашей и жизни монашества доброго и истинного.

Отдавая ныне свою «Святыню под спудом» на утешение и укрепление веры братьев моих по духу — православных христиан, тяжко страждущих и даже, быть может, изнемогающих под натиском всех злобных сил ада, ополчившихся на Господа и на Христа Его, я считаю святою своею обязанностью добавить в напутствие ей несколько слов и указаний по поводу совершающихся на наших глазах мировых событий, являющихся, по разумению моему, живым свидетельством благодатной прозорливости великих Оптинских старцев, предваривших верных духовных чад своих о том, что именно нашему времени суждено в особенности готовиться к исполнению времен и к сретению Господа славы, близ Грядущего судити живых и мертвых со славою и силою многою.

Для тех из читателей моих, кому неизвестна книга моя «Великое в малом и антихрист как близкая политическая возможность», я вновь приведу здесь сказание о двух сновидениях благочестивого священника Тверской епархии, бывших ему в конце шестидесятых и семидесятых годов прошлого столетия и истолкованных великим старцем Оптиной Пустыни, всей Православной России известным иеросхимонахом Амвросием[1]. Обращаю на сновидения эти и на их толкование особое внимание читателя: важностью и глубиною их значения были заинтересованы не простые смертные, а три лица, представляющие собою, так сказать, эссенцию православно-русского духа; и три лица эти были: обер-прокурор Св. Синода, граф Александр Петрович Толстой; благодатный священник и старец-подвижник, на могиле которого, по его молитвенному предстательству, совершались и совершаются едва ли не ежедневно великие чудеса милости Божией.

«Один благочестивый священник Тверской епархии, — так в 1866 году писал в Оптину Пустынь граф А. П. Толстой, — видел во сне обширную пещеру, слабо освещенную одною лампадою. В пещере много духовенства. За лампадою — образ Божией Матери. Пред образом стояли в облачениях архипастырь Московский Филарет (находящийся в живых) и покойный протоиерей г. Ржева, отец Матвей Константиновский[2], роди-

[1] Жизнеописание старца Амвросия Оптинского. Издание Козельской Введенской Оптиной Пустыни.

[2] Святой жизни. Известен своим влиянием на Гоголя.

тель означенного священника, в жизни своей отличавшийся особым благочестием. Все стоят в безмолвии и страхе. У входа в пещеру — сам священник и одно мирское лицо, духовный сын о. протоиерея. Оба они дрожат, а войти не смеют. Среди безмолвных молений слышатся ясно слова:

— Мы переживаем страшное время: доживаем седьмое лето! — С этими словами — пробуждение в большом волнении и страхе.

Сон повторяется до трех раз все тот же, без малейшего изменения, явный и страшный... Ни священник, видевший это, ни духовный сын отца Матвея — оба решительно ничего не понимают, ни что он значит, ни кем он послан». В ответ на это письмо старец Амвросий писал так: «Обширная пещера, слабо освещенная однною лампадою, может означать настоящее положение нашей Церкви, в которой свет веры едва светится, а мрак неверия, дерзко-хульного вольнодумства и нового язычества всюду распространяется, всюду проникает. Истину эту подтверждают слышанные слова:

— Мы переживаем страшное время...

Живой святитель и покойный протоиерей, в облачении молящиеся вместе пред иконой Божией Матери, дают разуметь, что и прочее виденное духовенство было двоякое (Церкви небесной и Церкви земной): видно, достойные пастыри, живые и отшедшие ко Господу, взирая на бедственное состояние нашей Церкви — и те, и другие — умоляют Царицу Небесную, да распрострет Она Всевышний Покров Свой над

бедствующею Церковию нашею и да защитит, и да сохранит слабых, но имеющих благое расположение ко спасению... Оба, стоящие у входа в пещеру, может быть, означают людей, с живым участием, и со скорбию, и даже со страхом взирающих на печальные события настоящего времени в отношении веры и нравственности, но не прибегающих к Царице Небесной и не молящихся Ей о покрове и помощи, подобно молившимся в пещере... *Слова «мы доживаем седьмое лето» могут означать время последнее, близкое ко времени антихриста, когда верные чада Единой Святой Апостольской Церкви должны будут укрываться в пещерах, и только всесильные мольбы Божией Матери могут тогда укрыть их от преследования слуг антихриста.* Настоящему времени особенно приличны слова апостола: «Дети, последняя година есть, и якоже слышасте, яко антихрист грядет, и ныне антихристи мнози быша: от сего разумеваем, яко последний час есть» (1 Ин. 2, 18). В настоящее время некоторые уже добровольно принимают печать антихриста на челе и на десной руке, потому что, ради светских приличий и мирских выгод стыдятся ограждать себя крестным знамением и сперва поступают так в обществе, ради стыда человекоугодия, а потом от обычая не полагают на себя крестного знамения и дома пред вкушением пищи и пития и в других случаях, чем сотворяют радость велию врагам душевным, для которых они, будучи неограждены силою Креста и молитвы, делаются игралищем и посмешищем.

Седьмое число в церковной численности имеет великое значение. Срок времени числится седмодневными неделями, Православная Церковь содержится и руководствуется правилами седми Вселенских Соборов. Седмь Таинств и седмь дарований Святаго Духа в нашей Церкви. Откровение Божие явлено было седми Азийским Церквам. Книга судеб Божиих, виденная в Откровении Иоанном Богословом, запечатана седмью печатями. Седмь фиал гнева Божьяго, изливаемого на нечестивых и проч. Все это седмеричное исчисление относится к настоящему веку и с окончанием оного должно кончиться.

Век же будущий в Церкви означается осьмым числом. Шестой псалом надписание имеет такое: «Псалом Давида в конец песнех, о осьмом», — по толкованию — о осьмом дне, то есть о всеобщем дне воскресения и грядущего Страшного Суда Божия, которого боясь, Пророк молит Бога во умилении сердца о оставлении грехов: «Господи, да не яростию Твоею обличиши мене, ниже гневом Твоим накажеши мене» и проч. Неделя Антипасхи, или св. Фомы, в Цветной Триоди называется неделею о осьмом, то есть вечном дне и нескончаемом, который уже не будет прерываться темнотою ночей. «Нощи не будет тамо», то есть в небесном Иерусалиме, говорится в Откровении (22, 5). Блажен, кто сподобится наслаждаться блаженством блаженного и нескончаемого дня сего, еже буди всем нам получити благостию и милосердием и человеколюбием Единородного Сына Божия, Господа нашего Иисуса Христа, Ему-

же подобает слава и держава, честь и поклонение со Безначальным Его Отцем и Пресвятым, Благим и Животворящим Духом ныне и присно, и во веки веков. Аминь».

Это сновидение и толкование первое.

Тот же граф А. П. Толстой опять писал в Оптину Пустынь пять лет спустя. Письмо помечено 7 июля 1871 года.

«Как будто нахожусь в своем доме, — так пишет граф, — и стою в прихожей. Далее — комната, в которой на простенке между окон находится икона в большом размере Бога Саваофа, издающая ослепительный свет, так что из другой комнаты (прихожей) нельзя было смотреть на нее. Затем еще далее — комната, в которой находятся протоиерей Матвей Александрович (Константиновский) и покойный митрополит Филарет; и эта комната наполнена книгами: по стенам от потолка до пола книги; на длинных столах грудами книги; и мне непременно нужно пройти в эту комнату, но меня удерживает страх, как пройти чрез такой поражающий свет. Но необходимость принуждает преодолеть страх, и я с ужасом, закрыв лицо рукою, перехожу первую комнату и, войдя в следующую, вижу протоиерея Матвея Александровича в переднем углу. Он читает книгу. А ближе к двери стоит митрополит, одетый в простую черную рясу; на голове — скуфейка; в руках — разогнутая книга, и головою показывает мне, чтобы и я нашел подобную книгу и развернул ее. В то же время митрополит, поворачивая листы своей книги, говорит:

— Рим, Троя, Египет, Россия, Библия.

Вижу, что и в моей книге крупными буквами написано: «Библия».

Тут сделался шум, и я проснулся в большом страхе. Много думал: что бы все это значило? Мне сон кажется грозным, и лучше бы ничего не видать. Нельзя ли опытных в духовной жизни спросить о значении этого сновидения? Самому мне внутренний голос объясняет сон, но объяснение такое ужасное, что не хотелось бы согласиться с ним».

Второе это сновидение старцем о. Амвросием было истолковано следующим образом:

«Кому показано было это замечательное сонное видение, и кто слышал тогда многозначительные слова, тому, по всей вероятности, и внушено было чрез Ангела-Хранителя объяснение виденного и слышанного, как и сам он сознает, что ему внутренний голос объяснил значение сна. Впрочем, и мы, как вопрошенные, скажем свое мнение, как о сем думаем.

Видение ослепительного света от иконы Господа Саваофа, и в следующей затем комнате виденное множество книг, и стоящие там с книгами покойные — митрополит Филарет и протоиерей Матвей Александрович, и произнесенные одним из них слова — «Рим, Троя, Египет, Россия, Библия» — могут иметь такое значение: во-первых, все касающееся до сотворения міра, судьбы народов и спасения людей Господь Вседержитель открыл избранным святым мужам, пророкам и апостолам, просветив их светом Своего Божественного познания, а

ими все это передано людям и написано в Библии, то есть в книгах Ветхого и Нового Завета.

Во вторых, множество других виденных там книг может означать то, что все, сказанное в Библии прикровенно и неясно, объяснено другими избранными от Бога святыми мужами, пастырями и учителями Единой Соборной Апостольской Православной Церкви.

В-третьих, что митрополит Филарет и протоиерей Матвей Александрович видены были с книгами в руках, может означать, что они в продолжение своей жизни поучались о судьбах человечества не из простых книг человеческих, в которых встречаются мнения неправильные, вводящие в заблуждение, а из книг библейских, и сказанное в Библии прикровенно и неясно толковали не по своему разумению, а как объяснено в книгах мужей Богодухновенных и просвещенных свыше светом Божественного познания, к чему побуждали и видевшего, чтобы и он на все искал объяснение не в простых книгах человеческих, а в книгах святых и Богодухновенных Отцев Православной Церкви.

В-четвертых, что протоиерей Матвей Александрович стоял в переднем углу, который обычно признается молитвенным, может означать, что он не только поучался сказанным образом, но и молился о вразумлении свыше.

В-пятых, слова — Рим, Троя, Египет — могут иметь следующее значение: Рим во время Рождества Христова был столицею вселенной и, с возникновением патриаршеств, имел первенство чести; но за властолюбие и уклоне-

ние от истины впоследствии подвергся отвержению и унижению.

Древняя Троя и Древний Египет замечательны тем, что за гордость и нечестие наказаны, первая — разорением, а второй — различными казнями и потоплением фараона с воинством в Чермном море. В христианские же времена в странах, где находилась Троя, основаны были две христианские патриархии — Антиохийская и Константинопольская, которые долгое время процветали, украшая Православную Церковь благочестием и правыми догматами; но впоследствии, по неведомым судьбам Божиим, подверглись владычеству варваров — магометан и доселе несут это тяжкое рабство, стесняющее свободу христианского благочестия и правоверия. А в Египте, вместо древнего нечестия, в первые времена христианства такое процветало благочестие, что пустыни его населялись десятками тысяч монашествующих, не говоря уже о численности и множестве благочестивых мирян, от которых они происходили. Но потом, по причине распущенности нравов, и в этой стране последовало такое оскудение в христианском благочестии, что в некоторое время в Александрии патриарх оставался только с одним пресвитером.

В-шестых, после трех знаменательных имен «Рим, Троя, Египет» помянуто имя и России, которая в настоящее время хотя и считается государством православным и самостоятельным, но уже элементы иноземного иноверия и

неблагочестия проникли и внедрились и у нас и угрожают тем же, чему подверглись вышесказанные страны.

Затем следует слово «Библия». Другого еще государства не помянуто. Это может означать, что *если и в России ради презрения заповедей Божиих, и ради ослабления правил и постановлений Православной Церкви, и ради других причин оскудеет благочестие, тогда уже неминуемо должно последовать конечное исполнение того, что сказано в конце Библии, то есть в Апокалипсисе Иоанна Богослова.*

Справедливо видевший это сновидение замечает, что объяснение, которое ему внушает внутренний голос, ужасно. Страшно будет Второе Пришествие Христово и ужасен последний Суд міра; но не без великих ужасов будет перед тем и владычество антихриста, как сказано в Апокалипсисе: «И в тыя дни взыщут человецы смерти и не обрящут ея, и вожделеют умрети, и убежит от них смерть» (Апок. 9, 6). *Прийдет же антихрист во время безначалия,* — как говорит Апостол, — *дондеже держай ныне от среды будет»* (2 Сол. 2, 7), *то есть когда не будет предержащей власти».*

Голос старца Амвросия Оптинского, свидетельствующий о близости исполнения времен, не был для второй половины истекшего столетия голосом, затерянным в одиноком пространстве. Во второй половине семидесятых годов в другой великой хранительнице православного духа, Глинской пустыни, приближался к исходу из жизни временной в жизнь вечную другой

старец, схиархимандрит Илиодор[1]. Вот что из жизни его передавал мне один из присных его учеников, с год тому назад скончавшийся иеромонах старец Домн; и не мне одному, но и другим, еще живым свидетелям его слова, сказывал это блаженный старец.

«Было это, — так повествовал о. Домн, — лет за пять или за шесть до преставления отца моего духовного и учителя, отца схиархимандрита Илиодора, мужа веры крепкой и духа великого и прозорливого. Часто собирались мы, ученики его, к своему Старцу для духовной беседы, послушать словес его Богодухновенных. И вот, так-то пришли мы к нему один раз вечером и застали его в келлии седяща, скорбна и даже уныла. В келлии Старца был полумрак; горела одна лампада. Старец встретил нас молчаливым благословением и сидел безмолвный и скорбный. Сели и мы «при ногу учителеву», ожидая, когда сам он благословит начать беседу. И невольно сердце наше исполнилось какого-то тяжкого предчувствия...

И обратил к нам слово свое Старец великий:

— Чадца мои! видите вы меня ныне скорбна. Поведаю вам, откуда мне и сия скорбь належит. На сих днях читал я Откровение святого апостола и тайнозрителя Иоанна Богослова; и возжелала душа моя уведать: доколе Господу Богу угодно будет долготерпеть всё умножающиеся беззакония міра. И был я в духе, и вижу: се восходит от востока звезда пресветлая и великая, и вокруг той звезды — звезды меньшие, но

---

[1] Скончался в 1878 году.

тоже яркие и светлые. Прошла эта звезда со своими звездами по небосклону и склонилась к своему западу. И сказал мне некий голос:

— Се — звезда Императора Александра Благословенного!

Посем иную звезду узрел я восходящей с востока с окружающими ее звездами. И та звезда, и те звезды горели блеском великим и славным, и так же прошли они по небесному своду, и так же сокрылись на западе. И голос возвестил мне:

— Се — звезда Императора Николая Павловича!

И иную звезду увидел я на востоке; и была та звезда, как и прежние, окружена звездами; но яркий свет их был как цвет крови. И звезда та не дошла до своего запада и исчезла как бы в преполовении пути своего. И было ко мне страшное и грозное слово:

— Се — звезда ныне царствующего Государя Александра Николаевича. А что пресеченным путь ея зришь, то ведай: Царь сей среди бела дня лишен будет жизни рукою освобожденного им раба на стогнах верноподданной столицы. Безумное, страшное совершится злодеяние!»

И исполнилось при словах этих сердце наше великой скорби и жалости. Уже были, правда, покушения на жизнь Государя, но душа наша не допускала даже помысла о насильственной смерти Венчанного Помазанника Божия, которую уже провидел духом Богодухновенный Старец... Старец же продолжал:

— И вижу я на востоке иную звезду окруженную своими звездами. Вид же, величина и блеск ее превосходил все виденные до того звезды. Но и сей звезды дни таинственно были сокращены.

— Се — звезда Императора Александра III, — возвестил мне вещий голос.

И посем узрел я...

Но дальше старец уже не продолжал своей речи и, склонив свою главу, тихо заплакал. Прослезились, на него глядя, и мы и, помолчав мало, вопросили:

— Что же дальше?

— Поведаю вам, чадца, только одно: нецыи от зде стоящих возжелают смерти, но смерть убежит от них...»

⬦⬦⬦⬦⬦⬦⬦⬦⬦⬦

Такова великая и страшная повесть старца иеромонаха Глинской пустыни Домна.

А что вещал в Бозе почивший праведник, отец Иоанн Кронштадтский? Но глагол его был слышен не только во всей России, но и во всем міре: нам ли вновь повторять его?..

Еще много можно было бы привести свидетельств истинных о значении с эсхатологической точки зрения современных нам мировых событий, но для цели моей — возбуждения внимания остатка верных к опасности пути, на котором стоит мір и по которому мы ходим, слишком довольно и того, на что было указано. Тому, кто жизнь века сего не признает пределом и целью своего земного странствования, чей дух

привык к питанию Божественным словом, кому Церковь — мать, а Бог — Отец, тому достаточно и малого огня, чтобы возжечь светильник веры, исполненный елея благодати Святаго Духа. Про остальной же мір глагол Божий изрек однажды и на все времена: «Слухом услышите — и не уразумеете, и очами смотреть будете — и не увидите!» (Ис. 6, 9). Кому из верных Божией Церкви не ведомо ныне мировое засилье над отступническим міром еврейского христоненавистнического капитала, распоряжающегося самовластно задолженными ему государствами вселенной? От кого из нашей Христовой братии сокрыто мировое владычество богоборного еврейско-масонского сообщества, покрывшего своими сетями даже самые удаленные уголки земного шара и ныне управляющего судьбами міра на развалинах былой его государственности? Кому из нас неизвестно, что к сообществу этому на положении его членов принадлежит и тот жалкий остаток венценосцев Западной Европы с призрачною властью, которые именуются конституционными правителями, не говоря уже о так называемых президентах республик? И ныне для имеющих уши, чтоб слышать, и очи, чтобы видеть, тайна еврейско-масонского беззакония перестала быть тайной, и они уразумели слова Апокалипсиса: «Знаю твои дела, и скорбь, и нищету (впрочем, ты богат), и злословие от тех, которые говорят о себе, что они Иудеи; а они не таковы, но — сборище сатанинское» (Апок. 2, 9). Ведомо ныне всякому, кто, прислушиваясь благоговейно к слову Божию,

изучал и наблюдал тайны масонского действа, что, возглавленное Всемирным Еврейским Союзом, оно служит культу диавола, отчего и именовано Откровением «сборищем сатанинским». Известна ныне и цель этого «сборища», заключающаяся в поставлении над міром лжемессии из народа еврейского, царя сионской крови, антихриста. Даже печать грядущего «сына погибели» не стала тайной, ибо она печать мирового масонства, изображаемая графически как круг, заключающий в себе треугольник в треугольнике или же — как треугольник в треугольнике с цифрами 6[1] в каждом его углу.

В местах, где фактическими господами положения стали евреи, как например в Минской губернии, там уже почти на всех продаваемых товарах ставится этот знак, как некое фабричное клеймо, там ни одно новое здание не воздвигается без знака этого, заменившего собою крест, некогда на шесте водружавшийся у основания нового строения. Не всегда в круге, не всегда с цифрой 6 по углам треугольника, знак этот, как печать еврейского масонства, не может быть ничем иным, как и печатью грядущего антихриста, масонского ставленника, носящего число 6.6.6. на своем имени.

Что касается таинственного смысла этого знака, то он уясняется из разумения извечной

[1] В г. Уарльстоуне в С. Америке находится главный храм культа диавола с изваянным идолом антихриста, на челе которого изображены цифры 666. (Jules Bois. «Le monde invisible». Paris. Flammarion).

борьбы с Богом падшего Денницы, который некогда «*говорил в сердце своем: взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой и сяду на горе в сонме богов, на краю севера; взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему*» (Ис. 14, 13–14). Кругом изображается вечность. Равносторонним треугольником — Триединый Бог. Кого же должен изображать пересекающий подобный треугольник, как не того, кто возмнил себя подобным Богу, как не падшего сатану-Денницу?

Таким образом, пересечение двух подобных треугольников в круге символически должно изображать борьбу в вечности диавола с Богом; мало того: конечную победу диавола над Богом, Люцифера (звезды утренней) над Иеговой (Ягве). В круге вечности знак Троической Ипостаси — равносторонний треугольник — кощунственно заменен в символе этом фигурою пересечения двух подобных треугольников, что дает изображение звезды-Люцифера, другими словами — символ вечного царства сатаны.

Такова вера масонства, такова вера его верховных жрецов — тайных руководителей ослепленного до времени еврейства, чающего скорого пришествия своего мессии, нашего антихриста.

Такова «тайна беззакония».

Ныне пред очами веры верных раскрылась книга видения судеб Божиих, насколько обнять их может ограниченный ум человека, верующего слову Божественного Откровения. Не явлена еще мiру личность «человека греха, сына

погибели», не открыт день и час Страшного Суда Господня; но знамения времени и ведение «тайны беззакония» огненными словами на сгустившемся мраке духовной ночи міра глаголют отступническому человечеству:

— Лицемеры! различать лице неба вы умеете, а знамений времен не можете...

28 июня 1909 г.

(День Одигитрии).

КОРЕНЬ ЗЛА: ИСТИННАЯ БОЛЕЗНЬ РОССИИ[1]

[1] Примечания к текстам на стр. 403–544 заимствованы из книги «Неизвестный Нилус». Т. 1. М., 1995.

ГДЕ КОРЕНЬ ЗЛА?

В чем истинная болезнь России?

Начало всех начал,
Источник света, жизни,
Первообраз, Истина
— Бог Единый и Всеобъемлющий.
Все от Него и через Него,
все — в Нем, и все — к Нему.
Власть Бога Едина и Нераздельна.
«Без Него ничтоже бысть,
еже Бысть».

Ин. 1,3.

Историческое (равно и доисторическое) человечество, следы жизни которого навеки запечатлены в Божественном Писании и в гражданской истории, представляет разнообразные формы своей общественной жизни. Но каково бы ни было разнообразие человеческого творчества в деле самоорганизации, это творчество

исходило из одного источника и неуклонно к нему возвращалось как к основному принципу, без которого немыслимо никакое существование как общества, так и отдельной личности, — к принципу *власти*. В первобытных ли семьях доисторического человека, в уединенном ли его отдельном самостоятельном существовании, в сложных ли организациях современного народоправства, установление принципа власти являлось основанием всего уклада жизни: власти духа над плотью, отца, патриарха — над семьей и родом, наконец, Царя — над племенами. Незыблемость и вековечность этого безконечно жизненного принципа, этого краеугольного камня всякой общественной жизни на всевозможных ступенях ее развития и во всех уголках нашей планеты, где только жили и живут, действовали и действуют человеческие существа, доказывают нам с неотразимою силой, что без него не может жить ни отдельная личность, ни семья, ни общество, а следовательно, не может жить и государство.

Но власть как идеал, к которому, как ко всякому идеалу, должно стремиться самоустрояющееся человечество, должна быть *едина и нераздельна,* чтобы оставаться властью.

Не можем мы себе представить иного человеческого организма, кроме от века сотворенного, в котором части тела, каждая исполняющая свое назначение, все в общем движении своем и работе на службе всему организму, притом работе несамостоятельной, подчиняются единому своему венцу — голове, в извилинах мозга кото-

рой сосредоточена власть разума, созидающая разумность существованию всего организма. Можем ли мы вообразить себе человеческое существо с двумя или более головами, каждая со своим отдельным мозгом, самостоятельно управляющим отдельными частями тела? Мыслимо ли существование такого организма и не претит ли оно всему существу человеческому?

Идеал Божественный и потому единственный, к которому должно в своем самоустройстве стремиться человечество, есть Царство Небесное с Царем Небесным во главе этого светозарного Царства неиссякаемого блаженства.

Несовершенству человеческого разума Царство это было открыто Божественным Откровением, данным во всей полноте миру его Спасителем.

С учением Христа, казалось, должно было бы настать на земле Царство Небесное, не только духовное малых труждающихся и обремененных, но и телесное всех вообще без различия бедных от богатых, слабых от сильных, устроенное в духе христианской любви и милосердия. Но оно не устроилось, да и не могло устроиться. С одной стороны, языческий, животный и грубый цезаризм[1], хотя с течением

---

[1] *Цезаризм* (от лат. Caesar) — имя первого самодержавного правителя Рима Юлия Цезаря (100–44 гг. до Р.Х.), с его правления закончился республиканский период. Со времени Октавиана Августа (63 г. до Р.Х.— 14 г. после Р.Х.), внучатого племянника и приемного сына Юлия Цезаря, все римские императоры сами принимали титул Caesar. В переносном смысле цезаризмом обозначают искажение единодержавия, прежде всего — забвение власти Бога (отпадение от веры).

веков и обращенный в формальное, внешнее христианство, с другой, — христианская община, лишенная своих духовных царей, апостолов, начавшая сама в себе разлагаться без авторитетной власти этих апостолов — все это не дало укрепиться на земле желанному Царству.

Пала чистота Священного Предания, искаженная языческим царством грубой силы, хотя и смягченной христианским учением, *ослабела власть,* и стали одно за другим падать царства. Пал Рим[1], пала Византия[2], пала империя Карла Великого[3], пала могущественная Испания[4]. На обломках этих царств восставали мелкие сравнительно с ними государственные единицы, восставали и вновь падали, и вновь восставали, чтобы вновь пасть. И через всю эту систему хронических падений красною нитью как средством к поднятию проходило *укрепление власти,* как регулятора общественной и полити-

---

[1] *Римская империя* в эпоху расцвета (IV в.) занимала огромное пространство Западной и Восточной Европы, Северной Африки и Египта, Ближнего Востока, Малой Азии и Кавказа. Западная Римская империя окончательно пала в 476.

[2] *Византия,* вначале существовавшая как Восточная Римская империя, погибла в 1453 г. после взятия Константинополя турками.

[3] *Карл Великий* (742 † 814) — франкский король, по его имени названа династия Каролингов. Подчинил себе обширную территорию почти всей Западной Европы. В 800 г. короновался в Риме как император. Католической церковью причислен к лику святых. Уже в IX в. основанная им империя распалась на отдельные государства.

[4] *Испанское королевство,* обладавшее многочисленными колониями в Африке, Азии, Америке, постепенно теряло их. К концу XIX в. только незначительное число колониальных территорий продолжало оставаться под владычеством королевства.

ческой жизни народов. Но власть эта, не имевшая в своей основе божественности своего происхождения, лишенная истинной теплоты христианского учения, преподающего, что «нет власти, аще не от Бога»[1], вырождалась в деспотизм, в разгул и своеволие ближайших этой власти, в угнетение слабых, в бездушную заносчивость и жестокость сильных. Наступавшая реакция снизу, в свою очередь лишенная устоев в христианстве, вырождалась в деспотизм еще худший — в борьбу всех против каждого и каждого против всех. Недолговечный режим создавал и недолговечные идеалы, неуверенность в завтрашнем дне рождала и соответственное отношение ко дню текущему со стороны рук, держащих власть народную. Такой неустойчивости правового и политического порядка, какого мы, участники или деятели текущей истории человечества, являемся страдающими зрителями, мир не видывал с тех пор, как в нем получила жизнь государственная идея. Древний Египет счет вел своему существованию тысячелетиями[2], Персия[3], Ас-

---

[1] Рим. 13, 1.

[2] По благословению Св. праотца Ноя, земля *Египта* поступила во владение сына Хама Мицраима (Быт. 10, 6, 13). Однако государственные узаконения египтян произошли от приглашенного царя-яфетита Ермия Тривеликого (Гермеса Трисмегиста) и его преемников *(Хроника Георгия Амартола)*. Эти законы были обновлены Св. прав. Иосифом Прекрасным во время его начальствования в Египте. Благодаря неукоснительному хранению принципов управления страной и моральных норм Египетское царство просуществовало столь долго (вплоть до 30 г. до Р. Х.).

[3] *Персидская империя* угасла в IV в. до Р.Х. 331 г. до Р. Х. — падение державы Ахеменидов.

сирия[1], Вавилон[2], наконец, Римская империя — все это образцы непонятной нам долговечности. Зиждилась эта долговечность на принципе, проведенном во всей чистоте — *власти единой и нераздельной*. Рим как республика с выборным его началом мог существовать только как маленькое орлиное разбойничье гнездо, тесно сплоченное ввиду угрожающей ему ежедневно опасности от соседей. В гнезде этом каждый с детства знал и намечал своего будущего атамана. Но и в Риме с расширением пределов гнезда появилось стремление к установлению определенной власти: сперва — консулы, диктаторы, триумвиры[3], а затем народная государственная созревшая идея создала как идеал власти и могущественных императоров. Но власть эта, созданная на почве язычества, должна была роковым образом привести себя к самообоготворению и тем самым к самоуничтожению, хотя все же и она как власть, как часть принципа вечного просуществовала, сравнительно с современными принципами, весьма долго.

---

[1] Конец *Ассирийского царства* наступил в 609–608 гг. до Р.Х.

[2] *Вавилон* был завоеван персами в 539 г. до Р.Х.

[3] *Консулы* — двое из них стояли во главе управления в период ранней Римской республики. Избирались на годичный срок народным собранием, по существу, обладали тою же властью, что и цари, но временной. *Диктатор* — первоначально являлся экстраординарным магистратом (главой общины), избираемым на 6 месяцев в особо трудных случаях и обладавшим всей полнотой власти. Впоследствии — синоним неограниченного властелина. *Триумвир* — член триумвирата (союза трех политических деятелей). Первый триумвират (негласный политический союз) был заключен между Гаем Юлием Цезарем, Крассом и Гнеем Помпеем.

Современный принцип — народовластие, самоуправление, противопоставленный принципу власти самодержавной и нераздельной, *прямо этой последней враждебный,* девизом своим выставил на своем знамени: Liberte, Egalite, Fraternite[1]. Провозглашенный всего какое-нибудь столетие тому назад нацией, считающей себя передовою, он довел теперь тех же своих авторов, французов, до того, что они, указывая на эти широковещательные слова, изображенные золотыми буквами на фронтонах общественных зданий du peuple soliverain[2], глумятся, злорадно говоря:

«Liberte — point. Egalite — point. Fraternite — point[3], — и ждут не дождутся, чтобы крикнуть: vive l'Empereur[4], в Empereur'е ожидая, конечно, не христианского монарха, а демона Наполеона I. Такова уже роковая судьба проведенного во всей чистоте выборного начала: необузданная свобода вырождается в кровавый деспотизм — Маратов, Робеспьеров[5] и им подобных.

---

[1] Свобода. Равенство. Братство, (*фр.*) — масонский девиз Великой французской революции. — *Сост.*

[2] Независимого народа (*фр.*). — *Ред.*

[3] Свободы — нисколько. Равенства — нисколько. Братства — нисколько (*фр.*). — *Сост.*

[4] Да здравствует император (*фр.*). — *Сост.*

[5] *Жан Поль Марат* (1743–1793) — деятель великой французской революции, публицист. Происходил из еврейской семьи, изгнанной из Испании и поселявшейся сначала в Сардинии, а потом — в Швейцарии, где она перешла в протестантство. Фамилия Мора (или Мара) происходила от этнонима «мараны» — испанские евреи, лицемерно перешедшие в католицизм и не отказавшиеся вполне от талмудизма. Название восходит к еврейс-

Посмотрите внимательнее на Запад, кумир наших беспочвенников: что за мракобесие там творится! Америка за какое-нибудь пятидесятилетие выродилась в царство мамона, золотого тельца, тяжестью своего доллара почти раздавившая своих экономических рабов. Австро-Венгрия на наших глазах распадается на струпья парламентской проказы. Англия — этот идеал самоуправления, в своем парламенте считает зубы своим членам. Германия, несмотря на императора Вильгельма[1], с которым ей поневоле приходится считаться, мечтает о восстановлении цветных клоков своего политического одеяла. А Панама французов[2], Дрейфус[3], анархизм[4]

кому marranatha («анафема на тебя»), которое «крещеные» евреи произносили вполголоса, проклиная католических священников, когда их принуждали присутствовать на богослужении. Масон.

Максимильен Мари Изидор де Робеспьер (1758–1794) — организатор диктатуры якобинцев во время великой французской революции, гильотинирован. Член масонской ложи. Насаждал во Франции культ «верховного существа» (божества масонов).

[1] *Вильгельм II* (1859–1941) — германский император и прусский король с 1888 по 1918 гг. 28 ноября 1918 г. отрекся от престола.

[2] *Панамский* скандал, разразившийся во Франции в 1890 году, связан с гигантскими махинациями правления «Всеобщей компании межокеанского канала», созданной в 1879 г. для строительства Панамского канала. Термин «Панама» сделался нарицательным обозначением крупного мошенничества.

[3] *Альфред Дрейфус* (1859–1935) — офицер французского Генерального штаба, еврей. В 1894 г. приговорен к пожизненной каторге за шпионаж в пользу Германии. Дело Дрейфуса получило широкую огласку, и под давлением демократической общественности в 1899 г. он был помилован президентом Франции, а в 1906 полностью реабилитирован.

[4] *Анархизм* (от греч. anarchia — безначалие, безвластие) — общественно-политическое движение, отрицающее любую государственную власть. «В России первые анархистские группы по-

с его бомбами и резней невинных жертв! Все это живые примеры неизбежного, рокового вырождения выборного начала, противного всему существу человеческой природы, живой и деятельной только при условии осуществления даже в каждом отдельном человеке твердой, единой воли, укрепленной религией, дающей смысл и значение всему сущему. «Кесарево — кесареви, Божие — Богови!»[1]

Православная Русь, так много на своем веку страдавшая, истерзанная сперва собственными усобицами, доведшими ее до смиренного сознания: «земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет. Приидите княжити и володеть нами!»[2], затем усобицами княжескими, истоптанная и искалеченная крепкими, как сталь, копытами коней диких кочевников, укрепившаяся духом при князьях — собирателях Земли русской, достигшая расцвета своего могущества и отпраздновавшая свое тысячелетие

являются весной 1903 года в городе Белостоке Гродиенской губернии среди еврейской интеллигенции и присоединившихся к ней ремесленных рабочих, а летом — в городе Нежине Черниговской губернии в среде учащейся молодежи». Старшими анархистами являлись: теоретик и организатор П. А. Кропоткин и его ближайшая последовательница М. И. Гольдсмит. Остальные крупные деятели: М. Э. Р. Дайнов, Н. И. Музиль (Н. Рогдаев), Я. И. Кирилловский (Д. Новомирский), А. А. Боровой, В. И. Федоров-Забрежнев. В российском анарходвижении преобладали евреи (50 %), русские (до 41 %), украинцы (до 35 %) ([В. *Кривенький, В. Ермаков.]* Анархисты // Родина. 1993. № 5–6. С. 71). Выступления анархистов часто носили террористический характер.

[1] Мф. 22, 21.

[2] Место из речи новгородских послов Великому Князю Рюрику в 862 г.

при Императорах Всероссийских, являет собой в современной истории единственный пример государственного долголетия, даже вечности, благодаря исключительному своему Боговдохновенному стремлению к идеалу: *Единой, Самодержавной власти Помазанника Божия,* стоящей превыше земной злобы и зависти сынов мира, укрепленной притом и освященной Христом рукой Святой Его Церкви. В этом идеале — источник и цель жизни всего русского народа.

Всякая попытка к умалению этой Власти — тяжкая болезнь России, утрата Россией этой Власти — ее смерть без воскресения.

Россия больна, несмотря на видимое ее могущество, заставившее перед ним преклониться в краткое царствование Незабвенного Царя-христианина[1] все народы. Сердце Царево страдает, ибо Сердце Его — Сердце болящей России. Мы — чешуйки кожи над пораженным болез-

---

[1] *Император Александр III Александрович* (26.2.1845, вступ. на престол 1881, † 20.10.1894), начавший политику контрреформ. Новое положение о земских учреждениях 12 июня 1890 г. стеснило избирательную систему и деятельность земств, усилило правительственный надзор и позиции дворянства в земстве. Председатель и члены управ были приравнены к чиновникам. Губернатор осуществлял контроль не только «законности», но и «целесообразности» действий земств. В его распоряжение поступало специальное «губернское по земским делам присутствие», состоявшее главным образом из чиновников губернии. Земское обложение было ограничено, и земства устранялись от продовольственного дела. Дублирующая роль земств по отношению к государственному аппарату становилась все более очевидной. Однако либерально-демократические силы не хотели допустить упразднения земского самоуправления.

нью органом — повышением своей температуры указываем, где больное место. И все ждем врача, ждем его и ищем: одни — в самих себе, хотя ни один врач сам себя не лечит, другие — в Боге, держащем в Руце Своей Сердце Царево[1].

Посмотрим же, постараемся мы, ближайшие к очагу болезни, все более и более распространяющейся, взглянуть, где же ее причина, в чем лежит ее заразное начало? Не будем надевать на себя ни маски ученого лицемерия, ни тоги гражданской скорби, взглянем на дело проще и не поклонимся идолу одолевшей нас фразы.

Россия развивалась и крепла, как сказочный богатырь, не по дням, а по часам. Не успела она свалить со своих могучих плеч Смутного времени, не прошло с восстановления целости России, с воцарения Дома Романовых[2] и полустолетия, как над ней заблестела восходящая звезда, вскоре залившая потоками света Россию от края ее и до края — звезда Петра Великого[3].

---

[1] Ср.: Пр. 21, 1.

[2] Избрание на Всероссийское Царство первого Государя из рода *Романовых Михаила Феодоровича* (1613 † 1645) произошло 21 февраля 1613 г.

[3] *Император Петр 1 Алексеевич* (1682 † 1725). Впоследствии С. А. Нилус изменил отношение к Петру 1 и считал его разрушителем коренных устоев Православной Руси. В современной промасонской кн. читаем: «По распространенной в масонских кругах легенде первым российским «вольным каменщиком» был Петр I. Он был введен в масонство Кристофером Реном, магистром Великой английской ложи, за которым утвердилась слава основателя английского масонства. Факт мог иметь место во время так называемого Великого посольства в 1699 году. По возвращении в Рос-

В этом Царе-гиганте воплотилась вся мощь Самодержавия, двинувшая Россию по пути к славе и величию толчком истинно титаническим. Царь этот, начавший свое царственное поприще тяжелыми карами против развившейся за его малолетство крамолы, грозный и решительный, умевший в то же время быть добросердым и простодушным, кончил свою жизнь, как и подобает Русскому Царю, истинным христианином, положившим душу за други своя.

Величественно и определенно поставленный принцип провел благополучно Россию сквозь Сциллы и Харибды[1] регентства и иноземного влияния вплоть до нового воплощения той же безсмертной идеи в Екатерине II[2]. Эта идея, хотя и была искажена Павлом I[3], но и в иска-

---

сию Петр I создал первую русскую ложу, где он сам был вторым стражем, Лефорт — досточтимым мастером, Гордон — первым стражем. Документального подтверждения этому преданию не находится. Единственно следует сказать, что память о Петре I свято чтилась в кругах масонов. На своих собраниях они часто распевали как один из масонских гимнов популярную в то время «Песнь Петру Великому» Державина. В их глазах деяния царя-преобразователя так же пересоздали Россию политически, как они мечтали пересоздать духовно» *(Новиков В. И.* Масонство и русская культура. М., Международный центр гуманитарного и культурного сотрудничества «Мегаконтакт». 1993. С. 4).

[1] *Сцилла (Скилла) и Харибда* — двое мифических чудовищ, обитавших на двух сходящихся и расходящихся утесах, между которыми необходимо было проплыть царю Итаки Одиссею (Одис. XII, 73–126, 222–259).

[2] *Императрица Екатерина II Алексеевна* (1762 † 1796).

[3] *Император Павел I Петрович* (1796 † 1801). Оценка его правления была пересмотрена писателем, в частности, после ознакомления с пророчеством монаха Авеля Вещего Царствующему Дому Романовых (см.: На берегу Божьей реки. С. 230–234). По воспоминаниям *М. В. Смирновой-Орловой,* в 1928 г. к Нилусам в

жении своем она все-таки была им укреплена в одном направлении, без принципиальных колебаний. Со смертью Павла и с воцарением Алек-

---

Крутец приезжал их давний друг, священник о. Никита, почитавший Царя Павла Петровича как святого и мученика. По словам знатока Павловского царствования *П. Н. Шабельского-Борка* (1896 † 1952), «в Триестенской библиотеке, как зеница ока, хранится ставшая теперь редчайшей уникой брошюра, изданная в свое время причтом Петропавловского собора, о случаях чудес на гробнице Императора Павла Первого, каковых удостоверено не менее трехсот» (Два *монарха и таинственный старец Феодор Козьмич.* М., 1992. С. 11).

Товарищ обер-прокурора Св. Синода *Н. Д. Жевахов* в своих «Воспоминаниях» (Новый Сад. 1928. Т. 2. С. 380) писал: «Отношение Императора Павла I к Церкви было таково, что только революция 1917 года прервала работы по его канонизации, однако сознанием русского народа Император Павел давно уже причислен к лику святых. Дивные знамения благоволения Божия к Праведнику, творимые Промыслом Господним у его гробницы, в последние годы пред революцией не только привлекали толпы верующих в Петропавловский собор, но и побудили причт издать целую книгу знамений и чудес Божиих, изливаемых на верующих молитвами Благоверного Императора Павла I». См. также: *Вешняков Владимир.* Венок на гробницу Императора Павла I. СПб., 1991. (Репринт 1916 г.); *И. Г.* По молитвам Павла I и блаженной Ксении // Православная Русь. Джорданвилль. 1976. № 15. С. 14–15.

Митрополит С.-Петербургский и Новгородский Исидор (Никольский, 1.10.1799 † 7.9.1892) свидетельствовал: «Странное в Петербурге поверье: кто желает избавиться от воинской повинности, должен отслужить панихиду по Павлу I. К Потемкиным приехал молодой человек, очень смущенный предстоящею очередью поступить на военную службу. Ему кто-то сказал, чтобы отслужить панихиду по Павлу I. Он отправился в Петропавловский собор и исполнил. Вечером того же дня неожиданно получил весть из министерства, что он освобожден от воинской повинности. Узнали это при Дворе и прислали к Потемкиным расспросить о сем. Замечательно, что в соборе спрашивают имена тех, кто служит панихиду по Павлу, и записывают в книге» (Дневник. Запись 16.11.1882).

Интерес Двора к Императору Павлу I подтверждается и другими сведениями. Известно, например, каким почитанием

сандра I[1], а с ним идей Лагарпа[2] и Чарторыйского[3], появились первые признаки ныне развившейся болезни, выразившейся в стремлении Власти к самоумалению и в насаждении иноземного бюрократизма.

Декабрьские дни, сопровождавшие вступление на престол Императора Николая I[4], характер и величие этого истинно русского Царя вновь

пользовался убиенный Император, начиная с 1880-х гг. при Дворе Великой Княгини Александры Иосифовны (урожденной принцессы Саксен-Альтенбургской Августы, 1830 † 1911) — супруги (с 1848) второго сына Имп. Николая I Вел. Кн. Константина Николаевича (1827 † 1892). См.: Красный архив. Т. 39. М., 1930. С. 147.

По всей вероятности в годы революции и гражданской войны было сложено молитвенное обращение, бытовавшее позже в среде русской эмиграции, в том числе и среди некоторых представителей Дома Романовых:

Упокой, Господи, душу убиенного раба Твоего Императора Павла I и его молитвами даруй нам в дни сии лукавые и страшные в делах мудрость, в страданиях кротость и душам нашим спасение Твое.

Призри, Господи, на верного Твоего молитвенника, за сирых, убогих и обездоленных Императора Павла и, по молитвам его святым, подай, Господи, скорую и верную помощь просящим через него у Тебя, Боже наш. Аминь.

[1] *Император Александр I Павлович* (12.12.1777, вступ. на престол 1801, † 19.11.1825, по др. сведениям — 20.1.1864).

[2] *Фредерик Сезар де Лагарп* (La Harpe, 1754–1838) — швейцарский адвокат, политический деятель. В 1780-х гг. приглашен Екатериной II как воспитатель ее внука — будущего Императора Александра I. Неоднократно пытался влиять через последнего на внешнюю и внутреннюю политику России.

[3] *Адам Ежи (Юрий) Чарторыйский* (Czartoryscy, 1770–1861) — польский и русский государственый деятель, один из ближайших друзей Александра I, член «Негласного комитета», в 1804–1806 гг. министр иностранных дел; впоследствии активно выступал за независимость Польши.

[4] *Император Николай I Павлович* (1825 † 1855).

возвысили Монаршую власть и помогли Его Венценосному Преемнику, Царю-мученику[1], осуществить заветную идею Престола — освобождение крестьян, совершить неслыханное в истории и доступное только Единодержавной Воле деяние, эту дивную и притом чисто христианскую, безкровную революцию сверху[2]. Увлечение этим чудным актом Самодержавия, нашедшего себе достойных самого дела исполнителей в лице поместного дворянства, ближайших слуг Царя, Его истинных дружинников, во время несдержанное, завершилось прискорбнейшим событием — установлением выборного самоуправления в народе-младенце[3]. Это раздробление власти,

---

[1] *Император Александр II Николаевич* (17.4.1818, вступ. на престол 1855, †1.3.1881).

[2] Свобода крестьянам от крепостной зависимости была дарована Царским манифестом 1861 года. Дальнейшие либеральные преобразования правительства Императора Александра II закрепились в университетской (1863), судебной (1864), городской (1870), военной (1863–1874) и других реформах.

[3] *Земские органы* самоуправления учреждались реформой от 1.1.1864 для руководства хозяйственными делами: строительством и управлением местных дорог, школ, больниц, благотворительных учреждений, заведования продовольственным делом, организацией поземельного кредита, пропаганды агрономических знаний, улучшением кустарной промышленности, организацией земской статистики и т.п. Их деятельность регламентировалась «Положением о губернских и уездных земских учреждениях» (1864).

«Аппарат земства состоял из распорядительных органов — *губернских и уездных земских собраний* и исполнительных органов уездных и губернских *земских управ* (последние имели свои постоянные канцелярии, подразделявшиеся на отделы). Для выполнения своих хозяйственных задач земства получали право облагать население специальным *земским сбором.*

Выборы земских органов проводились раз в три года. В каж-

да еще в такое время, когда эта власть была особенно необходима во всей своей полноте неограниченности, омрачило благословенное царствование и роковым образом довело его сперва до «излюбленных»[1], затем до «диктатуры сердца»[2], наконец, до 1-го марта[3].

дом уезде для выборов гласных в уездное земское собрание создавались три избирательных съезда: землевладельцев (главным образом, помещиков), представителей от городского общества и сельских обществ... Все три съезда выбирали неравное число гласных в уездное земское собрание (их число определялось специальным расписанием Министерства внутренних дел) с частым превышением числа гласных от землевладельцев. Уездные земские собрания собирались ежегодно на сессия, и вся текущая работа падала на избранную ими уездную земскую управу.

Уездные земские собрания всей губернии выбирали по нескольку гласных в состав губернского земского собрания, который так же выбирал исполнительный орган — *губернскую земскую управу*. Во главе собраний и управ стояли выборные председатели, которые не только руководили деятельностью названных учреждений, но и председательствовали от имени земства в местных правительственных учреждениях (главным образом, присутствиях); председателями земских собраний были предводителя дворянства...

Никакой принудительной власти земства не имели и для приведения в исполнение своих решений должны были обращаться к органам администрации я полиции» (*Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. С. 237–238). См. оценку земств у *архиеп. Серафима Соболева* в его книге «Русская идеология» (Jordanville, 1987. С. 61) и в очерке С. А. Нилуса «Служка Божией Матери и Серафимов...».

[1] *«Излюбленные»* — наиболее приближенные к Императору Александру II сановники, которыми были в разные периоды: Я. И. Ростовцев, С. С. Ланской, П. А. Валуев, А. М. Горчаков, П. А. Шувалов, Д. А. Милютин, М. Т. Лорис-Меликов.

[2] *«Диктатура сердца»* — принятое в литературе название временного правления начальника Верховной распорядительной комиссии М. Т. Лорис-Меликова (1825 † 12.12.1888), ставшего

Неслыханное злодейство, увенчавшее венцом мученика Царя-Освободителя, имело отрезвляющее значение для всего народа, заставило его на себя оглянуться с негодованием, с ужасом на свое недавнее прошлое и дало вновь Государю в Его самодержавных предначертаниях нужных и достойных помощников и исполнителей Его Священной Воли. Что принесло России во всех отношениях незабвенное царствование Императора Александра III, к великому национальному горю столь кратковременное — это достояние настоящих и будущих историков[4]. Этот великий Самодержец был похищен от нас безжалостной смертью при самом начале своей царственной работы над внутренней Россией после того, как он, истинный Провидец, поднял и укрепил сперва национальное самосознание в глазах всей Европы, на которую мы со своим иноземным воспитанием при-

фактически диктатором после взрыва, произведенного в Зимнем дворце С. Н. Халтуриным в феврале 1880 г. Комиссия была упразднена по ходатайству самого Лорис-Меликова, и он был назначен министром внутренних дел и одновременно шефом жандармов. Лорис-Меликов несколько ослабил систему полицейского надзора, поставил вопрос о проведении ряда реформ (введение обязательного выкупа, понижение выкупных платежей, отмена подушной подати, и т.д.). К рассмотрению проектов этих реформ пытался привлечь представителей либеральной общественности. Все эти меры были большей частью одобрены Имп. Александром Николаевичем. После его убийства Лорис-Меликов вышел в отставку (1881) и, оставаясь членом Государственного совета, жил преимущественно за границей.

[3] *1 марта* 1881 года Государь Александр II был убит в Петербурге народовольцем И. И. Гриневицким.

[4] См. сноску 1 на стр. 412.

учены были с детства смотреть снизу вверх раболепными глазами. Умер Он, но дело Его осталось и над делом Его Надежда — Бог Земли русской и Царственный Его Сын, наш Государь, Которому достались в наследие и тяжелые, правда, заботы о болеющей России, но вместе с заботами и самоукрепленная Монаршая Власть, залог близкого выздоровления родины.

Итак, корень болезни России — самоумаление Державной Власти, выборное народоправство, вернее, самоуправство и как следствие уклонения от Божественного принципа — небрежение к святым началам Православной Церкви, посеянное народоправцами в руководимом ими стаде. Это невероятно дикое положение, создавшее государство в государстве, длящееся сорок с лишком лет, обратилось теперь в такую болезнь, от которой криком закричала вся Россия. Провинция в лице даже некоторых своих земцев застонала и заскрежетала зубами от нестерпимой боли. Органы ежедневной прессы разных оттенков и направлений занялись этим жгучим вопросом. Вопросы дворянский и крестьянский, рассматриваемые порознь и вместе, стали предметом неусыпного внимания всей мыслящей и читающей России. Нарыв назрел. Он готов прорваться. Все дело в том, куда он прорвется, — внутрь, вглубь организма и заразит кровь, или наружу, и наступит благодатное исцеление.

Влияние бюрократии на провинциальную жизнь — ядро России — является к настоящему времени настолько выясненным, зло, этому

ядру принесенное и приносимое, так очевидно, что я не стану на нем утруждать внимания читателя. Я прямо перейду к тому злу, которым русское общество частью намеренно, частью легкомысленно туманит свои очи.

Надвигающаяся на Россию ее внутренняя гроза создана и вызвана Земским самоуправлением и вообще всяким выборным самоуправлением, не исключая и дворянского, как принципом не только чуждым, но и прямо враждебным самодержавной Власти, Единой Создательнице вкупе с народом, *Ее совещательным органом,* величия и могущества России[1].

Что такое выборное начало? Что представляет собою Земство и вообще русское самоуправление? Что дало, наконец, это самоуправление России за четыре десятка лет своего существования?

Ответы на эти вопросы, притом ответы прямые и безстрашные, должны установить и основания, почему принцип выборного самоуправления должен быть по возможности безотлагательно предан всенародной публичной казни.

Эпоха освобождения крестьян, пора всеобщего увлечения неограниченною свободой, как и всякая необузданная радость некультурного человека, выразилась самозабвенным буйством и членовредительством. Политически мало-

---

[1] Этот постулат, выдвинутый Нилусом в согласии с церковным учением о Царской власти, входит в коренное противоречие с большинством проектов, выдвигавшихся на рубеже веков с целью соединить и завершить процесс реформ, начатых правительством Александра II, вместе с контрреформами Александра III.

культурные русские люди, по праву или даже без всякого права считавшие себя пособниками создания великого освободительного дела, посадили себе на спину новорожденного младенца, выкинутого на полную свободу, на широкую общественную улицу. Опьянившись радостью ребенка, как будто бы и взрослые люди сами не заметили в своем увлечении, как ребенок свалился с их спины на мостовую и ушиб себе в кровь головку. Видят взрослые люди, дело — дрянь: плачет ребенок. Надо ребенка утешить, чтобы от родных увеселителям не попало, надо ребенка новою игрой позабавить, заставить перестать плакать. Посадили его на стул высокий, дали ему книжку с картинками. Затих ребенок, рвет себе из книжки листик за листиком, а взрослые люди стали листики подбирать, да сами разорванною книжкой и зачитались, а про ребенка опять забыли. Упала себе деточка с высокого стула и так разбилась, что уже не плачет, а еле дышит, а взрослые люди, крику не слыша, до сих пор оторванные листки читают, все никак начитаться не могут.

Шуточное это было время, время безумием горящих глаз, жарких споров о благе общем, фразистых изречений о прогрессе, филистерстве[1], культур-кампфе[2]. Оттого и годна для его

---

[1] *Филистерство* (от нем, Philister — человек с узким, обывательским кругозором и ханжеским поведением) — обывательская косность, ханжество.

[2] *Культуркампф* (от нем. Kulturkampf, букв. «борьба за культуру») — литературное наименование мероприятий правительства О. фон Бисмарка в Германии 1870-х годов против католической церкви.

характеристики моя сказочка. Счастье еще для России, что вся эта трагикомедия послеосвободительного периода была задумана и проведена в жизнь без преступного и заранее обдуманного намерения, по простоте сердечной, наподобие Маниловского моста через пруд — не то бы осталось от нашей родины, если бы проделанный эксперимент получил свое начало от людей посерьезнее, способных похитрее и обдуманнее обмануть Монаршее доверие.

Но шутка длится уже чересчур долго — пора с ней и покончить: такая игра не доведет до добра... да уже не довела.

Что такое выборное начало?

Это — мутная вода, в которой водится всякая — крупная и мелкая — рыба. Эту рыбу всякому лестно выловить неукоснительно в свою пользу. Мутится эта вода натурой, общими усилиями всех прикосновенных к этому занятию лиц, в этой воде толкущихся, и дает эта вода при замутнении выплывать на свою поверхность элементам наиболее легковесным. Все же или почти все наиболее солидное, тяжелое, по физическим законам остается на дне и собою в свою очередь представляет также рыбу, из которой варят себе ушицу выплывшие на поверхность. Кому, хотя бы до некоторой степени прикосновенному к избирательной борьбе, не известно это основное свойство всяких выборов? Личные заслуги и личные достоинства человека более или менее самостоятельных убеждений обязательно тянут его ко дну избирательного сосуда, потому что те отрицательные качества, которые

требуются от избираемого, главным образом, способность ко всевозможным компромиссам, не могут уживаться, хотя бы и ради победы, с достоинством истинного гражданина. Вспомните баллотировку в гласные в Михайловском земстве гр. Д. А. Толстого[1]. Недаром же избирательной борьбе присвоено классическое прозвище «выборная интрига». Уже самое это такого отталкивающего характера название дает ясное представление о том, каковы бывают результаты действия выборного начала. Правда, в великие эпохи, в пору особого подъема народного духа, в годины общенародного жгучего горя выборное начало в *помощь власти* рождает героев, выдвигает из себя действительно лучших людей, но подъем духа, по самому уже свойству человеческой природы, бывает кратковременным и не может долго удержаться на первоначальной своей высоте. Вырождение наступает необыкновенно быстро, в быстроте своей соперничая разве с быстротой зарождения. Классические страны Suffrage universel'я[2] — Франция и Соединенные Штаты. Что являли они собой в их великие дни, во дни духовного

---

[1] *Граф Димитрий Андреевич Толстой* (1.3.1823 † 25.4.1889) — русский государственный деятель, член Государственного совета (1866). В 1865–80 гг. — обер-прокурор Св. Синода, с 1866 одновременно — министр народного просвещения, с 1882 — президент Академии Наук. Провел гимназическую реформу 1871 г., обеспечив преобладание классического образования. Вместе с А. Д. Пазухиным (1841 † 1891) готовил в 1880-е гг. проекты контрреформ, сторонник «сильной власти». Его деятельность была направлена к возвышению дворянства.

[2] Всеобщей подачи голосов (*фр.*), т. е. демократии. — *Сост.*

своего подъема и что дают они теперь во время мирного течения народной жизни! Посмотрите на них, особенно на Францию, и вы увидите зловещие признаки уже наступившего разложения того выборного начала, за которое мы в своем преступном ослеплении стараемся еще так цепко держаться: деморализация поголовная, поголовная гибель семьи, подкупы и общий протест истинных сынов родины, протест боязливый, ибо протест меньшинства, но тем не менее и в робости своей полный негодования и скорби.

Естественный упадок высшего напряжения духовных сил среднего человека, представляющего своей подавляющею массой все почти избирательное стадо, низводит стремления и порывы этого человека на степень низменных интересов и мелких пошленьких страстишек обыденной, серенькой, будничной жизни. Этот средний человек по натуре своей глубоко равнодушен, особенно у нас в России, ко всем явлениям, носящим общественный характер, и, преданный только своим узкоэгоистичным наклонностям, с трудом, с величайшими потугами склонен изменить коренному своему принципу: «моя хата с краю — ничего не знаю». Это тупое равнодушие и эгоизм массы находят себе в выборном начале и соответственных представителей, пароль и лозунг которых: момент... да мой! Для захвата себе этого момента, этого куска общественного пирога эгоистичная предприимчивость не останавливается решительно ни перед чем, играя, конечно,

на самых низменных инстинктах толпы для достижения в большинстве случаев одних только низменных целей.

«Присосаться к общественному пирогу», «урвать кусок общественного пирога» — выражения, не мною придуманные ad hoc[1], ярко характеризуют пресловутое выборное начало. Понимания общегосударственных задач в этой мути не ищите. При выборной системе отсутствует сплошь и рядом даже сознательное отношение к местным, областным нуждам и интересам — все сводится к торжеству мелкого честолюбия, задуманной и проведенной партийной интриги и к удовлетворению партийных вожаков жалованьем и почестями за счет выдвинувшего их общества избирателей. Раз эти цели достигнуты, весь промежуточный период от избрания до избрания уходит на укрепление старой партии или на создание новой путем угождения все тем же низменным людским страстишкам.

Проследим избирательную психологию с самой мелкой административной единицы — села и волости. Мое безпристрастное показание как коренного жителя деревни, профильтровавшего через себя довольно продолжительное увлечение призрачною свободой выборного самоуправления, не может быть лишено интереса для желающего вникнуть в его подоплеку.

Состав избирательных собраний этой единицы представляется сельским и волостным сходом из одних крестьян. Естественно, благодаря безграмотности указанной избирательной

---

[1] К этому, для данного случая, кстати (лат.). — *Сост.*

толпы речи и фразы отсутствуют, политическая программа кандидатов на избрание не подвергается обсуждению. Зато во всю свою ширь и во всю свою мощь начинает работать матушка-водочка: «Иван Петров стравил сходу 5 ведер, да его не взяла! Петр Иванов дал на 7-его и выбрали». Нравственные качества кандидата в расчет не принимаются, да о них никто из избирателей в простоте сердечной и не заботится. Выбирают на платную волостную должность или кого побогаче, пользующегося обезпеченным от хозяйственных забот досугом (преимущественно из удалившихся от дел кабатчиков-рантьеров[1], отставных урядников[2], волостных[3] писарей и т. п. из деревенской аристократии). Коренной, истовый или, как их у нас называют, «портовой» хозяин из крестьян на эту должность идет туго по неохоте к службе вообще, из боязни служебной ответственности за других, да, наконец, просто за недосугом. На мелкие же полицейские, сельские должности, скудно даже для крестьянского бюджета оплачиваемые, тянут «силом» (насильно) самую, что ни на есть, последнюю дрянь деревенскую. Тем не менее эта дрянь, иной раз даже против своей воли сделавшаяся «начальством», с получением в свои руки власти начинает немедленно давить своего брата-мужика, до известной степени ему импонировать и кончает тем, что спивается с

---

[1] *Рантье* (фр. rentier) — лицо, живущее на проценты с отдаваемого в ссуду капитала или на доходы от ценных бумаг.

[2] *Урядник* — полицейский чин в сельской местности.

[3] *Волость* — крестьянская сословная единица, охватывала несколько селений.

кругу от лишних, перепадающих ему «с миру» стаканчиков. Сколько даже сравнительно исправных мужиков в должностях сельских старост, десятских, сборщиков податей на моих глазах погибло безвозвратно от «пресыщения» этою властью[1]. Волостные старшины менее подвергались этой роковой участи как ближе вообще стоящие под контролем правитель-

[1] Для крестьян, вышедших из крепостной зависимости в ходе реформ 1860-х гг. были созданы крестьянские сословные учреждения: *сельские и волостные сходы,* сельские и волостные должностные лица, возглавляемые *сельскими старостами и волостными старшинами, волостные правления, волостные суды.* Эти органы призваны были облегчать правительству сборы налогов, выкупных платежей, осуществление государственных и земских повинностей, комплектование армии, разрешение поземельных вопросов как между самими крестьянами, так и между помещиками.

«Каждое сельское общество (включавшее одно или несколько селений) имело сельский сход, выбиравший сельских должностных лиц (сельского старосту, сборщика податей, сотских, десятских) и разрешавший некоторые поземельные дела (например, переделы общинных земель), раскладку налогов, мелкие полицейские дела» (*Ерошкин Н. П.* Указ. соч. С. 233). Гораздо большее значение имел волостной сход. Туда входили сельские и волостные должностные лица во главе со старшиной, а также выборные от каждых десяти дворов. Волостной сход выбирал волостных должностных лиц, представителей на предварительный съезд для выбора главных в уездное земское собрание от сельских обществ, разрешал хозяйственные нужды, утверждал приговоры сельских сходов и т. д. Волостной старшина избирался на 3 года и выполнял полицейские функции. В этом деле ему подчинялись сельские старосты и другие должностные лица волости, а также волостное правление, состоявшее из старшины, всех старост, сборщиков податей, одного-двух заседателей и писаря. Обязательным в волостном управлении было присутствие только старшины и писаря. Писарь назначался мировым посредником (впоследствии — земским начальником) и играл в волостном управлении важную роль.

ственной власти, особенно Земских начальников[1], где таковые стоят на высоте своего призвания.

Как я уже выше имел случай заметить, коренной мужик-земледелец неохотно идет в выборное «начальство», но если вникнуть глубже в дух крестьянина, то нельзя не заметить, что он, как дух истинно русского человека, остался к выборной системе самоуправления или совершенно равнодушным, или же прямо враждебным. Да это и понятно, потому что, раз в нем сохранилось здоровое нравственное чувство, он не может не видеть, и видя, не презирать результатов своего самоуправления. Все эти великолепные слова, которыми мы упивались во дни молодости и которые народниками[2] были приписаны народу в доказательство ему будто бы присущей склонности к выборному началу, слова о том, что «мир — велик человек» или «мир не обманет», на деле при близком знакомстве с деревней разлетелись, как сонное видение при блеске солнечном. Правда, когда по деревням еще было живо семейное начало, сын

---

[1] *Земские начальники* — административно-судебные должностные лица, назначались из дворян. По закону от 12.7.1889 ими был заменен институт мировых посредников, ведавший поземельными отношениями помещиков и крестьян. Земские начальники получали широкие полномочия по утверждению решений крестьянских учреждений, назначению и смещению лиц в них, неограниченные права наказания крестьян (см.: *Ерошкин Н. П.* Указ. соч. С. 235).

[2] *Народничество* — преобладавшее в 1870-е годы направление в российском демократическом движении. Народники пытались преподнести коммунистические идеи как развитие присущих крестьянской общине начал.

еще не таскал отца сажать в волостную, «холодную», пока еще сохранялась в своей хрустальной чистоте Православная Вера, не тронутая нечистыми руками «новых веяний», мир был силен своими «стариками», хотя далеко не в смысле начала самоуправления, как мы его теперь понимаем, а как патриархальное совещание мужей разума, совета, старейшин по важнейшим вопросам деревенской жизни. Взрослая молодежь, хотя и достигшая политического совершеннолетия, допускалась на мирской сход, но суждение свое высказывала редко и главным образом поучалась. Все вопросы, составлявшие предмет совещания миром, разрешались в действительности только немногими «стариками». Производились и выборы должностных лиц и все тем же наиболее зрелым элементом сельской общины. «Как старики положили, так тому и быть». Это было время сильной и твердой опеки над народом. Пока еще была светла память об этой опеке, был жив и «мир» как светлое и чистое начало. Исчезла эта память, сошли с житейской сцены «старики» — носители старых преданий, исчез и «мир».

Во что теперь выродилось это выборное начало, это деревенское самоуправление?

В лишний предлог лишний раз выпить на мирские или иные средства, не исключая, в крайнем случае, и собственных — в складчину. Элементом, вершающим все «мирские» вопросы, является всегда небольшая кучка открытых или тайных деревенских кулаков-мироедов, процентщиков, без креста на шее, поддержан-

ная горлодерами деревенского отребья, их экономическими рабами. Еще остающийся в деревне немногочисленный здоровый элемент, не обладающий достаточною дозой нахальства, затирается на сходе, и их робкий голос не имеет никакого кредита перед здоровенною глоткой рваного пиджака деревенского деятеля новейшей фабричной формации.

Это дикое, пьяное самоуправство не могло в должной мере быть урегулировано деятельностью нового, благодетельного по мысли, но несовершенного по проведению в жизнь Института Земских Начальников. Отмечаю этот факт с целью показать, что само Правительство, вопреки стонам шаманов либерализма libres penseurs'ов[1], старающихся скрыть от него безотрадное положение деревенской общественной жизни, открыло истинный корень народного разложения, сидящий в выборном крестьянском самоуправлении.

Хотя работа выборного самоуправления сословия дворянского (самоуправления других сословий я не беру в расчет, ибо политическое значение их минимально), земств и городов производится руками более культурными, но характеристические черты психики выборного начала остаются в существе те же, что и в деревне. Нет той примитивной грубости важнейшего деревенского избирательного стимула — матушки-водочки, нет кулаков-мироедов, однокорытников с низшим сельским начальством, нет рваного пиджака мирского горлодера. Со сторо-

[1] «Свободных мыслителей» (*фр.*). — *Сост.*

ны посмотреть — люди на высоте призвания знают, чего хотят, и хотят как будто хорошего. Здесь вы услышите речи о правах человека, провозглашение программы безкорыстного, чистого служения. Но взгляните поглубже, и под этою прилизанною, как будто чистенькою внешностью вы увидите и ту же водочку, и тех же мироедов, и тот же пиджак, и то же равнодушие массы к общественному делу.

Водочка в былые времена, еще очень недавние, пожалуй, даже еще не канувшие в вечность, заменялась, если еще и теперь не заменяется, так называемою «кормежкой» или полного состава избирателей, или наиболее влиятельных партийных вожаков, чествуемых зваными обедами, устраиваемыми с избирательными целями кандидатами на избрание. Кулаки-мироеды, пиджак, ame damnee[1] первых, орудуют с тою же силой у избирательных ящиков, даже с силой большею, так как они сами себе господа, и нет над ними Земского Начальника. Богатые, знатные и влиятельные ведут за собой, куда хотят, своих клиентов, которым благодаря своему экономическому рабству только и нужно, что хорошо оплачиваемая общественная должность, могущая кстати удовлетворить и низменному честолюбию. Конечно, при таком положении избирательного дела все основано на умении лавировать среди всевозможных партийных течений, жертвуя для того, естественно, и совестью, и честью. Образовавшаяся с течением времени привычка к такого рода

---

[1] Преданнее (душою и телом) (*фр.*). — *Сост.*

жертвам формирует из человека настоящего волка избирательного моря, окончательно не стесняющегося в выборе средств для достижения успеха своим чисто эгоистичным стремлениям. До общественных ли тут интересов, хотя они, обыкновенно, для видимости и выставляются на первый план?

Но в этом воплощении выборного начала заключаются совсем особые черты, до которых еще не доросла деревня, несмотря на усиливающуюся год от году ее испорченность. Черты эти с укреплением за давностью в земском и городском самоуправлении сознания безнаказанности начинают выясняться перед наблюдателем все резче и резче и заставляют задумываться о том, что же ждет Россию, если эта безнаказанность все будет продолжаться и не будет, наконец, пресечена возможность дальнейшего развития этой язвы. *Язва эта заключена в стремлении, уже ясно выразившемся, главарей земского и городского самоуправления и в них воплощенного начала выборного самоуправления к обособлению, к выделению городов и земств в самостоятельные республики и к отпадению их от коренного государства.*

Прежде чем перейти к фактам, к рассмотрению улик прямых и косвенных, изобличающих наше самоуправление в сепаратизме, я считаю необходимым сделать небольшое отступление.

Основание необычайного роста могущества России — дух народный, поддержанный и укрепленный тремя принципами: Вера, Царь и

Отечество, Это триединое земное составляет весь смысл жизни русского народа, это его Святая Святых — цель его земных стремлений. Посягательство на целость одного из принципов с неудержимою силой влечет за собой нарушение Божественной гармонии и стройности, поистине неземной, целого. Это — аксиома, поддерживаемая всеми известными человечеству законами.

Религия, чтобы остаться в сердце ее исповедующих на своей первоначальной Божественной высоте, должна в глазах их и умах быть запечатлена чистыми руками Отцов Церкви и Ее служителями, от Них преемственно получающими благодать истинного учения, не затмеваемого ни лжеучениями сынов мира, ни модными фразистыми веяниями. Всякое покушение на преподание начал Св. Веры иными устами, кроме уст посвященных, является посягательством на ее чистоту с его роковым последствием — утратой Веры и религиозного чувства в народе. Эта ничем невознаградимая утрата Веры — нравственная смерть для всякого человека, а для русского в особенности, ибо его Вера во все времена буквально горами двигала и из темного народа создала великую нацию, перед которой невольно преклонили голову все князья мира.

Власть царская, основанная на началах Св. Церкви, и, следовательно, происхождения по существу своему Божественного, в целях сохранения своей неприкосновенной чистоты и целости не подлежит никакому ограничению

кроме закона религии и с нею тесно и неразрывно связанных законов высшей нравственности. Как власть, создающая закон человеческий, хотя она тем самым и является первою и примерною его исполнительницей, но тем не менее в творчестве своем, целью которого должно быть безкорыстное в человеческом смысле созидание народного блага, не может быть ограниченною даже и этим законом. Если в семье ослабевает или раздробляется власть отца, гибнет семья. Что же может ожидать такую несравненно более сложную организацию, как государство, при раздроблении государственной власти на самоуправляющиеся части?! Как в единой семье двух семейных авторитетов, взаимно друг друга уничтожающих, быть не может, так точно при единой и нераздельной Самодержавной власти не может существовать другая, хотя бы и местная только власть, создаваемая выборным самоуправлением. Даже пчелиной семье дано твердое и ясное понимание этого государственного начала. Почему оно не дано человечеству?

Одно из двух: или Самодержавный Царь, упование всего русского, сохранившегося еще в русском народе, или Всероссийская республика с Сенатом из всесословников, Предводителей Дворянства, Председателей всевозможных Управ, городских лорд-мэров и с Палатой Депутатов из Волостных Старшин и Сельских Старост. До этого ужаса едва ли, благодарение Богу, доживут и наши праправнуки, но что к этому направлены затаенные цели нашего са-

моуправления, наших «передовых» деятелей с их проповедью всевозможных эволюций, не может, мне кажется, вызывать ни малейшего сомнения. Признаки подпольной работы отделения выборной власти от исконной государственной, тщательно скрываемые от непосвященных взоров, немногочисленны, правда, но и в своей немногочисленности необыкновенно ярки. В самом консервативном элементе русского самоуправления — в дворянстве, даже и в нем за последнее время слышна стала работа в указанном направлении. Montesquieu [Монтескье][1] еще отметил роль дворянского сословия в жизни монархии, говоря: «point de monarque — point de noblesse, point de noblesse — point de monarque»[2]. Направление некоторых современных Губернских Предводителей Дворянства, поддерживаемое самими дворянскими собраниями, облекающими их своим доверием, клонится к слиянию сословий, к поглощению дворянства всесословным Земством. Эти предводители, ничуть не стесняясь возложенным на них званием, утвержденным за ними

---

[1] *Шарль Луи де Секонда, барон де Ла Бред и де Монтескье* (1689–1755) — французский философ-просветитель. Отстаивал идею конституционной монархии и принцип разделения властей.

[2] Состояние монархии — состояние дворянства, состояние дворянства — состояние монархии (*фр.*) — *Сост.*

В итоге *реформ 1860-х годов* большинство земельных владений продолжало числиться *за дворянами*, в 1877 г. оно составляло 80 % всей частновладельческой земли (73,1 млн. десятин — 53,2 млн. к 1905 г.). Дворянское сословие продолжало сохранять господствующее положение в управлении страной. Земская контрреформа 1890 г. Имп. Александра III утвердила первенствующее положение аристократии в земском самоуправлении.

Высочайшею Властью, открыто и докторально объясняют предводимому ими дворянству об естественной будто бы эволюции им переживаемой. И дворянское самоуправление им благоговейно и с благодарностью внимает. Зараза эпидемической самоуправленской вольницы поразила и часть сердец, бившихся еще недавно в унисон за своего Государя и чутко прозревавших все, что могло клониться к Его Государеву ущербу.

Если зараза тайного и далеко еще не всеми сознаваемого противодействия власти коснулась русского дворянского сословия, призванного от века быть стражами Престола, то в городском и земском самоуправлении это скрытое противодействие проявляется еще резче. Слыхали ли вы, какой гвалт в этих самоуправлениях поднимается, когда вопиющие, в них возникающие неурядицы требуют вмешательства Правительственной власти? В таких случаях деятели самоуправления, обыкновенно разбитые на враждующие между собой партии, с необыкновенным и трогательным единодушием сплачиваются и выступают на борьбу с этим вмешательством, которое они на своем политическом жаргоне именуют правительственным произволом. Горе назначенному Правительством Городскому Голове или Председателю Земской Управы — его, подобно овце, попавшей в волчью стаю, немедленно же постараются «подвести», а затем и растерзают только из «принципа», хотя бы личные качества правительственного ставленника и были вполне безупречны.

(А недавно бывшее столкновение Тульского губернатора с Богородицкою земскою Управой, позволившею себе переступить границу даже приличия по отношению к представителю Высочайшей власти в губернии! А сопротивление Курского земства устройству в губернии покровительствуемых самим Государем церковных школ[1]?!)

Достаточно хотя бы только кажущейся неопределенности взглядов высшего Правительства на внутренние политические задачи, вожделения самоуправления немедленно же начинают сказываться. Вспомните толки о конституции при начале каждого нового царствования, вспомните всеподданейшие (какова наглость!) адресы некоторых Земств, о которых не пишут, но о которых тем не менее говорят. Разве это не проведение в жизнь «принципа», тайно гнездящегося и тайно непрерывно работающего против законной власти. Малейшего колебания на высотах Престола достаточно для того, чтобы этот скрытый антагонизм горделиво поднял голову. Читаешь газеты и удивляешься, неужели же не видят, кому ведать надлежит, к чему направлены эти самоуправные стремления! «В Московской Губернской Земской Управе, — читаем мы, — получено извещение от губернских земских Управ — Орловской, Воронежской, Владимирской,

---

[1] *Церковно-приходские школы* являлись начальными школами в России. С началом контрреформ 1880–90-х гг. Государь Александр III стал оказывать им особое покровительство. В 1884 г. появились «Правила о церковно-приходских школах», число школ возросло с 5517 (1885) до 42 696 (1905).

Харьковской, Пермской, Костромской и Олонецкой о желании присоединиться к изданию земского органа печати в Москве».

Теперь мы, стало быть, находимся уже в фазисе объединительной работы: нынче — свой орган, имеющий будто бы служить мирным целям единого всероссийского самоуправления, завтра центральный земский всероссийский Исполнительный Комитет для тех же будто бы целей, послезавтра...?! Где же конец? Подумать страшно! Это уже не преступное легкомыслие — это система!

До чего, до какой мелочи (но мелочи тем не менее знаменательной) доходит это стремление к сепаратизму, где только на него не накладывают своевременно руку, видно из устройства земствами своих портретных галерей. Портретов общегосударственных деятелей в этих галереях не увидите; там все свои, свой air fixe[1], свои Добчинские, никому кроме местных вожаков неизвестные, но тем не менее горделиво висящие в назидание лжи и обману нашего позорного времени. Попробуйте снять с самоуправленского гвоздика эти никому не нужные портреты... Батюшки светы! Самому Сенату не будет покоя: нарушение прав человека! Насилие!

Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно!

Но людей, а стало быть, и людские учреждения, судят по их делам. Может быть, это

---

[1] Застоявшийся воздух (*фр.*). — *Сост.*

пресловутое самоуправление успело что-нибудь совершить великого за сорок почти лет своего существования? Может быть, оно улучшило быт самоуправляемого народа? Воспитало народ в незыблемых духовных началах, подняло его самосознание? Дало из среды своей великих деятелей на общегосударственной ниве, кроме висящих в позолоченных рамах в залах отечественных парламентов?

Самоуправлению отмежеваны были в сферу его деятельности: народное образование, народное здравие, народное продовольствие и самообложение на удовлетворение вышепоказанной деятельности, включая в эту деятельность и удовлетворение населения исправностью местных путей сообщения.

Следствие, произведенное сенатором С. С. Жихаревым[1] в 1874 году над 193, дало такую картину положения земского народного образования: сельские учителя и учительницы толковали своим ученикам, что «порядки у нас дурные, что скоро наступит другой, лучший порядок, когда бедные отберут землю у богатых». Показывая детям нож, эти воспитатели деревенского юношества объясняли, что «он пригодится резать господ». Сельские учительницы читали тем же детям про Стеньку Разина[2] и говорили, что

[1] *Сергей Степанович Жихарев* — тамбовский помещик, сенатор, сын писателя С. П. Жихарева.

[2] *Степан Тимофеевич Разин* (ок. 1630 † 1671) — зачинщик бунта 1670–1671 гг., пойман и казнен. «Разиновщина» стала синонимом разбойничьей вольницы, дикого бесшабашного разгула. В первую неделю Великого поста, среди прочих, провозглашается анафема «бунтовщику и изменнику Стеньке Разину».

«надо сделать бунт, перебить господ, как Стенька Разин перебил бояр, и что все должны быть равны». Так «образовывало и воспитывало» деревенское юношество, будущее войско Царя и Отечества, земство в эпоху ничем не стесняемого земского самоуправления. Стало быть, сильна была рука у земства, что она могла уничтожить всю политическую жизнь такого выдающегося по гражданскому безстрашию деятеля, каким был Жихарев, осмелившийся ради своего Государя приподнять уголок правды, скрывавшей земские тайны.

Слово — Бог — было изгнано из школьного лексикона. Священнослужители и церковные обряды подвергались осмеянию, правила Веры были в этой школе предметом глумления, семья как элемент, сдерживающий дурные инстинкты, — поруганию. Так шло до половины царствования Императора Александра III, до учреждения более бдительного правительственного контроля над местным самоуправлением. Такое «образование» дало обществу вконец испорченных полуграмотных дикарей. Масса, к счастью России, оставалась без «просвещения». За сорок почти лет своего существования земская школа, съевшая у общества большие миллионы, выпустила из своих стен на свет Божий только одну развращенную тьму невежества. Но затаенная цель этим достигалась: один из вековечных устоев русской народной жизни — Вера — подвергался разрушению нечистыми руками.

Дала ли эта школа своего Ломоносова[1], не только Ломоносова, хотя Тредиаковского[2], чтобы появлением *одного* праведника было бы можно оправдать город? Никого. Полуграмотных мошенников много, но все же не настолько, чтобы поднять сколько-нибудь значительно процент народной грамотности. Выбитого же из колеи, без всяких нравственных принципов вредного элемента, распространителя нравственной заразы — сколько угодно.

В деле народного здравия, этом излюбленном коньке, на котором любят выезжать земские деятели, может быть, в этой деятельности показало себя на высоте призвания выборное самоуправление?

Не станем смотреть на больничные дворцы, построенные земствами в своих центрах, где «всего есть, коли нет обману». До этого центра простому человеку деревни высоко, как до Бога, а между тем его-то кровная копейка на создание этих дворцов и тратится с безумною роскошью для прославления одних только имен создателей храмин. Что мы увидим в охранении народного здравия в глуши деревни? Полную безпомощность, от которой гибнет ежегодно сотнями тысяч деревенская масса, гибнет безгласно, безропотно, в одной надежде на Бога, да на

[1] *Михаил Васильевич Ломоносов* (1711 † 1765) — великий русский ученый и поэт, основатель Московского университета. Утвердил в русской поэзии силлабо-тоническую систему стихосложения.

[2] *Василий Кириллович Тредиаковский* (1703 † 1768) — русский поэт, впервые ввел в русское стихосложение силлабо-тонический принцип книгой «Новый и краткий способ к сложению стихов российских» (1735), член Академии Наук с 1745 по 1759 гг.

все еще орудующих по темным деревням знахарей. Держится эта земская медицина еще кое-как по тем местам, где еще цепляется за соломинку в борьбе за существование исконный дворянин землевладелец. Там и унывающий врач находит себе нравственную и материальную поддержку, там и больничка начинает приобретать чистенький и веселенький вид, там являются и необходимые медицинские средства, даваемые из последней скудости, прямо из последнего, не показывая правой руке, что творит левая. Но это — усилия отдельных лиц, иногда вовсе ничего не имеющих общего с земством. Роль же земства ограничивается только плохим ремонтом больничных зданий, когда-то устроенных в порывах увлечения земскими идеалами, да неаккуратною и нищенскою выпиской лекарств и столь же неаккуратною выдачей жалованья земским врачам. Далеко за справками ходить незачем: о том, как поставлена земская медицина, спросите любого, но только не «идейного» земского врача, спросите любого мужика в деревне — безпристрастный ответ не будет противоречить моему показанию. Нельзя же, в самом деле, упрекать в одном только невежестве нашего крестьянина, до сих пор предпочитающего умирать дома, на лавке, от вздорного нарыва на пальце, чем идти к доктору, удаленному от него за 30–40 верст (это расстояния центра. А — окраин?). Сорок лет плодотворной, а не показной деятельности должны же были бы пробить всякой толщины кору невежества и недоверия.

Несостоятельность самоуправленской медицины особенно ярко проявляется в годины эпидемий. Немедленно тогда земства и города, поджав хвосты, идут за помощью к Правительству. Горделивое самосознание прячется тогда в задний карман и униженно признается собственное безсилие.

До чего под руководством земств пала в бездонную пропасть народная нравственность и до чего даже, по-видимому, благие начинания земского самоуправления не имеют под собой плодотворной почвы, видно на действии новорожденного института земского взаимного страхования. Поверят ли моему безпристрастию, если я скажу, что деревни со введением этого страхования стали поджигаться самими крестьянами с целью получения страховой премии. Факт доселе неслыханный, трудно юридически доказываемый, но тем не менее многим из нас, живущим в деревне, известный как достоверное.

Что сказать о деятельности нашего самоуправства в деле обезпечения народа продовольствием? В улучшении народного быта?

За меня вопиет вся большая и малая пресса. Царские истинно царственные дары, частная благотворительность, я уже не говорю о Правительственной помощи из средств Государственной казны, помощи, которой, кажется, и конца не предвидится, — все это результат сорокалетней земской деятельности, ее одной и никого больше. Когда разоряется богатое имение, мы упрек в его разорении ставим хозяину

и никому больше. Хозяин — земство, еще на моей памяти получившее от старого режима немолоченные за несколько лет мужицкие скирды и кладушки, оно и должно быть ответственным за разврат руководимого им населения, приучаемого теперь, если уже не приученного, к даровому хлебу, оно должно быть ответственным за то, до чего, до какого страшного экономического падения оно довело население. Если бы земское самоуправление было бы только управляющим на отчете, его надобно было бы отдать под суд за обманом нарушенное доверие, но раз оно было хозяином, раз его допустили играть несвойственную его дарованию роль, оно должно правительственною властью быть безследно изъято из современной и будущей жизни Российского государства.

Довольно наших малодушных заигрываний, довольно нашего постыдного преклонения перед фразой, довольно этой пресловутой свободы, граничащей с разбоем. Банкротство самоуправленских касс, городских и земских, голод и болезни народа, победоносного шествия которых не могут остановить даже знаменитые земские мосты, — все это вопиет к Царю, единому нашему упованию. Мы задыхаемся во мраке нашего земского безправия и безначалия. Должны быть восстановлены во всей их неземной красоте три великих принципа земли русской: Вера, Царь и Отечество, перед которыми да сокрушатся все сопротивные силы.

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

КАК ЛЕЧИТЬ БОЛЕЗНЬ РОССИИ?

Как вырвать зло с корнем?

«La lutte qui va s'engager sera reellement grande, mais aussi elle sera decisive, l'ulcore va etre gueri du coup. Si au contraire vous faites un arrangement, I 'ulcere va redter interne».

Bismarck («Pensees et Souvenirs»)[1]

В предшествующей главе, говоря о «корне зла», я указал, что Россия как государство вполне самобытное устроилась на основании трех незыблемых начал: Веры, Царя и Отечества. В той же главе я отметил нарушение чистоты первых двух принципов — умаление в народе Веры, вызванное преподанием Ее святых начал нечистыми руками непосвященных, и самоумаление Царской власти, выразившееся в установлении рядом с Самодержавием законного Монарха некоторых Его ограничений, главным образом, параллельной власти местного выборного самоуправления — дворянства, крестьянства, земщины и городов. Таким образом, стройность и величественность Государствен-

---

[1] «Борьба здесь по-настоящему усиливается, но когда она становится решительною, яма неожиданно исчезает. Если же, напротив, вы приходите к соглашению, яма останется внутри». Бисмарк («Мысли и записи») (*фр.*) — *Сост.*

Отто-Эдуард-Леопольд фон Бисмарк (1815–1898) — канцлер Германской империи, один из крупнейших государственно-политических деятелей XIX столетия.

ного здания — Отечества — неизбежно должны были быть искажены в своей поистине Божественной гармонии и вызвать те болезненные явления государственного организма, от которых в настоящее время так страдает Россия с Царем своим во главе.

Радикальное исцеление, раз найден заразный очаг болезни и известны средства лечения, не замедлит последовать, если только к лечению будет приступлено немедленно и с решительностью, без полумер и компромиссов.

Средства лечения — власть Монарха, к счастью для России все еще Единодержавная и Самодержавная, и истинно русские слуги Царевы, которыми еще, Бог даст, не оскудела русская Земля.

Народ наш — все то, что принято называть народом, то есть 97 % всего населения, живущего на коренной русской территории, составляющего его центр, создавшего русское Государство, консервативен и с великим трудом идет к тем горизонтам, которые ему лицемерно открывают либеральные чревовещатели. К сожалению, думы народные не всегда во всей чистоте доходят до высот Престола, а передаются Ему обыкновенно под известным углом зрения лиц к этому делу прикосновенных. При всем желании быть беспристрастным человек, оторванный надолго от земли, теряет связь с землею, и ум его не может отрешиться от того, что принято у нас называть теориями с их веяниями и течениями. Самые благорасположенные к чистому служению добру и общественной пользе люди, даже высоко

стоящие по своему государственному умственному развитию, раз оно не сдержано властью родной земли и религии, становятся cupidi rerum novanim[1], и потому к народному консерватизму, к мудрости народной относятся слегка сверху вниз: «Вы-де сами не знаете, чего хотите. Позвольте нам за вас это лучше знать, ибо мы — посвященные, мы прозрели тайны государственного управления, тогда как они вам не могут быть понятны».

Несомненно, высоты государственных задач недоступны пониманию темной массы, тем не менее не нужно забывать, что сами-то эти государственные задачи исходят, создаются этой массой. Не было бы массы, не могли бы возникнуть и сами задачи. Непонимание чувств и требований жизни этой массы влечет за собою деление людей управляющих и управляемых на Олимп[2] и Тартар[3], вызывая тем то положение, в котором «то сей, то оный на бок гнется», и, конечно, и «сей», и «оный» — оба в одинаковой мере страдают и, страдая, чувствуют свое безсилие помочь общей безтолочи.

Почему я, ничтожная песчинка со дна народного моря, почему я беру на себя такую не-

---

[1] Стремящимися к новым веяниям (лат). — *Сост.*

[2] *Олимп* — в греч. мифологии гора в Фессални, на которой обитают боги.

[3] *Тартар* — *в* греч. мифологии пространство, находящееся в самой глубине космоса, ниже аида. Словом тартар выражается место вечного, нестерпимого хлада, куда будут посланы души грешных людей. Самое греческое tartaros лексикографы возводят к tartario — дрожу от холода, и разумеют под тартаром подземную, солнцем никогда не освещаемую и не согреваемую пропасть, где свирепствует холод.

слыханную смелость, как указание Государству его прямого пути, его государственных задач?

Потому что я — голос из народа, из центра русской деревни, потому что мне дано именно в силу этого ничтожного положения песчинки видеть то, что не видно большим кораблям в большом плавании, потому что я всеми силами своей души хочу истины и истину вижу только в том, что мне властно приказывает моя верноподданическая присяга, моя Православная Вера, что говорят моему сердцу вековые, родные предания и что указывает мне народ, ибо я — плоть от его плоти, кость от его кости.

Если взглянуть на государство с его полуторамиллиардным бюджетом, с его многомиллионным войском, его могущественным флотом, если поднять взор на учреждения его государственные, наконец, на его государственные задачи в области внутренней и внешней политики — это так громадно, так величественно, так недоступно и непостижимо уму среднего человека из управляемой толпы, что, кажется, и подступиться страшно. Но в мире Божием всякая величина в безпредельности творения представляет собою величину только лишь относительную. Посмотреть на великана с высокой колокольни — он не больше мухи. Посмотреть издали на высокую колокольню — она не больше карточного домика. Что такое прогресс и регресс (у нас это последнее слово любят называть реакцией) в безконечной связи веков жизни человечества? Старое, забытое, брошенное в темь тысячелетий за негодностью, становится будто

бы новым, и новое человечество к этому будто бы новому стремится в своем сознании, неукрепленном религией, единственно вечным принципом всего сущего, как к чему-то вожделенному и неиспытанному.

Если я, средний человек, читаю в отчетах Министерства Финансов, что годовой оборот государственного хозяйства представляет собою цифру в полтора миллиарда, а годовой платеж по ипотечной задолженности всего русского дворянства цифру в 25 миллионов, я остаюсь нем перед этими непостижимыми для моего воображения величинами, и рука моя, привыкшая на косточках счетов отбивать цифры десятитысячные, перейдя даже на сотни тысяч, начинает путать мои исчисления — я теряюсь. Стоит же мне сказать себе: предположи, что эти $^1/_2$ миллиарда — это только $^1/_2$ тысячи. Во что тогда обратятся данные 25 миллионов? Я тогда с радостью вижу, что эта, такая для меня с первого взгляда страшная цифра обращается... всего в 25 рублей, которые я, средний человек, получающий 1500 рублей годового дохода, в Татьянин день, юбилей моей almae matris[1] могу довольно-таки безрассудно прожить без заметного ущерба для своего немногосложного бюджета.

Так все на свете относительно!

А между тем, мое понимание среднего человека тут же отказывается работать, когда я

---

[1] Букв. «кормящей матери» (лат.) — старинное студенческое название университета (дающего духовную пищу); употребляется в полушутливом смысле. — *Сост.*

вижу, что ум государственных людей останавливается перед роковой загадкой, как снять с души исконных Царевых слуг, Его Государевых дружинников, ту нестерпимую муку, которую ей приносят два раза в год, а то и больше, в весенние и осенние месяцы эти такие относительные, но вместе с тем такие безжалостные цифры!! Ну уж, куда ни шло, думает средний человек: мука отдельного лица должна поглощаться общим государственным благом. Но когда эта мука влечет за собою духовное разложение доведенного до отчаяния, и это разложение, как нравственная зараза, передается от одного к другому, заражает собою целое и притом важнейшее сословие и гонит его от дорогой ему земли под канцелярские своды, где чахнут и сохнут лучшие русские силы, тогда эта мука становится язвой целого государства — это уже не Татьянин день моего примера. Это — разложение государственных устоев!

Что такое Государство?

Это — мое маленькое деревенское хозяйство, хотя увеличенное в громадных размерах, но тем не менее сходное до тождественности. Разница только в одном: тогда как мое деревенское хозяйство отвечает за свою задолженность землею и трудом — душой хозяина, то есть всем, что для человека есть на свете заветного и дорогого как для существа живого и деятельного, от земли исходящего и в нее возвращающегося, в то же время Государство отвечало кредитными бумажками по курсу. Теперь, правда, оно отвечает золотом, что не помешает ему, так мне

думается, завтра же отвечать теми же бумажками.

В хозяйстве моем, если только я действительно хозяин, я не допускаю и мысли рядом с моей хозяйской властью какого-либо выборного от моих рабочих самоуправления: я — единоличен в своих распоряжениях, но советом избранных *мною же* начальников над рабочими не пренебрегаю и иной раз даже, вопреки своим предначертаниям, поступаю согласно с указаниями этих советов. Я взимаю аренду — подати с моих фермеров, не спрашивая их, согласны ли они на это обложение, раз оно законно, сообразно с местными условиями и, по моему мнению, справедливо, и взимаю их в случае неплатежа принудительно через местного Земского начальника. Я использую природные богатства моего имения без ущерба, однако, для целости имения; я держу служащих и выплачиваю им жалование; я забочусь, насколько это дано моему разумению, о нравственности моих рабочих; я избираю для них начальников; я способствую, поскольку это в моих средствах, их образованию, покупая для их чтения в длинные зимние вечера на свой счет книги; я забочусь об их гигиене, давая им светлые и теплые жилища, призываю, когда они болеют, врача и покупаю на свой счет медикаменты; я творю между ними свой суд и расправу в пределах компетенции моей хозяйской власти; я заключаю торговые договоры и не лишен права заключать союзы; я, наконец, веду политику внешнюю с моими соседями — словом, мое хозяй-

ство и хозяйство всякого работающего на этой ниве хозяина представляет собою миниатюрное государство, но не в государстве, ибо я на ход государственной жизни не влияю ничем, кроме, быть может, своего примера, во всем подчиняясь без тени прекословия общеимперским законам.

Раз так много общего, так много тождественного между организацией моего хозяйства и организацией хозяйства государственного, я уже невольно чувствую за собою право высказать свое суждение и высказать его без лицеприятия.

Всякое хозяйство дышит и живет системой, строго и определенно проведенной хозяином. Если отсутствует система, гибнет хозяйство, даже если отдельные мероприятия будут и рациональны, и удачны.

То же — и в государстве.

В России эта система заключена: в Вере, Власти Царя, во всей Ее неприкосновенности, проведенной в жизнь мельчайшей общественной единицы Царевыми слугами, связанными вековой цепью с Престолом и землей. *Природные слуги Царя — поместные служилые дворяне, поставленные на высоту своего призвания и на этой высоте укрепленные Царской Властью.*

Система нарушена. Жизнь стала невыносима. Мы, дворяне, бежим с насиженных мест или добровольно и заблаговременно, или нас выгоняют принудительно, уже, конечно, не спрашивая нас, своевременно ли это или несвоевременно. *Связь Царя с землей прерывается.* Что будет с землей, что ждет народ, теряющий к

тому же день ото дня свою Веру, когда эта связь прервется?!

Изженяя русское самоуправство, как восстановить Царю нарушенное ныне равновесие стройной системы, некогда создавшей и вознесшей на недосягаемые высоты Россию? Как провести во всей чистоте и строгой последовательности принцип Самодержавия, достигая при том не дробления власти, а приближения ее к народу?

Прежде всего следует озаботиться об укреплении Православной Веры в народном сердце, ибо если «несть власть, аще не от Бога», то и, наоборот: нет Бога, нет и власти. Вера же должна быть преподана чистыми устами посвященных, получающих власть учить от Святой Церкви. Для этого необходимо, насколько возможно, повысить умственный и нравственный ценз Духовенства, начав с необходимых для того реформ Духовных Училищ и Семинарий, привлекая на их профессорские кафедры выдающихся богословов и по возможности *закрывая доступ лучшим ученикам в иные светские учебные заведения.* Что может ожидать Церковь, когда Ее лучшие надежды будут поглощаться миром? Даст ли тогда Она вновь России ее славных Святителей? Не насилием, конечно, это достижимо, но всем духом заведения, воспитывающего будущих пастырей духовных. *Главнейшим стимулом удержания лучших сил духовного сословия на чреде служения Церкви и духовным нуждам паствы — это установление материальной независимо-*

сти служителей Бога от пасомых. На это должны быть найдены средства, хотя бы из средств на военные нужды, ибо не столько оружием человек побеждает врага, сколько своим духом. История являет тому многочисленные и необыкновенно яркие примеры.

Хотя Царство, Которому служит Духовенство, не от мира сего, но Царство это, представляя собою идеал Божественный, к которому мы должны стремиться в своем самоустройстве и которое на земле имеет свое отображение в Царстве Помазанника Божия, никем иным кроме Духовенства в духовную жизнь русского человека, в его сознание, укрепленное Религией, проведено быть не может как идеал возвышенный и вечный.

Не верьте суемудрому толкованию современных фарисеев и с ними соединившихся мытарей, уверяющих вас, что с жалованием, дарованным духовенству, исчезнет будто бы его тесная экономическая, а следовательно, и нравственная связь с паствой. Кто жил в деревне и думал над деревней, не может не знать, как относится народ «к поповским поборам»: и «свинья-то у попа сытая от мирских лепешек, и кобыла-то поповская, что твой боров, откормленная, и поповы-то лапы загребущи, и глаза-то поповы завидущи». Злобы нет в этих приведенных мною и заимствованных у народа выражениях: неспособна русская душа, Божия храмина, на злобу, но нет в них, я думаю, и благожелательности, указывающей на нравственную связь, и, что всего

тяжелее, нет в них и должного к служителю Бога почтения.

Говоря в ниже предлагаемой мною системе на первом месте о Духовенстве, я неизбежно тут же должен коснуться вопроса о *народных школах*.

Как уже было высказано в первой главе моей брошюры, народная школа в тесном значении этого слова была почти безконтрольно отдана в ведение и устроение так называемого общества — овцам, которых пастырь предоставил собственному произволу. Мы уже видели, что дала эта школа. Проводя строго систему Монархического Государственного Управления, я неизбежно вынужден признать, что все школы вообще, как низшие для народа, так и высшие должны находиться всецело в руках центрального Правительства, от которого только одного и должно зависеть их возникновение и внутреннее устройство без всякого вмешательства, прямого или косвенного, в это дело влияния общества. Главным же воспитателем низшей народной школы должно являться Духовенство как носитель наиболее возвышенного, возможного в этой жизни и доступного этой последней идеала. Лучшим типом для этой школы будет школа церковно-приходская, конечно, лучше обставленная и более материально обезпеченная, чем ныне действующая, но все же такая, в которой центральной животворящей силой будет настоятель прихода, слуга Церкви. Воспитательная же работа этого руко-

водителя должна быть, естественно, как и всякий труд, работой оплаченной по возможности со всей доступной правительственным средствам щедростью, тогда только труд этот может явиться в должной мере продуктивным и дать в грядущих поколениях тот яркий и душистый цветок расцвета души народной, о котором мы теперь можем только лишь мечтать чисто платонически. И в средней школе вопрос влияния Духовенства должен быть поставлен резче и определеннее и возведен с формального изучения буквы на степень проникновения в дух Религии.

Идеал русского государственного устройства, созданный мечтой моей: Неограниченная власть моего Государя, во всей Ее неприкосновенной чистоте проведенная и приближенная к народу — духу Земли русской руками Царевой дружины — поместным дворянством, которое одно только как сословие по вековым своим заслугам приближенное к Царю и имеет право с соизволения Монарха стоять на всех ступенях Его Правительства и творить Его Государеву Волю. Эта Царская дружина прежде всего и раньше всего должна быть *прикреплена* к земле, тем самым черпая в ней источник государственной мудрости, в свою очередь дающей Царской Дружине право возвышать в Государевой думе свой *совещательный* голос. Только связанный вековой и традиционной цепью с землей дружинник Царский и может не выродиться в отвратительный тип бюрократа, а дать того русского государственного человека,

который, «ударившись о земь», мог «обернуться» и «сизым орлом», и «ясным соколом».

Но говоря о поместном дворянстве (другого дворянства в моих глазах не существует) как о сословии единственном, призванном от века на высшую службу правителей от Имени Государя, точно так же как и говоря о Духовенстве, единственном природном нравственном воспитателе народа, я отнюдь не имею в виду установления из них какой-либо тесно в самой себе замкнутой касты. Я, верный раб истории русской Земли, вижу, правда, всю глубину значения принципа сословности для государственного строя, но жизнь этого принципа усматриваю в постоянном обмене крови в каждом сословии. *Сословные двери должны быть широко открыты для каждого в них входящего и исходящего по его заслугам перед Царем и Отечеством.* Дворянин сегодняшнего дня, обманувший доверие своего Государя хотя бы только и нравственными своими качествами, завтра же Единой Волей Его может быть обращен в члены низшего сословия и даже лишен прав и этого сословия, и, наоборот, сегодняшний крестьянин той же Единой и Великой Волей завтра может быть обращен в дружинника Царского[1]. Как в

---

[1] Интересно сравнить рассуждения Нилуса с недавно опубликованной «Всеподданейшей запиской» генерал-адъютанта О. Б. Рихтера (1830 † 1908) Императору Александру III: «Дворянством, как ближайшею опорою Трона, необходимо дорожить, его нужно поднять в собственных его глазах и заставить, в силу предоставляемых выгод, заняться своими имениями. Это достигается: 1) привлечением в местные административные советы земского

дворянстве, так и в Духовенстве во всю их историческую жизнь красною нитью проходил и *должен всегда проходить* этот краеугольный принцип сословного здания.

«Кому много дано, с того много и взыщется».

Чем и как заменить ныне действующую систему местного управления, создавшего из внутренней России какую-то всероссийскую богадельню калеченых пенсионеров на постоянном иждивении Правительства, с обыкновенными пенсионерами представляющих ту существенную разницу, что тогда как со вторыми Правительству можно рассчитывать на естественную убыль богаделенного штата, когда-то все-таки послужившего России верою и правдой, то с первыми, при современном положении вещей, должно рассчитывать на естественную прибыль этого штата, притом такого, который от чрева матерей своих является роковым образом для Государства и обременительным, и безполезным?

Две главные артерии русской народной жизни, питающие мозг и сердце России в лице ее Государя — дворянство и *нераздельное* с ним

дворянства, заинтересованного в правильном ходе администрации, и даст ему возможность выказать свои способности на более широком поприще; затем 2) совершенным закрытием доступа в дворянское сословие. Никакой чин, никакой крест, а только исключительные заслуги дают право быть причисленным к дворянству. Только тогда дворянское сословие будет освежаться и пополняться личностями, вполне соответствующими, а не писарями, дослужившимися до Статского Советника» («Дабы успокоить умы, возбудить интересы...» / *Публ. В. Степанова* // Источник. 1993. № 1. С. 37).

крестьянство постепенно и тем не менее зловеще неуклонно отказываются служить государственному организму. Связь же между указанными двумя сословиями поистине роковая: экономическое разорение дворянства, утрата им надлежащего влияния на жизнь крестьянина неизбежно повлекли за собой и разорение крестьянина, и разложение его духа.

Всякое вмешательство правительства в дело устроения внутренней жизни одного из указанных сословий одновременно и неизбежно требует такого же воздействия на жизнь другого.

Как бы ни были полны целесообразности мероприятия, предпринятые для упорядочения жизни крестьянина, но раз они будут проведены в жизнь его вне связи с жизнью дворянина, они не достигнут своего назначения и не принесут желанного зрелого плода. *Это — «цепь великая», разрыв которой и повлек за собою настоящую великую болезнь России.*

Покойный Государь Николай Павлович, прозревая гибельное влияние бюрократии на работу отечественного государственного механизма, *ВЫСОЧАЙШЕ* повелел быть закону о прохождении государственной службы, по которому никто не мог достигнуть высших должностей центрального Управления, не пройдя всех ступеней поместной службы. Тот же Монарх, провидя значение дворянства как элемента, наиболее пригодного и единственного для несения поместной служебной деятель-

ности, видя в этом служилом сословии противовес разъедающему влиянию бюрократии и ее замену, отказался временно от своей Царственной мысли — уничтожения крепостного права, не найдя заместителя дворянству в твердом и вместе отеческом управлении народом. «Где я найду Себе столько и таких чиновников, каких мне теперь дает дворянство?» — говорил почивший Самодержец[1]. Какое яркое подтверждение своим пророческим словам увидел бы Он теперь, если бы мог восстать из своего гроба! Недостаточно бдительный контроль Правительства над крепостным дворянством и отсюда возникшие злоупотребления властью со стороны некоторых наименее культурных членов дворянской семьи вызвали распадение крепостного института и довели Россию до ее теперь печального положения. Унижение дворянства как сословия экономическое и нравственное, в смысле умаления его исконного и традиционного влияния на поместную коренную русскую жизнь и составляет то гнилостное пятно нами переживаемой отечественной истории, от которого заражается вся жизнь многомиллионного народа, призванного быть своему Царю верноподданным.

Теперь, следовательно, мы подошли к существеннейшей части моего изложения — к вопросу о том, как на началах Самодержавия и при помощи рук этого Самодержавия — помест-

[1] Император Александр III.

ного дворянства — провести в жизнь строгую и логически последовательную систему местного Управления, имеющего своей целью единство абсолютной власти Монарха и ее приближение к народу; иными словами: как возобновить правильность кровообращения государственного организма?

Прежде всего я буду говорить о системе организации власти земской, ибо мне как жителю деревни жизнь земли, дух ее наиболее представляются известными, близкими и дорогими моему сердцу.

О городе я скажу вскользь.

Экономический кризис современного поместного дворянства, вызванный, в общем, исключительным для него неблагоприятным стечением экономических и политических факторов послеосвободительного периода, задолженность его, из года в год растущая вне зависимости от воли дворянина-землевладельца (что бы ни говорили по этому поводу его противники), дает в руки Правительства могучее орудие для упорядочения деревенской жизни и незаменимое средство для прикрепления дворянского служилого сословия к земле и с нею связанных обязанностей к Престолу и Родине. Те двадцать пять миллионов (я беру цифру приблизительную), которые российское дворянство должно ежегодно выплачивать дворянскому Банку[1], не

---

[1] *Дворянский земельный банк* создан в 1885 г. Выдавал долгосрочные ссуды дворянам под залог их земельной собственности. Условия залога были выгодными для помещиков.

могут ли идти в жалованье служилому сословию при условии его обязательной службы на родине и Родине?! Логика дела, конечно, требует, чтобы ипотечные долги дворянства другим частным земельным Банкам, в том числе и прославленному в летописи многострадальной жизни дворянства бывшему золотому Банку, а ныне Особому Отделу, были переведены для вышесказанной цели в общую массу долга дворянскому Банку, притом без обременения и без того достаточно на своем веку пострадавшего заемщика.

В общем вся сумма годовых платежей по всей дворянской ипотечной задолженности не превысит 35–40 миллионов рублей.

Вот эта-то сумма и должна составить приблизительно годовое жалование поместному дворянству, *обязанному за то нести службу в своих деревнях и за эту службу* получающему от своего Государя возможность вздохнуть, наконец, свободно и с пользою в своем ныне полуразрушенном гнезде.

Естественно, при таком условии дворянский банк, съютивший под свое покровительство все, еще оставшиеся за дворянским сословием, имения, неизбежно принужден будет изменить свою теперешнюю физиономию. Его настоящая деятельность должна будет постепенно ликвидироваться, заменяясь другой, более ему свойственной, согласной истинной воле покойного Государя. Эта другая деятельность будет заключаться в приобретении путем покупки *ново-*

го земельного фонда для лиц дворянского сословия и в открытии разумного, подчиненного строгому контролю, но вместе с тем широкого *мелиорационного кредита, обезпечиваемого, однако, не самой землей, а личностью должника и тем предприятием, на которое этот кредит предназначается.*

Кредит этот должен ассигновываться в распоряжение Губернаторов и за их и Предводителей дворянства ответственностью и непосредственным контролем распределяться на нужды поместного дворянства.

При таких только условиях наше дворянство удержится на своих, историей назначенных местах, получит возможность, *право и обязанность* исполнить свою историческую миссию перед Царем и Отечеством. Миссия же эта состоит в точном исполнении и проведении в жизнь народа разума Царской законодательной и непрестанно творческой Воли, иными словами — в приближении этой Воли к малым и угнетенным в теснейшем единении Православного Царя с Православным народом.

Это идеальное единение достижимо при восстановлении идеальной помещичьей власти, обусловленной единством власти, твердой законностью и свободой личности.

Эта идеальная помещичья власть по мысли Почившего Государя Императора Александра III должна была выразиться в Институте Земских Начальников. Кто помешал осуществлению этой великой монархической и притом чи-

сто русской идеи, пусть на совести того или тех и лежит вся тяжесть нравственной за то ответственности на том Суде, где все тайное станет явным и где каждому воздается по делам его. Бог и ныне благополучно царствующий Государь[1], да продлит Ему Господь веку, помогут проведению в жизнь этого дивного акта истинно государственной мудрости.

При вышесказанных условиях внутренняя жизнь России должна преобразиться в следующую, по моему мнению, стройную и логически выдержанную систему[2]:

1) Крестьянское выборное самоуправление, равно земское, городское и дворянское прекращают свою деятельность.

---

[1] *Николай II Александрович* (6.5.1868 † 17.7.1918) — Российский Император (2.10.1894 — 2(15)3.1917), Царственный Новомученик.

[2] Проект С. А. Нилуса задумывался как противовес стремлениям демократов к «властному всероссийскому земству» (П. Струве) в ходе развернувшейся полемики о судьбах самоуправленческих структур.

К концу XIX—началу XX века наибольшее влияние как в земском, так и во всем либеральном движении приобрели либералы-конституционалисты (братья Петрункевичи, Бакунины, Родичевы, В. Н. Линд, В. А. Гольцев и др.). Их общественно-политическая активность возрастала. В 1890-х гг. собрались два земских съезда, посвященных в основном экономическим проблемам. Знаменательно, что год издания «Корня зла» совпадает с годом составления секретной записки С. Ю. Витте (в то время — министра финансов) «Самодержавие и земство» (1899, опубликовано Струве в 1901 г. в Штутгарте). Если министр внутренних дел И. Л. Горемыкин (1895 † 1899) пытался действовать в русле контрреформ Александра III и выступал за «земства с сословной окраской», т. к. дворяне являлись там преобладающим элементом, то Витте,

2) Всякий поместный дворянин — помещик, достигший гражданского совершеннолетия, воспитанный в духе православно-монархическом, обязывается нести поместную службу в должности участкового Земского Начальника, буде пожелает воспользоваться нижеуказанными льготами по ипотеке и правами в полном объеме при дальнейшем прохождении своем гражданской службы. Необходим образовательный ценз не ниже даваемого средними учебными заведениями гражданскими или военными — безразлично. Ценз высших заведений желателен, но не обязателен.

3) Во власти Земского Начальника сосредоточиваются все функции прежней помещичьей власти, конечно, в пределах твердой и ясной законности. В эти функции включается и власть судебная, компетенции прежних мировых судей, отнюдь, однако, без вмешательства пря-

---

которого такое положение не устраивало, считал, что «система местного управления должна быть однородна с общим политическим строем государства». Заявляя, что в условиях самодержавия земство — «непригодное средство управления», Витте тем самым отрицал наметившееся сближение земского самоуправления и государственного аппарата. Его позиция фактически смыкалась с требованием либералов к правительству ввести «умеренную конституцию, выросшую на основе местного самоуправления с сословной окраской» (см. об этом подробно: *Елишев А. И.* Из одной забытой полемики // Московские Ведомости. 1906. №№ 165–169). Предложения Нилуса, таким образом, задумывались как логическое завершение политики Александра III и сочувствовавших ей консерваторов. При этом Сергей Александрович постоянно подчеркивает воцерковленность земских начальников как непременное условие при выборе лиц на эти должности.

мого или косвенного чинов Министерства Юстиции.

4) Район деятельности Земских Начальников в территориальном отношении должен быть, насколько возможно, ограничен пределами церковных приходов.

5) Современное административное деление на волости уничтожается, а равно и прекращают свою деятельность волостные правления, старшины и волостные суды. Те же обязанности, которые в настоящее время возложены на Волостное Правление и старшин и которые в пределы компетенции Земских Начальников при новом положении не войдут (напр., волостная статистика, составление рекрут[ских] списков, страхования и т. п.), должны быть возложены на общую уездную полицию или на особо назначаемых для сего лиц.

6) Должности сельских старост и низшие сельские полицейские должности, обязательно вознаграждаемые, замещаются единоличным выбором Земских начальников под их контролем и ответственностью.

7) Ближайший и непосредственный контроль за деятельностью Земских Начальников вверяется *назначенному* Монаршею Властью *по представлению местного Губернатора* Уездному Предводителю Дворянства из местных уездных дворян и состоящему при нем Уездному Совету из назначаемых по очереди Земских Начальников и особого Непременного Члена, заведывающего исполнительною частью.

8) Должность Губернского Предводителя Дворянства упраздняется, но может быть и сохранена как почетная и притом по личному выбору и усмотрению Государя Императора.

9) *Ныне действующее земское обложение, равно и раскладка земских повинностей сохраняются компетенцией местной власти для нужд местного населения.* Предварительные на сей предмет сметы для каждого участка в отдельности составляются Земскими Начальниками и проверяются Уездным Советом для представления на утверждение Губернатора. Сметы же на общеуездные потребности (напр., народное образование, охранение народного здравия, дорожная повинность по торговым и важнейшим уездным путям сообщения и др.) составляются предварительно Съездом Земских Начальников под председательством Уездного Предводителя Дворянства.

10) Всякие жалобы на действия, уголовные приговоры и гражданские решения Земских Начальников приносятся в губернский Земский Совет по дворянским, крестьянским, земским и городским делам при местном Губернаторе, ежемесячно собираемый под его председательством и состоящий из очередных, не менее трех, Уездных Предводителей дворянства, Земских Начальников от каждого уезда по выбору и назначению Губернатора и из особых назначаемых для присутствования в этих Советах лиц, на обязанность коих возлагается и исполнительная часть деятельности Советов (замена дея-

тельности Губернского по крестьянским делам Присутствия и Губернской Земской Управы). Занятия Совета в случаях особого накопления дел могут быть распределены в виду многочисленности состава членов этого Совета на Отделы в составе не менее двух членов под председательством Вице-Губернаторов или Уездных Предводителей в качестве председателей, всякий раз назначаемых по выбору и властью Губернатора.

11) Окончательная раскладка земских повинностей, способ пользования ими для нужд населения и благоустройства уезда, а также и губернии, распределение раскладочных сумм *в распоряжение земских начальников* находятся в ведении Губернских Советов с предоставлением сим последним *совещательного* голоса. Утверждение же всех смет и назначений, а равно и их окончательное распределение предоставляется единоличной власти Губернатора.

12) Все земские, ныне существующие школы поступают в непосредственное ведение Епархиального Начальства, ближайший за ними надзор и попечительство предоставляются Земским Начальникам, в районе деятельности коих эти школы находятся, и Предводителям Дворянства, имеющим участие с правом голоса в Епархиальных Училищных Советах.

13) Народное продовольствие поступает в непосредственное заведывание Земских Начальников под контролем Предводителя Дворянства. Общие же меры по уездам и губернии подлежат

распоряжению Губернаторов, Уездных Предводителей и при них состоящих Советов.

14) Дорожное дело предоставляется тому же непосредственному заведыванию и под тем же контролем.

15) Земские больницы и вообще охранение народного здравия предоставляется тому же непосредственному заведыванию и контролю.

16) На обязанность Губернаторов возлагается возможно частая ревизия на месте деятельности Земских Начальников и Предводителей Дворянства. Эти обязанности могут быть ими разделены с Вице-Губернаторами, назначаемыми в помощь Губернатору в числе, зависимом от территориальной величины губернии или численности, равно и разнообразия состава населения (напр., фабричного).

17) Жалобы на действия и решения местных органов управления, равно и на их членов, не исключая Губернаторов, приносятся в Центральный Комитет по делам дворянским, крестьянским, земским и городским, состоящий из неограниченного числа членов, назначаемых непосредственным выбором *Его Императорского Величества* из лиц, облеченных особым Монаршим доверием. Председательство в этом Комитете предоставляется кому-либо по усмотрению Государя, предпочтительнее же кому-либо из Членов Императорской Фамилии.

18) Губернаторы, Вице-Губернаторы и Предводители Дворянства назначаются Монаршим благоусмотрением.

19) Жалование Предводителям и Земским Начальникам назначаются из средств: *1)* Дворянского Банка путем отмены срочных платежей в сумме — для Земских Начальников — 2500 рублей в год, Предводителям — 5000 рублей в год, считая в том числе и погашение капитальной ссуды. *2)* Тем же из означенных должностных лиц, имения которых не заложены, жалование назначается в том же размере, частью из так называемых земских, частью же из средств общеимперских.

20) *Из заложенныхъ, а равно и незаложенныхъ имений, принадлежащихъ ныне потомственнымъ дворянам, усадьбы с известнымъ количествомъ при нихъ земли должны быть признаны неотчуждаемой собственностью рода.*

21) Все остальные земли, остающиеся в собственности дворянских родов за исключением *неотчуждаемого надела*, могут быть предметом всякого рода гражданских сделок со стороны собственников, но при условии отчуждения их или отдельному дворянину, или же в Имперский Дворянский Фонд[1].

22) Поместное дворянство как институт земледельческий и служилый должно быть рас-

[1] В 1899 г. на основании рекомендаций особого совещания о нуждах поместного дворянства (учрежденного весной 1897 г. указом на имя председателя Комитета Министров И. Н. Дурново) был издан *закон о временно-заповедных имениях:* дворяне получали право на 2 поколения объявлять свое имение неделимым и неотчуждаемым и завещать его любому из своих сыновей. Летом 1901 г. дворянам было разрешено арендовать на льготных

селено по всей территории Российского Государства путем ли принудительного отчуждения иносословных частновладельческих земель или же продажи на льготных условиях, а равно и дарования земель, ныне входящих в состав Государственных Имуществ.

23) Жены больных, не способных к труду мужей, вдовы, девицы, сироты, принадлежащие к составу потомственного дворянства, освобождаются от уплаты срочных платежей по ипотеке впредь до изменения их гражданского положения, влекущего за собой изложенные в предшествующих пунктах обязанности.

24) Дворянские Опеки[1] продолжают свою деятельность на прежних основаниях, но все выборные дворянские должности замещаются назначением от Правительства в лице Губернатора, притом обязательно из местных дворян.

условиях казенные земли в Сибири. Больше реальных шагов по содействию дворянству в первые годы правления Имп. Николая Александровича практически не предпринималось, хотя Государь и принимал близко к сердцу интересы деревни, как это он высказал во время венчания на Царство, обращаясь к депутации дворян и крестьян.

[1] *Дворянская опека* (в составе уездного предводителя дворянства, уездного судьи и заседателей) — сословный орган при уездном суде. Ее задачей было сохранение дворянской собственности в том случае, если владельцами последней оказывались вдовы, малолетние, лица, проматывающие состояние, и т. п. Над такими владельцами назначались опекуны, которые управляли опекаемым имуществом за 5 % с его доходов. Дворянская опека осуществляла надзор за состоянием этих опек, разбирая жалобы на опекунов (*Ерошкин Н. П.* Указ. соч. С. 134).

25) Все ходатайства о нуждах сословия через Предводителей повергаются непосредственно на Высочайшее благоусмотрение.

26) Принимая во внимание, что для поместной службы те руководители народной жизни из Предводителей и Земских Начальников представляются наиболее желательными, которые на местах своей службы остаются наиболее продолжительное время, не пользуясь правами своего в ней дальнейшего движения, несмотря на свои дарования, и тем самым приобретают наибольшую опытность, наиболее глубокое знакомство с руководимым ими населением, сживаются, так сказать, духовно с этим населением, таким представителям поместной деятельности надлежит предоставлять всевозможные поощрения в виде увеличения жалования, досрочного выкупа имений, различных льгот по службе, воспитанию детей и т. п.

27) Получение прав потомственного дворянства должно быть ограничено действительными и выдающимися из ряду заслугами лиц, эти права приобретающих, и всякий раз по всеподданейшему представлению на благоусмотрение Государя специального на всякий таковой случай доклада Центрального Комитета *и с наделением вновь пожалованною дворянством землею на льготных основаниях.*

28) На обязанности членов Центрального Комитета возлагается производство ежегодных ревизий по губерниям, деятельности местных органов управления и составления по сему

всеподданейших подробных отчетов с отметой деятельности отдельных должностных лиц сего управления. Что касается состава этого Комитета, то для присутствования на правах членов в нем должны быть приглашаемы и выдающиеся Предводители Дворянства по личному выбору *Государя Императора*.

29) Управление городов должно быть устроено по типу земскому с делением городов на возможно наименьшие участки, с назначением Губернатором на руководство ими Участковых Городских Начальников из местных жителей и с предоставлением им функций Земских Начальников в сфере судебной, административной и фискальной. Для ближайшего контроля за их деятельностью назначаются Городские Головы и их помощники тоже Губернской властью за исключением Городских Голов столиц, где назначение таковых всецело повергается на усмотрение *Государя Императора*. Первой инстанцией для жалоб на деятельность Городских Голов и Городских Начальников является Совет при Губернаторе из всех Городских Голов губернии и по одному от каждого города Городскому Начальнику под председательством Губернатора или Вице-Губернатора, второй же высшей инстанцией для вышепоказанной цели — указанный Центральный Комитет по дворянским, земским и городским делам.

Предлагаемая система, конечно, не может иметь значения вполне стройного законодательного проекта и подлежит дальнейшей, более де-

тальной разработке. Я сделал, что мог и как того требовало мое сердце.

Но чтобы роса глаза не успела выесть, пока взойдет красное солнышко, чтобы могли удержаться на своих корнях те немногие из «стаи славной», которые еще несут с безпримерной самоотверженностью, единственно из традиций, иной раз даже неясно сознаваемых, свою великую Государеву службу, пора прекратить всероссийский, всеевропейский скандал публикаций дворянских имений[1]! Пора отменить как эти публикации, так и молоток, дробящий головы, терзающий сердце неповинных жертв в прямой ущерб жизни и достоинству великого Российского Государства! Пора же облегчить участь страдальцев, буквально, страдальцев, остановить течение непосильных процентов хотя бы даже и по Государственному займу! Что для Правительства — эти 25–40 рублей моего Татьянина дня?

Мне сказать это, стремиться утереть чужие, неизвестные даже, но такие близкие моему сердцу, слезы тем легче, что за одиннадцать лет моей работы в деревне никто не видел моего имени в публикации.

Пока Правительство, сознавшее по Воле Монарха безвыходность положения поместного дворянства, не успело или не могло по тем или другим причинам прийти к дворянству с действительной помощью, оно является нравствен-

---

[1] Т. е. *публикаций* о продаже дворянских имений.

но обязанным перед Той же Волей не ставить под позорный столб, не предавать смертной казни тот вечный принцип, которому это Правительство служит.

Царю нашему бояться кроме Бога некого, а сердце Царево в руце Божией.

РЕЧЬ С. А. НИЛУСА В МЦЕНСКОМ КОМИТЕТЕ О НУЖДАХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

28 декабря, в г. Мценске Орловской губернии состоялось под председательством Мценского уездного предводителя дворянства Н. А. Матвеева заключительное заседание Комитета, учрежденного для обсуждения нужд сельскохозяйственной промышленности[1].

На заседании этом были доложены Комитету протоколы шести предшествующих заседаний. По прочтении протоколов г. председателем, слово было предложено местному землевладельцу С. А. Нилусу. Печатаем его речь с некоторыми дополнениями самого автора.

---

[1] «Речь» является логическим продолжением консервативно-монархического проекта «Корень зла», публикуемого выше.

I

М[илостивые] Г[осудари]!

С глубоким вниманием, следя по печатному отчету за трудами Комитета родного мне уезда, в связи с трудами комитетов всероссийских, вызванных к деятельности Державною волей Самого Хозяина всей Русской земли, я ждал до последнего времени, что из сердца и от сердца черноземной России будет высказано истинно-русское трезвое слово на призыв Сердца нашего возлюбленного Государя, и, говоря по совести, я слова этого не услыхал ни от соседей наших, ни от нас самих: Российские Комитеты едва ли не собрались выродиться в Неккеровские генеральные штаты..![1] Заранее прошу прощения — я, быть может, буду резок в посильных своих суждениях, но важность, скажу более, глубокопечальная торжественность исторического момента, переживаемого солью Русской земли в лице его двух сословий — крестьянского землевладельческого и поместного дворянского, налагает на меня обязанность говорить прямо, резко, без обиняков...

Воздавая должное трудам членов Комитета, принесших свою дань на общее благо, отно-

---

[1] *Жак Неккер* (Necker, 30.9.1732–9.4.1804) — министр финансов короля Франции Людовика XVI, проводил курс на буржуазные реформы. Сыграл видную роль в подготовке созыва Генеральных штатов 1789 г., способствовал предоставлению там третьему сословию двойного представительства. Отставка Неккера была одним из поводов к вооруженному восстанию 14.7.1789.

сясь во многом сочувственно к тем безспорно полезным мероприятиям, которые в трудах их предуказаны, я не могу не отметить, что из-за деревьев мы не разглядели самого леса.

Кризис сельскохозяйственной промышленности признан. Острота кризиса, заметьте, острота — совершившийся факт! А о чем мы говорим, какие меры предлагаем?

Мы говорим, прежде всего, о поднятии народного образования, уже и теперь бесплодно пожирающего крупную долю государственного бюджета. Нам, жителям деревни, это дерево хорошо известно по его плодам: не проходит нескольких лет после времени «учебы», как наша, так называемая, образованная деревенская молодежь забывает выученные в школе молитвы и, если не утрачивает умения разбирать печатно, то пользуется этим умением для чтения прокламаций, которые к нам так обильно и щедро высылает в деревню заграничная крамола.

Мы говорим об учреждении мелкой земской единицы, как будто, честно говоря, не успели разочароваться в прискорбных, но естественных последствиях в Самодержавном Русском Царстве введения крупной и средней самоуправляющихся земских единиц губернского и уездного земств.

Мы предлагаем меры против оврагов, против, пожаров, против потрав, порубок... От чистейшей воды либерализма в виде учреждения чего-то вроде всесословной волости мы переска-

киваем к требованию чуть не Драконовских[1] карательных мер за каждую овцу, перешедшую с одной межи на другую, за каждого чужого гуся, оставившего следы на нашем лугу, как об этом еще так недавно трактовали в Орловском Губернском Земском Собрании.

И над всем этим метанием из стороны в сторону, похожим на панику во время пожара, когда из горящего дома, охваченного пламенем, тащут битые черепки старой посуды, забывая о денежном сундуке, о важнейших документах, — красной нитью всех наших собеседований мы выставляем потребность в подъеме, во что бы то ни стало, народного развития. Мы все, точно сговорившись, кричим: «Дайте свету темной невежественной массе, погрязшей в суевериях и предрассудках!»

Человек умирает. Ему нужна хирургическая операция, а мы ему предлагаем фрак, вещь быть может очень полезную для официального визита, но, кажется, совершенно безполезную умирающему.

Конечно, Россия — не умирающий человек! Пока в ней жива еще ее горячая Православная вера, пока над ней сияет Божественною красотой Помазания Венценосная Глава Самодержца, жива она и будет жить на страх всем ее внутренним и внешним врагам. Но червь смерти уже точит ее силу, ее коренное дело — ее

---

[1] *Дракон* (Драконт) — афинский законодатель, издавший в 621 г. до Р. Х. первые писанные нормы права Древних Афин. Меры наказания по Драконовым Законам отличались крайней суровостью.

сельское хозяйство, точит, не разбирая ни барина, ни мужика. Недаром наша цепь обоих — вековечная!

И когда я слышу деланные ламентации[1] с голоса наших зримых и незнаемых врагов, что вся Россия погрязла в смрадной тьме невежества, я невольно задаю себе вопрос, который, кажется, всеми нами упускается из виду: кто же создал эту самую Россию? Кто же создал эту безграничную мощь, захватившую в свои объятия полмира? Неужели эта, так нами укоризненно порицаемая в глазах сидящих здесь старшин, народная тьма, которую мы теперь только собрались просвещать и именно в тот момент, когда стали показываться зловещие признаки давно у нас небывалого разложения и безсилия?

Бога мы не боимся, если будем утверждать эту явную безсмыслицу, эту явную клевету на нашу сермяжную Русь, изучавшую свою географию по путям мира, проложенным ее штыками, политым ее православною кровью!

Ее наука мудрее всех наших наук, выдуманных нами с космополитически-развратного голоса полуеврейских, полуевропейских развивателей. Ее наука, которую твердо знает память исторической совести Русского человека, одна, — заключена вся в трех словах: Вера, Царь и Отечество.

Эти три слова, данные нам с небес, и составляют корень широколиственного русского дерева.

---

[1] *Ламентация* (лат. lamentatio) — шутл., сетование, жалоба.

И когда нас спрашивает вещее Царское слово, чем помочь нашему хозяйственному горю, нам, слугам, прежде всего надо оглядеть, цел ли корень нашего дерева, а не отвечать недостойными общими фразами и общими местами, которые, кроме горького горя, принести ничего не могут. В корне все дело!

II

Поместная, а вместе с нею и политическая жизнь России, сложившаяся веками, вся основана на вере в Божественный Промысел, поставляющий преемственно в Помазании на царство наследственного неограниченного Самодержца, Который определил быть ближайшими своими слугами на земле поместных дворян, обязанных за дарованную им Царскою волею землю, кроме хозяйственных своих работ на земле, нести свою поместную службу государству.

Служба поместного дворянства заключена в руководительстве и попечении над другим основным поместным элементом — крестьянством, во всех деталях его жизни, требующей той или другой правительственной регламентации. Владение землей поместного дворянства — не столько право, сколько обязанность и притом обязанность многосложная и чисто государственная. Мы — необходимые царские офицеры мирной царской сермяжной армии. Толпа — сила, но сила слепая, требующая, как и всякий слепец, палки, на которую она могла бы опереться.

Гармония взаимодействия этих двух основных элементов нарушена и нарушена настолько очевидно, что двух мнений об этом быть не может.

Ряды дворянства безнадежно тают, крестьянство разоряется, но только не от безземелья, и бежит в города, на заводы, фабрики, в далекую Сибирь без плана, без цели, без надежд, без толку, по поговорке: «хоть гирше, тай инше!»

Разоряются оба, но от двух разных причин: мы, дворяне, нуждающиеся в вольнонаемном труде, — от чисто финансового оскудения в непосильной борьбе с обстоятельствами, не нами созданными, что бы ни говорили по этому предмету наши фантастические враги; а крестьяне — от коренного непорядка всего уклада их деревенской жизни, представляющей собой весьма сложный и притом разнообразный механизм, частью полуразобранный, частью заржавленный, который во что бы то ни стало нужно пустить в ход, но который собрать некому — природный механик выбыл. Присланы на место выбывшего механика специалисты, каждый со своим знанием, но без знания самого главного — где запрятаны разобранные части машины, ибо хранилища тайников народной души им неизвестны, как людям пришлым, да специалисты-то они притом по отдельным частям, а не по всей в совокупности сложной машине.

И когда мы, принимая те или другие благие мероприятия, вносимые в нашу поместную

жизнь, не воспринимаем их в организм наш и безнадежно разводим руками от бсзплодности и практической безполезности благ, нам даруемых, то удивляться тому нечего: «всуе законы писати», когда их некому исполнять, то есть проводить их сознательно, убежденно в жизнь народную с интересом личным в правильности и пользе их применения.

На кого брошена современная деревня?

Вот перед этими старшинами я прямо в глаза скажу: на пьяную безшабашную и продажную толпу в лице выборных сельских пародий на власть, на всех этих десятских, сотских, старост. Не известно ли нам из житейского горького опыта, что ни один порядочный и степенный хозяин не пойдет на все эти должности? Он скорее откупится тою же кровью сатаны в виде водки от галдящих мирских горланов, чем идти на эту выборную «склыку» и служить неведомо чему — всему, кроме общественной пользы. А кто теперь воротилы «мира»? Наглазно — рваный пиджак деревенского полуотщепенца с луженою спиртом глоткой, а за его спиной — кулак-мироед, вся сила которого, дисциплинирующая эту босяцкую голову, заключена в лишнем поднесенном стаканчике.

Удивляться ли тому, что деревенский разлад идет таким ускоренным темпом? Скорее нужно удивляться, что, хоть и в призраке, но деревня еще существует!

Всем нам известно, что ячейка общества заключена в семье. Здорова семья — здорово

и общество. Ячейка государства — деревня. Благополучна деревня — процветает и государство.

А деревня наша — стадо безпастушное.

Идея института земских начальников — идея великая и в основе своей имела цель безупречно верную: дать народу власть попечительную в лице поместного дворянства. Но силы, враждебные порядку в Русской земле, сумели исказить проведение в жизнь этого великого русского дела. Не место и не время давать здесь по этому поводу объяснения. Наша обязанность указать, если нас спрашивают, как мы думали бы исправить это искажение. Результаты же искажения нам слишком хорошо известны.

Скажите же мне, ради Бога, — можно ли быть попечителем над тридцатью тысячами и более требующих попечительства?!

А ведь фактически положение современного земского начальника именно таково — он призван «обнимать необъятное» и «постигать непостижимое». Мудрено ли при таких условиях, что в поисках порядка, у нас безусловно отсутствующего, потому что и волостные деятели в лице старшин, писарей и волостных судей не призваны и не могут дать порядка, — мы от малого до большого мечемся из стороны в сторону, безнадежно наталкиваясь на непреодолимую стену разнообразных ведомств, конкурирующих в большинстве случаев между собою за преобладание властью, которые, уже в силу этой конкуренции, и сами ею не обладают.

Кто в этой сумятице деревенской жизни от этого более страдает — сказать трудно. Если судить по явному, вынужденному и добровольному бегству из деревни барина и мужика, — страдают оба и в степени равной.

Какие благие экономические мероприятия могут быть приняты в деревне при таком ее положении?! Наилучшее из них будет представляться в наших глазах, если они не затуманены миражем псевдонаучности — в лучшем случае — абсурдом, в худшем — насмешкой.

Я — не враг народного образования, народного развития. Но весь вопрос: *какого* и *кем* проводимого в жизнь народную? Я убежденный сторонник поднятия уровня сельскохозяйственных знаний. Но вопрос — где их, над кем, над чем и какими средствами их применять? Разве не ирония говорить о них в наших Голодаевках, коренные насельники которых — один распухает от мякинного хлеба, а другой — два раза в год подставляет свою голову под удары аукционного молотка Земельных Банков. Мы сознаем себя, и вы не будете этого отрицать, на высоте понимания добрых новшеств, вносимых к нам, откуда бы то ни было, раз они согласны с нашею государственной идеей, но при возникающем в доме пожаре, мы не должны искать спасения в теориях пожарного дела, как бы они прекрасны ни были, а бросимся прежде всего к кадушке с водой.

Из опасения утомить ваше внимание, я круто и резко поставлю вопрос: где же эта кадуш-

ка, где эта вода, которая нужна, чтобы тушить тлеющую в соломе искру? Наша Русь ведь не даром зовется соломенной.

III

Ответ напрашивается сам собой: просите дать поместную дворянскую власть селу, под селом разумея церковный приход и особенно помните, что власть эта должна быть поместная, дворянская и притом Царскою Волей назначенная, а не выборная. Человек земли слышит голос земли, а голос этот нужен мне, вам, крестьянину и самому Государю.

Я назвал толпу слепою. Может ли слепой указать и выбрать зрячего, да и понимает ли слепец, кто зрячий и чем он от него отличается?! Зрячая власть — светлое око Царево, просвещенное Божественным избранием. Другой нет и быть не может. Поэтому сельская власть должна исходить от Него по преемственному от Него назначению, а не по нашему избранию.

Минины и Пожарские избираются народом только в смутное время, а мы не дожили и, Бог даст, не доживем.

Власть эта должна быть в руках только поместного и притом *православного* дворянства. Только еще, Божию милостию, пока до этого не дворянство к этой власти от всего русского века призвано; только дворянство всей русскою историей доказало в исполнении своих обязанностей свои преемственные права на обладание этой властью. Другие элементы рус-

ского общества — в облике мертворожденного интеллигентного всесословного пролетариата не должны касаться власти, ибо наша дворянская кровь, вместе с мужицкою, проливалась за созидание Русского Царства; а их?!. За что она проливалась?!.

Спросите лучше мужика, кого он до сих пор признает за свего барина? Нас ли, захудалых и обезсиленных, как захудал и обезсилел он, или всю эту напущенную орду разных вольнонаемных земских агентов — статистиков, почвоведов или корреспондентов провинциальной мелкой растленной прессы? Вы можете быть уверены в ответе: барин их — мы, жалкие остатки великой поместной силы, вынужденные кровью и зачастую тайными, безсильными слезами отстаивать пядь за пядью свою жалованную нам землю. К кому идет мужик до сих пор за советом в семейном горе, в тяжебном деле, к кому тащит свою слезную нуждишку? Да все к тому же своему коренному барину, если только он у него остался.

Но осталось их немного, а кто и остался — по безправию своему не в силах ему помочь, как власть имеющий. Возьмите мой пример — я один остался на двадцать, тридцать, если не более, квадратных верст. А сколько нас было еще так недавно!..

Так просите о насаждении поместной дворянской власти в приходе. Назовем эту власть сельскими начальниками. Просите создать эту власть и на тех местах, где сократилось дво-

рянское землевладение настолько, что не стало уже в приходе дворянской земли. Когда отчуждают под железные дороги землю, ее отчуждают принудительно, не спрашивая согласия ее владельца. Насколько же порядок в деревне нужнее проходящей мимо нее железной дороги!

Чтобы новые дворянские должности не выродились в чиновничество, просите, чтобы жалованием их было не двадцатое число, а доходность надела, жалованного за соединенные с владением им обязанности. В нашей местности для сельского начальника довольно было бы трехсот десятин. В других более или менее — в связи с доходностью земли.

Просите, чтобы обстройка этих участков в скромных, но необходимых в хозяйственном отношении размерах, была принята на счет казны. Просите, чтобы за заслуги лица, временного владельца этого участка, участок этот делался бы наследственным при обязательном условии продолжения в поколениях первовладельца поместной службы. Просите о восстановлении во всей силе закона в Бозе почившего Императора Николая I о поместной службе[1]. По этому закону прохождение ступеней иерархической лестницы государственной службы было

---

[1] Возможно, С. А. Нилус имеет в виду ряд охранительных правовых мер, принятых правительством Императора Николая Павловича: закон о дворянских собраниях (1831), правила о заповедных имуществах (1845), закон о затруднении способов приобретения дворянства (1846) и т. п.

поставлено в зависимость от службы поместной, как основы государственного служения. Закон этот — альфа и омега нашей административной жизни.

Власть сельского начальника должна обнять собой всю жизнь прихода.

Она должна воплотить в себе все отрасли государственного правления в приходе, ныне, в ущерб власти, разделенной между различными ведомствами. Сельский начальник может и должен для прихода быть всем, и вся жизнь села со всеми ее распорядками должна входить в сферу его компетенции.

Я не буду перечислять все многообразие его служебного назначения, но при территориальной незначительности вверенного ему участка, говорю с уверенностью о практической удобоприменимости его деятельности ко всем сторонам сельского существования, кроме разве специально-технических. Техники на жалованье и под надзором его могут быть с правами государственной службы и извне, если в них в данный местности будет настоять необходимость.

Для того, чтобы власть не могла выродиться в сатрапию[1], совершенно, впрочем, чуждую нашему духу, надлежит дать ей корректив в непрестанном фактическом контроле Высшей Власти и в совещательном — и только совещательном — голосе Приходского Совета, состав-

---

[1] *Сатрапия* — в букв. значении — провинция (область) в Древней Персии, управляемая сатрапом (правителем области). В переносном значении — организация, область, управляемая самовольным администратором.

ленного из пастыря церкви и избранных приходских старейшин.

Будучи только совещательным органом общества, Совет должен иметь право обжалования важнейших решений сельского начальника высшей губернской власти в лице губернатора, от которого и будет зависеть назначение сельских начальников по представлению уездных предводителей дворянства.

IV

Осуществим ли фактически предлагаемый мною проект? Не сопряжен ли он с непосильными для казны затратами?

В губернии нашей тысяча церквей и, стало быть, столько же приходов.

Отделив из этой цифры на города, приблизительно, двести приходов, получим на всю деревенскую губернию восемьсот приходов. На учреждение должности сельских начальников придется круглым счетом произвести отчуждение в казну, считая по 300 десятин на каждую должность, — двести сорок тысяч десятин ценностью в среднем, считая и хозяйственное устройство хозяйства, по 200 р. за десятину — всего 48 миллионов рублей. Обычный процент, ныне приносимый капиталом, 4 % годовых. Таким образом, вся низшая губернская администрация в лице сельских начальников будет стоить казне 1 920 000 руб. в год, которые казна должна будет ежегодно выплачивать по своим обязательствам.

Но цифра эта только кажущаяся.

У меня нет под руками цифры нашего губернского административного бюджета, распределенного теперь на жалование чинам всех ведомств губернии, включая сюда и земскую администрацию, но уверенно думаю, что показанная цифра будет значительно ниже ныне действительно расходуемой на современный губернский безпорядок на безсильную и безвольную уездную полицию, на судебные ведомства, на целую армию чинов финансового управления — словом, на все многообразие губернской власти и надзора, которое все сосредоточится в руках сельской поместной власти.

Слушайте дальше: цифра эта фактически должна еще более значительно уменьшиться.

Высказывая наше основное положение, мы принимаем повсеместное исчезновение дворянского землевладения, как факт совершившийся. Но в одном Мценском уезде за дворянами числится свыше 60 000 десятин. Это уже готовый кадр в руках Правительства, тем более послушный и гибкий, что в финансовом отношении, благодаря своей ипотечной задолженности, он находится в непосредственной зависимости от казны. Нас только по коренному заблуждению называют собственниками, тогда как мы только — арендаторы казенных земель со строгим контрактом в виде залогового свидетельства. Правительство вправе от нас требовать поместной службы, которую мы разменяли на мелкую и теперь совершенно обезцененную и

дискредитированную монету земской службы. Получая от нас коронную службу, Правительство взамен должно сделать и соответственные изменения в своих к нам ипотечных правоотношениях... «Do, nut des!» Дай ты, и я дам тебе равноценное твоему даянию.

Присоедините к этому громадную цифру сметы становящегося уже ненужным земства, сплошь и рядом так неразумно расходуемую (а это факт, признанный Правительством), и вы увидите, что предлагаемый проект не только не вызовет экстраординарных расходов общеимперских средств, но еще и даст громадную экономию в бюджет.

А влияние восстановленного закона Императора Николая I разве не вернет деревне вместе с нашими детьми, — погибающими теперь и физически и нравственно в разных канцеляриях, — и отливших с ними из деревни капиталов?!

Еще, и едва ли не важнейшее, требование, которое православный народ обязан в лице своего Правительства предъявить к носителям сельской власти.

Это требование должно быть заключено в *явном сказательстве сельской власти своего Православного вероисповедания*. Власть над народом православным не может быть иною, как строго православною. [С]казательство Православия все заключено в таинстве Святого Причащения. Не причащающийся хотя бы однажды в год служить Царю и Церкви не должен.

Не новость я проповедую. Это требование наших законов, и оно доселе существует неотмененным и не может, не должно быть отменено и даже ослаблено, каким бы нападкам ни подвергала его со своей стороны пресловутая «свобода совести».

V

Просите еще двух важнейших мероприятий, но уже касающихся не одного только села, а целостности всей России: 1) запрещение выкурки и продажи спирта, кроме целей лекарственных и технических, и 2) строгого ограничения и притом фактического, неослабного — черты еврейской оседлости[1] для евреев всякого звания и состояния.

---

[1] *Черта оседлости* — часть территории Российской Империи, на которой разрешалось постоянное проживание евреев. До сер. XVIII в. в России не было постоянного еврейского населения, а евреям-иностранцам доступ в страну, как правило, был закрыт. В 1769 г. для евреев открылась Новороссийская губ. После разделов Польши жившим там евреям разрешено было остаться на тех местах, где их застало присоединение к России (Польша, Белоруссия, Литва, Правобережная Украина). В XIX в. в черту оседлости были включены Черниговская, Полтавская губернии и Бессарабия.

Инженер Абрам Зисман писал; «До 1794 г. евреи могли селиться по всей России, где хотели, а в 1804 году законом была заведена так называемая «черта оседлости» для лиц иудейского вероисповедания (крещенных евреев не касавшаяся — Сост.). «Черта оседлости» — это кусок территории Российского государства, начинавшийся от города Пернова на Балтийском море, по прямой линии на город Оршу, по течению реки Днепра до Черного моря, по его берегу до Дуная, — вверх по течению до Прута, по Пруту, по австро-венгерской, а потом по германской границе вплоть до Балтийского моря. В этой области было 25 губерний: по своей

Ручаюсь вам, что с проведением в жизнь института сельской власти при наличности этих двух мероприятий, в России вы не узнаете многого через пять, десять лет. Повышение любого из прямых или косвенных налогов, даже учреждение чисто специального налога даст взамен крупную перевыручку против питейного дохода. Велик ли он в самом деле при 140 миллионном населении, если он выражается в цифре двухсот миллионов рублей? С исчезновением же с поместного горизонта еврея воспоследует большее спокойствие мирного

территории «черта оседлости» была в полтора раза больше, чем территория Франции. Согласно статистическим данным 1911 года, в «черте оседлости» проживало 4 899 327 душ еврейской народности, и вне «черты оседлости» 1 320 000 душ.

Что же это такое? — В просвещенной, культурной Европе в городах «гетто», в которых от захода до восхода солнца должны были находиться евреи, а в «отсталой», «некультурной» Царской России никогда в городах «гетто» не было! Несмотря на то, что в некоторых городах России, как то Петербург, Москва, Харьков, число проживавших евреев было несколько десятков тысяч человек. Крепко подумайте над этим и честно сами себе ответьте!

Во время I мировой войны, в 1915 году указом Императора Николая II «черта оседлости» была на время отменена, дабы русские евреи прифронтовой полосы могли бы избежать всех ужасов войны. Служив в эвакуационной комиссии, должен признать, что весьма малый процент евреев из «черты оседлости» воспользовался этим указом, все оставались на своих местах, причем, к стыду своему, должен сказать, вели себя весьма неблаговидно, помогая всячески германской армии и тем немцам, которые впоследствии, в эпоху Гитлера, так беспощадно расправились с евреями» (*Зисман А.* Немного объективности // Православное обозрение. 1977. № 43. Ноябрь. С. 11–12).

20.3/2.4.1917 законом «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» временное правительство сняло черту оседлости.

хода нашей торговли и промышленности. Да в сфере внутренней политики жизнь наша, хотя бы и академическая, при этом условии, пойдет много спокойнее. Если бы вы только могли знать всю силу подпольного влияния интернационального кагала!..

Таким только образом мы можем выйти из заколдованного круга нашего сельскохозяйственного кризиса, который собой представляет только классифицированный вид кризиса общегосударственного.

Что такова суть кризиса, — прошу вас обратить на это особое внимание, — доказывает вам носящаяся в воздухе идея «прихода» и «мелкой земской единицы».

Но идея эта в самодержавном государстве построена на совершенно ложном фундаменте выборного самоуправления. Это две такие силы, которые исходят из принципов диаметрально противоположных и неизбежно взаимосталкивающихся. Весь вопрос во времени столкновения, а время это находится в тесной связи с ослаблением или усилением той или другой власти.

Наша современность не дала ли в том глубоко-печальных и поучительных примеров!

Идея приходов и мелких земских единиц находит себе полное и строго-логическое осуществление для самодержавной России в предлагаемой нами власти сельских начальников с их совещательными органами в лице Советов.

Но как различен дух той и другой идеи!

Конечно, я предлагаю вашему вниманию мои мысли не в качестве готового и детально разработанного проекта, ожидающего законодательной санкции.

От села до Государя, источника всякой нашей государственной мудрости, расстояние огромно, и оно должно быть заполнено инстанциями в духе предлагаемой деревенской реформы, но этой области я не позволяю себе касаться.

Нас спрашивают о деревне, мы покаместь и должны только о деревне дать ответ. Спирт и еврей ядовитым своим жалом коснулись деревни, мы обязаны и на них обратить внимание, хотя их влияние гораздо обширнее и касается настоящего и будущего всей России, как сельской, так и городской, как хлебопашеской, так и заводско-фабричной.

Конечно, при намеченном изменении строя поместной жизни весь ныне, так называемый земской, бюджет пойдет на нужды местного управления, но под полным контролем высшей губернской власти. Сметы же и раскладки бывших земских повинностей будут составляться сельскими начальниками на местах при участии совещательных советов, а затем распределяться на уездные нужды в уездном совещании сельских начальников под председательством предводителя дворянства.

Надо ли говорить, что и уездный предводитель дворянства должен назначаться Правительством, как и всякая другая поместная

власть. В проведении принципов мы должны быть строго последовательны во всем.

VI

Моя задача не могла бы считаться вполне законченною, если бы я не затронул другой болезненной язвы нашего поместного быта.

Я имею в виду раны поместного дворянства, еще не покинувшего до сего времени своего поста, но уже почти изнемогающего в непосильной, свыше чем сорокалетней борьбе за сохранение своего исторического назначения — стоять во главе Русского народа и служить опорой и подножием трона Помазанника Божия.

Что легче, спрошу вас, — создать вновь или сохранить и поддержать? Конечно, — поддержать и сохранить. В деле обыкновенного домостроительства своевременная поддержка сохраняет старый, но прочный, из вековечного леса сооруженный дом и, притом, не требуя тяжелых затрат из капитала. Если это так в данном грубом примере, то насколько же это вернее — в необходимости сохранения в целости веками сложившегося и веками же испытанного сословия, искушенного наследственным опытом в деле руководительства и попечительства над великим Русским народом, коренным русским населением! Прошу вас особенно заметить — коренным русским, то есть жителями центра, истинного создателя России. Центр — все! А он-то именно с особою силой подвергся испытанию.

Как же поддержать и сохранить коренное Российское земельное дворянство, это необходимое звено, связующее Самодержавного Царя с Его народом?

По существу русской государственной идеи, земля русская не есть собственность частная, а есть собственность государственная. Истинный ее Хозяин — Православный Русский Царь. Она может быть жалована для службы, за службу, может быть жалована отдельному лицу или даже целому роду, но под непременным условием службы поместной или поместно-государственной. Под этой последней я разумею служение в высших государственных должностях, вблизи или при Особе Его Величества. Но и эта служба должна быть связана с поместным владением. *Земля — соль нашей государственной жизни.*

Этот основной принцип нарушен в самом своем основании. Земля стала рыночною и даже, как вполне верно замечено министром Финансов, биржевою ценностью.

Это нарушение векового принципа с особою тяжестью отозвалось на нас, дворянах, и кроме того вследствие неправильно поставленной взаимополитики Дворянского и Крестьянского Банков — и на крестьянах, фиктивных собственниках прежних дворянских земель.

Говоря строго логично, мы, поместные дворяне, совершили уголовноисторическое преступление, обременив ипотекой имущество, нам не принадлежащее — *мы заложили Царскую*

землю. Но вина в этом преступлении не на нас одних. Кто виноват в этом, — безпристрастная история, если только таковая будет когда-нибудь существовать, разберется в этом. Наше дело указать, как мы думали бы выбраться из ложного положения, в которое мы и себя поставили, и с собой поставили и Правительство.

К великому благополучию, в нашей задолженности есть сторона весьма добрая, о которой я выше уже говорил намеком, утверждая, что она создает в руках казны послушный и гибкий кадр для предлагаемой реформы поместного быта. Я сейчас это вам поясню примером.

Большинство наших дворянских поместий заложено ныне, если я не ошибаюсь, в 60 % специальной оценки. Специальная оценка составляется с некоторым более или менее точным приближением к действительной продажной стоимости земли. Иными словами, Государство, выдав нам под залог имения сумму, равную 60 % оценки, как бы произвело отчуждение 60 % нашей земли, оставив в нашей собственности 40 %. Пока мы — плательщики исправные, Казна, на праве ипотеки, оставляет за нами право пользования всею землей, но, при нашей платежной неисправности, она, по всей справедливости, в видах общегосударственной пользы, не только может, но и должна произвести фактическое отчуждение принадлежащего ей участка тем более, что, при предлагаемой реформе, она неизбежно долж-

на встретиться с необходимостью отчуждения земельных участков для проектируемых должностей. Естественно, при этом отчуждении, усадьба с инвентарем должна остаться во владении старого владельца, тем более, что, по правилам Дворянского Банка, усадьба и инвентарь принимались в залог только в 5 % отношении к сумме всей ссуды, как бы ни была велика ценность усадьбы.

Не нарушая принципа свободы и справедливости, а наоборот восстанавливая его во всей целокупности, казна совершила бы акт величайшей государственной мудрости, сохраняя и нужный ей поместный Дворянский служебный элемент, и освобождая землю от задолженности.

Конечно, план отчуждения должен быть составлен разумнохозяйственный, чтобы не были обезценены оба участка.

VII

Но поместная жизнь дворянина-помещика должна быть сопряжена с несением и поместной службы. Оставаясь в своем поместье и исполняя обязанности, связанные с должностью сельского начальника, имея уже заложенную землю, — какое же вознаграждение он должен получить за свою службу? Ведь не прирезкой же к его земле новых 300 десятин?

Очевидно, нет. Это вознаграждение должно выразиться в отмене банковских платежей в сумме, равной или несколько большей платежа

за этот 300-десятинный казенный служебный надел, причем годы действительной службы должны быть зачислены без % в годы погашения долга. При потомственной службе и владении даже многоземельные имения могут, таким образом, совершенно очиститься от долга и притом не только без обременения, но и с великою пользой для казны и для государства.

Новый же дворянский поместный служилый элемент, получая в жалованье земельный надел, может его сохранить и для своего потомства, но при условии продолжения службы и в нисходящих его поколениях.

Скажите, будет ли эта система не достойною привилегией дворянского служилого сословия, нарушит ли она чьи-либо интересы?

Нет, нет, и тысячу раз — нет! Это прямой и вполне естественный выход для нашего дворянского землевладения. Без этого выхода оно ненормально, неестественно, и даже прямо пагубно и в государственном, и в сельскохозяйственном отношениях.

Конечно, как во всяком новом деле, придется встретиться со многими житейскими чисто практическими шероховатостями, и придется, как служебным новоселам, так и старожилам, Казне придти с некоторым денежным воспособлением в виде временного жалования тем и другим — слишком уже мы далеко зашли по пути поголовного разорения, — но эта жертва должна быть временная, пока новый строй поместной жизни войдет в мирную ко-

лею общественной работы созидания. Это воспособление может быть, но может и не быть — о нем я говорю не как о чем-то необходимом и обязательном, но как о возможном и временном.

При учреждении новой поместной службы, необходимо принять во внимание одну черту крестьянской психики. Крестьянин наш до сих пор еще именует себя то «Протасовским», то «Телепневским», хотя от этих дворянских родов уже и духа в нашей местности не осталось. Чтобы власть новоселов-дворян стала крестьянину сразу родною, надо стараться восстановить старые дворянские роды в местах их прежних вотчин, конечно, в пределах возможности.

Теперь еще одно необходимое заключение. Судьба комиссий, столько раз созываемых по нашему поместному быту и, в частности, по дворянскому, — нам известна. «Пока солнышко взойдет, роса глаза выест!» Будем просить, если мы нужны нашему Государю и родине, отложить взыскание с нас срочных платежей впредь до выяснения нашего положения законодательным порядком. Мы доказали нашу стойкость, и этим уже заслужили право на милость.

VIII

Теперь перед вами, людьми практической жизни, я ставлю вопрос: есть ли предел для горизонтов всевозможных, и в том числе сельскохозяйственных улучшений в поместном деревенском быте, который мог бы быть по-

ставлен при предлагаемой вашему вниманию системе, основанной на благородном соревновании сил поместного управления? Дворянский суд чести; строго разработанный контроль Самого Государя над поместною служебною деятельностью через высших государственных сановников, облеченных Его особым доверием — это залог того, что никогда поместная служба не может выродиться в сатрапию. Разве эта система не есть прямой ответ на задачу определения и выяснения мер к поднятию сельскохозяйственной и всякой другой промышленности? Разве она не разрешает собой все наболевшие и назревшие вопросы неустройства поместного быта, включая продовольственный, упорядочения хлебной торговли, даже переселения, организованного на принципах этой же системы?

Поглядел бы я, как при этой системе строго ответственной деревенской власти, подпольные враги нашей деревни, вносящие смуту в ее политическое миросозерцание, осмелились бы перелезть через ее охраняемую ограду! Нам выставили и нас загипнотизировали тремя будто бы великими словами: свобода, равенство, братство! Лозунг безумный и безсмысленный, нарушающий естественный закон неравенства в самой природе! Выставим же и мы, в противовес этим диким и дико понимаемым словам — свою свободу, свое равенство, свое братство! Наша свобода, — с помощью Господа Иисуса Христа и Его Церкви, в свободе от страстей,

пристрастий и страстишек, в добровольном самоограничении своей самодовлеющей свободы; наше равенство — в равенстве всех перед Богом и Царем Самодержцем, в равенстве права и обязанности умирать за Царя, за Веру Православную; наше братство — в попечительстве и любви старшего брата к младшему!

Не бойтесь упрека в крепостничестве, — этот упрек могут нам бросить за глаза, за спиной нашей, только враги нашей самобытности, закрепощающие или уже частью закрепостившие труд наш и нашего рабочего своим капиталом, весьма часто иностранного, если не еврейского происхождения! Вот в этой-то крепости, в этом-то порабощении заключено истинное рабство личности. Наша же зависимость вся основана на свободе личности, в судьбе которой сама власть, как элемент поместный, связанный с ней интересами общего совместного благополучия и совместной жизни, является всецело заинтересованным.

Нам могут возразить: людей нет. Ответим: людей во время благопотребное воздвигает Бог! Изменятся обстоятельства — переменятся и люди!

⋄⋄⋄⋄⋄⋄⋄⋄⋄⋄

Я сказал все, что накопилось в душе за долговременную мою жизнь с вами, вынося одни и те же тяготы и скорби, которые лежат тяжелым бременем на ваших измученных пле-

чах. Я не коснулся только, правда, еще многих деталей нашей поместной жизни, но самое существенное, думаю, я высказал.

Вот что мы должны ответить нашему Государю на вопрос, который Он благоизволил нам поставить.

А затем воля Божия пусть да совершится!

СКАЗАНИЕ О ЧУДОТВОРНОЙ ИКОНЕ БОЖИЕЙ МАТЕРИ ЕЯ ИВЕРСКОГО ЯВЛЕНИЯ И О ЧУДОТВОРНОЙ ЕЯ ИКОНЕ ИВЕРСКОЙ, ЧТО В БОГОРОДИЧНОМ ИВЕРСКОМ ВАЛДАЙСКОМ МОНАСТЫРЕ НОВГОРОДСКОЙ ЕПАРХИИ

К 250-летию
пребывания Святой Иконы
в Валдайском монастыре,
исполнившемуся
16 декабря 1906 года

I

«По Вознесении на небо Господа нашего Иисуса Христа все ученики Его, как повелел им Господь, вместе с Пречистою Его Матерью остались в Иерусалиме, ожидая Утешителя, обещанного Спасителем, Духа Истины, Которого мир не может принять, потому что не видит Его, и не знает Его, но Которого знали, знают и будут знать все истинные и верные ученики Христовы всех времен, дондеже мир стоит. Ожидая с непоколебимой верой исполнения обетования Господа, Апостолы и ученики Его вместе с Преблагословенной Богородицею бросили между собою жребий, кому в какую страну идти для проповеди Божественного Евангелия, так как и

Пречистая выразила желание понести труды Апостольские во славу Сына Своего и Бога.

— Хочу, — сказала Она, — и Я метнуть с вами Мой жребий, чтобы и Мне иметь Мою часть в благовествовании в страну, которую изволит указать Мне Бог для проповедания слова спасения.

И по слову Божией Матери, ученики Христовы с благоговением и страхом бросили жребий; и Царице Небесной выпал жребий — Иверская страна[1].

Было это до сошествия Святого Духа на Пречистую и на Апостолов.

С великою радостью приняла Богородица Свой жребий и хотела уже, по сошествии в огненных языках Духа Святого, идти в Иверскую страну; но предстал Ей Ангел Божий и сказал:

— Теперь не отлучайся из Иерусалима, останься в нем до времени: указанная Тебе по жребию земля просветится впоследствии светом Христовым, и будет в ней Твое владычество, Твой жребий; но теперь Тебе предстоит немного потрудиться в иной земле, куда Тебя Сам Господь направит.

И по слову Ангела, пребыла Пречистая в Иерусалиме довольно продолжительное время, пока не исполнился срок, егоже положил Господь во власти Своей.

Лазарь, мертвец четверодневный, которого воскресил Господь, жил в это время на острове Кипре, где и был Апостолом Варнавою рукоположен во епископы. С великою любовью хотел

---

[1] Где теперь Грузия.

он увидать Пречистую Матерь нашего Господа, с Которой, из страха пред иудеями, он не видался давно, с того дня, как ему пришлось бежать из Иудеи от преследования синедриона, умыслившего его во что бы то ни стало убить как живого свидетеля величайшего из чудес Христовых. Провидя духом Своим любовь и желание Лазаря, Матерь Божия послала к нему письмо, в котором, утешая его, повелела прислать за Ней корабль, чтобы ему не ездить в Иерусалим к Ней, а чтобы Ей Самой прибыть к нему на остров Кипр.

Прочитав письмо, обрадовался Лазарь и удивился смотрению Преблагословенной Царицы Неба и земли, решившейся, любви ради, принять на Себя труды тяжелого морского путешествия, и, с великою поспешностью снарядив корабль, послал его за Пречистой. По прибытии корабля, взошла на него Пречистая Мария с возлюбленным Учеником Христовым — девственником Иоанном и с другими спутниками, благоговейно Их сопровождавшими, и отплыла от страны Иудейской, держа направление к острову Кипру. Во время пути внезапно восстал противный ветер, и пришлось кораблю с Пресвятой Богородицей пристать к горе Афонской, оказавшейся той страной и тем малым трудом, которые предрек Божией Матери явившийся Ей Ангел.

В то время гора Афонская была повсюду исполнена идолов: стояло там великое капище и святилище язычников бога Аполлона, производились всякие гадания, волшебства и совершались бесовской силой всякие чарования на по-

гибель души человеческой. И было то место, та гора Афонская в великом почитании у эллинов[1] за красоту своей природы и за дьявольское прельщение, которому веровали язычники, как священному действию своих богов золотых, серебряных, каменных и деревянных; шло на поклонение со всего языческого мира на ту гору Афонскую многое множество всякого языческого народа, ищущего гаданий и ответа на все свои вопросы от бесов, скрывавших себя в идолах и прорицавших чрез языческих жрецов, своих ставленников.

И вот, когда корабль Пречистой пристал к Афону, тогда от всех идолов разнесся по всей Афонской горе великий плач и вопль:

— Сойдите, — кричали бесы, — сойдите с горы все люди, прельщенные Аполлоном; сойдите к Климентовой пристани и примите с честью Марию, Матерь Великого Бога Иисуса!

Так, против воли своей вопили сидящие в идолах бесы, побуждаемые к тому силою Божиею, как было то некогда при Спасителе в стране Гергесинской, когда им невольно пришлось возвестить истину в словах: «Что Тебе до нас, Иисусе, Сыне Божий? Пришел Ты сюда прежде времени мучить нас!»

Слышал эти бесовские вопли народ языческий и удивлялся. И вот все побежали на берег моря к указанной пристани и увидели корабль, а на корабле — Матерь Божию, Которую и приняли с великою честью. И спрашивали язычники Божию Матерь:

[1] Древние греки-язычники.

— Как родила Ты Бога? Как имя этого Бога?

И отверзла Пречистая уста Свои божественные и благовестила народу все подробно о Христе Иисусе, Господе нашем. И пали ниц на землю все люди и поклонились родившемуся от Нея Богу. Почтили они и Богородицу почестями великими и многими и приняли святое крещение, ибо много чудес сотворила Божия Матерь.

По совершении же святого крещения поставила новопросвещенным людям Владычица в начальники и учители одного из Своих и Иоанновых спутников, бывших с Нею на корабле, и возрадовалась духом Своим и сказала Афону великое Свое слово:

— Да будет Мне место это жребием, данным Сыном Моим Богом!

И благословила Пречистая народ и вновь возвестила:

— Да пребудет благодать Божия на месте этом и на живущих в нем, с верою и благоговением соблюдающих заповеди Сына и Бога Моего! Что нужно будет для земной их жизни, того будет у них и с малым трудом изобилие, и уготовится им жизнь также и небесная. Милость же Сына Моего не отступит от этого места до конца мира, а Я месту этому буду заступницей и пред Богом за него теплой ходатаицей.

Сказала то слово Свое великое Матерь Божия, благословила народ, взошла с Иоанном и с прочими Своими спутниками на корабль и отплыла на Кипр, где нашла Лазаря в великой скорби: не ведал Лазарь, где столько времени находилась Пречистая, и боялся, не случилось

ли с Ней в пути несчастия от бури и морского волнения. Тем сильнее была его радость, когда прибыла к нему Матерь Божия и дала ему Свои подарки, руками Своими Пречистыми сработанные — омофор и нарукавники и поведала ему о всем бывшем в Иерусалиме и на горе Афонской. И благодарили все Бога.

Пожив немного времени на острове Кипре и благословив и утешив Кипрскую Церковь, взошла Матерь Божия на корабль и возвратилась обратно в Иерусалим».

Таково древнее сказание Стефана, Святогорского инока, о странствовании Царицы Небесной. Записано оно им со слов предания, последовательно до него переходившего из уст в уста от одного христианского поколения к последующему; и мы твердо веруем ему, по слову св. Апостола Павла: *братия, стойте и держитесь предания, которому вы научены или словом, или посланием нашим* (2 Фес. 2, 15).

Не прошло мимо слово Ангельское, сказанное им Царице Небесной о доставшемся Ей жребии — земле Иверской. После тягчайших гонений на Церковь Христову и исповедников Христовой веры в царствование нечестивых Римских Царей-язычников, возбуждаемых к тому вековечными ненавистниками ее — иудеями, которые и в те времена, обладая великими богатствами и дьявольской хитростью, умели втираться в близость к царским ближайшим советникам, настало для Божией Церкви успокоение при Константине Великом, Императоре Римском,

повелевшем признать ее главенствующей, а язычество искоренить. При этом Императоре некая благочестивая жена-христианка именем Нина, по смотрению Божьему и с помощью дарованной ей от Бога благодати, привела к вере Христовой весь народ Иверский[1].

Император Константин на горе Афонской, в то время как шло просвещение Иверии св. Ниной, воздвиг три обители: первую у Климентовой пристани, где пристал корабль Божией Матери, повелев обитель ту освятить в честь и память Успения Пресвятой Владычицы; вторую — на том месте, где благовествовала народу учение вечной жизни во Христе Спасителе Пречистая Приснодева, а третью — там, откуда отплыл с Царицей Небесной корабль, уносивший Ее на Кипр к Лазарю четверодневному. И населил Господь все те обители великим множеством иноков дивной подвижнической жизни: гору Афонскую тем же Императором Константином Великим повелено было звать — Святой — город же Аполлонов — «Иеревс», что с греческого значит — «освященный» — по великой святости того благодатного места.

Один благочестивый и исполненный всяких добродетелей христианин именем Петр спустя некоторое время по устроении на Афонской горе монашеских обителей, желая отречься от мира и его соблазнов и найти себе место пустынное и безмолвное для посвящения себя Богу, молил

[1] Память св. Нины, просветительницы Грузии, празднуется 14-го января.

Господа, чтобы Он открыл ему, куда ему направить свой путь. И в видении явилась ему Пречистая Богородица.

«Отец! — сказала ему Пречистая. — Место твоего упокоения — гора Афонская, которую у Бога и Сына Моего испросила Я Себе в жребий, чтобы на ней был приют и жизнь безпечальная для всех, кто ради вечного блаженства отречется от мира и прелестей его и пожелает совершенствовать себя в добродетели. Даровала Я любовь Мою горе этой, и вскоре восполнится ее красота красотой духовной жизни монахов, которые придут туда от всех мест и стран. И не оскудеет милость Сына Моего и помощь Моя от них, но покрою их и сохраню молитвой Моей о их спасении».

Придя в себя от этого благодатного видения, святой муж Петр принес благодарение Господу и Приснодеве и ушел на подвиг свой духовный на гору Афонскую, где достиг великого духовного совершенства, побеждая демонов, беседуя с Ангелами; и, став молитвами Богоматери по действу Духа Святого великим чудотворцем, мирно и праведно отошел к Первоисточнику жизни всяческой, к Господу Иисусу, в обители Отца Небесного, от века праведнику уготованные.

По времени пришел на Афон Преподобный Афанасий, основатель Великой Лавры, и тогда же прибыл в жребий Царицы Небесной и Иоанн, истинный сосуд Духа Святого, родом из Иверии, родич Царский и человек богатый, оставивший и знатность, и богатство, и светлые рос-

кошные одежды ради убогой и нищей рясы монаха и ради славы великого Афона и Преподобного Афанасия.

Подвизаясь добрым и спасительным подвигом вместе с Афанасием, как два друг друга любящие брата, узнал Иоанн, что в Византию[1] прибыл для утверждения мира между царством греческим и иверским сын его Евфимий и отправился сам туда же уговорить Евфимия вместе с собою уйти на Афон и предаться житию безмолвному, доброму житию монашескому под руководством Великого Афанасия, что и было достигнуто Иоанном — его истинною во Христе отеческой любовью: Евфимий преуспел в подвиге духовном и богословии на Афоне под водительством Афанасия в такой мере, что стал как бы новый Златоуст для родины своей Иверии, ради которой перевел все Божественное писание с языка греческого на иверский.

Вскоре за Евфимием прибыл к ним на Афон великий Торникий, военачальник Иверский, прославленный многими победами над врагами Иверской земли. И стал великий военачальник великим воином подвижнической рати на горе святой Афонской. Но не довелось Торникию долго пребывать на Афоне: угодно было Господу отозвать его постоять грудью за родную его Иверскую землю, за жребий Царицы Небесной. И было это так: в Иверии скончался царь Роман, а персы, народ безбожный, прослышав о его смерти, под начальством некоего Склиара пошли войной на Иверию, завоевывая города и села, не

[1] Константинополь.

встречая себе сопротивления, ибо царские сироты были малы, а Царица-мать находилась в неутешной скорби от своей утраты. Узнав, однако, что персидское войско победоносно приближается к столице Иверии, она послала гонцов на Афон к Афанасию и Иоанну, родственнику своему, умоляя их прислать к ней на помощь Торникия. Не смея ослушаться святых, Торникий прибыл в Иверию к великой радости Царицы, которая, показав ему своих сирот, сказала:

— На твоей душе, честной отец, лежит жизнь этих сирот!

И внял Торникий плачу Царицы и, взяв на себя начальство над войском, разбил наголову персов, перебил множество их войска: каких взял в плен, каких загнал внутрь страны их Персидской и с великой славой вернул надолго мир и спокойствие своей родине.

И предложила ему Царица много денег за эту победу; но отвечал ей Торникий:

— Я, повелительница моя, оставил все свое Господа ради, мне ли теперь брать чужое? Но если повелит твоя царская милость, то создай монастырь на горе Афонской, чтобы стоял он там на утешение и на молитву всему народу Иверскому.

И сотворила Царица по слову Торникия.

Так создался монастырь Иверский на Святой горе Афонской.

Такова судьба и связь духовная между земными жребиями Царицы Небесной: первым — Иверией, и вторым — Афоном Святым, молитвенником великим.

Установив, таким образом, духовную связь между двумя Своими жребиями на земле, Царица неба и земли пожелала даровать Иверу на горе Афонской в закрепление этого союза и печать Свою Царственную с изображением лика Своего Пресвятого — Чудотворную Икону Свою с Предвечным Младенцем на руках Своих пречистых.

Среди мира святой Христианской Церкви и тишины, наставшей после одоления духовных смут, возбужденных врагом-диаволом чрез подвластных ему и покорных его воле ересиархов — Ария, Нестория, Македония и других, внезапно, попущением Божиим, создалась новая ересь иконоборческая, сопровождавшаяся тяжкими гонениями на православных за почитание ими святых икон. Начавшись при иконоборце — Императоре Греческом Льве Исавре, она продолжалась еще и при Императоре Феофиле. Этот христоненавистник осудил на изгнание многих православных, подвергая их всяким мукам, повелевая износить из храмов все иконы и подвергать их уничтожению и посылая для того своих воинов по всем городам и селам. И до неба по всей стране греческой поднимался в то время дым от икон, сожигаемых нечистыми руками иконоборцев, жалобный стон православных, предаваемых на мучения за их почитание.

В стране Никейской жила в это многобедственное время некая благочестивая православная христианка-вдова с единственным своим сыном. Была она добродетельна, очень богата и

поставила церковь вблизи своего дома, а в ней — икону Богоматери, которую почитала выше всех своих сокровищ. Воины, посланные царем-иконоборцем по всей Греческой стране истреблять святые иконы, пришли и в дом этой христианки и, обыскивая все места, чрез окно увидели в храме и образ Пречистой.

— Давай нам скорей денег, — вскричали жене той нечестивцы, — или, творя царское повеление, умучим мы тебя всякими мучениями!

— Много дам я вам денег, — отвечала жена та, — но только утром: нет их у меня сейчас в доме моем.

Воины согласились ждать до утра, но один из них, уходя со всеми из храма, обернулся к образу и со злобой копьем ударил в лик Пречистой и тотчас истекла из него кровь, как из живого лица. Настала ночь. И вошла в храм с отроком своим та христианка и, преклонив колени, воздела руки к небу и, орошая землю слезами, молилась долго ко Господу. Затем, вставши, взяла со страхом и благоговением вместе с сыном святую икону, принесла ее на берег моря и опять стала молиться ей, как Самой Богоматери:

— Владычица и Госпожа мира! Благодатию Твоею имеешь Ты власть и силу как Матерь Бога Вышняго и над всеми созданиями Его владычествуешь: избавь нас от гнева Царя беззаконного, а икону Свою — от воды!

И с этой молитвой спустили мать с сыном святую икону в море; и о, чудо! Не плашмя упала икона, но кверху Пречистым ликом, и поплыла она, чудотворная, стоя на заход солнца,

держа путь, ведомый Единому Богу и Матери Его Преблагословенной.

Помолились тут и поплакали мать с сыном, пока не скрылась из виду святая икона. И сказала со слезами горькими мать сыну своему единородному:

— Чадо мое вожделеннейшее! Да явится ныне желание наше и к Богу благочестие, а к святой иконе Богородичной благоговение! Я, чадо мое любезнейшее, — слабая женщина, и не могу бежать в страну далекую: останусь я здесь и постараюсь укрыться в тайном месте; а если меня найдут воины злые царя нечестивого, то, Господь видит, готова я умереть за любовь к Богоматери. Ты же беги в страну Элладскую[1], чтобы не сотворили зла и над тобою, сыном моим любимым и единственным.

Облобызали мать с сыном друг друга, поплакали горько и расстались, обливаясь горючими слезами.

Юноша бежал в Фессалоникию, а оттуда на Святую гору Афонскую в Иверскую обитель, где и был пострижен в монахи и, проведя в монастыре Иверском жизнь преподобническую, с миром отошел ко Господу, Которого так желало и к Которому так стремилось сердце его монашеское.

И сотворилось все это, как и все, что творится в поднебесной, по дивному Божиему о грешных людях смотрению, ибо юноша тот Иверским монахам поведал все, что ныне поведано нами об иконе Пресвятой Богородицы. А было

[1] Древняя Греция.

то нужно знать инокам Иверским для будущего, им неизвестного, а Богом уже от века предопределенного.

Пущенная в море икона Приснодевы многие годы была сокрыта от человеческого взгляда и поклонения. Где скрывала она себя: на суше ли то было или на море, про то ведает Один Тот, Кто все ведает, Тот, Кто творит непрестанно великое и славное, и дивное.

Прошло после того уже много лет. Сидели раз святые Афонские старцы у врат Иверской обители и вели свои святые беседы о спасении души христианской. Внезапно на море явился столп, огненный, как пламень великий, достигающий вершиной своей самого неба. И ужаснулись от того видения старцы, и вскочили с мест своих, в страхе взывая:

— Господи, помилуй!

Услышала возгласы эти и остальная Иверская братия и собралась вся вокруг своих старцев смотреть и удивляться невиданному и неслыханному явлению столпа огненного, исходящего из вод морских; но как ни думала, не могла братия открыть причины этого дивного чуда. Настала ночь, и огненный столп с моря стал сиять еще сильнее, ярче самого дневного солнца. И увидели этот свет чудесный все монахи со всей горы Афонской. И стеклись к Иверу и из Лавры, и из Ватопеда, и из иных монастырей монахи и пустынники. И когда собралось все Афонское монашествующее Христово воинство на берег морской, прилегающий к Иверу, то все увидели неподалеку от себя, в море,

святую икону Богоматери. В радости великой стали они доставать святыню из волн морских, но не возмогли: только приблизятся к явленному чуду, а икона святая отступит от берега на глубину моря, — так и не возмогла братия Афонская принять на свои руки икону Пречистой Богородицы. Тогда повелел настоятель Иверского монастыря собраться всем в храм. И стала в храме молиться слезно братия, да удостоит ее Господь принять к себе святую икону Его Матери в утешение и радость подвига своего монашеского. И услышано было Господом теплое моление подвижников Иверских.

Был в то время в Иверской обители монах родом из земли Иверской именем Гавриил, нравом простейший, проводящий отшельническое житие и непрестанно наедине молящийся Богу. Ради безмолвия удалялся Гавриил на лето на самые высокие вершины горы Афонской, а зимой, когда наступала там стужа и выпадал снег, он сходил с гор и затворялся в уединенной монастырской келье. Носил Гавриил власяницу, пищей ему были дикие травы, а питием — вода. Простота его была блаженная; и был он истинно земной Ангел и небесный человек. Гавриил этот, помолившись, уснул и видит Пресвятую Богородицу в сиянии великой славы. И говорит ему Пречистая:

— Иди в монастырь и возвести настоятелю, что Я хочу дать ему и братии Мою икону в покров Мой и помощь. Сойди на морской берег и иди с верою по водам, взяв Мою икону, да все уразумеют любовь и заботу Мою об обители

вашей и да ведают, что Я Сама пришла на помощь вашу.

Сказала слово это Богородица и стала невидима, а Гавриил, муж Божественный, поспешно сошел с горы своей в обитель и возвестил настоятелю виденное. Настоятель же повелел собраться всем монахам в церковь; и, зажегши светильники, вышла из храма вся братия во главе с настоятелем, творя литию с пением псалмов Божественных, воссылая к небу дым кадильниц благовонный, и так достигли они морского берега, радуясь любви Богородицыной. И пошел Гавриил по водам морским (о, чудо великое!), и приблизилась к нему сама чудотворная икона; и принял ее в объятия свои Гавриил с радостью неописуемой, с пением и славословием Богу велегласными. И сам настоятель пошел навстречу Гавриилу, сойдя в море, а когда взошли они оба со святою иконой на берег, то радости и веселию монашествующих и конца, казалось, не будет: три дня и три ночи продолжалось молитвенное пение и бдение, и без перерыва шла Божественная служба пред святой иконой в устроенной на берегу моря часовне. Затем перенесена была Владычица в соборную церковь и поставлена в святом алтаре. И вновь пето было пред Нею всенощное бдение.

По совершении бдения разошлись монахи Афонские по своим монастырям, а наутро, в час утрени, вошел кандиловжигатель[1] в храм, чтобы приготовить все для совершения по чину

---

[1] Пономарь, он же и ктитор и сторож церковный.

церковному утренней службы, и не нашел иконы на своем месте — в алтаре храма. Стали искать, и после долгих поисков нашли ее сверх врат, на стене монастырской ограды. Дивились монахи, как и кем могла быть перенесена на это место святая икона, и перенесли ее опять на старое ее место в алтарь храма; но оттуда она опять невидимою силою оказалась перенесенной на стену, над святыми вратами обители.

Так повторялось много раз, и были монахи в недоумении великом, и не ведали, что и творить.

Тогда вновь явилась Владычица Гавриилу и сказала ему слово Свое: — Ступай в монастырь и скажи монахам, чтобы не искушали Меня; не для того явилась Я им, чтобы они Меня охраняли, а чтобы Мне Самой быть их хранительницей, и не только в нынешнем, но и в будущем веке. И еще скажи им: пока на горе этой монахи будут жить в страхе Божием и во благоговении и будут по силе своей трудиться для снискания добродетели, то пусть имеют дерзновение и надежду на милость Сына Моего и Владыки, ибо их Я у Него в Свой удел испросила, и Он дал Мне их. В знамение же этих слов Моих да будет им Моя икона: пока они будут зреть ее в своем монастыре, до тех пор не оскудеет им и милость, и благодать Сына Моего и Бога.

Богоносный же Гавриил, выслушавши такое слово Богоматери, вновь поспешил сойти с горы своей в обитель и возвестил о своем видении настоятелю, а тот собрал братию и поведал ей в безмерной радости слова Пречистой, сказанные Гавриилу.

И на вратах обители Иверской создан был храм во имя Пресвятой Богородицы — Портаитиссы, что значит «Вратарницы».

Отсюда и зовется до наших дней Пречистая Богородица Иверская «Вратарницей», оттого и поет Ей святая Церковь Православная славу:

«Радуйся, Благая Вратарнице, двери райския верным отверзающая!»

II

Безчисленное множество чудес сотворила Богоматерь в Обители Иверской на Афонской Святой горе чрез Свою явленную чудотворную икону — Вратарницу; истинно — чудес море бездонное излилось от Преблагословенной на Ивер, на Афон и на весь мир Православный, с любовью и верой к Ней притекающий. И прошла слава об Иверской иконе по всему христианскому миру.

Дошла слава та до архимандрита Московского Новоспасского монастыря Никона[1] и до Благочестивейшего Царя и Великого Князя всея Великия и Малыя России Самодержца Алексия Михайловича[2], второго Царя из того Рода Романовых, который и поныне царствует над Православной Россией. Был же тот архимандрит Ни-

---

[1] *Архимандрит Никон* (1605 † 17.8.1681) — в будущем *Патриарх Всероссийский (с* 1652 г.), выдающийся богослов, писатель, архитектор. Подробнее см.: *Зызыкин М. В.* Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи, ч. I-III. Варшава, 1931–1938; *прот. Лев Лебедев*. Москва Патриаршая. «Столица». «Вече». М. 1995.

[2] *Царь Алексей Михайлович* (9.3.1629, вступ. на престол 1645 † 8.2.1676).

кон близок к Царю; и по вере его, и по вере царской было заказано Иверским инокам написать для Москвы точное подобие чудотворной Иверской иконы Божией Матери, а 13 октября 1648 года подобие это уже было принесено в Москву; окончательно же на теперешнем своем месте поставлено 19 мая 1669 года, просвещая с тех пор и поныне чудесами своими всю Православно верующую Россию[1].

Вскоре после принесения св. иконы в Москву архимандрит Никон был уже возведен на митрополичий престол Великого Новгорода, оставаясь попрежнему близким «собинным» другом и советником Царю Алексею Михайловичу. Проезжая по Митрополии своей на пути в Москву, куда часто езжал Никон и по делам Церкви, и по вызову своего Государя, он поражен был красотою местности, окружающей Валдайское озеро, островов его, покрытых лесом, — всей дивной красотой этого истинного Божьего дара суровой природе угрюмого и холодного Севера России. Когда в неисповедимых путях Божественного промысла настало время быть Никону Патриархом Православной Русской Церкви, он, находясь тогда уже на верху силы, власти и величия, вспомнил о Валдае; и загорелось его ве-

---

[1] По данным о. *Льва Лебедева,* первый список с чудотворной иконы Иверской Божией Матери (1648) «остался в Царской Семье, затем вместе с Царевной Софьей Алексеевной попал в Новодевичий монастырь в Москве и находится там до сих пор в фондах филиала ГИМа» (Богословие Русской Земли как образа Обетованной Земли Царства Небесного// Тысячелетие Крещения Руси: Международная церковная науч. конф. «Богословие и духовность», М. 11–18.5.1987. М., 1989. С. 173).

ликое сердце пламенным желанием создать на одном из островов Валдайского озера приют безмолвия — иноческую обитель. Сам Великий Патриарх в книге своей «Рай мысленный» пишет об этом так:

«В лето от Рождества по плоти Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа 1653-е, в царствование Государя Царя и Великого Князя Алексия Михайловича всея Русии, я, смиренный Никон, Патриарх Божией милостью, долго раздумывал, как бы мне во славу святого Имени Божьего и где благоволит святая Его благодать, создать обитель себе на пользу, да и другим, хотящим спасаться. И вот, однажды, когда я размышлял о выборе места (было то на день празднования перенесения мощей отца нашего священномученика и исповедника Филиппа), стоял я на всенощном бдении в великой Успенской[1] церкви, и внезапно пришло мне на память одно место, которое я много раз видел, бывши Новгородским Митрополитом, проезжая в царствующий город Москву. И было то место — Валдай, при нем большое озеро, а на озере том острова многие. По сердцу мне было видеть то великое озеро и острова его, и я расспрашивал окрестных жителей о величине его и об островах, и о рыбных на нем ловлях; и все, что мне говорили, было то мне по мысли. И думал я: вот место, годное для монашеского сожительства, но не ведаю, *угодно ли оно Богу*. И положил я в сердце своем узнать это на деле: пойду я и попрошу, не откладывая того дела, у Государя Царя и

[1] Московский Успенский собор.

Великого Князя Алексия Михайловича всея Русии это место под монастырское строение и, если то угодно Богу и Пресвятой Богородице и новому Чудотворцу, Священномученику Филиппу Митрополиту, то пусть Господь Бог творит, как Ему благоугодно; говорит же Святое Писание, что сердце Царево в руце Божией. И пошел я тотчас к Великому Государю Царю и возвестил Ему, что было у меня на сердце. Великий же Государь, точно получив извещение от Бога, с радостью обещал мне дать то место со всеми окрестными селами и деревнями».

Получив от своего Государя такое радостное обещание, Патриарх заказал на Афоне Иверскому монастырю вторую копию с чудотворного образа Иверской Божией Матери, и во имя этого явления Пречистой решил основать свой Иверский монастырь на пожалованном Царем месте[1], а тем временем послал доверенных людей выбирать на островах Валдайских подходящее для обители место. И было это место, по преданию, указано Самой Богородицей; а было это так: долго раздумывали посланцы Никоновы, долго выбирали на островах, покрытых дремучим лесом,

[1] *Иверский Валдайский монастырь* строился Патриархом Никоном во образ Иверской обители на Афоне и даже шире — во образ всей Святой Горы. «Святой полуостров Афон у Никона становится Святым островом, озеро Валдай получает название Святого озера. Главной святыней монастыря должна стать копия с чудотворной Иверской Афонской иконы Божией Матери... Братия в монастырь набирается нарочито разноплеменная (подобно разноплеменным монастырям Святой Горы)... Это первый опыт создания на Русской земле достаточно отвлеченного, условного (лишь в каких-то самых общих чертах) подобия святому месту Православного Востока» (Там же. С. 156).

местность для будущего монастыря, и все не могли ни на том, ни на другом остановиться. И вот на одной горке, среди леса на берегу озера, вблизи от места, где теперь стоит монастырь, одному из посланцев Никоновых явилась Пречистая с Святым Филиппом Митрополитом и Праведным Иаковом и десницей Своей указала ему, где быть, по Ее желанию, монастырю. Там он и поставлен, там и поднесь стоит. А горка та, где было явление Богородицы, и поныне зовется Богородицыной: стоит пригорочек такой среди леса, близ озера, блестит среди лета ярко-зеленой мягкой травкой; и не растет на нем ни кустика, ни деревца, даже папоротник на нем не прививается — точно коврик зеленый, пушистый, из-под Пречистых ножек Богородицыных. Знают место это благочестивые паломники и, как идут в монастырь, непременно шапки снимут, перекрестятся и тому месту святому поклонятся.

И закипела, по царской и патриаршей милости, могучая работа на островах Валдайского озера, и началось созидание к славе Пречистой первого монастырского деревянного храма во имя Иверской иконы Божией Матери. А икону ту на Афонской горе уже писали Иверские старцы. И писали ее они так, как теперь уже, увы, не пишут...

«Как есьма приехал Пахомий[1] в наш монастырь, — повествует о сем грамота афонских Иверских старцев, — собрав всю братию 365 братов, и сотворили молебное пение с вечера и

---

[1] Архимандрит *Афонского монастыря Пахомий,* приезжавший в Москву собирать приношения для Афонских обителей.

до света и святили есьма воду со св. мощами и св. водою обливали чудотворную икону Пресвятыя Богородицы, старую Портаитскую, и в великую лохань ту св. воду собрали, и собрав, паки обмывали новую цку[1], что сделали всю от кипариса дерева, и опять собрали ту св. воду в лохань и потом служили святую Божественную литургию с великим дерзновением. И после литургии дали ту св. воду и св. мощи иконописцу отцу господину Иамвлиху Романову, чтобы ему, смешав св.воду и св.мощи с красками, написать святую икону... А иконописец токмо в субботу и в воскресенье употреблял пищу, а братия по дважды в неделю совершала всенощные и литургии. И та икона новописанная не разнится ни в чем от первой иконы ни длиною, ни шириною, ни ликом, только слово в слово новая, аки старая»[2].

Так писалась Валдайская чудотворная Иверская икона, грядущая творить чудеса во славу Божию в Новгородскую землю, где с трепетом благоговейной веры уже ожидали ее принесения в созидаемый монастырь «пять пятериц со единым» братии, столько же «трудников» рабочих и все люди православные, на глазах которых росло и духовно мужало любимое Никоново детище — Богородичный Иверский Валдайский монастырь. А великие знамения и чудеса уже предвозвещали пришествие Пречистой.

---

[1] Дску. [т.е. доску для иконы. — *Сост.*]

[2] По данным *Е. Поселянина* (Богоматерь... М., 1909. С. 663–664), это письмо архимандрита Пахомия повествует о создании 1-го списка с Афонской иконы, находящейся ныне в Новодевичьем монастыре.

«Братия и отцы! — так писал в «Рае мысленном» Патриарх Никон. — Хочу вам поведать ревночестное древним знамениям и чудесам, какие бывали при Моисее в пустыне и на Синае. Истинно это исполнено и страха, и радости. Когда пришли мы во святую обитель, в Иверский монастырь, многие исповедывали мне, что за день до прихода нашего, в четвертом часу ночи с четверга на пятницу было над тем святым местом видение страшное: от земли до неба стоял столп огненный, осеняющий святое место, так что всем им казалось, не горит ли уже оно, и свет от того столпа был так велик, что вся местность окрест святого монастыря — и села, и деревни на далекое расстояние — все осветилось тем светом великим. И пока не видали люди столпа того над святым монастырем, то думали, что горит село или окрестные деревни. И когда посмотрели на то святое место, где стоит святая обитель, то увидели столп огненный великий, устрашились при виде такого необычного и чудного видения. И от тех мест или сел, откуда днем можно видеть святое то место, то при свете святого того столпа видно оно было еще яснее, чем днем, так что и церкви, и все строения видеть было можно. А ночь в то время была очень темная...»

И далее о том же чудном видении пишет Патриарх Никон: «Но для большего уверения себя в чудном том видении призвать повелели мы тех, кто сподобился это святое и страшное видение видеть. И велел я званных вводить пред себя один по одному и так расспрашивал их, как они видели и в какое время. Они же под прися-

гой исповедали мне, как бы едиными устами, все так, как было выше писано. Имена же тех, кто мне, смиренному, исповедал о видении того столпа: села Богородичного[1] иерей Косма, да посадский человек Антоний, да с Зимней Горы[2] люди: дворянин Моисей, земский дьяк Петр, Стефан да того же «яму» ямщики: Иван, Семен, Иосиф и многие другие. Села же те и деревни, откуда было видимо то видение, верстах в трех, четырех, пяти и более.

За благо помыслил я написать это ради пользы слышащим, чтобы не сказать нам с безумцами, как пишет Пророк: *рече безумен в сердце своем: несть Бог»*.

Но за молитвы Пречистой, благоизволившей создать имени Своему обитель Валдайскую, чудеса и знамения Божии продолжались и далее. Вот что в той же своей книге пишет Великий Патриарх:

«Побывши в святой обители, мы возвращались от того святого места в царствующий град Москву. И пришли к нам три мужа, честны и сединами украшены; одному имя Симеон, второму — Иоанн, а третьему Феодор, и поведали, что в ту ночь, когда были принесены в ковчег мощи святых отец Петра, Ионы и Филиппа и мощи блаженного Иакова Боровичского, они, сговорившись между собою, пошли в полночь в святую обитель к заутрени и, когда вышли из дому, вдруг засиял среди ночи яркий свет. Испуганные, озираясь по сторонам и взглянув по на-

[1] Валдая.

[2] Зимогорье, село, смежное с г. Валдаем.

правлению ко святой обители, они увидели над нею четыре столпа огненных, и из них один очень большой, а три поменьше. И те люди, постоявши долго и подивившись на то страшное и странное видение, продолжали путь свой ко святой обители; а пути им было верст пять или более. И пока шли они, столпы те стали невидимы...»

Тем временем список чудотворной иконы, заказанный на Афоне Патриархом для Валдайского монастыря, прибыл в Москву и ожидал только изготовления драгоценной ризы, сооружаемой на него Патриархом Никоном и усердием православных христолюбцев, чтобы шествовать со славою в место, уготованное ему изволением Царицы Небесной[1].

Уже на пути святой иконы с Афона Матерь Божия явила знамение того, какая великая свя-

---

[1] «Эта икона была привезена в Россию в 1655 году. Сначала она находилась на подворье Иверского монастыря в Москве, затем в связи с особой к ней любовью москвичей была помещена в специально построенной Иверской часовне у Красной площади близ Кремля» (*Прот. Лев Лебедев.* Указ. соч.). На затворах ризы иконы была вырезана следующая надпись: «Лета 7164 [1656], марта в 1-ый день, при державе благовернаго и христолюбиваго великаго государя и великаго князя Алексия Михайловича... сей образ чудотворный Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Марии Иверския принесен из Афонских гор и обложен бысть честным и многоценным камением и жемчугом, украшен верою, вниманием и повелением великаго государя святейшаго Никона, архиепископа царствующаго града Москвы и всея Великия и Малыя и Белыя России... и поставлен в его государево патриарше строении, в монастыре Пречистыя Богородицы Иверския, что в Новгородском уезде, на святе озере Валдае, Тоя Самыя Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Марии и рождшагося от Нея безсеменно Христа Бога нашего на поклонение всем православным Христианам вечных ради благ» (*Поселянин Е.* Указ. соч. С. 217).

тыня даруется Ею Патриарху Никону для Валдайского Иверского монастыря. В похвальном слове своем Пресвятой Богородице Святейший Патриарх повествует об этом знамении такими словами: «Воспомянем перенесение на Землю Российскую чудотворной иконы, которую принесли Святейшему Патриарху Никону греки от Святых гор в царствующий и богоспасаемый град Москву; известим о чуде преславном Девы Пречистыя Богородицы, явленном Ею на пути Ея иконы в Москву. Когда пришло время перенесения подобия лица Ее Пречистого в Россию, стали искать отцы, там живущие, достойного, кому можно было бы доверить этот драгоценнейший бисер, и обрели они Авву Корнилия, почтенного саном священства, проводящего отшельническое пустынное житие, украшенного всякими добродетелями постнического воздержания и добрыми делами и много лет неисходно в келлии своей пустынной живущего. И умолили отцы этого Корнилия отправиться в Русь с некиим монахом Никифором, проходящим житие добродетельное. И были задержаны убогие те монахи со святою иконою на переправе чрез великую реку Дунай требованием с них большой царской пошлины. Монахам дать было нечего, и уже они помыслили возвратиться вспять; как ночью явилась им Пречистая и сказала:

— Не скорбите, чада, наутро Я найду Себе за вас пошлину, а вы намерению Моему не ослабевайте.

И в эту же ночь является Преблагая одному богатому греку, верному Своему слуге, именем

Мануилу Константиеву и повелевает за неимущих монахов заплатить пошлину. И сотворил Мануил Константиев послушание Царице и Богородице. Когда же прибыли монахи со святою иконою в царствующий град Москву, Святейший Патриарх хотел возвратить Константиеву заплаченную им пошлину, но он ее не принял, а воспринял ее за успех своей торговли возмездием Преблагодатной Царицы, Небесного Царя Матери, Христа».

К 16-му декабря 1656 года святая икона из Москвы, где на нее уже была возложена драгоценная риза ценностию в 44 000 руб., перенесена была в Богородичный Иверский монастырь и поставлена в новосозданный в Ея имя каменный собор; а 16-го декабря того же года гудел на святом Валдайском озере великий монастырский тысячепудовый колокол, возвещая Православному миру радость несравненную, что явилась Иверскому монастырю его Небесная Хозяйка и Покровительница, и что святится священием Патриаршим дом Ея — собор в честь славного Ея одигитрия, чудотворныя иконы Иверския.

Но не прошло это славное торжество Православия великому Патриарху даром от исконного врага и человекоубийцы диавола. Давно уже Никон, сидя на своем Патриаршем престоле мешал «богоборцу и льстецу» сеять свои плевелы на Божьей православной ниве. За исправление книг церковных, которые неискусными и малограмотными переписчиками были испорчены до того, что искажали самый смысл

церковного Богослужения, «великий льстец», попущением Божим, отбил от православного стада в раскол немалое число старообрядцев. Новая слава Православная — чудотворная икона Иверской Божией Матери и монастырь Ее имени, казалось, довершили озлобление врага человеческого рода против Никона: и он посеял раздор между Царем и Патриархом, подготовив этим низложение Никона с Патриаршего престола.

Таков путь креста Господня: путь скорби, гонения, уничижения... Его не миновал и Патриарх Никон.

20 мая 1666 года в монастырском повседневном обиходе произошел с виду маловажный случай; но Патриарх Никон, в то время находившийся в опале у Царя Алексия Михаиловича, видимо, встревожился сим и придал ему большое значение, 7-го июня того же года он послал грамоту свою Начальству Иверского монастыря, в которой писал:

«Никон, милостью Божиею Патриарх. Нашего строения Пречистыя Богородицы Иверского Монастыря Архимандриту Филофею, Наместнику Иеромонаху Паисию, Строителю Евфимию с братиею.

Ведомо нам, великому Господину, учинилось: в нынешнем году Маия в 20-й день, в нашем строении, в Иверском Монастыре, в соборную и Апостольскую церковь влетел-де соловей и сел на нашем, великого Господина, месте и пел дивно. И то-де многая братья слышала, и тебе, Архмандриту, и Наместнику о таком деле извести-

ли, и как-де он пел, и то-де слышали ты, Архимандрит, и Наместник и братья многая. И того-де соловья, взяв, с нашего места пономарь и отдал тебе, Архимандриту, и тот, де, соловей у тебя, Архимандрита, умер в руках. И вы то дело поставили себе в оплошку, и к нам, великому Господину, о таком деле не писали... И, как к вам сия наша, великого Господина, грамота придет, и вам бы о том деле к нам, великому Господину, отписать, не замолчав ни часу обо всем подробну: как тот соловей появился в церкви, и в кое время, и в коем часу, и как было, и на нашем, великого Господина, месте тот соловей пел, и сидел на коем месте, и кто преж его осмотрил, и кто преж отдал тебе, Архимандриту, и как ты его принял, и долго ли у тебя он был в руках, и пел на какой перевод. Приказной Евстафий Глумилов. Писано в нашем строении Нового Иерусалима Воскресенского Монастыря 174, июня в 7 день».

«Не замолчав [sic], обо всем подробну» в том же июне архимандрит Филофей отписал встревоженному Патриарху так:

«Великому Господину, Святейшему Никону Патриарху, твоего, великого Господина, строения Пречистыя Богородицы Иверского Монастыря богомольцы твои (имя рек)... И Маия в 20 число, в шестую неделю по Пасце, в соборной церкви, на утрени, на втором чтении, пошел из церкви в притвор северными дверьми дьякон Варсонофей, и в северных-де дверех летит ему навстречу птица. И тот дьякон чаял, что нетопырь летит, и учал на его махать, и в церковь

не пускать, и та-де птица мимо его пролетела, и через братию, которые седили подле дверей, полетела вверх через деисусы в олтарь, и в олтари на горнем месте, на окне сидя, преж, почал посвистывать по обычаю, и защокотал, и запел, и пропел трижды. И то пение мы, богомольцы твои, Архимандрит и Наместник, и строитель, и братия слышали. И пришед пономарь возвестил мне, Архимандриту и Наместнику, что поет в олтари, и мы пошли в олтарь его смотрить. И тот соловей учал в окне летать и битца вон. И приставя лестницу, послали малого и велели бережно его поймать, и клетку приготовили, во что его посадить. И тот малой учал его хватать, и поймал руками живого, и посадил в шапку, и, сшед с лестницы, пришел ко мне, Архимандриту, и я его из шапки вынял мертвого. А если бы жив был, и мы хотели его послать к тебе, Великому Господину, простотою своею и не писали, что он умер, и послать некого. И о сем у тебя, милостивого отца, прощения просим, что о том соловье простотою своею к тебе, милостивому отцу, не писали...»[1].

Предчувствовало ли сердце Патриарха в этом по виду простом случае знамение предстоящих ему скорбей и бед, данное ему свыше Пречистой Покровительницей его монастыря, то нам осталось неизвестным; но судя по его письму к Иверскому Настоятелю нельзя не заметить, что Никон случаю этому придал немаловажное значение. Было это в мае 1666-го года, а 6 декабря того же года пришла Архимандриту Филофею

[1] Монастырские акты № 238, 2 и № 239.

Царская грамота, впервые именовавшая Никона «Патриархом бывшим».

Пропел неведомо откуда залетевший соловей на патриаршем месте трижды и умер. А там и на Патриаршем всея Русии престоле не стало Никона. Прошло еще 15 лет, и после ряда тяжких испытаний и гонений 17 августа 1681 года отошел ко Господу и сам Никон, более уже не видавший своего Патриаршего престола.

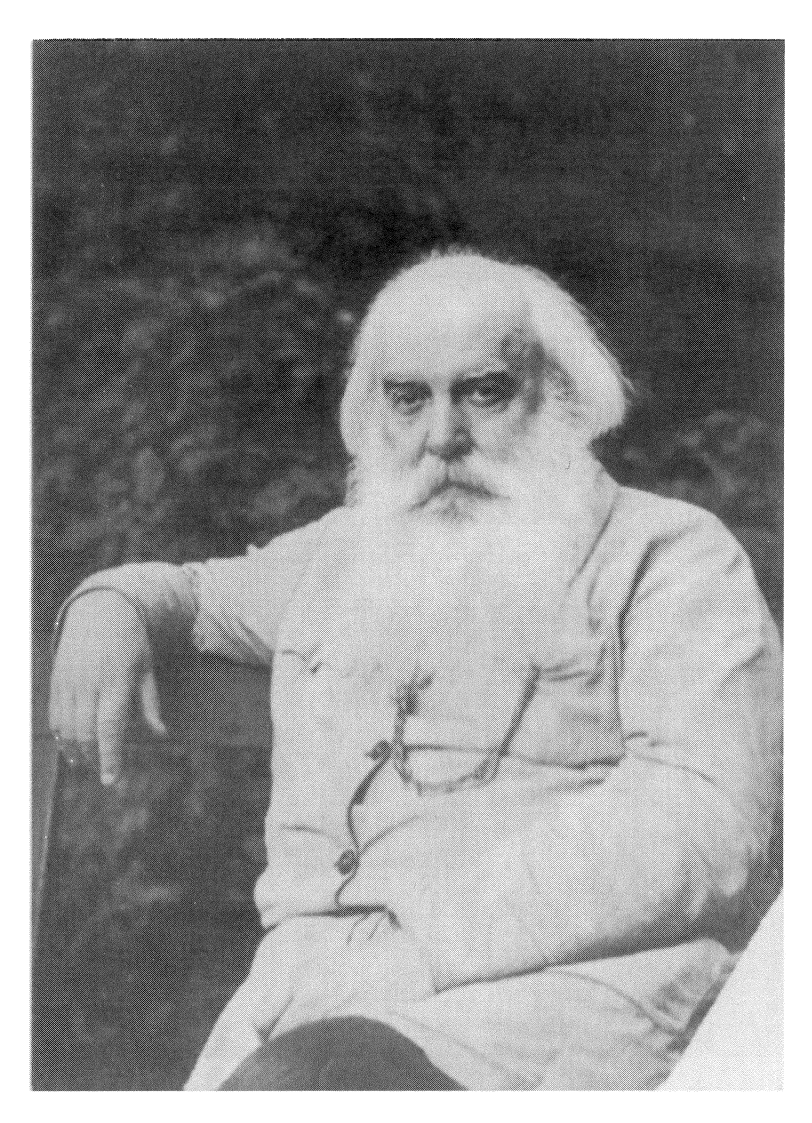
По вере нашей явное то было знамение в Дому Пресвятыя Богородицы Иверския, дарованное Никону, великому труднику Православной Церкви, верному рабу и послушнику Приснодевы Марии, Царицы Небесной.

С тех пор как вступила Пречистая Своей Чудотворной Иконой под сень соборной церкви Иверского Валдайского монастыря, токи чудес источает Она Своей благодатью: недаром так велика в Нее народная вера, недаром более 250 лет чтит Иверскую икону Богородицы своим благоговением православный Русский народ, те простые сердцем русские люди всякого звания и состояния, которые еще не искусились в премудрости «науки злы» современного богоотступничества. Не записывались чудеса эти простотой монашествующей братии, но некоторые из них, особенно поразительные, запечатлелись в благодарной народной памяти. И вот, одно такое чудо совершила Царица Небесная чрез Свою икону в 1848 году, когда Новгородский край был посещен губительной холерой, свирепствовавшей в тот год во всей России. Дошла холера и до Валдая и стала без счету косить православный

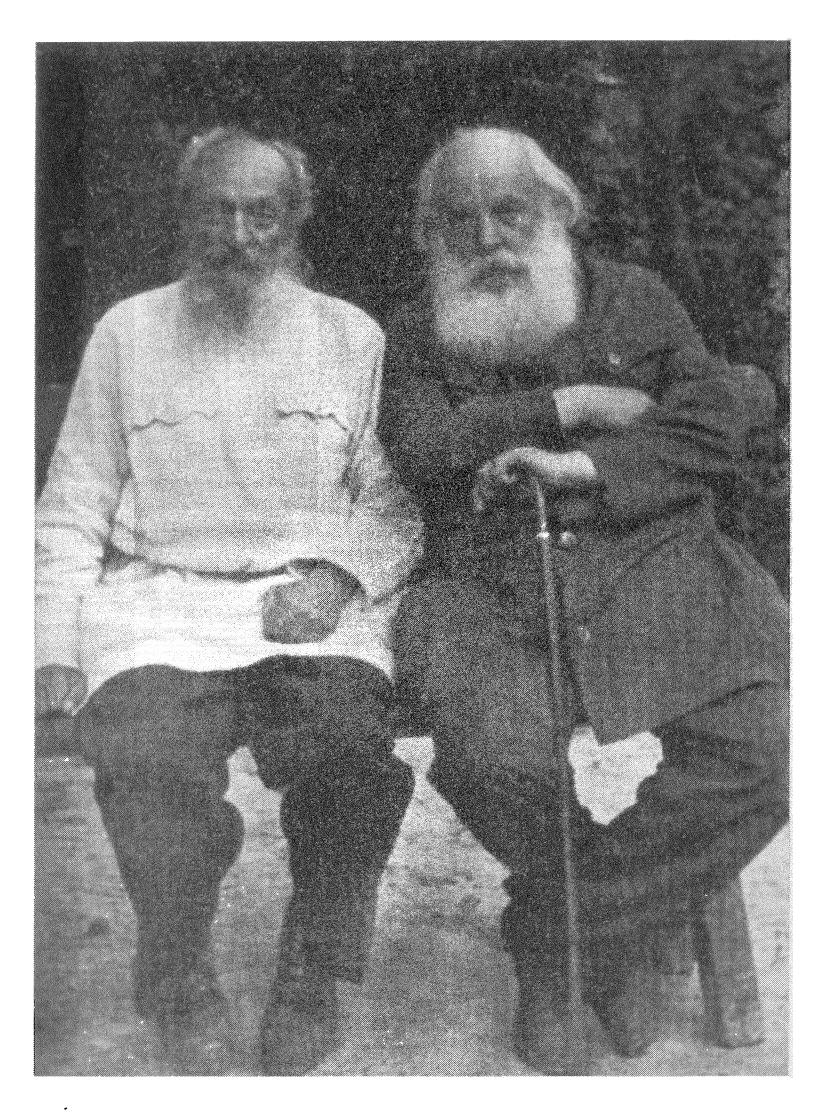
народ. В страхе смертном жители Валдая обратились к небесной помощи, к чудотворной Иверской иконе Валдайского монастыря. И не была посрамлена их вера: когда в торжественном крестном ходу подняли они из монастыря святую икону и с теплой молитвой к Богу и Пречистой обнесли Ее вокруг города, тогда ослабела страшная болезнь, а вскоре и совсем прекратилась. С тех пор по просьбе жителей Валдая, Демянска[1] и Боровичей, Святейший Синод определил, а Государь Император утвердил, навсегда, из году в год приносить в Валдай чудотворную Иверскую икону Богоматери 27-го июля. Великий тогда бывает праздник тихому и богобоязненному Валдаю! И после непрерывного торжества и чествования Преблагословенной, 6-го августа Она уходит из Валдая и шествует Своим неизменно чудотворным путем в Боровичи и их уезды по селам и деревням, подавая по вере и утешение, и исцеления от душевных и телесных недугов всем, с любовью и верою к Ней притекающим. И несмотря на умножающееся, к великой скорби Церкви Божией и на великое зло Русскому народу, безверие и отступничество, с такою силою действует в святой Иверской иконе благодать Божия и Царицы Небесной, что с каждым годом все более и более расширяется круг Ее благодатного воздействия на скорбящее и болезнующее православное население нашего северного края, так что, уходя из дома Своего, Иверского монастыря, в конце июля, Домовладычица Ивер-

---

[1] В г. Демянск чудотворная икона Иверской Богоматери отправляется из монастыря каждогодно — 21 мая.

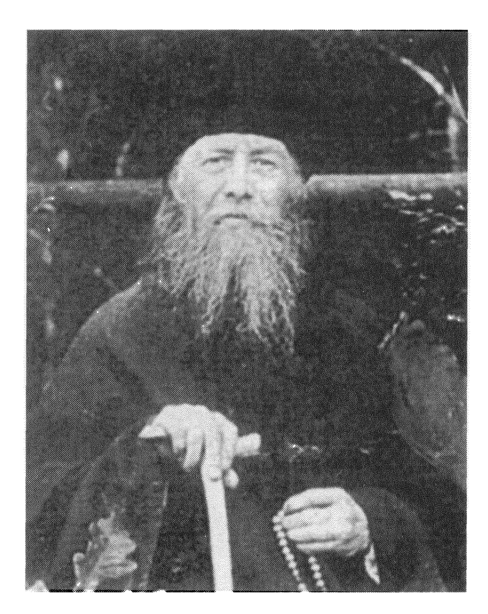

Сергей Александрович Нилус.
Чернигов, 22 мая 1927 года.
В России публикуется впервые

Сергей Александрович Нилус
и Митрофан Николаевич Комаровский.
Чернигов, август 1927 года.
Снимок в России публикуется впервые

Елена Александровна и Сергей Александрович Нилусы в Оптиной Пустыни

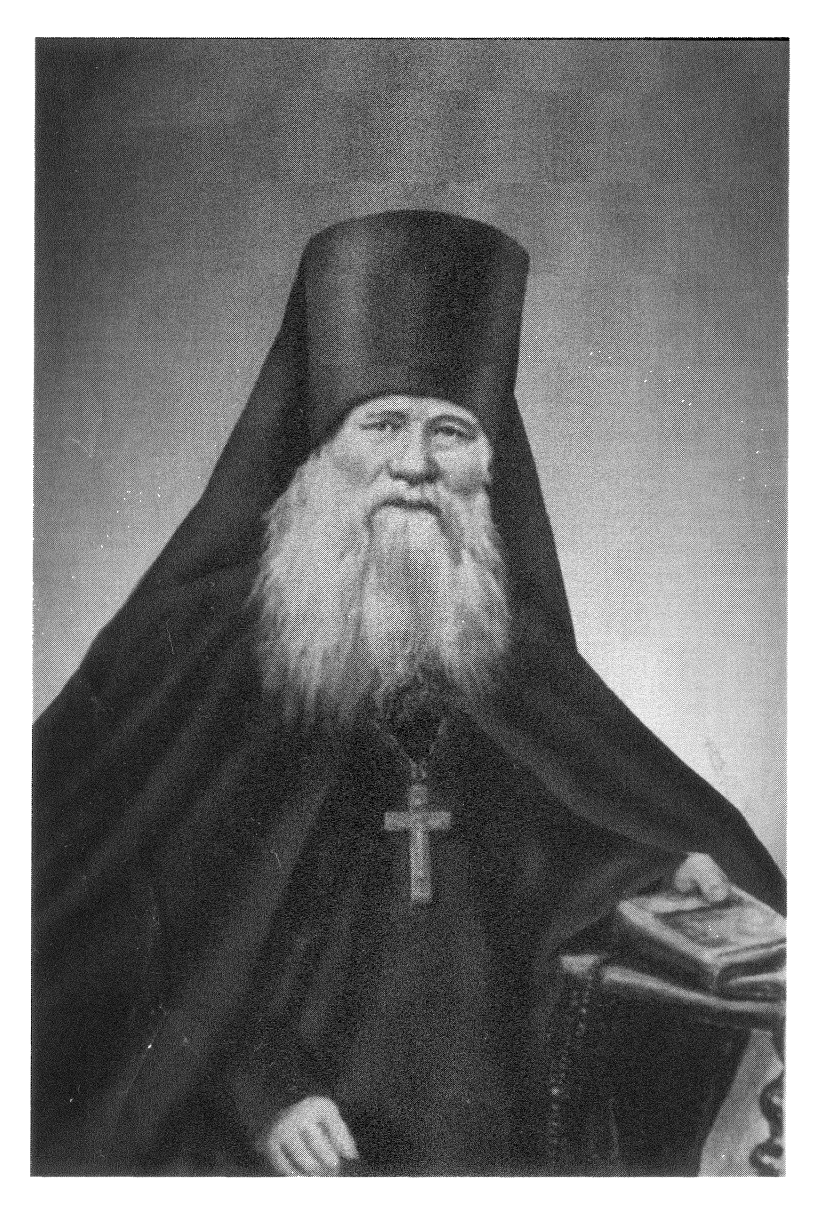
Иеросхимонах Анатолий II (Потапов), великий Оптинский старец. Ныне прославлен в лике преподобных

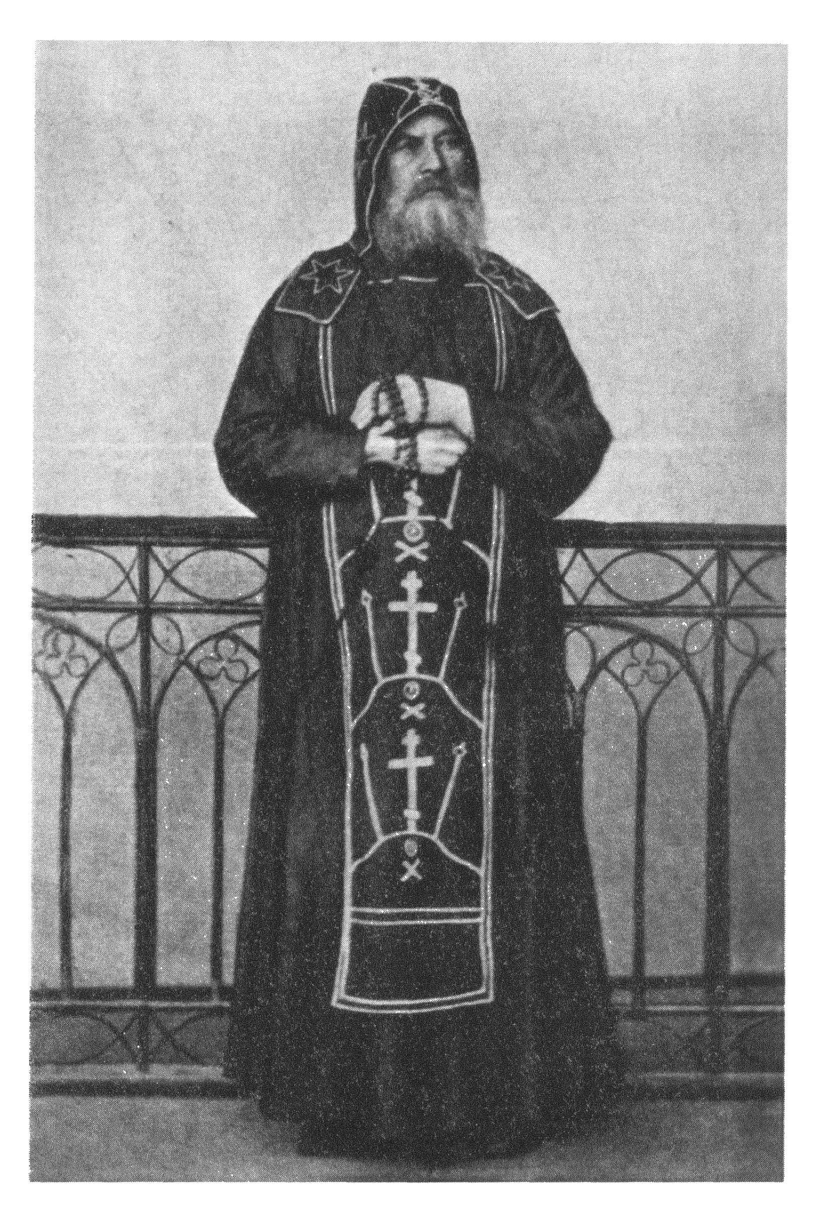
Святитель Игнатий Брянчанинов

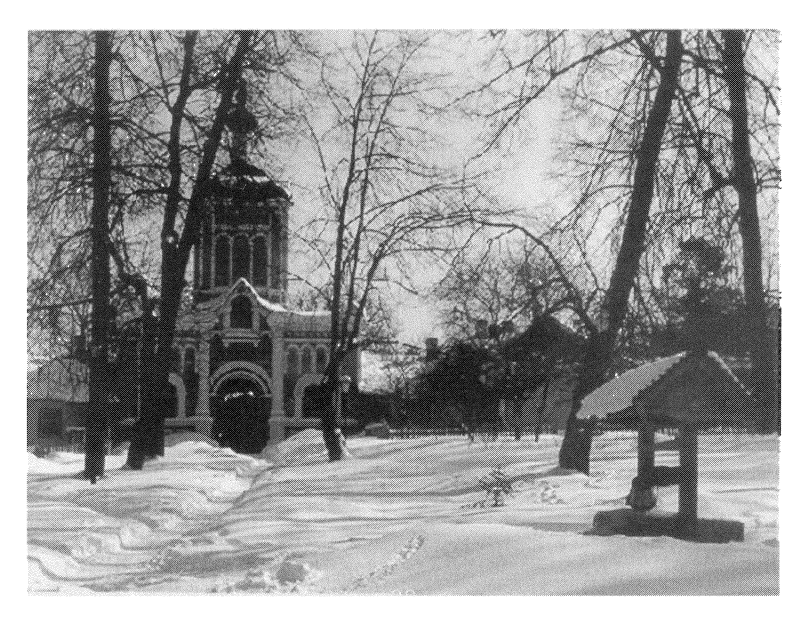
Преподобный Амвросий Оптинский

Преподобный Иларион Оптинский (Пономарев)

Схимонах Михаил (Чихачов),
начинал свой монашеский подвиг
с послушничества в Оптиной Пустыни

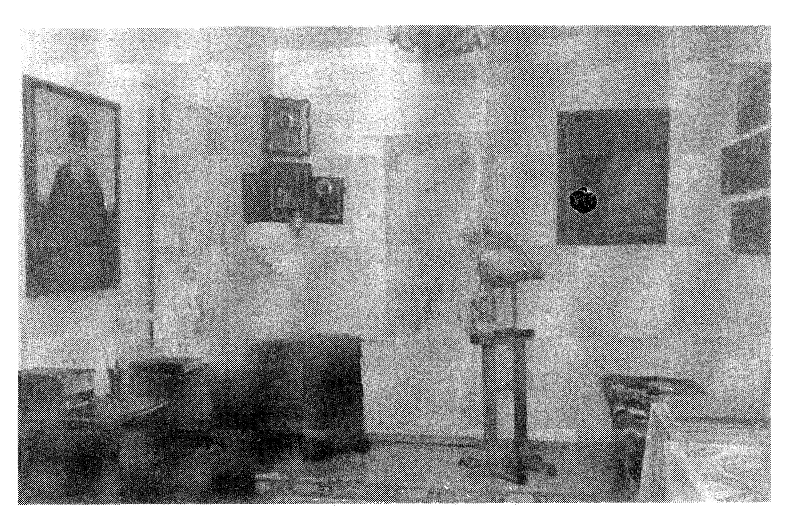
Иоанно-Предтеченский скит Оптиной Пустыни.
На переднем плане колодец, освященный в память святителя Амвросия Медиоланского

+

Отецъ Небесный
несудитъ никому
же, а весь судъ
предаде Сыну Сво
ему; а ты кто
такая!!!
Помни, что судить
других значитъ
осуждать свою
душу по слову ма
[illegible],

Автограф преподобного Амвросия

Вид на монастырь Оптиной Пустыни
со стороны Скита

Келлия преподобного Амвросия
(современное состояние)

Г. И. Пономаревъ.

О послѣднихъ дняхъ страданій, кончины и погребенія, Оптиной пустыни Духовника и Начальника Скита, Старца Іеросхимонаха Отца Иларіона Пономарева, въ Бозѣ почившаго 18го Сентября, 1873 года.

Составл: для своихъ келейныхъ воспоминаній о Старцѣ, очевидцемъ М. Порфирьевымъ.

18го Марта, 1874 года.

59.

...въ имя
...Старцѣ онъ
...ленію брат-
...намѣревалъ
...въ оной
...жизни, озабочиваясь о при-
...ствомъ въ исполненіе. И вотъ, давнее же-
ланіе самаго покойнаго Старца и всего о Христѣ
Оптинскаго братства, къ общему утѣшенію,
во славу Божію, имѣетъ быть исполнено: построит-
ся больница и при ней Церковь во имя Преподобнаго
Иларіона, и въ молитвенную, всегдашнюю память
многоболѣзненнаго Страдальца, незабвеннаго нашего
Старца, Батюшки О. Иларіона. Этотъ священ-
ный памятникъ будетъ вѣчный для его души.
„Душа же его во благихъ да водворится!" 1)
Надъ мѣстомъ же тѣлеснаго его упокоенія
будетъ еще другой памятникъ, — поставится

1) Псал. 24 13.

Страницы Оптинских рукописей:
О последних днях иеросхимонаха Илариона (Пономарева)

140.

Голосъ вѣры.
Изъ міра торжествующаго невѣрія.
Посылка въ Саровскую пустынь.

1.

«Молиться надо!... Что-то грозное, ...

и, уже не давая мѣста никакимъ сомнѣніямъ, рѣшилъ отдать свою рукопись въ печать.

Вѣрующимъ — на радованіе,
Сомнѣвающимся — на укрѣпленіе,
Міру — на поруганіе.

Сергѣй Нилусъ.

2 сентября
1901-го года.

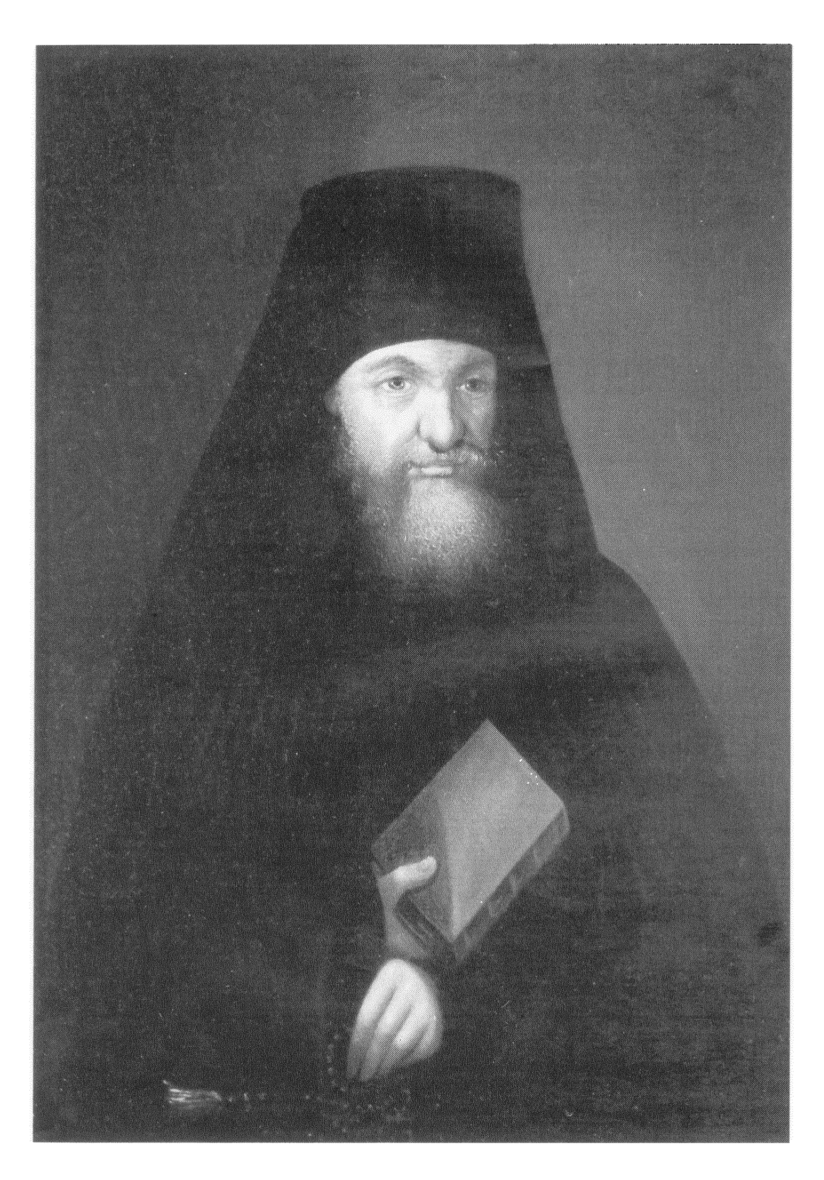
*Страницы Оптинских **рукописей:***
*Писцовая копия книги С. А. **Нилуса «Голос веры***
*из мира торжествующего **неверия» (1901)***

Император Александр I

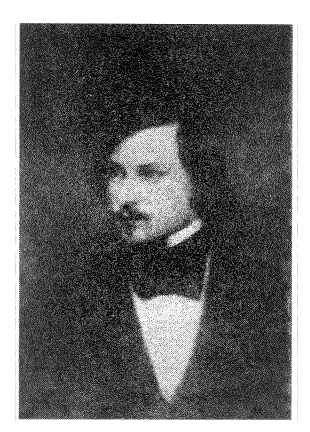

Император Николай I

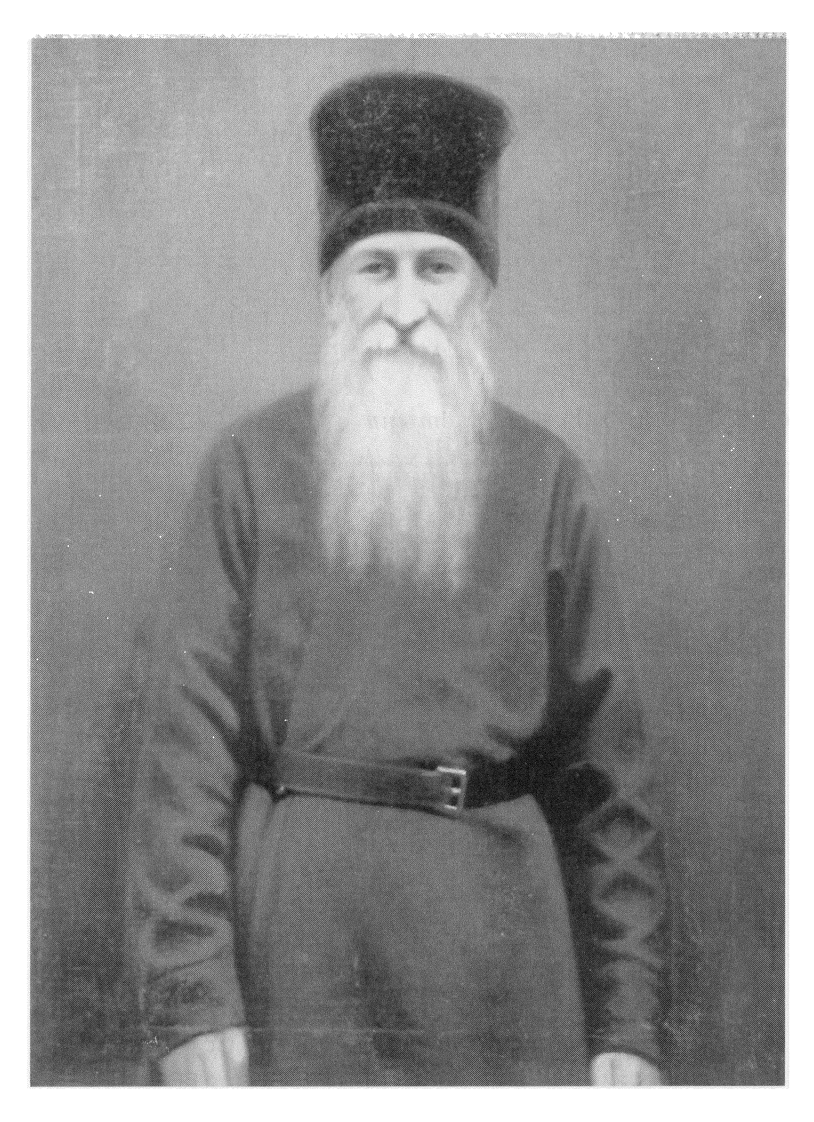

***Оптинский** старец Макарий*

Николай Васильевич Гоголь.
Офорт художника
М. В. Рундальцова.
1902 год

Супруги Киреевские,
благодетели Оптиной Пустыни

Преподобный Иосиф (Литовкин),
старец Оптиной Пустыни

ская едва успевает обойти всех верующих Своих чад до конца октября, когда и возвращается с торжеством великим под святую сень Своего храма, собора великого Патриарха Никона.

И каждое путешествие Царицы Небесной знаменуется творимыми Ею на пути Своем чудесами. Но и без чудес и знамений, которых ищет *род лукавый и прелюбодейный,* обличенный Спасителем, думается нам, и веруют, и будут, пока стоит Церковь Христова, веровать искренние православные, а неверующие, хотя бы очами своими видели и ушами своими слышали, не поверят: столько чудес сотворил Иисус Христос, Спаситель наш и Бог, а уверовали ли в Него фарисеи и книжники народа Израильского?!..

Призри же с высоты пренебесныя Своея, о Всепетая Мати, и услыши хвалу, Тебе от нас, смиренно-верующих, возсылаемую:

«Радуйся, Благая Вратарнице, двери райския верным отверзающая!»

ЗВЕЗДЫ ПУСТЫНИ

ЖИТИЕ СВЯТОГО ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО ОНУФРИЯ ВЕЛИКОГО И С НИМ НЕКОТОРЫХ ИНЫХ СВЯТЫХ ПУСТЫННОЖИТЕЛЕЙ (ПАМЯТЬ 12-ГО ИЮНЯ)

Повесть, записанная Преподобным Пафнутием, египетским пустынником

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Пустыня!

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу
И звезда с звездою говорит.
В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сияньи голубом...
Что же мне так больно и так трудно:
Жду ль чего? Жалею ли о чем?..[1]

Ты помнишь ли, читатель дорогой, этот чудный аккорд таинственных голосов пустыни, залетевших издалека легким, замирающим ветерком в многошумный и многоболезненный мир и благоуханным дыханием своим задев-

---

[1] [М. Ю.] Лермонтов.

ший многострунную лиру поэта?.. Зазвенели чуткие струны, задрожали гармонические звуки, заговорила струна со струною, но болью печали и трудом безысходной тоски отозвалось сердце поэта на голоса пустыни; оно не угадало, не поняло призыва Божественной любви: пустыня человеческого сердца не вняла Тому, Кто есть любовь совершеннейшая; звезда разума не вместила слова неба.

«Забыться!» «Заснуть!»

Чтоб весь день, всю ночь мой слух лелея,
Про любовь мне голос сладкий пел...

Любовь земли! Но может ли она петь сладко, когда звук ее голоса едва родится, уже ноет тоской утраты?.. Тоска, тоска!.. Ни от жизни ожиданий, ни к прошлому сожалений!.. И больно, и трудно!.. «Заснуть!..»

А между тем:

В час полночный близ потока
Ты взгляни на небеса:
Совершаются далеко
В горнем мире чудеса.
Ночи вечные лампады,
Невидимы в блеске дня,
Стройно ходят там громады
Негасимого огня.
Но впивайся в них очами —
И увидишь, что вдали,

За ближайшими звездами
Тьмами звезды в ночь ушли.
Вновь вглядись — и тьмы за тьмами
Утомят твой робкий взгляд:
Все звездами, все огнями
Бездны синие горят.
В час полночного молчанья,
Отогнав обманы снов,
Ты вглядись душой в писанья
Галилейских рыбаков[1], -
И в объеме книги тесной
Развернется пред тобой
Безконечный свод небесный
С лучезарною красой.
Узришь — звезды мыслей водят
Тайный хор вокруг земли;
Вновь вглядись — другие всходят;
Вновь вглядись: и там вдали
Звезды мыслей тьмы за тьмами,
Всходят, всходят без числа...
И зажжется их огнями
Сердца дремлющая мгла[2].

Дремлет мгла нашего сердца, усыпленная обманчивым призраком мечтательных сновидений. Давай же, зажжем ее огнями небесных звезд: пойдем с тобою в пустыню, где «звезда с звездою говорит», прислушаемся к их таинственной немолчной беседе в безмолвии пус-

---

[1] То есть Апостолов Христовых, согласно Евангелию, происходивших из Галилеи.

[2] А. С. Хомяков. Стих. «Звезды».

тынной ночи! Века прошли, а пустыня все внемлет Богу: внемлем же Ему с тобою и мы!

«Житие и слава святых святым светом своим подобны звездам небесным. Как звезды, хотя и утверждены они на небе, но просвещают всю вселенную, озаряют землю, светят и морю, и кораблями плавающих управляют, видимые и жителями Индии и от Скифов[1] не скрытые. И хотя не знаем мы всех имен их изза безчисленного их множества, но дивимся красоте их светлой. Подобен им и свет святых: хотя и скрыты в гробах их мощи, но силы их в гробах их поднебесной не ограничиваются земными пределами. Удивляемся их житию, изумляемся и славе, которою прославляет Бог, угодивших Ему»[2].

«Перенесемся же мыслию в пустыню: там увидите вы дивное и славное видение. Очистим сердца свои, сделаем голубиные крылья и полетим, посмотрим на жилища тех людей, которые оставили шумные города и им предпочли горы и пустыни. Пойдем, посмотрим, как живут они подобно мертвецам в гробах своих. Пойдем, посмотрим на их тела, одетые власами. Пойдем, посмотрим на их питие, растворенное умиленными слезами. Пойдем, посмотрим на пищу их, состоящую всегда из диких растений. Пойдите, посмотрите на те камни,

---

[1] Скифия (географически во многом совпадавшая с границами Российской Империя) и Индия считались двумя полюсами удаленности от основного места обитания в античности и средние века.

[2] Св. Симеон Метафраст. Житие Преп.Ксении (24 января).

которые они кладут под головы свои. Живут они в пещерах и пропастях земных, как в крепостях. Окрестные горы и холмы для них высокие стены... Им нет покоя в этом мире, потому что они ожидают себе покоя в том. Они блуждают со зверями, как птицы, летают по горам. Но, блуждая по горам, они сияют, как светильники, и просвещают светом своим всех, с усердием приходящих к ним... Царям скучно бывает в чертогах, а им весело в их подземельях. Носят власяницу[1] блаженные отцы, но радуются больше, чем носящие порфиру[2]... Когда изнемогут, скитаясь по горам, ложатся на земле, как на мягком ложе. Немного заснут и спешат встать, дабы петь хвалы возлюбленному их Христу... Когда молятся они, стоя на коленях, из глаз их текут источники... Где застигнет их вечер, там и остаются; о могилах они не заботятся, ибо они уже мертвы, распявши себя миру из любви ко Христу. Где кончил пост свой, там для него и могила. Многие из них молились повергшись на землю, и тихо почили пред Господом. Другие, стоя на камнях, отдали души своему Владыке... Теперь ожидают они гласа, который разбудит их, и тогда процветут они, как цветы благовонные... Блаженны вы, всецело сохранившие в сердцах своих любовь ко Христу: пойдите теперь в

---

[1] Власяница — грубая одежда в виде длинной рубашки из верблюжьей или какой-либо другой шерсти, которую носили на голом теле подвижники.

[2] Порфира (греч.) — длинная пурпурная мантия — символ власти царя и его парадное церемониальное одеяние.

тихое пристанище, насладитесь Христом, Которого возлюбили!»[1]...

Инок одного из Египетских пустынножительных монастырей, Преподобный Пафнутий, оставил по себе сказание, которое сам же и изложил письменно: в нем он описал, как обрели они в пустыне Преподобного Онуфрия Великого и иных пустынников. Повествование начинается так:

I

«Когда я пребывал на безмолвии в монастыре моем, вошло мне однажды в сердце желание выйти из монастыря моего во внутреннюю пустыню, чтобы видеть, — есть ли там какой-нибудь инок, который бы более моего работал Господу? И вот, взял я на дорогу немного хлеба и воды и пошел в самую глубь пустыни. Четыре дня шел я, не вкушая ни хлеба, ни воды, и дошел до какой-то пещеры. Было в той пещере одно только малое оконце, а вход был закрыт. Простоял я час под оконцем, постукивая в него время от времени, в надежде, что, по обычаю иноческому, вот-вот выйдет кто-нибудь на слух из пещеры и даст мне о Христе целование. И когда убедился я, что нет мне ответа и нет отверзающего, то сам открыл дверь, и вошел в пещеру со словом:

— Благослови!

И увидел я старца сидящего и как бы спящего. И опять промолвил я:

---

[1] Преп. Ефрема Сирина «Похвальное слово подвижникам».

— Благослови!

И прикоснулся к плечу спящего, чтобы возбудить его; но к праху было прикосновение мое: осязав тело старца, нашел я, что уже много лет протекло над смертью его. Увидел я тут и одежду его, висящую на стене, и когда коснулся ее, то стала она в руке моей как пыль при дороге. Снял я с себя мантию мою, покрыл ею тело усопшего, руками ископал яму в земле песчанной и предал погребению мощи его с обычным песнопением, с молитвою и со слезами. И вкусил я немного взятого хлеба, отпил воды, подкрепил силы и заночевал у могилы того старца. Утром же, сотворив молитву, двинулся я опять в дальний путь в самую глубь отдаленнейшей пустыни. И шел я так несколько дней, и обрел другую пещеру, и пред пещерой той я увидел следы ног человеческих, указавшие мне, что кто-то живет в той пещере. Я постучался, но не получил ответа; вошел внутрь, но никого не нашел и внутри пещеры. И вышел я вон, размышляя в себе: видно, живет здесь какой-то раб Божий! И с мыслью этой отошел я на некоторое расстояние в пустыню, решив ожидать на месте том раба Божия, которого возжелал я видеть и приветствовать о Господе. Весь день тот пробыл я в ожидании и в непрестанном пении псалмов Давидовых. И как же прекрасно было то место! Стояла посреди него финиковая пальма, отягченная плодами, и тихо журчал источник живой воды ключевой. И дивился я красоте того места, желая жить в нем, если бы

только было возможно... Когда же день стал клониться к вечеру, увидел я стадо идущих буйволов и посреди стада — раба Божия. (Был же тот Божий раб — Тимофей-пустынник). И когда приблизились они ко мне, тогда я увидел, что на муже том нет никакой одежды, и волосы покрывают наготу тела его. Когда же он подошел близко к тому месту, на котором я стоял, и когда меня заметил, то стал тут же на молитву, недоумевая не дух ли я, или привидение, ибо много раз, как сам он мне потом сказывал, — искушали его на том месте привидениями духи нечистые. Я же сказал ему:

— Чего страшишься ты, раб Иисуса Христа Бога нашего? Смотри: вот, следы от ног моих! Знай же, что я такой же человек, как и ты, осяжи: я — плоть и кровь, а не призрак или мечтание!

Но он все еще смотрел на меня и только, когда уверился, что я — человек, успокоился, возблагодарил Господа и сказал:

— Аминь!

И подошел ко мне, и дал мне целование. И ввел он меня в пещеру свою, и предложил мне в пищу финики, а в питие из источника чистую воду; и сам вкусил со мною, меня ради. И спросил он меня:

— Зачем пришел ты сюда, брат мой?

И я ему ответил, объясняя мысль мою и намерение:

— Рабов хотел я видеть Христовых, живущих здесь, и вышел из монастыря моего, и

пришел сюда: и Бог помог желанию моему, и сподобил видеть твою святыню.

И я вопросил его:

— Скажи теперь и ты мне, отец: как ты пришел сюда, и сколько лет живешь ты в этой пустыни, и чем питаешься, и почему ты наг, не одеваясь никакой одеждой?

И он в ответ повел так речь свою:

— В одной пустыни Фиваидской[1] вначале пребывал я, проводя житие иноческое и усердно работая Богу; рукоделием же моим было ткачество. И вошел мне в сердце помысл: выйди из киновии, живи один, занимайся своим рукоделием — и тем большую получишь ты награду от Бога: от трудов рук своих не только сам питаться можешь, но и нищих питать и странных упокаивать. — Любовно преклонил я слух свой к тому помыслу: вышел из братства и близ города устроил себе отдельную келью и стал в ней упражняться в рукоделии своем. И всего, что собирал я от трудов рук моих, было мне довольно для жизни моей. Многие приходили ко мне за моим рукоделием и за него платили мне всем, в чем я имел нужду: и покоил я странников, а избытки раздавал нищим и нуждающимся. Враг же диавол, который непрестанно против всех воюет, позавидовал жизни моей и постарался в ничто обратить все труды мои.

[1] Фиваида (от греч.) — пустынная область недалеко от египетского города Уасет, названного греками Фивами. Знаменитое место подвигов многих египетских христианских аскетов; в переносном значении — место жительства многочисленных подвижников (напр., «Северная Фиваида» — Русский Север).

И внушил он одной женщине придйти ко мне и дать заказ, по рукоделью моему, — выткать ей полотно. Когда же я выткал его и отдал ей, тогда она заказала мне другое; и стали мы с той поры вести друг с другом беседы уже без всякого стеснения: и так, зачавши грех, родили мы беззаконие, пребыв в грехе около шести месяцев. И помыслил я в себе: не сегодня, так завтра, а не миновать мне смерти, — и придется мне тогда пойти в муку вечную. И сказал я себе: горе тебе, душа моя! беги лучше отсюда, чтобы избежать греха, а с ним и — вечной муки!.. Оставил я тогда все и бежал тайно, и пришел в эту пустыню, где нашел эту пещеру, источник и пальму эту, а на пальме — двенадцать ветвей, рождающих мне всякий месяц каждая столько фиников, сколько нужно их на тридцать дней моего пропитания[1]. Как кончится месяц, и сойдут плоды с одной ветви, созревает другая: и так благодатью Божиею и питаюсь я, не имея запасов в пещере моей. И обветшав от времени, спали с меня одежды мои, а после лет многих (я тридцать лет уже пребываю в этой пустыне) выросли на мне те волосы, которые ты видишь: вместо одежды мне служат они и покрывают наготу мою.

И слышав речь праведного (так пишет Пафнутий), спросил я его:

— Поведай мне, отец, о чем спрошу тебя: была ли тебе скорбь какая в начале твоего прихода сюда, или нет?

---

[1] Ср. описание Дерева Жизни в Откр. 22, 2.

И ответил мне праведник:

— Безчисленные претерпел я нападения бесовские. Много раз брались они бороться со мною, но не одолели при помощи Божией, ибо противился я им знамением крестным и молитвою. Но скорбь мне была не от одних нападений вражиих, была мне она и от телесной болезни: я так мучился от страданий желудка, что от этой болезни падал на землю и не мог, стоя на ногах, творить обычной молитвы; валяясь на земле в пещере моей, совершал я и пение мое в таком тяжком страдании, что даже и наружу не мог выйти. Молился же я тогда Богу милосердному, да подаст Он мне прощение грехов ради моей лютой болезни. И сидел я однажды на земле, тяжко утробою своей страдая, и увидел внезапно пред собою почтенного мужа. И он спросил меня:

«Чем болеешь?»

Я же едва мог ответить ему:

«Утробою болею, господин мой».

И сказал он мне:

«Покажи, где болит!»

И я ему показал. Он же простер руку свою, возложил ее на больное место, и я тотчас же исцелился. И сказал мне тот муж:

«Ты здоров теперь. Смотри же, не согрешай, чтобы горшего тебе чего не было, но работай Господу отныне и до века!»

И с того времени я всем здоров, благодаря Бога и прославляя милосердие Его.

В такой-то беседе, — пишет Пафнутий, — провели мы почти всю ночь, а к утру возстали на обычную молитву. Когда же настал день, начал я просить того преподобного отца, чтобы благословил он мне жить при нем, а если нельзя при нем, то где-нибудь в ближайшем от него месте. Но он на просьбу мою ответил:

— Не можешь, брат, ты здесь терпеть бесовских искушений.

И не позволил мне пребывать при нем. И молил я его:

— Скажи мне хоть имя свое!

— Имя мое, — сказал он мне, — Тимофей. Поминай меня, брат мой возлюбленный, и моли обо мне Христа Бога, чтобы Он до конца моего не лишил Своего милосердия, которого я от Него удостаиваюсь.

Я же, Пафнутий, припал к ногам его, прося и его молитв за меня. И сказал он мне на это:

— Да благословит тебя Владыка наш Иисус Христос и да покроет Он тебя от всякой сети диавольской, и да подаст Он ходить в путях правых и перейти непреткновенно ко святым Его!

И, благословив так, отпустил меня преподобный Тимофей с миром. Из рук его принял я на путь плодов финиковых, почерпнул в сосуд свой воды из источника, поклонился старцу святому и отошел от него, славя и благодаря Бога, что сподобил Он меня видеть такого Своего угодника, попользоваться от слов его и принять его благословение.

II

Пустившись в обратный путь от места подвига преподобного Тимофея, я через несколько дней пришел в один пустынный монастырь и остановился в нем, чтобы отдохнуть до времени. И стал я скорбеть и сокрушаться, размышляя и говоря себе: что же это за жизнь моя? что за подвиги? Нет в них и тени жития и подвигов того угодника Божия, которого я видел. И немало дней провел я в таком размышлении, желая подражать в бого-угождении тому мужу. И возбудило меня милосердие Божие к тому, чтобы попекся я о душе моей и не поленился вновь идти во внутреннюю пустыню путем незнаемым в ту страну, где обитает народ варварский, имя которому «Мазик», или «Мазики». Одного только и желал я усердно, чтобы уведать мне, есть ли еще в пустыне и другой какой пустынник, работающий Богу, найти его и от него получить пользу для души моей.

И вот, отправился я, — пишет Пафнутий, — в намеченный мною путь пустынный, взяв с собою хлеба и воды столько, чтобы хватило мне на малое время. Когда вышел у меня весь хлеб и не стало у меня воды, стал я скорбеть о лишении пищи, но я крепился и так шел четыре дня и четыре ночи без пищи и без пития, пока не изнемог телом до того, что упал на землю, ожидая смерти. И увидел я святолепного мужа прекрасного и пресветлого. По-

дошел он ко мне, возложил мне руку свою на уста и стал невидим: и тотчас я ощутил в себе силы, и уже не испытывал ни голода, ни жажды. Когда же поднялся я с земли, то пошел опять в глубь той пустыни и опять четыре дня и четыре ночи шел без пищи и без пития, — и вновь стал я изнемогать от голода и жажды. Тогда воздел я руки к небу, помолился Господу и вновь увидел того же мужа. Коснулся он уст моих и стал невидим. И от прикосновения того я вновь почувствовал в себе новую, еще большую силу и вновь отправился в путь. И когда настал семнадцатый день путешествия моего, я дошел до некоей высокой горы и сел у подножия ее отдохнуть, ибо очень утрудился. И увидел я вдали от меня идущего мужа, образом страшного, как зверь, всего обросшего волосами и белого, как снег; был же он сед от старости. Волосы же его головы и бороды были так длинны, что достигали земли и, как одеждой, покрывали его тело; чресла же его были перепоясаны листьями пустынных растений. И когда увидел я, что приближается он ко мне, то напал на меня страх, и я убежал на скалу, что была наверху горы. Муж же тот, дойдя до подножия горы, сел отдохнуть в ее тени: а был он утомлен от палящего зноя и от немощи своей старческой. Взглянув же на гору и увидев меня, воскликнул он громким голосом:

— Человек Божий, сойди ко мне! Я такой же, как и ты, человек, Бога ради живущий в этой пустыне.

И когда я услышал зов его, — пишет Пафнутий, — то поспешно притек к нему и пал пред его ногами. Но он мне сказал:

— Встань, сын мой! Ты тоже раб Божий и друг святым Его. Пафнутий — имя тебе.

И я встал, а он повел меня есть. И сел я пред ним с радостью. И прилежно просил я его, чтобы поведал он мне имя свое и житие, и пребывание свое в пустыне, и сколько времени проводит он в подвиге. Видя же прилежное моление мое, начал он мне сказывать повесть свою такими словами:

— Имя мое — Онуфрий. Шестьдесят уже лет как я в этой пустыне, скитаясь в горах и не видя ни единого человека. Тебя первого я вижу ныне. Было же мое пребывание прежде в честном монастыре, именуемом Эрити, что близ города Ермополя, в стране Фиваидской. Жило в том монастыре сто братий единодушных, живущих в согласии и великой о Господе нашем Иисусе Христе любви между собою. Все общее у них было — и пища, и одежда, — и проводили они постническую жизнь свою в безмолвии и мире, славя милость Господню. Я же, наставляясь там в новоначалии с детства моего, поучался у святых отцов вере и любви к Богу и уставам жития иноческого. И слышал я тогда беседы их о святом пророке Илии, как он, укрепляемый Богом, в пост имел пребывание в пустыне. И о святом Иоанне Предтече слышал я в те далекие свои годы, о том пророке великом, подобного которому не было никогда меж-

ду человеками. Внимая же беседам о том, каково было житие его в пустыне до самого дня явления его Израилю, вопросил я отцов:

«Больше ли вас пред Богом те, что живут в пустыне?»

Они же мне отвечали:

«Истинно, чадо, те больше нас пред Богом: мы всякий день видим друг друга и пение соборное совершаем с радостью; есть ли захотим, — готовый хлеб обретаем; возжаждем ли — и вода нам готова; заболеет ли кто из нас, — от братий утешение получает, ибо все мы живем общей жизнью, друг другу помогаем и ради любви Божией служим. У живущих же в пустыне нет ничего того. Прилучится ли кому из пустынножителей какая печаль, — кто его утешит? кто в недуге ему поможет и послужит? Наведется ли сатаною брань, — где отыщет он человека, который мог бы изменить течение его мыслей словами убеждения? Во всем и везде он одинок. Пищи ли у него не станет, — откуда он ее возьмет? Возжаждет — и воды нет ему поблизости... О, дитя! в пустыне там предстоит спасающемуся труд несравненно больший, чем нам, живущим в общежитии, и тот, кто вступает в подвиг жития пустынного, того труд выше перед Господом: больше пост, великодушнее терпение в голоде и жажде, в зное полуденном и в холоде ночи. Крепко противится тот браням, невидимым врагом наносимым, все силы свои напрягая на его одоление. Вот какова высота стрем-

ления их пройти весь телесный и скорби исполненный путь, ведущий в Царство Небесное! И вот, тех великих трудов ради, посылаемы к ним Богом бывают святые Ангелы: они им и пищу приносят, и воду из камня изводят, и укрепляют их так, что сбываются на них слова Исаии пророка: «Изменится крепость терпящих Господа ради, — окрыляются они, как орлы, в путь пойдут, и не утрудятся».

Кто же из них не сподобляется очевидного ангельского видения, тот все же не лишается невидимого их присутствия, соблюдающего пустынника во всех путях его, защищающего его от наветов вражеских, помогают ему Ангели Господни в делании его и молитвы его Богу приносят. А случится кому из пустынников вражья напасть, — вozденет он руки свои к Богу; и в тот же час посылается ему свыше помощь, ради чистоты его сердечной, расточаются все его напасти...

Ты слышал ли, чадо, что сказано в Писании: «Не оставляет Бог ищущих Его, и не будет забвен нищий, и терпение убогих не погибнет до конца?» И еще: «Воззвали ко Господу в скорби своей, и от бед их избавил Господь?»

Воздаст Господь каждому по труду его, подъятому Господа ради, и блажен творящий на земле волю Господню и усердно работающий Ему: и Ангелы, хотя бы невидимо, ему служат и радостью духовною его исполняют, и укрепляют его на всякий час, пока живет он во плоти.

Слушал я все это от святых отцов в монастыре моем и услаждался я, смиренный Онуфрий, в сердце моем и душе слаще, чем от меда, и мнил я себя как бы в ином мире.

И возбудилось во мне желание неизреченное удалиться в пустыню.

И вот, встал я ночью и, взяв не больше как дня на четыре хлеба, вышел я из монастыря и пошел, возложив упование на Бога, дорогою, ведущею в горы, а оттуда в пустыню. И только стал я вступать в пределы пустыни, увидел я пред собою луч сияющего света. И остановился я в сильном испуге, помышляя уже возвратиться обратно в мой монастырь. Луч же тот светлый приблизился ко мне и из него услышал я голос, говорящий мне:

«Не бойся! Я — Ангел, сопутствующий тебе от дня твоего рождения: я приставлен к тебе Богом, чтобы охранять тебя в путях твоих. И ныне повелел мне Бог вести тебя в эту пустыню. Будь совершен и смирен сердцем пред Господом, работай Ему с радостью, и я не отступлю от тебя, пока не повелит Создатель взять душу твою».

Сказал то из световидного луча незримый Ангел и пошел предо мною; я же последовал за ним с великою радостью.

Так шли мы шесть, или семь миллиарий[1]; и увидел я довольно большую пещеру; и стал мне невидим луч ангельского света. Когда же

[1] Мера длины, равная 1481,75 метра, или около 1,5 версты.

приблизился я к пещере, то пожелал узнать, нет ли в ней человека и, по обычаю иноческому, подойдя ко входу, сказал громко:

«Благослови!»

И увидел я честного старца, образом священнолепного, являющего лицом и взором пребывание в нем великой благодати Божией и радости духовной. Увидев его, я кинулся к ногам его и поклонился ему в землю. Он же рукою поднял меня и, дав целование, сказал:

«Так это ты, брат Онуфрий, сотрудник мой о Господе? Войди, чадо, в обиталище мое! Бог в помощь тебе в призвании твоем творить добрые дела в страхе Божием!»

И вошел я в пещеру его, и пробыл с ним некоторое время, чтобы научиться от него доброму его деланию. И научил он меня образу жития пустынного. Когда же увидел старец, что просветился дух мой к упражнению в делах, угодных Господу нашему Иисусу Христу, и к небоязненному противостоянию тайным браням противника-диавола и страшилищам, таящимся в пустыни, то сказал он мне:

«Идем теперь, чадо мое: я поведу тебя в иную пещеру — она во внутренней пустыни: живи в ней один и трудись с помощью Божией в делании духовном, ибо на то смотрением Своим и послал тебя Господь, чтобы быть насельником внутренней пустыни».

Преподав мне такое наставление, взял и повел он меня в самую глубь пустыни. И шли мы четыре дня и четыре ночи, а на пятый день об-

рели мы на пути нашем малую пещеру. И сказал мне святой тот муж:

«Вот место то, которое для жительства твоего уготовал тебе Бог!»

И пробыл тут со мною старец тридцать дней, наставляя меня в добром делании. И когда исполнилось тридцать дней, отошел он на место своего пребывания, поручая меня Богу. И от того дня приходил он ко мне раз в год, ежегодно посещая меня до самого преставления своего к Богу. Когда же преставился мой старец, я много плакал и предал его погребению близ моего жилища.

И вопросил я его, смиренный Пафнутий:

— Отец святой! много ли принял ты на себя трудов в начале пришествия твоего на эту пустыню?

Отвечал мне блаженный старец:

— Поверь мне, брат возлюбленный, так тягостно мне было, что много раз я отчаивался даже в жизни моей и мнил быть при смерти: изнемогал я от голода, и от жажды, не имея сначала ровно ничего, что есть мне, или что пить, кроме некоего разве зелья пустынного, что было мне пищей; а жажде моей только от небесной росы бывала прохлада. И днем жгло меня солнце полуденным зноем, а ночью промерзал я от холода ночного; и сырело тело мое от росы небесной: чего только не принял в непроходимой этой пустыне? Нет возможности и высказать даже всего, что претерпел я и какие понес я труды, да не подобает открывать

того, что человеку должно наедине творить ради любви Божией. Благий же Бог, видя, что я предал всего себя на постнические подвиги и душу свою положил на алкание и жажду, повелел Ангелу Своему иметь обо мне попечение и приносить мне на каждый день немного хлеба и немного воды для укрепления моего тела: так и питаем я был Ангелом тридцать лет. Когда же протекли те годы, тогда даровал мне Бог в утешение пищу более обильную: близ пещеры чудесно выросла финиковая пальма, и на ней — двенадцать ветвей, и каждая ветвь каждый месяц стала приносить плоды свои. Пройдет месяц, — сойдут и плоды с одной ветви; тогда начинает плодоносить следующая: и так на все двенадцать месяцев распределено было между ветвями той пальмы мое пропитание. Господним же повелением истек для меня из камня и малый источник ключевой воды. И вот, с тех пор прошло еще тридцать лет и во все эти годы всего было у меня в изобилии: или хлебом Ангельским питаюсь, или финиками с зельем пустынным, которое для меня, как мед, услаждается повелением Господним; пью же я чистую воду ключевую, воздавая за все благодарение Богу. Паче же всего питаюсь и упоеваюсь от слов Божиих, как писано о том: «Не хлебом единым жив будет человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих»... О, брат мой, Пафнутий! Стоит только тебе приложить усердие к исполнению воли Господа Бога, как все тебе потребное будет Им

послано, ибо сказано в святом Евангелии: «Не заботьтесь, говоря, что вам есть и что пить, и во что одеться, ибо всего этого и язычники ищут: Отец ваш небесный знает, что все это вам необходимо. Ищите же прежде всего Царствия Божьяго и правды его, и это все приложится вам».

Так говорил мне Онуфрий преподобный, и я, Пафнутий, дивился чудному житию его. И вопросил я его вновь:

— Отец! Как же причащаешься ты в субботу и день воскресный Пречистых Христовых Тайн?

И он мне ответил:

— Приносит мне Пречистые Христовы Таины и причащает меня Ангел Господень. И не ко мне одному приходит он с Божественным причащением, но и к прочим, живущим Бога ради в пустыне и не видящим лица человеческого. И от того причащения исполняемся мы неизреченного веселия. Когда же кому из пустынников пожелается видеть лицо человеческое, то берет его Ангел и возносит на небо, чтобы видеть ему там святых, возвеселиться и просветиться там душе его, как свету полуденному, возрадоваться духом, при виде благ небесных, уготованных Богом для любящих Его. И забывает тогда сердце пустынника все труды, подъятые им в пустыне, и еще усерднее тогда, вернувшись на землю, работает Богу пустынник, уповая навеки получить на небесах то, что восхищением был удостоен видеть.

У подножия горы той, где была наша первая встреча, говорил мне все это преподобный Онуфрий. И от такой беседы преподобного исполнился я радости великой, и забыл я всю тяготу, и голод, и жажду путешествия моего. Когда же пришел я в себя от восторга духовного, то сказал преподобному:

— О, как же блажен я, что удостоился видеть тебя, отец святой, и слышать сладкие и прекрасные твои речи!

Он же сказал мне:

— Встанем же теперь, брат, и пойдем к жилищу моему! — и мы встали, и пошли.

Я же не переставал удивляться благодати, почивающей на преподобном старце. Так прошли мы два или три миллиария и пришли к честному жилищу святого. Росла там, близ него, большая финиковая пальма и протекал малый источник проточной ключевой воды. И, остановившись у пещеры, помолился преподобный. Когда же окончил молитву и сказал «аминь», то сел сам и мне велел сесть рядом с собою: и так продолжали мы беседу, возвещая друг другу милости Господни. Когда же стало солнце склоняться к западу и гаснуть день, тогда увидел я лежащий между нами хлеб чистый и приготовленную для питья воду; и сказал мне блаженный тот старец:

— Вкуси, брат, положенного пред тобою хлеба и подкрепи силы: вижу я, что изнемог ты от голода и жажды, и от труда дорожного.

Я же ответил ему:

— Жив, Господь мой! Он — Свидетель мне, что не стану я есть и пить один, если ты сам не будешь есть со мною!

Но он не соглашался. И долго я просил его о том, и едва мог умолить его. Тогда взяли мы хлеб в руки, преломили, ели и насытились, и еще остались остатки хлеба. И испили мы воды, и благодарили Бога, и всю ночь ту пробыли на молитве.

Когда же возсиял день, то заметил я на утреннем пении, что изменился в лице преподобный, и устрашался я перемене этой. Он же, провидя страх мой, сказал мне:

— Не бойся, брат мой Пафнутий! Милосердный ко всем Бог послал тебя ко мне, чтобы ты предал погребению тело мое, ибо в нынешний день окончится временное житие мое, и перейду в жизнь безконечную ко Христу моему в покой вечный.

Был же день тот двенадцатый месяца июня. И дал мне, Пафнутию, завет свой преподобный Онуфрий:

— Когда возвратишься ты, брат мой возлюбленный, в Египет, поминай меня тогда пред лицом братии и всех христиан!

Я же сказал ему:

— Отец святой! Я желаю, по исходе твоем из тела, пребыть здесь на твоем месте.

Отвечал мне преподобный:

— Не для того, дитя мое, послан ты Богом в эту пустыню, чтобы иметь в ней пребывание, но для того, чтобы видеть рабов Его, воз-

вратиться затем домой и поведать добродетельное житие их братьям, на пользу слышащим и во славу Христа Бога нашего. Иди же, дитя мое, в Египет в монастырь свой и в иные и поведай, что видел уже и слышал ты в пустыне, а также и то, что еще увидишь и услышишь. Сам же пребудь в делах добрых, работая Христу Богу.

И пал я после слов этих пред честными его ногами, и сказал я:

— Благослови меня, отец честнейший, и помолися обо мне: да удостоит меня Бог Своей милости, и да сподобит меня Спаситель мой видеть святыню твою в жизни будущего века, как удостоил того и в этой жизни привременной.

И поднял меня преподобный Онуфрий с земли и сказал мне:

— Пафнутий, дитя мое! оправдает веру твою Бог и исполнит прошение твое. Благословит Он тебя, утвердит в любви твоей и просветит очи твои к Боговидению, избавит тебя от всякого падения и сетей противника — диавола и усовершит в тебе начинания твои добрые; сохранят тебя Ангелы Его во всех путях твоих и соблюдут тебя от врагов невидимых, да не обретут они в чем обвинить тебя пред Богом в честь испытания грозного!

И затем дал мне преподобный отец последнее о Господе целование и начал молиться Богу со слезами обильными и многим воздыханием. Преклонив колени и помоляся доволь-

но, возлег он на землю и изрек последнее свое слово:

— В руки Твои, Боже мой, предаю дух мой!

И при словах этих, осиял его с небес свет дивный, и в осиянии того света, с веселием радости на лике своем, испустил он дух свой. И во мгновение то услышал я в воздухе глас пения Ангелов Божиих, поющих и благословляющих Бога: то возносилась к Господу душа преподобного, принятая с радостью на руки Ангельские. И рыдал я, и плакал я над честным его телом, ибо не успел я приобрести отца, как тут же его и лишился. И сорвал я с себя одежду мою, отодрал подшивку ее и ею прикрыл тело святого, а верхом одежды моей вновь одел тело мое, чтобы не нагим возвратиться мне к братии моей монастырской. И нашел я камень великий, в котором не руками человеческими, но Божиим смотрением, устроено было углубление наподобие гроба: и положил я в том камне с подобающими песнопениями святое тело угодника Божьего. И, собрав множество камня мелкого, покрыл я тем камнем честное тело преподобного.

Когда же я стал молиться Богу, чтобы даровал Он мне жить на том месте, и только хотел было пойти в ту пещеру, как в то же мгновенье, на глазах моих, разрушившись, пала пещера и пала с корнем пальма, питавшая святого, и иссяк источник воды ключевой. Когда же увидел я совершившееся, то познал я, что нет благоволения Божьего на то, чтобы жить

мне на том месте. И собрался я уходить оттуда; съел я куски хлеба, оставшиеся от вчерашнего дня, выпил и остатки воды в сосуде и, воздев руки к небу и возведя очи, помолился. И увидел я того же мужа, которого видел и прежде, направляясь в пустыню; и тот, укрепив силы мои, пошел вперед предо мною. Исходя же оттуда, скорбел я о кончине святого Онуфрия и о том, что не удостоился дольше видеть его в живых, но скорбь свою растворял я радостью души моей, что сподобился насладиться святою его беседою и благословение от уст его принял. И так двинулся я в путь, благодаря и прославляя Бога.

III

Четыре дня шел я и дошел до некоей кельи, находящейся вместе с пещерою на высоком плоскогории. Вошел я в нее и, не найдя в ней ничего, посидел немного, размышляя в себе: есть ли в келии этой, куда привел меня Бог, кто-либо из числа живых? И пока помышлял я об этом, вошел некий святой муж, сединами украшенный; вид же его был чуден и благолепен, и был он одет в одежду, сплетенную из пальмовых ветвей. И как только увидел он меня, тотчас же сказал мне:

— Не ты ли брат Пафнутий, предавший погребению тело преподобного Онуфрия?

И уразумел я, что то было ему откровение от Бога; и припал я к ногам его. Он же приветливо сказал мне:

— Встань, брат! Бог сподобил тебя быть другом святых, ибо от Промысла Его уведал я, что ты придешь ко мне. Открою тебе, брат мой возлюбленный, что шестьдесят уже лет протекло над пребыванием моим в этой пустыне, и не видел я иного ко мне приходящего, кроме братий со мной обитающих.

Пока же говорили мы между собой, вошли трое других, святым подобных, старцев и, как вошли, сказали:

— Благослови, брат! Ты брат Пафнутий, наш сотрудник о Господе, и ты погребал тело святого Онуфрия. Радуйся же, брат наш: великую ты сподобился видеть благодать Божию! О тебе же возвестил нам Господь, что сегодня ты должен прийти к нам и что повелел Он тебе один день пробыть с нами. Вот уже шестьдесят лет прошло, как мы пребываем в этой пустыне, живя отдельно друг от друга и собираясь вместе в субботу ко дню воскресному. И не видели мы за все время человека: тебя только первого ныне видим.

Когда же беседовали мы между собою о преподобном отце Онуфрии и об иных святых, и когда два часа протекли в этой беседе, сказали они мне:

— Вкуси, брат, немного хлеба и укрепи сердце твое, ибо издалека пришел ты, и следует нам поэтому попраздновать с тобою.

И вставши, сотворили мы единодушно молитву к Богу, и увидели пред собою пять хлебов чистых, прекрасных, мягких и теплых, как

бы только сейчас испеченных. Принесли же отцы те и еще кое-что из плодов земных и сели, и ели вместе. И сказали они мне:

— Как уже и говорили мы тебе, — шестьдесят лет пребываем мы в этой пустыне, — и всегда только четыре хлеба приносились неведомо нам повелением Божиим; а пришел ты, — и пятый хлеб был нам послан. Откуда же приносятся они нам, то нам неведомо; но всякий день каждый из нас, входя в свою хижину, находит в ней по одному хлебу. Когда же, ко дню воскресному, соберемся мы сюда вместе, то четыре здесь находим хлеба, по одному на каждого из нас.

И вкусили мы от трапезы той, и благодарили Бога. День уже склонялся к вечеру, и наставала ночь. Стали мы с вечера субботнего на молитву и провели всю ночь без сна, молились до света дня воскресного. Когда же настало утро, стал я молить тех святых отцов, чтобы повелели они мне остаться с ними до самой моей смерти. Они же на мольбы мои ответили мне:

— Нет изволенья Божьего на пребывание твое с нами в этой пустыне, ибо надлежит тебе идти в Египет и христолюбивой братии открыть все, что ты видел: да будет же то в память нашу, а слышащим на пользу.

Когда же дали они мне такой ответ, тогда стал я молить их, чтобы сказали они мне имена свои; но они не пожелали мне их поведать. И долго, усердно молил я их о том, но не было мне успеха; только одно сказали мне они:

— Всеведущ Бог, Тот и имена наши знает. Поминай же нас, брат, и молись о нас, да сподобимся видеть друг друга в небесных обителях Божиих. Бегай, возлюбленный, мирских искушений, чтобы не быть тебе от них посрамленным, ибо обольстили они уже многих.

И, слышав слова этих преподобных, припал я к ногам их, и, получив от них благословение, отошел с миром Божиим в путь мой.

И предсказали мне нечто отцы те, что и сбылось с течением времени.

IV

Уйдя оттуда, шел я глубочайшею пустынею день один и, дойдя до некоей пещеры, при которой был источник ключевой воды, присел я там отдохнуть. И залюбовался я красотою места того: так было прекрасно то место. Там, по берегам источника, росло множество садовых деревьев, и все они были отягчены разнообразнейшими чудными плодами. Отдохнул я немного, встал и пошел пройтись под тенью тех деревьев, дивясь чрезвычайному обилию плодов их. И размышлял я в себе: кто это был, кто насадил здесь все это?.. Каких, каких только плодов там не было! И плоды финиковых пальм, и — лимонных деревьев, и чудные, крупные яблоки, и смоквы, и винные ягоды; и рделись там виноградные лозы, обремененные крупными гроздьями; и были там иные плодовые деревья, плоды которых на вкус слаще меда были. И от всех плодов тех исходило бла-

гоухание великое: и все наслаждения те дивные поились струями воды ключевой протекавшего между ними источника. И мнил я, что рай это Божий. И когда любовался я на красоту ту прекрасную, издалека показались мне идущие ко мне из пустыни четыре красоты неописанной юноши, опоясанные по чреслам своим овечьими шкурами. И, приблизившись ко мне, они мне сказали:

— Здравствуй, брат наш Пафнутий!

И пал я ниц на землю, и поклонился им. И, подняв меня, сели они со мною, и повели мы между собою беседу. И такою благодатью Божиею сияли их лица, что казалось мне — не человеков вижу в них, а Господних Ангелов, с неба сошедших. И радовались они приходу моему и, срывая плоды с деревьев, предлагали мне их в пищу; и от любви их преисполнилось сердце мое веселия. Семь дней пробыл я у них, питаясь плодами с тех деревьев.

И вопросил я их:

— Как пришли вы сюда, и откуда вы родом?

Отвечали же они мне:

— Так как послан ты к нам Богом, то мы откроем тебе житие наше. Мы из города, называемого Оксиринх; родители наши были старейшинами того города. Желая отдать нас в обучение книжное, отдали они нас в одно училище, и мы скоро научились там грамоте. Когда же начали мы обучаться высшим наукам, то положили себе начать учиться и Божией духовной премудрости. И помог нам в этом Гос-

подь: каждый день сходились мы между собою и возбуждали друг друга к служению Богу. С таким-то добрым намерением в сердце, задумали мы поискать где-нибудь уединенное место и пребыть на нем несколько дней в молитве, чтобы уведать нам Божью о нас волю. И взяли мы на каждого понемногу хлеба и воды, чтобы только хватило не более как дней на семь, и с этим вышли из города. Когда же чрез несколько дней пути достигли мы пустыни и вступили в нее, тогда внезапно открылись нам духовные наши очи, и узрели мы пред собою некоего светлого мужа, сияющего небесной славой: взял он нас за руки, повел и привел на то место, которое ты видишь, поручив нас некоему престарелому мужу, работавшему здесь Богу. И вот, пошел уже шестой год как здесь мы пребываем. Со старцем же тем пробыли вместе год один, и, когда год тот исполнился, ко Господу преставился отец наш, и с того времени мы одни... Вот и открыли мы тебе, брат наш возлюбленный, откуда мы родом, и как сюда прибыли. Во все шесть лет нашего здесь пребывания не вкусили мы ни хлеба, ни иного чего, только от этих садовых плодов и питались. Пребывает же каждый из нас отдельно на своем безмолвии. Когда же приходит суббота, то сходимся мы все на это место, чтобы видеть друг друга и вместе утешаться о Господе. И так пробудем мы вместе два дня, субботу и воскресенье, и опять расходимся каждый на свое пребывание.

— Где же причащаетесь вы в субботу и воскресенье Божественных Таин Пречистого Тела и Крови Христа Спасителя нашего? — вопросил их я, смиренный Пафнутий.

И ответили мне они:

— Из-за того-то и собираемся мы здесь всякую субботу и воскресенье, ибо Ангел святой и пресветлый, посылаемый Богом, приходит к нам и преподает нам святое Причащение.

И весьма возрадовался я, слыша это, и решил дождаться у них субботы, чтобы и мне сподобиться видеть святого Ангела и из рук его принять Божественное причащение. И пробыл я у них до субботы. И они, ради меня, пробыли со мною на том месте, не расходясь на свое безмолвие. И провели мы дни те в славословии Бога и в молитвах, вкушая от плодов садовых и утоляя жажду водою источника.

Когда же наступила суббота, сказали мне те рабы Христовы:

— Готовься, брат любимый, ибо сегодня явится Ангел Божий и принесет нам Божественное Причащение. Кто от рук его удостоится приобщиться, тому оставляются все его согрешения, страшен тот становится бесам, и не может к нему приблизиться искушение сатанинское.

И пока говорили они мне это, ощутил я благоухание великое, как бы от дивного фимиама и драгоценных благовоний. И дивился я, ибо никогда и нигде не ощущал я такого запаха сладкого. И вопросил я:

— Откуда исходит благоухание такое неизреченное?

Они же ответили мне:

— То приближается Ангел Господень с Пречистыми Тайнами Христа и Бога нашего.

И тотчас же стали мы на молитву, и начали петь и славословить Христа Царя Бога нашего. И осиял нас внезапно с небес свет предивный, и увиден был сходящий с неба Ангел Господень. И был блеск его, как блеск молнии. И пал я ниц на землю от страха. Они же подняли меня и не велели бояться. И узрел я представшего нам Ангела Божия в образе юноши прекрасного; красоты же его мне описать никак невозможно. И держал он в руке потир святой с Причащением Божественным. И к тем Таинам Святым по одному приступали те рабы Божии, а по них приступил и я, грешный и недостойный, с великим трепетом и ужасом, но и с неизреченной радостью: и так сподобился я причаститься Пречистых Таин Христовых от рук Ангельских. Когда же причащались мы, то слышали глас Ангела, говорящего:

— Тело и Кровь Господа Иисуса Христа Бога нашего да будет в вас пищей нетленной, непрестающим веселием и жизнью вечною!

И мы отвечали:

— Аминь!

По святом же том Причащении, приняли мы благословение от преславного того Ангела, и он на глазах наших восшел на небеса; мы же пали на землю и поклонились Богу, благодаря

за такую великую благодать Его. И как же велика была радость в сердцах наших! Не на земле мнилось мне быть, а на небе. И от той радости великой духовной был я в исступлении, как бы вне себя от восторга.

И принесли затем те святые рабы Божии плоды садовые, и сели мы, и вкусили. Когда же прошел день субботний, и настала ночь, то провели мы ту ночь без сна в псалмопении и славословии Божием. В день же воскресный удостоились мы той же благодати Божией, что и в субботу: тот же Ангел Божий, в том же виде и образом тем же сошел к нам и причастил нас и превеликой исполнил радости сердца наши. Осмелел я тогда, принял на себя дерзновение и стал молить Ангела, чтобы повелел он мне пребывать до конца моей жизни на месте том со святыми рабами Божиими. Но сказал мне на это Ангел:

— Не угодно Богу, чтобы ты жил здесь; повелевает Он тебе, не медля, идти в Египет и рассказать братиям, что ты видел и слышал в пустыне, чтобы и они приложили усердие проводить жизнь добрую и угодить Владыке Христу. Поведай же особливо житие и кончину блаженную преподобного Онуфрия, тело которого ты в камне предал погребению, и возвести братии все, что услышал ты из уст его. Блажен и ты, что удостоился видеть и слышать чудесное то и дивное величие Божие, которое совершалось на святых Его в этой пустыне. Пребудь же в уповании на Господа, что и тебя в

жизни будущей причтет Он к тем же святым, которых ты видел и с кем имел ты беседы. Иди же сегодня в путь твой, и да будет мир Божий с тобою!

Сказал это Ангел и восшел на небеса. И от тех слов Ангельских исполнился я такого страха и радости, что не стало силы во мне, и как бы вне себя, пал я на землю. Святые же рабы Божии помогли мне подняться и, утешая меня, предложили свою трапезу. И вкусили мы, и благодарили Бога. Дав затем целование святым, пошел я в путь свой; они же дали мне на дорогу плодов садовых и проводили меня около пяти миллиарий. И просил я их сказать мне имена свои. И они мне сказали: первый — Иоанн, второй — Андрей, третий — Иракламвон, четвертый — Феофил. И повелели они мне сказать братии имена их для поминовения, а я молил их поминать и меня в молитвах их святых. И, вновь дав друг другу целование о Господе, разошлись мы: они — в свое место, а я своим путем — в Египет.

V

И когда шел я пустыней, был печален и радостен вместе: печалился о том я, что лишился лицезрения и сладкой беседы таких Божиих угодников, которых и мир весь недостоин; а радовался я тому, что удостоился их благословения, видения Ангельского и из рук Ангельских Причащения Божественного. По трех же днях пути дошел я до одного скита и

нашел в нем двух братьев-отшельников; и отдыхал я у них десять дней, и рассказывал им все виденное и слышанное мною в пустыне. И слушали они меня с великим умилением и радостию; и сказали мне они:

— Воистину, отец Пафнутий, великой ты сподобился благодати Божией, даровавшей тебе видеть таких рабов Божиих.

Были же и эти два брата добродетельны и любили они Бога от всего сердца. И записали они все, что из уст моих слышали. Простившись с ними, я отошел в монастырь свой, а они запись сказания моего понесли ко всем скитским отцам и братиям, и получали от нее пользу великую все ее читавшие и слышавшие, и благословляли Бога, дивно являющего милость Свою на рабах Своих. И положили они книгу записи той в церкви, чтобы желающие могли читать ее, ибо исполнена она назидания духовного и богомыслия. Я же, нижайший из рабов, Пафнутий, не по достоинству сподобившийся такой милости Божией, возвещаю всем и устами моими, и писанием то, что повелено было мне возвестить во славу Божию и в память святых Его, и на пользу ищущим душе своей спасения. Благодать же и мир Господа нашего Иисуса Христа, молитвами угодивших Ему святых и преподобных отцов наших да пребудут с вами ныне и присно, и во веки веков. Аминь».

Так вот о чем, читатель дорогой, поведали нам «звезды пустыни».

В час полночного молчанья,
Отогнав обманы снов,
Ты вглядись душой в писанья
Галилейских рыбаков...

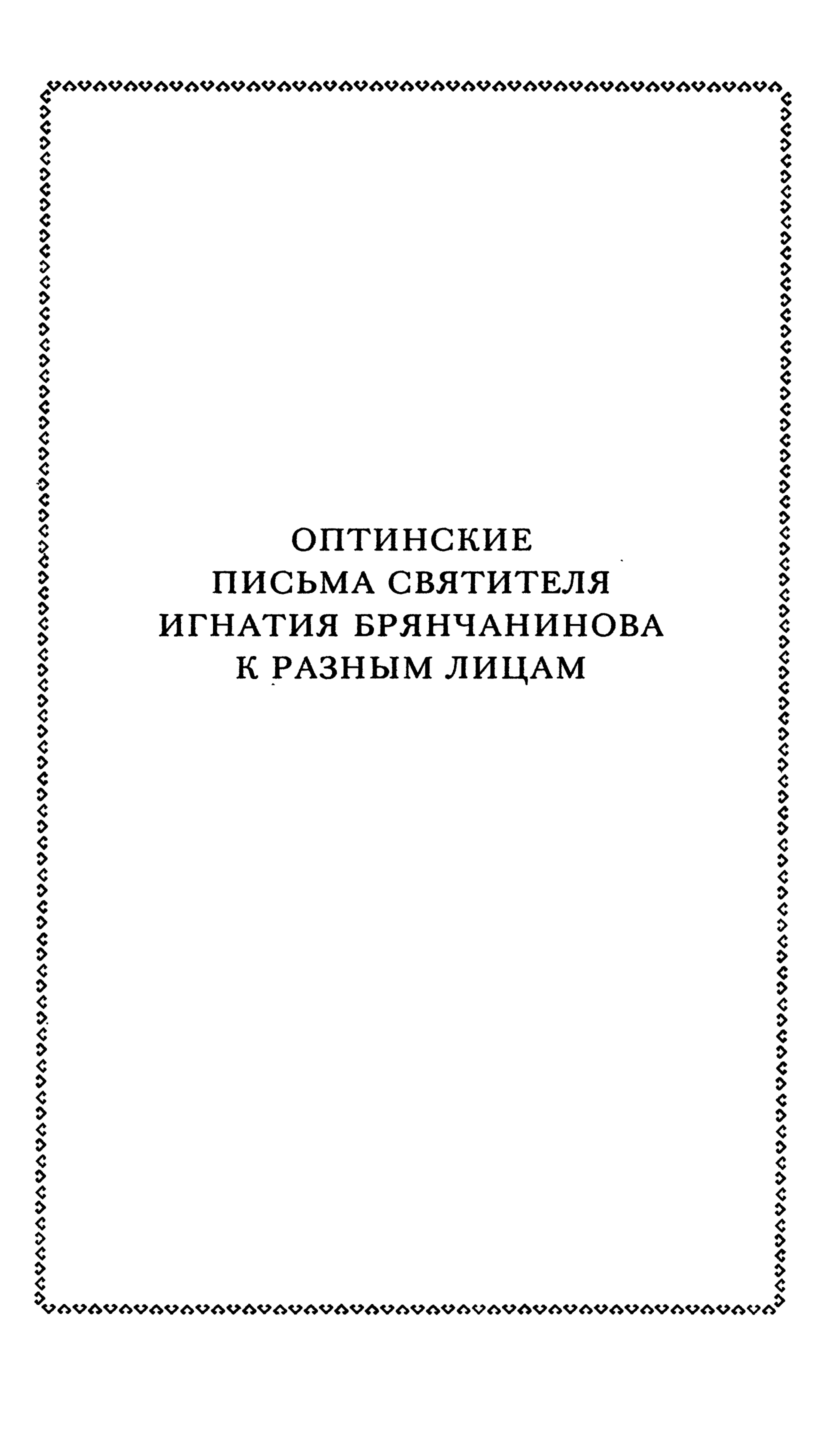
Истинно, вера наша Христова заключена вся не в словах премудрости земной, а в явлениях силы и духа.

Молитвами преподобных пустыни Египетской да простит и сохранит нас Господь и в этом веке, и в будущем!

Оптина Пустынь

27 февраля 1909 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОПТИНСКИЕ ПИСЬМА СВЯТИТЕЛЯ ИГНАТИЯ БРЯНЧАНИНОВА К РАЗНЫМ ЛИЦАМ

ОТ РЕДАКТОРА

Пусть знамя Христово развевается над словом моим...

Епископ Игнатий

Святитель Игнатий Брянчанинов (5. II. 1807–30. IV. 1867) — выдающийся духовный писатель и аскет. Его творческое наследство кроме богословских трудов включает более 800 писем, отправленных разным лицам. И письма эти уже давно благочестивые люди рассматривают как нравственные и назидательные поучения великого подвижника Божия. К сожалению, тексты писем Святителя еще толком не изданы и не откомментированы, имеются лишь крупные публикации адресных подборок да корпус извлечений и выдержек из подлинников. Но и неполные письма святителя Игнатия во многом уже усвоены православным сознанием, они

стали неотъемлемой частью сокровищницы отечественной духовной литературы.

Предлагаем подборку оптинских писем Святителя, посланных им как непосредственно из этой прославленной обители, так и тех, в которых слышится «оптинская нота», но писанных в другом месте и в другое время. Святитель Игнатий и Оптина Пустынь — тема обширная и одними его письмами она не исчерпывается. В нашем же случае, чтобы прояснить некоторые вопросы, затрагиваемые Сергеем Нилусом в его оптинской книге «Святыня под спудом», письма Святителя как ничто другое необходимы, ибо воскрешают монастырскую жизнь, воссоздают картины и характеры Оптиной времен старца Макария.

Впервые Дмитрий Александрович Брянчанинов — так звали в міру Святителя — попал в Оптину юношей, в 1829 году. Тогда он вместе с таким же благонравным юным послушником, Михаилом Васильевичем Чихачовым, прибыл в Пустынь вслед за старцем Леонидом, надеясь принять здесь постриг. Настоятель о. Моисей оказал послушникам ласку, и они остались до времени в монастыре. В письме к игумену Белобережскому Варфоломею от 12 июня 1829 года его духовные чада, Дмитрий и Михаил, рассказывают о невзгодах, которые их постигли в этом «пристанище надежды» — расстроенное здоровье и суровые условия существования. Обитель еще была неблагоустроена, и тяжелый монастырский быт оказался непосилен истощенным впечатлительным юношам.

Вскоре они покинули обитель. В жизнеописании святителя Игнатия это событие рассмотрено подробно. Вот как описаны в нем те невзгоды, которые пришлось перенести в Оптиной молодым послушникам:

«Противники старчества в Оптиной Пустыни, вызвавшие гонение на о. Леонида, не могли, конечно, хорошо относиться и к его духовным ученикам и последователям; они смотрели на этих последних недоверчиво и неприязненно, хотя по наставлению Старца его духовные дети, по возможности, смирялись перед всеми и соблюдали со своей стороны всё, чтобы не вызывать недоразумений. Отсюда понятно, что и Дмитрию Александровичу Брянчанинову и другу его Чихачову нелегко было жить в Оптиной пустыни. Прибыв сюда вскоре после водворения здесь о. Леонида с учениками, они поселились в монастыре и поначалу думали, что им удастся устроить жизнь свою также мирно и покойно, как прежде в Площанской Пустыни. Об этом первом времени своей жизни в Оптиной Дмитрий Александрович так писал искренне расположенным (к нему и Чихачову) инокам, всегда оказывавшим им любовь, ласки и гостеприимство, о. Варфоломею и о. Алипию: «Приехав в Оптину Пустынь, нетерпеливо хотели писать к вам; но моя болезнь, увеличенная путешествием, останавливала то, к чему влекло сердечное чувство.

Принятые о. Строителем весьма ласково, мы остались жить в монастыре: к сему побудили нас обстоятельства наши, монастырские

и скитские. Кельи отведены нам наверху, в том деревянном флигеле, который находится против новой трапезы и составляет симметрию с настоятельскими келиями. Михаил Васильевич ходит на клирос: я, как больной, пристанищем моей надежды должен иметь не труды свои, не заслуги — милосердие и заслуги Богочеловека Иисуса».

Но мирная жизнь молодых подвижников продолжалась недолго; вскоре же для них настали тяжкие и многотрудные дни: противники старчества относились к ним весьма неблагосклонно и недоверчиво, как к ученикам отца Леонида; к тому же грубая монастырская пища, приправленная плохим постным маслом, весьма вредила и без того слабому здоровью Дмитрия Александровича, который совсем ослабел, стараясь есть возможно меньше. Видя, что другой пищи взять негде, друзья придумали у себя в келье варить похлебку без масла и, с большим затруднением выпрашивая круп, картофеля и кастрюльку и употребляя вместо ножа топор, сами готовили себе более легкую и сносную пищу. Но такая жизнь не могла продолжаться долго: первым свалился с ног окончательно изнуренный Дмитрий Александрович, а вскоре захворал мучительной лихорадкой и ухаживавший за ним Чихачов: сильный озноб сменялся у него жаром и бредом. Послужить больным было некому; сам поднимаясь с трудом, Брянчанинов помогал чем мог другу, и тут же опять падал, лишаясь сил. «Что сказать вам о нашем пребывании в Оптиной Пус-

тыни? — оно было довольно тягостно, и очень бы мы расстроились, если бы не поспешили выехать», — писал Дмитрий Александрович тем же инокам — о. Варфоломею и о. Алипию.

Господь Бог сжалился над юными страдальцами и послал им Свою всесильную помощь. Узнав о бедственном положении своего сына, Александр Семенович и Софья Афанасьевна Брянчаниновы смиловались над ним и предложили ему приехать к ним на зиму вместе с другом его Чихачовым, обещая, что они не будут больше препятствовать ему идти по избранному пути. Принимая с благодарностью это видимое попечение Божьего Промысла, друзья сейчас же отправились в Покровское на присланной за ними крытой бричке. Дмитрий Александрович немного поздоровел к этому времени, но Чихачов был еще так слаб, что его должны были положить в экипаж. Постепенное облегчение от болезни почувствовал он только после того, как они приложились к мощам преподобного Сергия в Троицкой Лавре и святителя Димитрия Ростовского в Яковлевском монастыре, куда заезжали по дороге[1].

Не сошли с монашеской стези молодые послушники, их духовное восхождение продолжалось. В конце июня 1831 года Дмитрий Брянчанинов был пострижен в ангельский образ и наречен Игнатием. Затем он 23 года настоятельствовал в Троице-Сергиевой пустыни, что

---

[1] *Леонид Соколов.* Епископ Игнатий Брянчанинов. Его жизнь, личность и морально-аскетические воззрения. Ч. I. Киев, 1915. С. 90–91.

под Петербургом, на берегу Финского залива. К 1856 году архимандрит Игнатий, повергнутый в скорбь кончиной Императора Николая Павловича, своего державного покровителя, обремененный настоятельскими заботами, усугубляемыми нездоровьем, решает уйти на покой, чтобы предаться уединению, безмолвию и литературным занятиям. Для проживания он избирает Оптину Пустынь и во время отпуска едет туда осмотреться и подобрать келию, чтобы подробнее ознакомиться с распорядком Скита и обители в целом. Свои непосредственные впечатления архимандрит Игнатий частично раскрывает в письмах.

Самое обстоятельное письмо отправлено им из Оптиной 12 июня 1856 года, его получатель — Николай Николаевич Муравьев-Карский (14. VII. 1794–18. X. 1866), генерал от инфантерии, участник Отечественной войны 1812 года, усмиритель бунтовщиков в Польше и Венгрии, инициативный и талантливый военачальник. С архимандритом Игнатием генерала связывала давняя дружба, и переписку многие годы они вели оживленную. В пору наместничества Муравьева-Карского на Кавказе (1854–1856) брат Святителя, Петр Александрович Брянчанинов, состоял Ставропольским губернатором, и в переписке друзей часто упоминается его имя. Впоследствии родной брат Святителя уйдет послушником в Николо-Бабаевский монастырь, в тайном постриге примет имя Павел; скончается в глубокой старости 25 июня 1891 года. После кончины Святи-

теля брат вместе с племянником, сенатором Н. С. Брянчаниновым, приложат серьезные усилия к сбережению и публикации его трудов. Благодаря этим замечательным людям уцелела и обширная переписка епископа Игнатия, ныне уже широко известная. В нашей «оптинской подборке» имеются также письма и к Петру Александровичу. Что же касается Н. Н. Муравьева-Карского, то публикуемое к нему письмо получено им было в день его отставки. С 22 июля 1856 года Николай Николаевич уже больше не состоял на военной службе, для почета Государь назначил его членом Государственного Совета с правом жить, где захочет. Отставной генерал обосновался в своем родовом селе Скорнякове, что в Задонском уезде, туда и приходили посылаемые Святителем письма. Похоронен Муравьев-Карский у восточной стены Владимирского собора Задонского Богородицкого монастыря.

Недолгое пребывание архимандрита Игнатия в Оптиной закончилось для него возвращением в Сергиеву Пустынь. Причину отъезда подвижник изложил в письме от 12 августа того же 1856 года. Адресовано письмо всё тому же Петру Александровичу. Вот несколько строк из этого важного документа: «Несмотря на мое желание остаться в Оптиной Пустыни, я не сошелся с настоятелем ее, и потому время моего удаления из Сергиевской отсрочилось на неограниченное время. Отдаюсь на волю Божию. Приходится жить иначе, нежели как рассуждается жить. Такова участь не одного меня.

По человеческому суждению общество Скита Оптинского и духовник, отец Макарий, лучшее, чего бы можно было желать по настоящему состоянию христианства и монашества в России, но Промысл Божий, руководящий нашею участию, мудрее суждения человеческого». Господу было угодно, чтобы Его избранник послужил Православной Церкви еще и в святительском сане.

27 октября 1857 года состоялась хиротония архимандрита Игнатия во епископа Кавказского. Посвящал его в архиерейский сан Петербургский митрополит Григорий. Вскоре, 4 января 1858 года, епископ Игнатий заступил управлять Кавказской епархией. Там Святитель проявил себя как ревностный, изобильный Божиими дарами иерарх. Но намерение обрести покой и возможность вплотную продолжить литературные занятия в конечном счете возобладали, и с 13 октября 1861 года Владыка обосновывается в покойном Николо-Бабаевском монастыре. Эта обитель и станет его последним земным приютом.

В подборке оптинских писем немалый интерес представляют суждения Святителя о выпущенных монастырем в свет известных книгах, а также его проницательный взгляд на писания Николая Гоголя, в частности, на «Выбранные места из переписки с друзьями». Ведь Гоголь духовно возрастал в Оптиной, и обитель также дорожила связью с ним. Сам епископ Игнатий был чрезвычайно близок русской классической литературе, своим творче-

ством он неразрывно связан с ее движением, поэтому современники считались с его мнением. Безупречный литературный вкус Святителя пришелся по душе литераторам и всех последующих поколений. Чтил, любил и хорошо знал писания Владыки Сергей Нилус. И это свое почитание Святителя он пронес через все невзгоды огненных лет, испытав на себе благотворное воздействие его боговдохновенных творений.

А. Н. Стрижев

ПИСЬМА СВЯТИТЕЛЯ ИГНАТИЯ

Петру Александровичу Брянчанинову

Чем больше прохожу путь жизни и приближаюсь к концу его, тем более радуюсь, что вступил в монашество, тем более воспламеняюсь сердечною ревностию достигнуть той цели, для которой Дух Святый установил в Церкви монашество. Монашество не есть учреждение человеческое, а Божеское, и цель его, отдалив христианина от сует и попечений міра, соединить его, посредством покаяния и плача, с Богом, раскрыв в нем отселе Царствие Божие. Милость из милостей Царя царей — когда Он призовет человека к монашеской жизни, когда в ней дарует ему молитвенный плач и когда причастием Святаго Духа освободит его от на-

силия страстей и введет в предвкушение вечнаго блаженства. Людей, достигших сего, случалось видеть.

Но что приобрели прочие люди, гонявшиеся за суетою в течение всей своей земной жизни? Ничего: а если и приобрели что временное, то оно отнято у них неумолимою и неизбежною смертию, которая милостива к тому человеку, котораго сердце не вполне прилепилось к земле призванием Божиим: *Днесь, аще глас Его услышите, не ожесточите сердец ваших* (Евр. 3, 7–8).

Вот мой ответ на твое намерение окончить дни Твои в монастыре для покаяния и для прочнаго примирения с Богом.

Относительно же сына Твоего; нелицеприятный Бог принял и его желание, только в настоящее время этого исполнить невозможно, потому что в наше время монастыри находятся в ужаснейшем положении, и многие хорошие люди, вступив в них без должнаго приготовления, разстроились и погибли. Пусть Алеша приучает себя к монастырскому послушанию послушанием родителю; пусть приготовляет себе занятия в монастыре, соответственныя своему происхождению, правилам и силам, тщательным изучением наук, русской литературы, языков, хорошо бы латинскаго и греческаго; между прочим, не надо пренебрегать и каллиграфией. Ученость дает возможность сохранить в монастыре уединение при келейных занятиях и может сделать инока полезным обществу в нравственном отношении.

Для уединеннаго жительства и для удобства к покаянию у меня есть в виду Оптина Пустынь, Калужской губернии, близ города Козельска, в пяти верстах. Удобства этого места суть: при пустыни находится Скит, куда запрещен вход женскому полу, окруженный мачтовыми соснами, следовательно, защищенный от ветра вполне; в этом Скиту живет довольно дворян, под руководством старца, также из дворян, весьма хорошей жизни; занимаются переводом с греческаго св. Отцов и изданием их. Вот нравственная сторона: есть уединение и есть духовное общество, свое, благородное, а этого нет ни в одном монастыре русском. Святой Пимен Великий сказал, что всего важнее хорошее общество. И так, что особенно важно в мiрском быту для благовоспитаннаго человека, то остается особенно важным и в монашестве. Это, важное для нас, будет чрезвычайно важно для тех юношей, которые будут сопутствовать нам: умирая, мы будем утешаться мыслию, что оставляем их на хороших руках. В материальном отношении Оптина Пустынь также хороша; невыгодная сторона состоит в том, что живой рыбы мало и дорога, также и дрова дороги.

На мысль об учреждении своего новаго монастыря скажу, что заведение своего монастыря повлечет нас к материальным попечениям, кои будут препятствовать попечению о наших душах. Сильная зависимость нашего духовнаго состояния от нашего наружнаго со-

стояния и познание человека, заимствованное из опытных наставлений святых Отцов, приводит к тому заключению, что гораздо легче преуспеть, живя странниками и пришельцами в чужой стороне, нежели, если бы мы основали монастырек на своей родине, где нас все знают и многие уважают. Вот мое суждение о нашем общем жительстве, может быть, в единонадесятый час нашей земной жизни.

Что касается собственно до меня, то я обязан многим людям за многое и, между прочим, за дружеское расположение, мною ничем незаслуженное, я обязан Николаю Николаевичу [Муравьеву-Карскому]. Но Богу я обязан безмерно: потому что Он посетил меня милостию свыше, которой я должен соответствовать моим поведением. Это соответствие может заключаться, по моему мнению, только в том, если я проведу остаток дней моих в глубоком и строгом уединении. Это непонятно для других, для которых сокрыта моя совесть и которые могут судить о мне только по наружности, но для меня вполне ясно. Всякая добродетель с развлечением — не моя. Искание или желание какого-либо высшаго сана для меня — грех и безумие. Если увидишься с Н. Н., то объясни ему это. Впрочем я и сам хочу написать ему и просить его, чтоб он оставил свои виды на меня. По особенному недоверию так именуемого духовному званию к дворянству, представятся Николаю Николаевичу большие затруднения в исполнении его намерения, даже можно пред-

сказывать верную неудачу. Я не желаю, чтобы он компрометировал себя ради меня; не желаю чтоб из-за меня высшия духовныя лица взволновались; наконец, и для себя нахожу более выгодным удаление, нежели возвышение, и возвышение безплодное, на короткое время остатка земной жизни...

Архимандрит Игнатий.

14 февраля 1856

Любезнейший друг и брат,
Петр Александрович!

На письмо твое от 24-го апреля, полученное мною в Петербурге, отвечаю из Оптиной Пустыни, находящейся в Калужской губернии, в 4-х верстах от города Козельска. Скажу тебе, что я очень рад, что ты мог уклониться от управления имением Николая Николаевича [Муравьева-Карского]. Пожертвование, которое человек приносит собою достойному человеку, особливо когда с таким пожертвованием соединена польза Отечества, — прекрасно; но пожертвование собою Богу, Которому мы и без того принадлежим, несравненно превосходнее. Сверх того последнее пожертвование собственно для нас необходимо; необходимо нам прежде смерти примириться и соединиться с Богом, посредством покаяния, чтобы не услышать на суде Его: «не вем вас: отыдите от Мене называвшие Меня Господом Своим и нарушавшие Мои заповедания». Живя в Сергиевой

Пустыни, которая все-таки монастырь, я не выдерживаю напора волн и вихрей житейских, часто колеблюсь и падаю: что же сказать о жизни в полной зависимости от міра и посреде его?

В таком убеждении я захотел соглядать собственными очами Оптину Пустынь, которая в настоящее время есть бесспорно лучший монастырь в России в нравственном отношении, особливо Скит ея, находящийся в 100 саженях от самой Пустыни, огражденный со всех сторон вековыми соснами на песчаном грунте, недоступный для женского пола, могущий удовлетворить благочестивым желаниям отшельника в наш век. В нем живет много дворян, занимающихся духовною литературою; но тамошнее сокровище — духовник или старец их, в руках которого нравственное руководство скитской братии и большей части братий монастырских, то есть всех благонамеренных и преуспевающих в добродетели. Он — из дворян, 68-ми лет; со мною в самых дружеских отношениях. Соображая потребности души моей и моего тела, я избрал Скит местом для окончания дней моих в безмолвии, и, чтобы дать этому начинанию некоторую прочность, покупаю корпус деревянных келлий. При этом деле я упомянул здешним главным инокам, беседовавшим со мною, и о тебе. Келлии требуют поправки, даже перестройки; для жительства оне будут годны лишь к лету 1858-го года. Таковы мои собственные действия, в которых явствует мое произволе-

ние и суждение; но это произволение, это суждение, эти действия вручаю воле Божией, моля Ее руководить мною и располагать по Ея премудрым и всеблагим целям.

Весьма хорошо сделаешь, отдав Алешу в семейство Муравьевых и потому, что образовать его в Тифлисе гораздо удобнее, и потому, что Тебе, вероятно, придется проводить много времени в разъездах. Кроме того молодой человек, воспитываясь на чужих руках, лучше обтирается; семейство же Муравьева строгой нравственности. Николай Николаевич, кажется, прочен на своем месте. Много было толков в Петербурге, что с ним никто не уживается, что по этой причине дадут ему другое назначение; но пред моим отъездом уже толковали, что не уживаются с ним взяточники и прочие лица, расположенные к злоупотреблениям, что по этой причине надо подержать его на Кавказе, чтоб он успел истребить гнездо взяточников и завести семью благонамеренных людей.

Остается мне пожелать Тебе благополучного лечения в Пятигорске, о чем не оставь написать по окончании курса вод подробно, и прочих всех временных и вечных благ.

Тебе преданнейший брат,

Архимандрит Игнатий.

1856 года 11 июня.

Оптина Пустынь

Н. Н. Муравьеву-Карскому

Милостивейший государь,
Николай Николаевич!

Получив письмо Ваше из Ставрополя, я не хотел отвечать Вам из среды рассеянности Петербургской, а желал исполнить это из уединенной Оптиной Пустыни, куда сбирался съездить по требованиям и души, и тела. Находясь уже в этой Пустыне, получил и другое письмо Ваше, от 4 мая. В нижеследующих строках отвечаю на оба письма.

Прежде всего считаю нужным сказать Вам несколько слов о месте моего пребывания: это описание объяснит пред Вами причину основную и причину конечную или цель моего путешествия. Оптина Пустыня находится в Калужской губернии, в четырех верстах от города Козельска на возвышенном и песчаном берегу реки Жиздры, с западной стороны; с прочих сторон она окружена высоким сосновым лесом. На восток от Пустыни, в саженях ста от нее, среди леса находится Скит, принадлежащий Пустыне. Оптина Пустыня есть один из многолюднейших Российских монастырей по количеству братии и, конечно, первый монастырь в России по нравственному качеству братии; особливо это достоинство принадлежит Скиту ее, в котором живет много дворян. Некоторые из них очень образованны, знакомы с новейшими и древнейшими языками, занима-

ются духовною литературою, преимущественно же переводами самых глубоких сочинений святых Отцов. Духовным назиданием братства занимается, так именуемый старец их, иеромонах Макарий, 68 лет, из дворян, с юности монах, обогащенный духовным чтением и духовными опытами; он живет в Скиту; ему обязана Оптина Пустыня своим нравственным благосостоянием. Много монахов из других монастырей, много монахинь, множество мирских людей, удрученных скорбями и нуждающихся в наставлении, стекается в Оптину Пустыню к отцу Макарию за спасительным советом и словом утешения. Его непринужденность, простота, откровенность совсем противоположны той натянутой и жесткой святости, за которою ухаживают различные графини и княгини. Скитская семья иноков подобна, в религиозном отношении, корням дерева, трудящимся в мраке неизвестности и добывающим, однако, для дерева необходимые жизненные соки. На заглавных листах трудов скитян нет имени автора; оно заменено скромною строкою: издание Оптиной Пустыни. В самом монастыре устав общежительный, то есть общая трапеза, общая одежда, общая библиотека, церковная служба ежедневная и продолжительная, общие и специальные труды. В Скиту служба церковная отправляется дважды в неделю, в субботу и воскресение; в прочие дни недели производится денно-нощное чтение Псалтыри братиею поочередно;

трудится братия по келлиям, но труды их преимущественно умственные. Женскому полу воспрещен вход в Скит; да и из скитской братии, кто нуждается выйти из Скита, каждый раз должен просить на то благословения у старца; монастырской братии предоставлен вход в Скит во всякое время дня для удовлетворения их духовных нужд. Трапеза в Скиту самая постная.

Из этого описания Вы можете видеть, как близок мне Скит! Тщательное чтение и изучение самых глубоких писаний святых Отцов привело меня в монастырь, поддерживало, питало в нем. В Скиту я нахожу свой род занятий, свой род мыслей; в Скиту я вижу людей, живущих в точном смысле для человечества в духовном, высоком его назначении; вижу людей, с которыми могу делиться мыслями, ощущениями, пред которыми могу изливать мою душу. Начальник Оптиной Пустыни и главные иноки оной знакомы со мною около 30 лет; а с о. Макарием я нахожусь, смею сказать, в самых дружеских отношениях. Наконец — здешний климат благодетелен для моего здоровья. Все причины, вне и внутри меня, соединяются для того, чтоб заставить меня употребить все усилия к перемещению моему в Скит. Чтоб хотя конец моей жизни провести на правах человека и для человечества в духовном и обширном смысле этого слова. — Напротив того, все причины, внутри и вне меня, заставляют меня употребить все усилия, чтоб вырваться из

Петербурга и Сергиевой Пустыни. Что требуется там от духовного лица? Парадерство, одно парадерство; не требуется от него ни разума, ни познаний, ни душевной силы, ни добродетели. Все это вменяется ему в порок: его внимание должно быть сосредоточено на одно парадерство, на одно человекоугодие, между тем как то и другое соделывается, по естественному, психологическому закону, чуждыми уму и сердцу, занятым рассматриванием глубоким и просвещенным человека — существа духовного, облеченного в тело на короткое время, помещенного в вещественный мир на короткое время, долженствующего изучить вечность и ее законы во дни пребывания своего в теле. Парадерство и духовное созерцание не могут пребывать в одной душе; они в непримиримой вражде; одно другим непременно должно быть вытеснено. Каким было мое положение в Петербурге в течение 23-летнего пребывания моего там? Оно было положением движущейся статуи, не имевшей права ни на слово, ни на чувство, ни на закон. Если я слышал несколько приветливых слов, то эти слова были слабее тех, которые произносятся любимому пуделю или бульдогу и на которые по необходимости отвечается молчанием, сохраняющим достоинство статуи в молчащем. По непреложному закону праведного воздаяния в области нравственности, те, которые обращают человеков в статуй, сами обращаются в статуи, лишаясь развития ума и сердца и заковыва-

ясь в одну чувственность. Представьте себе: каково душевное положение человека, оставившего все для развития в себе усовершенствованного христианством человечества, и лишаемого, в течение четверти столетия, морального существования, всех прав и всякой надежды на него!

К тому же, климат петербургский разрушает остатки сил моих и здоровье.

Написал я Вам так подробно о себе, чтоб Вы видели мой образ суждения о человеках, так как всякий человек судит о ближних по самому себе.

Перехожу к брату Петру. Первоначальная служба его была без определенной цели, как служит у нас большая часть дворян. Когда он поступил к Вам в адъютанты, тогда он ожил для обязанностей гражданина. Его бескорыстное сердце, способное любить с горячностию и верностию, привязалось к Вам на всю жизнь свою и на всю жизнь Вашу. Такое сердце чуждо лести и интриги; его открывает время, потому что оно с первого взгляду может показаться холодным, между тем как льстец и обманщик с первого взгляду могут показаться очень теплыми. Обстоятельства отторгли Петра от Вас, не отторгнув от Вас его сердца. Гражданская цель, открывшаяся было пред ним, опять скрылась; он служил, был в отставке, женился, потому что так пришлось, по образцу многих — большей части людей. В течение этого времени здоровье его расхлябалось со-

вершенно, как Вы сами знаете. Нравственные причины побудили его вступить в службу уже не столько для службы, сколько для сохранения самого себя от праздности и ее последствий. Его преданность Вам привлекла его на Кавказ; но хилость его показывает ему ясно, что земное поприще для него прекратилось: почему нисколько не будет странно, если его душа, смолоду напитанная благочестием, возжаждет уединения, особливо при перемещении моем в Скит или другое пустынное место, по указанию Божию. Я бы очень желал для него, если б он мог приготовиться в страну загробную под руководством опытного Макария, в обществе людей, отселе начавших свою небесную, бессмертную жизнь — духом.

В конце зимы, то есть в течение Великого поста, носились в Петербурге слухи, что Вы получите другое назначение. В причину такого перемещения эти слухи приводили тяжесть Вашего характера для подчиненных, из коих многие удалились от их полезной службы. Но после Пасхи столичные слухи стали разглашать иное: что Вы тяжелы для взяточников и для всех, расположенных к злоупотреблениям, и по этому самому пребывание Ваше на Кавказе и полезно, и нужно. Впрочем, судьба каждого человека в деснице Божией! С моей стороны я желал бы, чтобы Вы остались на Кавказе. На это имеются все условия в Вас самих и в предшествовавшей Вашей жизни. В течение всей Вашей жизни Вы занимались

изучением военных и гражданских наук, имели множество опытов своих, были очевидцами опытов других людей, ознакомились вполне с Кавказом. Промысл Божий (человек — только орудие!) поставил Вас правителем этой страны в такую годину, в которую само высшее правительство убедилось, что России невыносимо тяжки ее внутренние враги — взяточники, воры, слуги без чести и без совести, водимые глупейшим эгоизмом. Если не обуздать их благовременно, то они погубят Отечество. Вы призваны к борьбе против них! Не отступайте и не уступайте. Ваш подвиг не блестящ, но существенно нужен и полезен. В Вас пускают стрелы и кинжалы, Вам наносят сердечные раны; эти невещественные оружия и язвы видны Богу и оценены Им: ибо не только, по словам одного видного святого, подвиг и смерть за Христа есть мученичество, но и подвиг, и страдания за правду причисляются к мученичеству. На настоящем Вашем поприще Вы можете совершить гораздо более добра, нежели на всяком другом, потому что Вы к нему предуготовлены. Не оставляйте его; если же интрига неблагонамеренных сведет Вас с него, то Вы сойдете с него с мирною совестию, не нося в себе упрека, что Вы не устояли пред силою зла и предали ему общественное благо; Вас будет утешать приговор Спасителя, Который сказал: *блаженны изгнанные правды ради!* блаженны, когда ради ее, имя ваше будет осыпано злою молвою в обществе человеков. *Радуй-*

тесь и веселитесь, яко мзда Ваша много на небеси (Мф. 5, 10–12). Подвизайтесь, но подвизайтесь единственно для Бога и добродетели, а не для истории и мнения о Вас человеков: и история, и мнение людское безжалостны к эгоистам, ищущим всеми ухищрениями земной славы; напротив того, они благоговеют пред служителем добродетели, благородно забывающем о них и имеющем в виду славу от Бога в вечности: они отдают ему справедливость рано или поздно.

В деятельности человечества на земли принимают участие не только духовные существа, временно облеченные телами, то есть человеки, но и такие существа, которые не облечены телами, и потому называются духами, хотя в собственном смысле один Бог — Дух. Духи действуют на ум приносимыми ими помышлениями и на сердце — приносимыми ими ощущениями. Как вся деятельность человека зависит от мыслей и ощущений, то духи, господствуя в этой духовной или мысленной области, стоят во главе деятельности человеческой. Разделяясь подобно человекам на добрых и злых и будучи совершеннее, нежели человеки, в добре и зле, одни из них с усилием борются против зла, а другие против добра. Священное Писание называет их началами и властями; самое язычество признает и существование их, и участие в деятельности человеческой, называя их гениями и разделяя гениев на добрых и злых. Точно: начало всякого важного или мало-

важного дела со всеми его последствиями есть мысль, а мысль, принятая уже за истину, есть мнение, властвующее над человеком и над человеками. Все это сказано для объяснения, что подвижник правды должен взять меры предосторожности и вооружиться не только против злонамеренных человеков, но и против злонамеренных духов, хитро приносящих свои внушения лукавые и пагубные, замаскированные личиною праведности. Святые отцы, в глубоких писаниях своих, изложили признаки, по которым познается помысл, приносимый злым духом. Этот помысл всегда темен, приводит сердце в смущение и печаль, а сокровенная цель его — воспрепятствовать добру; обличается же он Священным Писанием, или словом Божиим.

Вглядитесь в Ваш помысл сомнения, о котором Вы пишете в письме Вашем от 4 мая: не имеет ли он этих признаков? Святое и непреложное слово Божие говорит о подвижниках правды, что они *верою победиша царствия, содеяша правду, получиша обетования, заградиша уста львов* и проч. (Евр. 11, 33). Вера в Бога, всегда сопровождаемая оставлением упования на себя, преодолевает все скорби и искушения, побеждает все препятствия. Помысл веры в Бога светел, проливает утешение, радость и силу в сердце, его приемлющее; приносится он Ангелом из мысленного рая. *Надеющиеся на Господа — яко гора Сион: не подвижутся во век!*

Вот, что внушилось сказать Вам, со всею откровенностию, как Вы желали. Не знаю, довольно ли справедливы слова мои, но сказанное мною сказано от искренней любви к Вам и от любви к дорогому Отечеству, которое жалею — жалею!

Пред отъездом моим из Петербурга я познакомился с графом Сакеном; выехал я 17 мая. Накануне выезда моего из Петербурга заходило ко мне лицо, принадлежащее к высшему кругу; между прочим мне сказано было: «У нас нет мира: война! война!» Здесь отдыхаю от слышания земных событий, которые идут и пройдут своею чередою, назначенною им свыше. Полагаю выехать отсюда 20 июня и быть в Сергиевой Пустыни к 1 июля.

Призывая обильное благословение Божие, имею честь оставаться Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою и богомольцем

Архимандрит Игнатий.

1856 года 12 июня. Оптина Пустынь.

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

Батюшке о. Макарию Оптинскому

Ваше Преподобие

Достопочтеннейший Старец о. Макарий!

Приношу Вам искреннейшую благодарность за воспоминание Ваше о мне грешном и поздравление с великим Праздником Праздников, Воскресением Христовым, с которым и я Вас рав-

номерно поздравляю, желая Вам и всей Вашей о Господе братии здравия и спасения.

Приношу Вам благодарность за экземпляр вновь изданной книги Преподобнаго Феодора Студита. Сообразно тому, как Вы изволите писать, Высокопреосвященнейший Митрополит Московский Филарет благоволил написать мне, то он желает напечатания книги Преподобнаго Исаака Сирскаго. Все монашество обязано благодарностию этому Архипастырю за издание Отеческих книг Оптиною Пустынею. Другой на месте его никак не решился дать дозволение на такое издание, которое едва ли уже повторится. В свое время книги, изданныя Вашею обителию, будут весьма дороги и редки. Я совершенно согласен с Вами, что для монашества, которое жительствует по книгам святых Отцов, необходим точный перевод с подлинников посредством лица, вполне знающаго монашескую жизнь. Таковым лицом без сомнения был Старец Паисий. Русские же переводы не имеют этого достоинства. Заключу сии строки покорнейшею моею просьбою к Вам о разрешении Наталии Петровне выслать к нам по 12-ти экземпляров Феодора Студита и Симеона Новаго Богослова, всего 24 экземпляра с означением цены за них.

Препроводительныя при сем записочку и деньги потрудитесь передать Старцу схимонаху Леониду. Поручая себя Вашей отеческой любви и испрашивая Ваших святых молитв, с чувством искреннейшей преданности и уваже-

ния имею честь быть Вашего Преподобия покорнейшим послушником

Архимандрит Игнатий.

30 апреля 1853

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

Батюшке о. Макарию Оптинскому

Ваше Преподобие, достопочтенный и многолюбезный Старец отец Макарий!

Приношу Вам искреннейшую благодарность за милостивое воспоминание Ваше о мне, недостойном, и за присланную книгу. Все Русское монашество обязано особенною благодарностию Оптиной пустыне за издание многих Творений святых Отцов перевода Старца Паисия, столь точно передававшаго отеческия мысли. И перевод на Русский язык монашеских отечественных писаний, по знанию монашеской жизни, гораздо удовлетворительнее совершается братиями Обители Вашей, нежели перевод их людьми чуждыми этой жизни.

Отец Архимандрит Моисей благоразумием своим и терпеливым ношением немощей ближняго привлек в недро Обители своей избранное иноческое общество, которому подобнаго нет во всей России...

Потрудитесь передать мой усердный поклон о. Архимандриту Моисею, о. Игумену Антонию, о.Ювеналию и о. Льву

20 июля 1855

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

ЖЕЛАНИЕ ПЕРЕСЕЛИТЬСЯ В ОПТИНУ ПУСТЫНЬ ИЗ СЕРГИЕВОЙ ОБИТЕЛИ И ДРУГИЕ ВОПРОСЫ

Прошу Ваших святых молитв, чтобы Милосердный Господь даровал и мне исторгнуться из челюстей мира и присоединиться к Вашему Богоспасаемому стаду, если есть на то Его Святая воля. Что же касается до меня, то самый ответ и убогое мое суждение убеждают меня постоянно в величайшей пользе и даже необходимости удаления из здешняго шумнаго места, которое и в нравственном отношении — точно село при пути. Всё иноческое уничтожается здесь разсеянностию, все посевы стаптываются мимоходящими. Здесь то же на самом деле видно сбытие изложенных св. Исааком в 75 слове. Вижу справедливость их и на себе и на братии...

P. S. Здесь в лесах Тихвинскаго уезда открыт Старец, живший в лесу более 50-и лет, в великом злострадании, претерпевший биения от бесов, и, как говорил мне некоторый весьма благоговейный инок, — украшенный духовными дарованиями.

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

Батюшке о. Макарию Оптинскому

Христос Воскресе! Ваше Преподобие Преподобнейший и многолюбезный Старец!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступившим Праздником и вместе с тем искреннейшую признательность за поздравление Ваше в драгоценном для меня письме Вашем от 30-го марта, так как и все письма Ваши для меня драгоценны, и при одном зрении почерка Вашего, прежде чтения самого письма уже чувствую в грешной душе моей утешение.

Желая, чтоб мысленное сребро — библиотека святых Отцов, собранная Голландом, — не лежала под спудом, но давала лихву богоприятную, обращаясь между людьми способными заниматься ею, я разсудил лучше отдать это сребро на руки человеку, нежели приковать его к какому-либо месту, в коем оно очень легко может попасть под спуд — в шкаф, и сделаться там пищею моли, мышей, без всякой пользы для людей.

Было время, когда Белые берега обиловали благонамеренными иноками, были времена, когда обиловала ими Пестуша, обиловала ими в свое время Площанская пустынь; теперь наступило время цвета для Оптиной; время цвета пройдет своей чередой, — процветут другие места, также на свое время; почему приковать книгу к месту я счел менее надежным, нежели поручить ее человеку. Надеюсь, что о. Ювеналий, попользовавшись ею, и пополь-

зуя ею Христианство, когда достигнет седин и изнеможения, то поручит ее благонадежному иноку, который опять будет держать в обороте мысленном сребро.

Испрашивая Ваше благословение и поручая себя Вашим святых молитвам, с чувством искреннейшаго уважения и преданности имею честь быть Ваш покорный послушник.

Архимандрит Игнатий

13 апреля 1857

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

Варфоломею, игумену Белобережскому

Ваше Высокопреподобие,
Честнейший Отец Игумен Варфоломей!

Примите мою искреннейшую признательность за милостивое воспоминание Ваше о мне в день моего Ангела, за поздравление с Праздниками и наступающим Новым Годом. Равномерно поздравляя Вас, желаю Вам всех истинных благ, а между ними поправления Вашего драгоценнейшего здравия.

По усилившейся болезненности моей я бываю редко в Петербурге. У Преосвященнаго Нила был однажды, но не застал его дома; он в Сергиевой Пустыне не бывал; встретился с ним однажды у Синодальнаго Обер-Прокурора ...

Сею весною провел я четыре недели в Оптиной Пустыне. Спасет Бог Отца Макария! Им живут и дышат братия и посетители! Обитель

по внешнему своему устройству сделалась весьма открытою, лес очищен, посетителей множество. Тамошний серный ключ принес мне значительную пользу. Книги Великаго Варсонофия и Аввы Дорофея переведены на русский язык весьма удачно. Спасет Бог и за такие общеполезные труды трудящихся отцев и братии!..

Отец Михаил и прочие братие свидетельствуют Вам глубочайшее почтение и просят Ваших Святых молитв.

Испрашивая их о себе, с чувствами совершеннаго почтения и искреннейшей преданности имею честь быть Вашего Высокопреподобия покорнейшим послушником

Архимандрит Игнатий.

27 декабря 1856

О НРАВСТВЕННОЙ ТРУДНОСТИ В СВОЕЙ ЖИЗНИ, МНЕНИЕ О МОНАСТЫРЯХ, ОПТИНСКОМ СТАРЦЕ МАКАРИИ И О ДУХЕ ТОГО ВРЕМЕНИ

Ваше Высокопреподобие, Высокопреподобнейший отец Игумен!

Приношу Вам искреннейшую благодарность за воспоминание Ваше о мне. Вам 61 год, а мне 57. Лета бы небольшия, но я уже оканчиваю жизнь мою, потому что «зли быша дни мои», — по выражению Патриарха Иакова.

Здоровье у меня от природы слабое; трудностями жизни оно сокрушено. Величайшая трудность была нравственная: в новоначалии моем я не мог найти монаха, который был бы живым изображением аскетическаго учения Отцов Православной Церкви. Желание последовать этому направлению, по причине сознания правильности его, поставило меня в положение оппозиционное по отношению ко всем и ввело меня в борьбу, из которой перстом Божиим, единственно перстом Божиим, я выведен, в Бабаевское уединение, если только выведен. И на отшедшаго, как видите, подымают голос, и подымают его по той же причине — по причине уклонения от учения Святой Церкви и принятия понятий, противных, даже враждебных этому учению.

Относительно монастырей, я полагаю, что время их кончено, что они истлели нравственно и уже уничтожились сами в себе. Вам известен Отеческий путь, состоящий в духовном подвиге, основанном на телесном подвиге в разуме. Опять Вам известно монашество Русское: укажите на людей, проходящих этот подвиг правильно. Их нет. Существует по некоторым монастырям телесный подвиг, и то более на показ людям. О. Макарий Оптинский решительно отвергал умное делание, называя его причиною прелести, и преподавал одно телесное исполнение заповедей. Святой Исаак Сирский говорит, что телесное делание без душевнаго — сосцы сухие и ложесна бесплодны: это

видно на воспитанниках Оптиной Пустыни. Но о.Макарий в наше время был лучшим наставником монашества, действовал по своим понятиям, с целию угождения Богу и пользы ближним, при значительном самоотвержении. Если бы, как Вы говорите, и решились возстановить монашество, то нет орудий для возстановления, нет монахов, а актер ничего не сделает. Дух времени таков, что скорее должно ожидать окончательных ударов, а не возстановления. «Спасаяй, да спасает свою душу», сказали святые Отцы.

О моем уклонении от общественнаго служения не жалейте и не думайте, что я мог бы в нем принести какую-либо пользу. По духу моему, я решительно чужд духа времени, и был бы в тягость другим. И теперь терпят меня милостиво единственно потому, что нахожусь в дали и глуши...

Спаси Вас Господи за любовь и внимание, которое Вы оказываете монахине Марии Шаховой. И на ней можно видеть, как направление, по учению святых Отцов, в наше время не терпимо. Не терпят его от того, что чужды ему, не знают его, не изучали его, ни сколько не занялись им. Говорят, что ныне в книжных лавках обеих Столиц вовсе прекратили расход на духовныя книги, или он так мал, что можно признать его прекратившимся. Всему, что сказано в Писании подобает быть.

Поручая себя Вашим святым молитвам, с чувствами искреннейшей преданности и ува-

жения имею честь быть Вашего Высокопреподобия покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.

4 февраля.

P. S. Очень верно изобразил первомученник Стефан болезнь своих современников (См. Деян. 7, 51). Ненависть к Святому Духу является от принятия противнаго духа, который может вкрасться неприметно при действии свойственнаго себе слова.

О ВНОВЬ ВЫШЕДШЕЙ КНИГЕ: «ЖИТИЕ И ПИСАНИЯ МОЛДАВСКАГО СТАРЦА ПАИСИЯ ВЕЛИЧКОВСКАГО». О ИИСУСОВОЙ МОЛИТВЕ

Позволяю себе послать к Вам вновь вышедшую книгу: «Житие и писания Молдавскаго старца Паисия Величковскаго», того благочестиваго и духовно-просвещеннаго мужа, которому чада Православной Церкви обязаны за перевод с греческаго на славянский язык Добротолюбия, Исаака Сирскаго и других Отцов. В вновь вышедшей книжке, которую я давно знаю в рукописях, с особенною ясностию изложено учение, весьма приличествующее нашему времени, учение о Иисусовой молитве, о которой ныне по большей части имеют самое темное, сбивчивое понятие. «Иные», считающие себя за одаренных духовным разсужде-

нием и почитаемые многими за таковых, «боятся» этой молитвы, как какой заразы, приводя в причину «прелесть» — будто бы непременную спутницу упражнения Иисусовою молитвою, — сами удаляются от нея и других учат удаляться. Изобретатель таковаго учения, по мнению моему, — диавол, которому ненавистно Имя Господа Иисуса Христа, как сокрушающее всю его силу: он трепещет этого всесильнаго Имени, и потому оклеветал Его пред многими христианами, чтоб они отвергли оружие пламенное, страшное для их врага, — спасительное для них самих.

Другие, занимаясь Иисусовой молитвой, хотят немедленно ощутить ея духовное действие, хотят наслаждаться ею, не поняв, что наслаждению, которое подает один Бог, должно предшествовать истинное покаяние. Надо поплакать долго и горько прежде, нежели явится в душе духовное действие, которое — благодать, которое, — повторяю, подаст един Бог в известное Ему время. Надо прежде доказать верность свою Богу постоянством и терпением в молитвенном подвиге, усмотрением и отсечением всех страстей в самых мелочных действиях и отраслях их.

Представляемая мною «книга» показывает непрелестный образ упражнения Иисусовою молитвою, состоящий в тихом произношении ея устами, или и умом, непременно при «внимании» и с чувством «покаяния». — Диавол не терпит вони покаяния; от той души, которая

издает из себя эту воню, он бежит прочь с прелестями своими. Проходимая таким образом Иисусова молитва — превосходное оружие противу всех страстей, превосходное занятие для ума во время рукоделия, путешествия и в других случаях, когда нельзя заняться чтением и псалмопением. Таковое упражнение молитвою Иисусовою приличествует всем вообще христианам, как жительствующим в монастырях, так и жительствующим посреди міра.

Стремление же к открытию «сердечнаго духовнаго действия» приличествует наиболее, почти единственно инокам, — и то познавшим подробно борение со страстями, при удобствах, доставляемых местом и прочими обстоятельствами. Если же кто бы то ни был, движимый, по выражению святаго Иоанна Лествичника, гордостным усердием, ищет получить преждевременно сладость духовую или сердечное молитвенное действие, или какое другое духовное дарование, приличествующее естеству обновленному — тот неминуемо впадает в прелесть, каким бы образом молитвы он ни занимался, псалмопением ли или Иисусовою молитвою. Это привелось видеть и на опыте. Упоминаемый в житии Пахомия Великаго прельщенный старец, стоя по действию прелести на раскаленных углях босыми ногами, произносил молитву Господню: «Отче наш». Причина прелести — не молитвословие, не псалмы, не каноны и акафисты, не молитва Иисусова, — нет! Сохрани Боже всякаго от таковаго богохульства! Гор-

дость и ложь — вот причины прелести! Гордость и ложь, которых виновник — диавол. А он, чтоб свалить с себя вину, дерзостно и богохульно оклеветал Иисусову молитву, — сам же встал в стороне, как ни в чем не повинный. Ныне многие хлопочут, остерегаются и других остерегают от молитвы Иисусовой, утверждая, что должно от нея удаляться, как от причиняющей прелесть; а о диаволе, настоящем виновнике прелести, ни слова, — совсем забыли. Ах! какая явная хитрость диавола! как он прячется искусно.

Очень огорчает меня, что ныне так утерян людьми истинный духовный разум, а разныя ложныя, вполне ложныя мысли, получили такую силу!

Книга Паисия имеет значительные недостатки в литературном отношении. Что до того? Часто смиренные пустынники, выходя из пустынь своих лишь прикрытые рубищем, словом скудным и нескладным возвещали христианскому миру святую и спасительную Истину; напротив того, сколько видим книг, убранных звучными словами, в стройном систематическом порядке, — а оне заключают в себе яд, убивающий души!

О КНИГЕ НИКОЛАЯ ГОГОЛЯ «ВЫБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ДРУЗЬЯМИ»

С благодарностью возвращаю Вам книгу, которую Вы мне доставляли. Услышьте мое мнение о ней. Виден человек, обратившийся к Богу с горячностию сердца. Но в деле религии этого мало. Чтоб она была истинным светом собственно для человека и издавала из него неподдельный свет для ближних его, необходимо нужно в ней определительность. Определительность заключается в точном познании Истины, в отделении Ея от всего ложнаго, от всего лишь кажущагося истинным. Это сказал Сам Спаситель: *«Истина свободит вы»*. В другом месте Писания сказано: *«Слово Твое Истина суть»*. Почему желающий стяжать определительность глубоко вникает в Евангелие, соображаясь с учением Господа, выправляет свои мысли и чувствования. Когда человек совершит этот труд, тогда он возмогает отделить в себе правильныя, добрыя мысли и чувствования от поддельно, мнимо правильных и добрых. Тогда вступает в чистоту, как и Господь после Тайной вечери сказал ученикам Своим, образованным уже учением Истины: *«Вы чисты есте за слово, еже рех вам»*.

Но одной чистоты недостаточно для человека: ему нужно оживление, вдохновение. Так, — чтоб светил фонарь, недостаточно чисто вымытых стекол, нужно, чтоб внутри его

зажжена была свеча. Так сделал Господь с учениками Своими. Очистив их Истиною, Он оживил их Духом Святым, — и они соделались светом для человеков. До приятия Духа Святаго Апостолы не были способны научать человечество, хотя уже и были чисты.

Такой ход должен совершиться с каждым христианином, христианином на самом деле, а не по одному имени; сперва очищение Истиною, а потом просвещение Духом.

Правда, есть и у человека врожденное вдохновение, более или менее развитое, происходящее от движения чувств сердечных. Истина отвергает это вдохновение, как смешанное, умерщвляет его, чтоб Дух, пришедши, воскресил его в обновленном состоянии. Если же человек прежде очищения Истиною будет руководствоваться своим вдохновением, то он будет издавать для себя и для других не чистый свет, но смешанный, обманчивый, потому что в сердце его живет не простое добро, но добро, смешанное со злом более или менее. Всякий взгляни в себя и поверь сердечными опытами слова мои! — Они точны и справедливы, скопированы с самой натуры.

Применив эти основания к книге Гоголя, можно сказать, что она издает из себя и свет и тьму. Религиозныя его понятия неопределенны, движутся по направлению сердечнаго вдохновения неяснаго, безотчетливаго, душевнаго, а не духовнаго. Он писатель, а в писателе непременно «от *избытка сердца уста глаголют*»,

или: сочинение есть непременная исповедь сочинителя, по большей части им не понимаемая, а понимаемая только таким христианином, который возведен Евангелием в отвлеченную страну помыслов и чувств, в ней различил свет от тьмы; книга Гоголя не может быть принята целиком и за чистые глаголы Истины. Тут смешение; тут между многими правильными мыслями много неправильных.

Желательно, чтоб этот человек, в котором заметно самоотвержение, причалил к пристанищу Истины, где начало всех духовных благ.

По этой причине советую всем друзьям моим заниматься по отношению к религии единственным чтением — святых Отцов, стяжавших очищение и просвещение по подобию Апостолов, потом уже написавших свои книги, из которых светит чистая Истина и которыя читателям сообщают вдохновения Святаго Духа. Вне этого пути, сначала узкаго и прискорбнаго для ума и сердца, — всюду мрак, всюду стремнины и пропасти! Аминь.

О КОНЧИНЕ О. МАКАРИЯ ОПТИНСКОГО

Письмо твое от 31 октября получил, и порадовался известию, что новый митрополит расположился к Сергиевой пустыне и ея настоятелю искренне желаю, чтоб это расположение пришлось и упрочилось для блага обители, для мира и спасения живущих в ней, и

для самаго святителя, который впервые в жизни своей имеет дело с монашествующими, понимающими монашество. Оттолкнуть от себя монахов и разогнать очень легко, а собрать и образовать — весьма трудно, даже невозможно без особеннаго дара Божия. О. Архимандрит Моисей известил меня о кончине старца иеросхимонаха Макария и просил брошюру сочинения о. Леонида Кавелина. Оптина лишилась души своей. О. Макарий хотя и был наиболее телесным исполнителем заповедей, но имел любовь к ближнему и ею поддерживал братство. Он незаменим по моему мнению и взгляду!... Св. Исаак Сирский сказал, что телесное делание без душевнаго к разуму Божию приближаться не может, а весьма способно к доставлению мнения о себе... Оскудело монашество, и еще более должно оскудеть. Спасаяй да спасет свою душу. Всей братии мой усерднейший поклон.

Епископ Игнатий.

15 ноября 1860

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

ОБ О. МАКАРИИ ОПТИНСКОМ

Начало письма моего будет ответ на конец твоего от 8-го ноября. Невозможно среди молвы удерживать свое настроение в одинаковом положении, как это возможно в уединении. Впрочем, и в уединении случаются уклонения, производимыя страстями падшаго естества, ко-

торыя не могут не проявлять своего присутствия в человеке. На эти изменения должно смотреть благоразумно, как бы на перемены погоды, по сравнению, сделанному пр. Макарием Великим, и не оставаться долго в увлечении, скорее выходить из него.

Потрудись передать П. В., что я хотя и не знаком с нею лично, но по духу весьма знаком и очень радуюсь ея знакомству с Оптинскими старцами. Судьбы Божия — непостижимы, но по человеческому суждению нельзя довольно не пожалеть о кончине о. Макария Оптинскаго. Этот человек был неоцененное сокровище для христиан, живущих среди мира. Он был приготовлен и предназначен для того служения, которое проходил. Простота и свобода в обращении, любовь и смирение врожденныя, образование себя чтением Отеческих книг, повиновением искусным старцам дали ему возможность рано сделаться духовником и наставником, а долговременный опыт усовершил его в этом служении. Совет его А. В. был бы существенно полезным.

Мой путь был совсем другой: я был часто и подолгу болен, подолгу не выходил из своей келлии, терпел много неприятностей. Все это отделяло меня от общества человеческаго и сосредоточивало в себе. Такое душевное положение лишило меня знания человеков. Чем далее иду путем жизни, тем более удаляется от меня это знание, потому что иду очень одиноко. Тебе известно, что и монах тогда только может взой-

ти в сношение со мною, когда очень, очень приглядится ко мне.

Странное дело! Когда мое самовоззрение увидят написанным, тогда оно нравится. Почему? Потому что привлекает также к самовоззрению. Полагаю, что о. Антоний Бочков может быть гораздо удовлетворительнее меня: он гораздо знакомее меня с человеками. Если же А. В. угодно будет что написать мне через П. В., то я сочту обязанностью своею отвечать тем же путем, что Богу угодно будет даровать в ответ.

Репный сок очень сильно гонит мокрты золотушныя и ревматическия. Советы с врачами отлагаю до весны. Хотел бы не лечиться вовсе — отвлекает от духовнаго делания.

Епископ Игнатий.

22 ноября 1862

О ПОСЛЕДНИХ ДНЯХ СТРАДАНИЙ, КОНЧИНЕ И ПОГРЕБЕНИИ

ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ ДУХОВНИКА И НАЧАЛЬНИКА СКИТА, СТАРЦА ИЕРОСХИМОНАХА ИЛАРИОНА (ПОНОМАРЕВА), В БОЗЕ ПОЧИВШЕГО 18 СЕНТЯБРЯ 1873 ГОДА

Составлено
для своих келейных воспоминаний
о Старце очевидцем,
монахом Порфирием

ОТ РЕДАКТОРА

Здесь впервые публикуется ряд рукописей Оптинского архива, тематически связанных с книгой Сергея Нилуса «Святыня под спудом». Рукописи эти представляют собою сборник-конволют, в котором содержатся произведения, переписанные на почтовой бумаге почерками писцов и переплетенный в мастерской обители. Рукопись претерпела все бедствия Оптинского архива, некогда весьма значительного по объему и драгоценного по своему составу. В его корпусе были рукописные книги, переписка Оптинских старцев, разного рода документальные и архивные материалы. Рукописные листы сшиты в тетради и переплетены.

Вскоре после погрома обители, в 1925 году, рукописи из Оптиной Пустыни музейщики вывез-

ли в Козельск, затем частично возвратили в монастырь и свалили в рухольную. Три года спустя, в 1928-м, рукописные и книжные фонды Оптиной перевезли в Москву (33 000 книг и 1 009 единиц рукописей). В настоящее время это собрание находится в отделе рукописей Российской государственной библиотеки и содержит 1 008 единиц хранения (фонды 213, 214). Некоторая часть Оптинского собрания рукописей в результате такого рода перетрясок оказалась на руках. Публикуемые тексты как раз и взяты нами из рукописного сборника, находящегося в частной коллекции.

Открывается сборник письмом келейника старца Илариона, известного бытописателя Оптиной Пустыни Порфирия (Петр Петрович Севрюгин; 25.VI.1835–23.IV.1878) к архимандриту Леониду (в миру Лев Александрович Кавелин; 20. II. 1822–22. X. 1891), бывшему в ту пору настоятелем Ново-Иерусалимского ставропигиального монастыря. Архимандрит Леонид знал Оптину с детства, а в 1852 году стал ее послушником и здесь через 5 лет пострижен в монашество. Тогда же он испытал благодатное духовное воздействие старца Макария, жизнеописанию которого посвятил одну из лучших своих книг — «Сказание о жизни и подвигах старца Оптиной Пустыни иеросхимонаха Макария» (М., 1861). Перу о. Леонида принадлежит и фундаментальный труд «Историческое описание Козельской Введенской Оптиной Пустыни» (ч. 1–2, четвертое прижизненное издание — М., 1885). В своём письме к нему келейник Порфирий подробно описывает последние дни, кончину и погребение старца Илариона (в миру Родион Никитич Понома-

рёв; 18. IV. 1805–18. IX. 1873). Письмо это целиком публикуется впервые, незначительные извлечения из него бытописатель Пустыни иеромонах Агапит (Беловидов) включил в свою книгу «Жизнеописание старца Оптиной Пустыни, иеросхимонаха Илариона», вышедшую в 1897 году в Калуге без указания сочинителя, сказано лишь: «составлена одним из учеников» старца. Это письмо и авторские к нему приложения весьма ценны для всех, кто изучает историю Оптиной, кто интересуется творчеством бытописателей обители.

Другие материалы сборника помогут читателям полнее представить круг чтения насельников обители, их собирательские наклонности. Замыкает рукописную книгу раннее произведение Сергея Нилуса «Голос веры из мира торжествующего неверия» — воспоминания о посещении Сарова летом 1901 года. Книжка вышла в свет в 1902 году (цензурное разрешение 5 декабря 1901 г.). Отдельным почерком монастырского писца исполнен текст первого духовного творения Нилуса, целиком вошедшего затем в состав тома «Великое в малом». Можно предположить, что Сергей Нилус был знаком с этим рукописным сборником и даже в какой-то мере участвовал в его составлении. Ведь занятия в Оптинском архиве он рассматривал как своё монастырское послушание.

А. Н. Стрижев

О ПОСЛЕДНИХ ДНЯХ СТРАДАНИЙ, КОНЧИНЕ И ПОГРЕБЕНИИ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ ДУХОВНИКА И НАЧАЛЬНИКА СКИТА, СТАРЦА ИЕРОСХИМОНАХА ИЛАРИОНА (ПОНОМАРЕВА), В БОЗЕ ПОЧИВШЕГО 18 СЕНТЯБРЯ 1873 ГОДА

Составлено
для своих келейных воспоминаний
о Старце очевидцем, монахом Порфирием

Письмом нашего отца Игумена Вы извещались о постигшей нас глубокой и горестной скорби: в лишении дорогого и незабвенного нашего старца, батюшки отца Илариона, мирно почившего о Господе 18 сентября 1873 года, в половине шестого утра, тихою христианскою кончиною. Просили Вы сообщить Вам подробное описание его страданий, кончины и погребения. Видя из строк Ваших искреннюю ду-

ховную любовь к почившему нашему отцу, не можем не исполнить убедительнейшей Вашей просьбы. Но прежде чем приступить к такому описанию, считаем себя недостойными взять на себя труд касаться повествования блаженной памяти почившего нашего Отца, ибо не знаем, угодно ли было ему самому это наше повествование? Быть может, он, как еще при жизни своей любил паче неведомым быть міру, тем более пожелал бы теперь, чтобы менее о нем высказывались и говорили. А потому, чтобы не опечалить этим покоящийся в Бозе дух его, прежде чем начать о нем наши скудные строки, хотел мысленно испросить на это его благословение: Благослови многоболезненне наш отче, нам, скорбным чадам твоим, в утешение печалующих сердец наших, о тебе поведать!.. Не в похвалу твою, — в похвале ты не имеешь нужды, — а сказать во славу Божию о том, какие Господу Богу угодно было послать тебе напоследок дней твоих предсмертные болезненные испытания, чтобы очистить ими тебя, как в горниле, и после увенчать обещанным — претерпевшим до конца за подвиги. Итак: благослови, преподобный отче, нам начать!

Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, помилуй нас.

Должны сказать Вам откровенно, что всех страданий, какие во время болезни своей перенес почивший, описать нельзя, так оне были разнообразны, безчисленны и тяжки, что нет никакой возможности передать Вам хоть от-

части всё то, что перечувствовал и перестрадал сам больной. Одним словом, не было и не оставалось ни одного живого места, которое бы не болело и не перебаливало бы в его страждущем теле. Только одна душа в нем, как в праведном Иове, оставалась неприкосновенною, по словам преподобного Исаака Сирина: «И уязвляет их в тело их, якоже Иова, точию же к душам их не приближается вред. Несть бо возможно, — говорит Преподобный, — егда путем правды ходим, не усрести нас сетованию, и телу в недузех не болети и болезнех» (Слово 35).

Начало болезней его последовало с января 1872 года. Под скитский храмовой праздник Собор святого Иоанна Предтечи, 7 января, Старец стоял в скитской церкви бдение, выходил с о. игуменом Исаакием на литию и величание. Готовился служить, также с о. Игуменом, обедню в самый день праздника. Но еще в ночь на этот праздник почувствовал себя очень дурно: головокружение с головною болью; не мог быть в служении и не выходил в церковь; а так как готовился к служению этого дня, то пожелал сообщиться Святых Христовых Таин келейно, которые и приносили ему в келлию. С этого дня головокружением и после головною болью обозначилась и незаметным образом постепенно стала развиваться его болезнь, хронический характер которой уже несколько лет прежде выражался катаром в лёгких и печени и частым удушьем, но всегда облегчался удачно и своевременно медицинским пособием. Почув-

ствовав себя несколько лучше, Старец пожелал отслужить в Ските на службу на воскресный день и в праздник Собора Трех Святителей, 30 января. Отслужил вечерню, а бдение, за слабостию сил и неможением, попросил отслужить о. Флавиана, монастырского казначея; сам же только так присутствовал все бдение до конца. Раннюю Литургию в этот праздник отслужил сам и после, пришедши из церкви, говорил, что с большим трудом окончил служение. Вскоре после того подошла Сырная седмица, начался святой Великий пост. На первой неделе Великого поста, по обязанности своей духовнической, всех духовных чад своих, братий скитских и монастырских, а также многих и из мирских лиц Старец исповедовал сам и в то же время неопустительно ходил в церковь, выстаивал все продолжительные церковные службы этой недели до конца и при всём этом наблюдал строгий пост, ничего не вкушал, кроме однех сырых овощей, которые на первой седмице, за исключением варева, предлагаются и всем братиям однажды в сутки. Несмотря на физическое утомление свое в продолжение первой седмицы, Старец пожелал на воскресный день (Неделя Православия, 5 марта) опять быть служащим. Сам отслужил в Ските вечерню, с вечера бдение, готовился служить Литургию, но, пришедши в церковь, опять почувствовал дурноту головы, так что не в состоянии был служить Литургию, попросил вместо себя отслужить о. Флавиана. Сам же только отслужил обедню и сообщился Свя-

тых Христовых Таин. Это служение его (то есть вечерни) было уже последнее. Он более не служил, и скитская церковь более не оглашалась его возгласом, и скитское братие, духовные чада его, не видя и не слыша более церковного его служения, приуныли. В прежнее время этот обычный для него великопостный труд первой седмицы был теперь, при начавшейся болезни, ему не по силам; утомил его до крайности изнеможения, обнаружил сильнейшие припадки болезни, таившейся внутри, и сложил его в постель.

Со второй недели Великого поста Старец не выходил уже из келлии ни в церковь и никуда. Сперва страдал он болью головы, сердца, печени и лёгких, а от сего частою томительною бессонницею и удушьем; часто по нескольку суток сряду проводил он без сна. Удушье бывало у него так велико, что ни на минуту не давало ему уснуть. Медицинские пособия иногда только отчасти, мало облегчали ему страдания, но не помогали ему от бессонницы и удушья. После все эти многосложные его недуги произвели и присоединили еще к себе водянку. Водянка сперва показалась в животе, ногах и, постепенно распространяясь, разливалась по всему телу. Вот с этого-то времени всё тело его начало страдать, по Псаломнику: все ло́же его обрати́л еси́ в боле́зни его (Пс. 40, 4). Испытывал он сильнейшую головную боль, с шумом, треском и головокружением, страдал он постоянно, как мы сказали, болью в сердце, печени и лёгких, болели у него еще

почки; часто затруднялись естественные отправления и эти отправления его сопровождались самыми мучительными болями; образовалась по местам большая, мешавшая ему опухоль; эта опухоль препятствовала ему лежать, ходить и сидеть, так что нужно было прибегать к особым для этого способам. Появлялись по телу его и созревали продолжительные, жгучие нарывы и вереда́; один корбункулеозный веред на шее в продолжение целого месяца зрел и стужал больному. При этом чувствовалась тоска в теле и занятие духа, душило удушье, томила частая бессонница; от частой продолжительной бессонницы особенно много пострадал больной; по нескольку ночей сряду и даже суток частенько приходилось ему проводить без сна, в одном мучительном томлении переходить с места на место до самого рассвета. Часто случалось, что среди глубокой летней ночи выводили его из келлии на воздух, чтобы сколько-нибудь облегчить ему томительное удушье и трудное его дыхание, а также и днем удушье не дозволяло ему сомкнуть глаза, по Иову: **но́щи же боле́зней даны́ ми́ су́ть. А҆́ще ѹ҆сну̀, глаго́лю: когда̀ де́нь? егда́ же воста́ну, па́ки: когда̀ ве́чер? Испо́лнен же быва́ю боле́зней от ве́чера до ѹ҆́тра** (Иов. 7, 4). **И но́щь в де́нь преложи́х** (Иов. 17, 12).

В особенности же ночами подымались и испытывались им все терпкости стужения болезней, доходивших часто до нечаяния пережить им ночь, так что на такой случай всегда приносились для него Святые запасные Дары

и часто сообщали его. А чтобы хотя сколько-нибудь сократить томительные для себя бессонные ночи, больной Старец просил читать ему с вечера Псалтирь и Отеческие писания и после этого чтения, нимало не успокоивая себя сном, просил читать ему и утренние молитвенные скитские правила и, при общем нощном сне, своим неспанием действительно **Уподо́бихся нея́сыти пусты́нней. Бдех и бых яко пти́ца осо́бящаяся на зде** (Пс. 101, 7–8).

Любил Старец петь ирмос «нощь несветла неверным Христе...» И певал сам этот ирмос до конца. Частые, непрерывные бессонницы наконец истомили больного до крайности так, что ему ничего не помогало от них. Старец изъявил желание принять великий ангельский образ — схиму; чин пострижения тайно над ним совершил о. Игумен на второй неделе Великого поста, в четверг утром, в память Сорока мучеников. Было это 9 марта 1872 года. Облекли его в святую схиму с прежним его именем. А 13 марта, в понедельник третьей недели Великого поста, по желанию его, о. Игумен с четырьмя иеромонахами совершил над ним Таинство Елеосвящения. Прибегнувши к сему духовному врачевству, больной Старец не желал было серьёзно лечиться от врачей. Но потом, при усилении тяжких недугов, был убежден любовию многих духовных чад своих не отвергать и сего пособия, предлагаемого врачами. Основывались на том, что врачевства предлагаются от благоразумных и искусных в сем роде врачей, и по справедливости они мо-

гут называться спасительными средствами. Об этом и Священное Писание свидетельствует, сказуя: **Почита́й врача противу потре́б че́стию его́: ибо Господь созда́от земли́ врачева́ния и муж мудрый не возгнуша́ется ими** (Сир. 38, 1 и 4). Притом же и все расходы по лечению духовные дети Старца из любви к своему отцу взяли на себя, считая за великое утешение чем-нибудь послужить для больного и тем самым убедить его к согласию.

Преосвященный Никифор, бывший архиепископ Астраханский и Ставропольский, в беседе своей на Евангелие от Марка, в неделю вторую Великого поста, касательно лечения такое рассуждение предлагает: «Будучи больным, — пишет он, — всё упование о выздоровлении возложи на Бога и проси Его со всяким благоговением и смиренномудрием. Не оставляй также и того, что тебе сотворить можно: призови врача, храни диету, принимай лекарства, не отвергай врачевства. Бог есть и болезни твоея Врач, и здравия твоего Податель»[1]. Но тогда только подает тебе Бог и здравие и жизнь, когда не отвергаешь нужного для исцеления. Тако поступил царь Езекия. Он надеялся получить от Бога исцеление от своей смертоносной болезни и просил от Него с великими и теплыми слезами как жизни, так и здравия, однако не отказался стереть и смоквий и приложить из них сделанный пластырь на свою язву, по совету Пророка Исаии, говорившего ему: **возми́ от смо́квий и сотри́, и приложи́ пла́стырь**

[1] Толковое воскресное Евангелие 1847 г. Ч. 2. С. 396.

на ꙗ́звꙋ, и здра́въ бꙋ́деши. (Ис. 38, 21.) Видишь ли, како Праведный Бог хощет, чтобы мы находяся в болезнях, не презирали сотворенные Им врачевства.

Ожидали для поправления здоровья больного Старца теплого, весеннего и летнего времени, на которое врачи более всего надеялись: лечение при пользовании благотворным воздухом принесет ему пользу. Но надежда и ожидания эти не оправдались — весна и лето при всем старании лечивших его искусных медиков не принесли существенной пользы в поправлении его здоровья. Болезни его были уже в полном развитии, и ничего нельзя было сделать врачам там, где все человеческие усилия были тщетными и знания науки к смирению своему дошли до того предела, о котором говорится в псалме: **Преде́лъ положи́лъ еси, его́же не пре́йдꙋтъ** (Пс. 103, 9). Прошли также осень и зима с длинными, бессонными ночами его тяжких страданий; исполнился год — болезни не уступали лечению, шли себе в дальнейшем своем развитии и бесщадно удручали больного.

С началом же Нового года его заболевания явили ему еще и новые страдания, возникла новая болезнь — водянка. Сперва опухоль началась с живота, потом перешла в ноги; стали отекать у него ноги и отекли по пояс, отяжелили его так, что он вначале мог еще переходить с места на место и потом кое-как двигаться при помощи келейных своих братий. Чувствуя усиление и прибавление недугов и непрерывную бессонницу, болящий Старец пожелал по исте-

чении года опять удостоиться Таинства святого Елеосвящения, которое и было исполнено 25 июня 1873 года, утром в 7 часов; особоровал его вторично о. Игумен с шестью иеромонахами. Накануне по его желанию принесены были из скитской церкви чудотворные иконы Знамение Божией Матери и святого Иоанна Крестителя, пред которыми и было совершено молебствие с водосвящением и призыванием помощи Божией на страждущего больного, и болящий был окроплен святою водою. После молебна отслужили панихиду по покойным старцам обители — схиархимандрите Моисее, игумене Антонии, иеросхимонахам Льве и Макарие. И что заслуживает особого внимания, болящий Старец, не спавший до этого несколько суток, томимый удушьем и бессонницей, по окончании молитвенных песнопений тотчас склонился ко сну и успокоился продолжительным сном, подкрепившим его донельзя ослабевшие силы. С этого времени, за молитвами почивших старцев, не стало у него такой непрерывной томительной бессонницы, какая была прежде, когда по нескольку суток не мог он спать. Бессонница была у него и после, но в продолжение суток удавалось ему иногда хоть час, два или три уснуть, и это было великим утешением, потому что подкрепляло его слабые силы, облегчало недуги. Зато водянка стала ему очень стужать, увеличивая всё более и более опухоль живота и отёк ног его. Она стала подходить и мешать его дыханию, так что с 21 августа 1873 года от сильного удушья не мог он даже лежать в постели,

не мог делать движения, стал сидеть день и ночь постоянно в креслах, сам приподниматься не мог, а в случае нужды его приподнимали и перемещали келейные братии. Болезнь водянки отяжелила и как бы сковала его всего так, что он не в состоянии был впоследствии сам приподнять ноги и даже передвинуть ее на другое место, только одна голова и руки оставались еще в движении. Голову он мог повернуть, приподнять, а руками способен был перебирать четки до последнего своего дыхания. В таком крайне затрудненном и стеснительном положении своем, он более походил на сидящего в раковине, чем в живом теле, из глубины души взывая словами Псалмопевца: **Спаси́ мя Боже, я́ко внидо́ша во́ды до души́ моея́! Углебо́х в тиме́нии глубины́, и несть постоя́ния. Приидо́х во глубины́ морски́я, и буря потопи́ мя** (Пс. 68, 1–2).

Не только входившие к нему на минуту получить последнее прощальное благословение не могли без сострадания видеть его толико страждущего, но и постоянно находившиеся при нем келейные братие тоже не могли равнодушно смотреть на его бесчисленные страдания. И скрепя сердце старались, по возможности, в его присутствии сдерживать внутри себя те скорбные чувства, которые проявлялись сами собой, дабы не опечалить его тем и не нарушить благодушного его устроения. Ибо в это время не мог он равнодушно смотреть на сторонние слезы, они влияли на его и без того ураненное болезнию сердце. И со стороны врачей, в осторожность сего, наблюдалось строгое внимание.

Духовная же отрада, какая чувствовалась больным среди его страданий, отчасти сообщаясь находившимся при нем братиям, несколько облегчала их скорбь. Притом же и сам Старец, как заметно было, старался в глазах их относиться к болезненному положению своему как бы слегка, не выражая особенно ничем — ни вздохом, ни словом ропота своих тяжких недугов. Такая ровность в характере и мужественная твердость в духе не оставляли его до конца, выражаясь словами Псалмопевца: **А́ще бо и пойду́ посреде́ се́ни сме́ртныя, не убою́ся зла, я́ко Ты со мно́ю еси́** (Пс. 22, 4). В продолжение болезни своей страждущий Старец неоднократно с глубоким чувством выражал келейным своим братиям[1] сердечную свою признательность, говоря так: «Спаси вас Господь за неусыпные труды ваши. Господь не оставит вас, еще немного остается вам послужить. Потрудитесь, братие, скоро придет время — пожелали бы послужить, да будет некому».

Смотря на его безысходные и с каждым днем увеличивающиеся страдания, невольно приходили на память слова преподобного Ефрема Сирина: «Боли болезнь болезненне, да мимотечеши суетных болезней болезни». **И́бо пре́д лице́м челове́ческим а́ще и му́ку прии́мут, упова́ние и́х безсме́ртия испо́лнено. И вма́ле нака́зани бы́вше, вели́кими благоде́тельствовани бу́дут, я́ко Бог искуси́ их и обре́те их достойны Себе́. Я́ко зла́то в горни́ле искуси́ их, и я́ко всепло́дие же́ртвенное прия́т я**

[1] См. Прибавл. VI. стр. 687.

(Прем. 3, 4–6). И так до самой кончины своей больной Старец провел 29 дней на одном месте, сидя в креслах. **Но пло́ти его́ боле́ша, душа́ же его́ о себе́ се́това** (Иов. 14, 22). Приготовляясь к отшествию из сей временной жизни, многоболезненный страдалец с 17 августа, в продолжение 33-х дней, до самой кончины своей ежедневно сообщался Святых Христовых Таин, выслушивая при оном неопустительно все правила ко Причащению. Такое частое сообщение Святым Таинствам было как бы существенною для него необходимостию и даже, можно сказать, самою потребностию его жизненного духа, по словам Писания: **Что бо ми есть на небеси́? И от Тебе что восхотех́ на земли?** (Пс. 72, 25). **Исполниши мя веселия с лицем Твоим** (Пс. 15, 11). В этом одном он находил для себя всё: утешение, укрепление, силу и необъяснимую отраду духа, которая всякий раз после сообщения Святых Таин выражалась в нем и замечалась духовными его чадами и всеми, кому приходилось у него быть.

Также и келейные молитвенные правила наблюдал он и просил всё ему вычитывать в подходящие минуты, а в остальное время непрестанная (умная) Иисусова молитва неразлучно была с его дыханием, что можно заметить было по чёткам в его руках, которые он постоянно перебирал. Любил также слушать и просил ему читать творения святого Иоанна Златоуста, преподобного Исаака Сирина, Добротолюбие, «Слово о смерти» преосвященного епископа Игнатия и другие писания. Даже во

время летних его лесных прогулок в экипаже, для пользования воздухом, всегда читывали ему из святоотеческих писаний, по его назначению. «Ничто так не питает душу монаха, — говаривал Старец, — как чтение отеческих писаний».

В последнее время, с тех пор как появилась у него частая головная боль, весьма редко и мало кого он принимал у себя из посетителей; не мог даже выслушивать и говорить, тотчас начиналось у него головокружение. Только одно чтение молитвенных, келейных правил и святоотеческих книг не утомляло его и не производило головокружения; выслушивал он их свободно и внимательно и легко уяснял себе читаемое. Такую исключительную возможность к слушанию и вниманию душеполезного слова больной Старец считал для себя за особую милость Божию, и было это великим утешением и подкреплением для его духа. Видел в этом и даруемое ему «последнее время», чтобы приготовить себя к скорому отшествию. Некоторые стихи из молитвенных чтений просил повторять и сам повторял их вслух, утешаясь силою этих слов.

Припевы в акафистах Сладчайшему Иисусу и Божией Матери — **Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя**; **Радуйся Невесто Неневестная!** и **Аллилуиа** — просил, чтобы ему келейные пели, а сам, сидя в кресле, подпевал им слабым, дрожащим и изнуренным своим голосом. По окончании же молитвенного правила «на сон грядущим» сам делывал всегда отпуст, и, проща-

ясь, испрашивал у братии взаимного прощения и святых молитв, готовясь проводить ночь в обычных своих бессонных страданиях, которые преимущественно бывали ночью. Весьма редко приходилось ему провести ночь покойно, большею же частью ночи проходили у него в одном мучительном томлении от удушья и бессонницы. Если когда и случалось ему ненадолго забыться малым сном или коротким дреманием, то и это скудное малосоние его редко когда проходило покойно и безмятежно; часто нарушалось оно разными тревожными, бесовскими страхованиями и представлениями, тоже по Иову: **Ўстраша́еши мя́ со́ниями и виде́ниями ўжаса́еши мя́** (Иов. 7, 14). Они, лишая его и малого покоя, стужением своим доводили его до крайнего изнеможения телесного. Мало того, не только ночами, но и днем беспокоили его разными явлениями, мешая молитвенному его пребыванию. Об этих видениях не любил рассказывать Старец, старался не внимать искушениям, ограждая себя против наваждений молитвою и мужественным терпением. Иногда только келейным сказывал, что видения и прежде угрожали ему тем же: «Мы тебе всё припомним!» И собирались за всё ему отомстить; это было при занятиях его, когда исповедовал он бесноватых больных. «А теперь вот, по попущению Божию, — говорил Старец, — и на деле исполняются их козни, но да будет Воля Божия!» И, смиряя себя, прибавлял: «По грехам моим это, Богу попущающу, врагу действующу. Ну, пусть их, пусть их, что

им позволено, то и делают, телесную мою храмину разоряют...» Благодушно перенося всё это, считал, что испытания попущены за грехи, за всю прошлую жизнь. При каждом виденном искушении полагал себя достойным этого искушения, при этом всегда, ограждаясь Крестным знамением, предавался Воле Божией.

Несмотря на тяжкие страдания свои, больной Старец во всё продолжение своей болезни не оставлял и духовной своей деятельности, с которой по многолетним занятиям как бы сроднился; многих из приходивших к нему братий принимал и исповедовал сам, в особенности же из священнослужащих — никому из них никогда не отказывал. Принимал он также живейшее участие и во всём том, что только касалось его старческой и духовной деятельности. Так, в июне 1872 года принимал он четырех новопостриженных иноков, в числе коих и писавший сии строки удостоился быть. А 30 августа 1873 года особенно он был духовно утешен тем, что одна из преданных духовных учениц его, по благословению его, восприяла на себя евангельский ярем Христов — святой ангельский образ монашества. Болящий Старец, забывая недуги свои, радовался, как дитя, и из глубины души благодарил Бога, что давнее желание его исполнилось еще при его жизни. «Ну, слава Богу, — говорил он, — очень я рад, что она пострижена».

Кстати упомянем еще одно обстоятельство печальное, к которому тоже с полным сочувствием отнесся Старец: 23 сентября 1872 года

скончался скитский иеромонах о. Иларий; неожиданное и скорое отшествие о. Илария чувствительно было для Старца. Проживши вместе с о. Иларием долгое время келейными у покойного Старца, батюшки Макария, и после того всё время в Скиту, больной Старец очень жалел о. Илария и, вспоминая то время, как они служили батюшке о. Макарию, говаривал о нём со слезами и с глубоким чувством грусти. Часто в разговоре касался и о загробной его участи, говоря: «Как неисповедимы судьбы Божии! Что бы такое это значило, что так неожиданно и скоро оставил нас отец Иларий?» И вскоре после такой грусти и озабоченности его о почившем, о. Иларий не замедлил явиться ему с своим утешением: в сонном видении виделся ему в полном одеянии монашеском — мантии, с веселым лицем, усладительно поющим ирмос: «Покрываяй водами превыспренняя своя, полагаяй морю предел песок, и содержай вся; Тя поет солнце, Тя слави луна, Тебе приносит песнь вся тварь, яко Содетелю всех во веки»[1]. Пение о. Илария всего этого ирмоса было как бы неземное и настолько усладительное для больного Старца, что он, проснувшись, до глубины души расчувствовался этим необыкновенным сладостным пением, попросил принести нотный ирмологий и сам со слезами напевал этот ирмос. И долгое время это пение звучало в его ушах и держалось в живой памяти, и он неоднократно за особенное утешение считал для себя напевать Бого-

[1] Ирмос на Рождество Богородицы, песнь 8-я, гл. 8-й.

родичный ирмос с окружающими его братиями. Из утешительного сновидения Старец заключал: о. Иларий за многолетние труды свои в монашестве и в загробной жизни обрел милость Божию[1].

Не забывал Старец также и отдаленных духовных чад своих, чрез диктовку отвечал на нужные письменные вопросы их, подписывая в конце письма свое имя. Когда же опухшие кисти рук мешали ему в писании, тогда подписывал он начальные свои две буквы: «И. И.» [Иеромонах Иларион].

Содержание писем его в то время было преимущественно прощальное; Старец, извещая о приближающейся кончине своей, прощался с духовными своими детьми и знакомыми, испрашивая у всех христианского прощения, просил святых молитв о себе и по кончине молитвенного поминовения[2]. В последний раз, за два дня до кончины своей (16 сентября), подписал он в письме свое имя, прощаясь с одной из преданных юных своих учениц Н. Р[озен], приветствуя ее вместе с тем с предстоящим днем Ангела, посылая ей на память в подарок книгу преподобного Иоанна Лествичника. Пожелал он проститься также и со всеми братиями; 21 августа, по сообщении Святых Христовых Таин, принимал скитских и монастырских братий, прощался с ними, испрашивал

---

[1] Об о. Иларии, см. Прибавление II, с. 684–685.

[2] Одно из ответных писем на письмо Старца, см. Прибавление I, с. 683–684. Из него можно видеть, какого рода шла у Старца в это время переписка со своими знакомыми.

прощения, просил святых молитв, благословлял их финифтяными иконочками, делая при оном некоторым из духовных чад своих краткие последние наставления. Двум монастырским инокам, прощаясь, сказал что это прощание его с ними уже последнее, что и им тоже недолго остается жить и чтобы к исходу тоже готовились. Выслушав от Старца эти последние прощальные его к ним слова, со слезами простились они со своим духовным отцем и наставником в последний раз и вышли от него с затаенною мыслию о предстоящем каждому из них скорому отшествию[1].

Известясь о трудном состоянии больного, 22 августа прибыла и Белевского монастыря матушка игумения Павлина с сестрами, чтобы проститься с трудноболящим Старцем. Старец всех принимал с любовию и прощался со всеми, благословляя иконочками. Матушку игумению благословил большою живописною иконою своего Ангела, преподобного Илариона. Старец просил ее не вдруг приезжать всем сестрам, а понемножку. «Еще время терпит, — сказал он, — я еще несколько недель просижу в креслах; что я за барин такой! В водяной болезни недели по четыре сидят». Этими словами, как впоследствии оказалось, он как бы предназначал время своему сидению. Припоминая, стал он перечислять прежних почивших старцев, бывших в водянке, по скольку кто из них сидел в креслах. «А мне-то грешно-

[1] Об этих двух замечательных иноках смотри в конце описания, с. 687.

му, отчего же не посидеть», — говорил Старец. Приезжали также и дальние в последний раз повидаться и проститься с болящим Старцем: Малоярославецкого монастыря о. игумен Пафнутий, Великолуцкая матушка игумения Палладия, Великоустюжская матушка игумения Назарета; Балашевской Покровской общины начальница матушка Сарра; Орловского монастыря матушка игумения Амфилохия; Тульского монастыря бывшая матушка игумения Макария; Севского монастыря сестры (родные племянницы покойного Старца, батюшки о. Макария); монахини — казначея Афанасия Глебова; матушка Мелания Иванова; матушка Магдалина Воейкова[1]; матушка Сергия Ергольская; Тульского монастыря сестры; а также Наталья Петровна Киреевская (5 июля приехала в обитель и пробыла всё время до самой кончины Старца, погребении его, 23 сентября уехала из обители.) А преосвященный Уфимский и Мензелинский епископ Петр, давний хороший знакомый Старца, узнавши о трудной болезни его, прислал ему своего сочинения книжку: «Наставление и утешение в болезни и в предсмертное время». Эта книжка доставила больному большое утешение.

Ожидался этим временем в обитель и Калужский архиепископ Григорий. Когда болящий Старец услышал, что 27 августа прибыл Владыка, зело о сем возрадовался духом, желая принять его Святительское благословение

[1] Одна из самых преданных и любимых учениц старца батюшки о. Макария.

и возблагодарил Бога, сказавши: «Слава Тебе Господи! и я, грешный, удостоюсь принять на предстоящий мне загробный путь Святительское прощение и благословение. Это великое дело!» И с усердием и благоговением ожидал Владыку.

29 августа, в день скитского праздника Усекновения главы святого Иоанна Предтечи, в первом часу дня Владыко был в Скиte в сопровождении благочинного отца архимандрита Моисея, нашего отца игумена Исаакия и отца казначея Флавиана. Сперва прошел он в церковь, помолясь и приложившись к святым иконам, благословил скитскую братию. Из церкви пошли посетить болящего страдальца. Вошедши, Владыко благословил сидящего в креслах многоболезненного Старца и, подвинув кресло, сел около больного и утешил его своею духовною беседою. Владыко с большим участием сказал больному: «Печально мне видеть Вас, отец Иларион, в таком трудном, болезненном состоянии! Но что же делать, на это есть Воля Божия! Господу угодно было послать Вам такой крест. Мужайтесь и крепитесь (духом) в Духе»[1]. Больной Старец просил его святых молитв и благословения: «Благословите, святый Владыко, меня в новый, неведомый мне путь и помолитесь, чтобы на воздушных мытарствах меня не задержали». Владыко с умилительной улыбкой преподал больному Старцу благословение и прощение, затем сказал: «Нет, я ве-

[1] Владыко советовал больному не оставлять совсем лечения, а продолжать оное, хотя для облегчения страданий.

рую, что Вы не будете задержаны. Этот путь Ваш — самый крестный, безопасный, спасительный и блаженный! Блажен сей путь, брате, имже идеши». После последнего утешительного собеседования с болящим Старцем Владыко, прощаясь, благословил его и пожелал ему, сказавши: «Ну, простите, отец Иларион, желаю Вам милости Божией и помощи Его Святой совершить подвиг Ваш до конца, получив от Господа Бога в будущей жизни утешение».

Простясь с Владыкою, получив напутственное его благословение, больный Старец еще более стал проникаться чувством скорого своего отшествия, чаще стал высказывать мысли свои о предстоящей ему загробной жизни, чаще стал видеться ему в сновидениях покойный его старец, батюшка отец Макарий. Видение любимого Старца много утешило больного его ученика. Из неоднократных ему видений, расскажем с его слов хоть одно, более других замечательное и утешившее больного.

За месяц до кончины, 18 августа, виделся ему в самом тонком сне покойный его старец, батюшка отец Макарий. Явился ему и говорит: «А я вот к тебе, Иларион, заехал». И будто куда-то спешит, говоря: «Мне теперь некогда, делов у меня много. Я к тебе еще буду, заеду за тобой, а покудова прости».

Это видение утешило больного, и после оно часто являлось ему, утешая. Тем же днем одному из старших монастырских братий виделся в сонном видении батюшка отец Макарий, спешившим из монастыря в Скит, в сопровож-

дении многого народа, монашествующих и мирян; в их числе и видевший Старца был, просил у него благословение. Старец же ему сказал: «Бери скорей благословение, мне нужно торопиться скорей в Скит, я там буду...»

Накануне дня памяти кончины покойного его старца, батюшки Макария, больной почувствовал себя в такой великой слабости, что думал, не последний ли пришел его час. В первом часу по полуночи просил поспешить читать ему правила ко Причащению и попросил подать ему любимый, самый маленький портрет батюшки Макария, висевший над его постелью. Когда же ему его подали, он взял и стал крепко его целовать, как бы принимая от самого Старца благословение. По выслушании же Правила тотчас приобщился Святых Христовых Таин и благодарил Господа, сказавши до трех раз со слезами: «Слава Тебе Боже! Слава Тебе Боже! Слава Тебе Боже! что Ты сподобил меня грешного Святых Животворящих Христовых Таин причащатися». Затем Старец спросил: «Сколько раз приобщался я Святых Таин?» Ему ответили: «Двадцать». Опять стал с глубоким чувством и слезами благодарить Господа: «Слава Тебе Господи! Да не в суд или осуждение будет мне сие Причащение, но во исцеление души и тела». После этих слов еще сказал: «Ну, теперь хоть бы и умирать можно, да нет, смерть что-то вернулась назад; надо, видно, еще потрудиться, не готов я, окаянный. Хотел было меня Батюшка взять, но не взял; не совсем готов, видно, еще

я». И, обратя молитвенный взор свой на святые иконы, со вздохом произнес: **Желает душа моя к Тебе, Боже, Возжада́ душа́ моя к Богу Кре́пкому, Жи́вому: когда прииду́ и явлю́ся лицу́ Божию** (Пс. 41, 2–3). «Обаче да будет Воля Твоя Святая, Господи, на мне грешном! Как Тебе угодно — так и да будет!.. Мало мне по грехам моим окаянному, лучше здесь пострадать, да там милость Божию получить. Телесная бо и сия мучения, веселия суть рабом Твоим». Сими словами утешал себя болезненный страдалец в страданиях. И, оградив себя Крестным знамением, сказал: «Подаждь, Господи, мне терпение и покаяние». После этого опять виделся ему батюшка о. Макарий, утешал его, показывая ему свои места, великолепно убранные палаты. Чувствуя скорую приближающуюся кончину свою и, имея пред умными очами слова Господни: **Устрой о дому твоем, умираеши бо ты** (Ис. 38, 1), больной Старец еще за десять дней стал озабочиваться о приготовлении нужной для себя одежды; обо всем подробно сказывал сам, что приготовить нужно и в чем его положить. Призвал своего родного брата о. Стефана, просил его сшить власяницу и всё прочее, что нужно к положению во гроб. Просил брата сходить к монастырскому о. Иову, который занимается опрятыванием умерших братий, и подостовернее узнать от него обо всем, что требуется для сего приготовить, говоря при этом: «У меня когда-то всё было приготовлено ко дню моей кончины, но власяницу свою кому-то я отдал и прочее всё роздал; теперь у меня

ничего не осталось; займитесь, не откладывая, а то тогда некогда будет».

Между тем от увеличившейся водянки опухшие ноги его в икрах потрескались, и вода из трещин стала просачиваться и с каждым днем все больше и больше истекать, а вместе с сим и изнуренные физические силы его значительно стали упадать и слабеть. Такое быстрое истечение воды явно предсказывало последний его болезни исход и скорую кончину; ибо полгода тому назад подобный пример был: скончался в Скиті (5 марта 1873 года) от водяной монах Александр Лихарев[1], духовный сын Старца, у которого тоже за сильным истечением воды из опухших ног вскоре и почти неожиданно последовала блаженная кончина, с напутствием за два часа до кончины Святыми Таинами. Больной Старец, в одно время и однею болезнию страдавший с батюшкой Александром, часто с умилительным чувством и слезами вспоминал о его блаженном конце и о том, какой последний исход был его водяной болезни. Потому, как только стала у него из ног показываться вода, и сам он тоже стал ожидать себе скорой кончины, уже давно «желание имый разрешитися и со Христом быти» (Флп. 1, 23).

Истечение воды постепенно усиливалось, дошло наконец до того, что келейные не успевали менять простыни и повязки с опухших ног его. Вследствие чего не замедлил последовать и предсмертный в его болезни кризис.

---

[1] См. о нем Прибавление III, с. 685–687.

Ночь на 16 сентября, за два дня до кончины своей, больной Старец провел особенно трудно и тяжко; был у него сильнейший лихорадочный пароксизм — озноб; во всю ночь очень сильно всего его трясло и знобило. После этого последовал самый крайнейший и последний упадок его сил; день провел в большой слабости. Ночь же на 17-е число провел еще труднее и тяжелее, был у него тоже пароксизм, но менее, чем в прошлую ночь; в обе эти ночи была у него бессонница и больного сообщили Святых Христовых Таин.

День 17-го числа провел он без пищи и пития и в великой слабости. В этот день просил он прочесть ему отходную молитву. По выслушании отходной, сказал окружавшим келейным его братиям: «Не сказывайте никому, что нынче читали мне отходную». И с этим, как бы покончив уже всё земное и отрешась от всего, Старец и очи свои, прежде взиравшие на предстоявших ему, опустил долу, — **Отврати́ о́чи мои, е́же не ви́дети суеты́** (Пс. 118, 37), — в ожидании чего-то необыкновенного... Вечером этого дня в последний раз приходили к оканчивающему страдальческий подвиг, умирающему Старцу проститься с ним: отец архимандрит Ювеналий и настоятель Оптиной Пустыни отец игумен Исаакий. А с духовным отцем своим, батюшкой Амвросием, по слабому здоровью, прощался он заранее, и после, чрез письмо, в продолжение болезни его. Батюшка отец Амвросий часто посещал больного и исповедовал его. Больной Старец великое духовное утеше-

ние и отраду получал от собеседования с ним. Ибо глубокое почитание, уважение и любовь имел он к духовному своему отцу. Вечером того же дня, накануне кончины его, батюшка отец Амвросий прислал к больному своего келейного осведомителя о состоянии его здоровья. На вопрос келейного больной Старец сказал: «Я очень слаб, но чувствую себя легко». И поручил просить у батюшки о. Амвросия прощения, благословения и святых молитв.

Всех приходивших в этот вечер к нему больной принимал и в последний раз прощался со всеми. Достольные слова его к окружавшим духовным детям были сказаны им со слезами: «Братие мои! Мир и любовь имейте между собою и ко всем. И тогда познают вси, яко мои ученицы есте. По слову нашего Спасителя, **аще любо́вь и́мате между́ собо́ю** (Ин. 13, 35).

Следующую ночь, на 18 сентября, больной Старец провел без сна; выслушавши всё правило ко Причащению, одну молитву читал по книжке даже сам, в половине первого часа по полуночи сообщился он Святых Христовых Таин и скушал третью часть просфоры.

С этого времени все болезни его как бы утихли, успокоились, вернее сказать, совсем оставили его и он более их не чувствовал, был покоен и благодушен, сидел покойно, тихо перебирая в руках чётки. Вокруг него тоже было тихо, безмолвно. Одним словом, царствовала всеобщая глубокая тишина, как бывает затишье перед грозой. Приближалась страшная и роковая минута, великое и сокровенное таин-

ство смерти, когда душа от тела отходит, рушится их сочетание и естественный союз Божиим хотением отсекается — ужасное таинство и страшное всем.

«Безмолвствуйте убо, безмолвствуйте и не тревожьте больше ничем лежащаго!.. прочее умолчи́те и великое таинство у́зрите: страшный бо час, умолчи́те! да с миром душа отъидет: в подвизе бо велицем содержится, и во страсе мнозе молит Бога», — обращает к нам, окружающим отходящего, глас свой Святая наша Церковь.

«Страшно и ужасно, — по словам святого Ефрема Сирина, — что тогда испытывает на себе душа, но никто из нас не знает сего, кроме тех одних, которые предварили нас там, кроме тех одних, которые изведали сие на опыте. Они видят, чего никогда не видали; слышали от Властей, чего никогда не слыхали; терпят, чего никогда не терпели... Отходящий, прощаясь со всеми нами и всех приветствуя, говорит: «Прощайте, братия; прощайте, добрые люди, встаньте и прилежно помолитесь о мне в час сей. В далекий путь иду я теперь, в путь, которым еще не ходил, в новую для меня страну, из которой никто не возвращался, в землю темную, где не знаю, что встретит меня... Простите, ближние мои, простите. Еще недолго, и вы наконец придете туда же. Приходите скорей, настигайте нас; ожидаем вас там, ожидаем, что и вы придете к нам». Так кончающийся беседует с нами, предстоящими, и внезапно язык связывается, глаза изменяются, ум

покидает, уста умолкают, голос прерывается. «Молитесь, чтобы с миром отошла душа его; просите, чтобы дано ему было место упокоения; припадите с молением, чтобы иметь ему человеколюбивых Ангелов; припадите с молением, чтобы обрести ему Судию снисходительным... Молитесь, потому что он теперь в великом борении»[1].

В четверть шестого часа утра умирающий Старец сказал предстоявшим келейным: «Что-то мне неловко сидеть; экая это комиссия!» И просил, его поправить; когда же поправили ему подушки, он спросил: «Что теперь, хорошо ли?» Ему сказали, что хорошо, и просили его уснуть, говоря так: «Батюшка родимый, усните, вы всю ночь провели без сна». Это было около половины шестого утра; роковая минута приблизилась, время подвига кончилось...

Истомившийся многострадалец, как всегдашний истинный послушник, за послушание сложил опухшие руки свои на грудь и глаза закрыл; перебирая чётки, стал тихо засыпать. И, немного склонивши голову направо, редко стал дышать. С минуту было редкое и тихое его дыхание, потом оно приостановилось, чрез полминуты, еще раз дохнул тихо — и едва заметно было это его дыхание. Оно — последнее!.. Он испустил дух, предавши его в руце Господу. Безсмертная душа его оставила болезненную, телесную свою храмину. Кончились бесчисленные его страдания. Он уснул, почивши после

[1] Св. Ефрем Сирин. Слово на почивших о Христе. М., 1850. Ч. 4. С. 265–270.

бессонных ночей безмятежным, непробудным сном — до общего Воскресения: **Вѣ́рꙋю ви́дѣти бла̑га́я Госпо́дня на земли́ живы́хъ** (Пс. 26, 13).

«Ангел смерти... великий страх поселил во мне, — говорит от лица умирающего святой Ефрем Сирин, — в содрогание привел душу и тело, потому что начал отделять во мне кость от кости. Отделил член от члена и душу от спутника ее — тела; совлек с нее плотяную ткань, свил ее и унес. Порвал струны на цевнице, и умолк звук ее; с корнем вырвал древо жизни... Замкнул уста для слова, изъял свет из очей; мгновенно угас светильник»[1]. И ещё из святого Ефрема Сирина: «Великое дело видеть, как душа разлучается с телом. Велик час этой необходимой для всех минуты, когда голос изнемогает, когда язык не в состоянии чисто выговорить слово. Туда и сюда непрестанно обращаем мы взоры и не узнаем стоящих пред нами... А если и узнаем, то не можем побеседовать с ними... В этот час... ничто не занимает нас, кроме заботы о наших грехах и о том, как предстанем пред Судией; что скажем в свое оправдание...»[2]

«Во время смерти предстоит великий страх всем грешникам. Напротив того, час разлучения доставляет радость всем святым, всем праведным, всем подвижникам... Праведные, святые и подвижники веселятся в час смерти и разлучения, имея пред очами своими великий

---

[1] Св. Ефрем Сирин. Плач умирающего отца. М., 1851. Ч. 6. С. 83.

[2] Св. Ефрем Сирин. О суете жизни и о покаянии. Творения Святых Отцев. XVI. 11, 12.

труд своего подвижничества, бдения, молитвы, поста, слезы, болезни. Душа их ликовствует, потому что по разлучении с телом своим желает войти в покой»[1].

То́й у́мрет в си́ле простоты́ своея́, всеце́л же благоду́шествуяй и благоуспева́яй, утро́ба же его испо́лнена ту́ка, мо́зг же его разлива́ется (Иов. 21, 23–24). «Неизъяснимо удовольствие той души, которая с уверенностию разлучается с телом и скидает оное, как одежду. Ибо так как она достигла уже уповаемых благ, то оставляет его без горести; спокойно вручает себя свыше пришедшему светлому и кроткому Ангелу»[2].

«Желая скончатися, блаженный Иларион Великий чистым умом глагола: изыди, душе моя, что боишися? изыди, что смущаешися? Осьмьдесят лет служила еси Христу, и смерти боишися! В тех словесех предаде дух свой Богу»[3].

Многоболезненный страдалец, пространдавши год восемь месяцев, окончил трудный подвиг тяжких болезней своих, сидя в креслах, на которых безсменно просидел 29 суток. Скончался он в белом балахоне, прикрытый белым покрывалом по пояс. И в этом сидящем положении своем походил более на уснувшего, чем на бездыханного человека. Голова его несколько склонилась вниз, на правую сторону, лицо его светло и покойно, с улыбкой на устах, глаза

[1] Его же. О сердечном сокрушении М., 1848. Ч. 1. С. 273, 274.

[2] Преп. Феогност. Главы о деятельности и созерцании. Гл. 60. «Христианское чтение». 1826. XXIII. С. 164.

[3] Четьи-Минеи. Окт., 21.

еще им самим были закрыты, также и руки им самим сложены на груди и держали чётки. Тотчас по кончине отпели по нем литию и канон по исходе души от тела, с припевами: «Покой, Господи, душу усопшаго раба Твоего», и прочие заупокойные стихи с «надгробным рыданием, творяще песнь: аллилуиа». Отслужив канон, подходили к нему, сидящему, испрашивали у него благословение, как у живого, и целовали его теплую руку и голову.

Многотрудное и изболевшееся страдальческое тело сняли с кресла и, опрятавши по обычаю монашескому, облекли во святую схиму и во всё одеяние, заранее им самим назначенное; с болью сердца положили покойного на стол в той же келлии, в которой страдал он и доблестно окончил страдальческий свой подвиг. Начались по нем непрерывные панихиды сменявшимися иеромонахами. Проведав о скончании Старца, вскоре пришли отец Игумен с отцом архимандритом Ювеналием отслужить панихиду. Отец Игумен соборне с скитскими и монастырскими четырьмя иеромонахами отслужил панихиду, а отец архимандрит Ювеналий, соразделяя общую скорбь, молча присутствовал при неостывшем еще теле новопреставленного, которое окружали собравшиеся скитяне и многие из монастырских братий.

Троекратная печальная повестка скитского и монастырского колокола оповестила и всех обитателей Оптиной, что не стало Старца. Тогда келлии усопшего стали наполняться монашествующими и мирскими, спешившими к без-

дыханному телу его отслушать панихиду и помолиться о упокоении души почившего. Все лица обоего пола допускались в Скит без исключения. Плач и рыдания слышались до позднего вечера; духовные дети, осиротевши, оплакивали своего Старца, руководителя и опытного наставника. В четвертом часу пополудни, при полном собрании скитян к почившему Начальнику была отслужена по нем панихида, положено многотрудное тело его во гроб и вынесено в скитскую Предтечеву церковь, где тоже начались неумолкаемые панихиды и продолжались они до десяти часов вечера.

На 19 сентября были в Ските вечерня, утреня и ранняя в этот день заупокойная Литургия. После оной Литургии отцом Игуменом с четырьмя иеромонахами и двумя иеродиаконами была отслужена в Ските по Старце панихида. С этого дня начались и в продолжение сорока дней ежедневно служились в Ските и в монастыре заупокойные по нем Литургии.

В монастыре служилась особая заупокойная Литургия по Старце, первая ранняя в четыре часа, и после Литургии служились всегда панихиды и священнослужители выходили на его могилу пропеть литию.

Заупокойную Литургию в монастыре в продолжение 40 дней ежедневно отправлял прежний казначей, заслуженный и достоблаженный старец, иеросхимонах Савва, духовный сын почившего. Питая всегда глубокое уважение и любовь к покойному, отец Савва, несмотря на преклонность своих лет, собравши старчески

слабые, последние силы, пожелал выразить этим усердную признательность и любовь к духовному своему отцу. К вечеру того же 19-го числа прибыли многие сестры Белевского монастыря, а матушка игумения Павлина прибыла в день кончины Старца, в десятом часу утра.

На двадцатое число, в среду, были в Ските вечерня, затем бдение. Вся скитская церковь наполнилась монашествующими и мирскими — собрались по чувству любви и усердия отдать последний долг усопшему своему Старцу, наставнику и благодетелю духовному, проститься с ним и проводить его к месту блаженного его упокоения. В монастыре тоже было свое бдение. После бдения в Ските духовные чада почившего служили всю ночь над ним непрерывные панихиды до четырех часов утра, пропето было ими двенадцать панихид. Двадцатого сентября, в четверг, в день погребения, в 5 часов утра была совершена в Ските соборная, заупокойная Литургия; служили три иеромонаха. По окончании Литургии отцом архимандритом Ювеналием с шестью иеромонахами отслужена была соборная панихида. После панихиды, при заунывном перезвоне скитских колоколов, последовал вынос усопшего Старца из Скита в монастырь, к поздней Литургии и отпеванию.

Весь путь от Скита до северных врат монастырских (мимо деревянных гостиниц), сплошной массой стоял народ. На всем пути до монастырского Введенского соборного храма шесть раз останавливалось шествие для пения литии;

у северных монастырских врат печальное шествие встречали Тихоновский благочинный отец архимандрит Моисей, два игумена: отец игумен Исаакий и из Жебыни (живущий там на покое) отец игумен Иона с шестью иеромонахами и братиею Оптиной обители.

В восемь часов началась в соборе поздняя Литургия, которую совершал отец архимандрит Моисей, в сослужении двух игуменов и шести иеромонахов. На отпевание выходили два архимандрита: отец архимандрит Моисей и отец архимандрит Ювеналий; два игумена, шестнадцать иеромонахов и два иеродиакона (скитские и монастырские). Соборная церковь, полная народа, освещалась люстрой и праздничными большими свечами. И всем присутствующим при отпевании были розданы свечи. По окончании отпевания началось трогательное прощание с усопшим Старцем. Сперва подходила своя братия, потом подходили и все прочие, бывшие в храме — монашествующие и мирские, прощались с отошедшим на вечный покой.

Многотрудное тело почившего нашего Старца предали погребению в монастыре, с правой стороны, против часовни батюшки отца Макария, в особом уготованном склепе. Между ними только проход, разделяющий священные их могилы.

По погребении в память Старца в монастырской трапезе был общий обед. Для монахов обед устроили на гостинице, там же для них был и общий чай; некоторые лица званы

на обед к отцу Игумену. Для нищей братии составили особый обед, на 20 человек, с денежной раздачей. В девятый, двадцатый и сороковой день служили соборные Литургии и панихиды.

Дорогая для нас священная могила Старца осеняется крестом с Распятием Спасителя, освещается неугасимою лампадою, хранит нам страдальческие останки, как некое духовное сокровище и влечет к себе, как к месту живу. Горестное чувство грусти и скорби по отшедшем наставнике наполняет наши сердца. Не умаляется скорбь и проходящими днями — всё также неутешно скорбим мы и сетуем о нашей всегдашней разлуке с ним. В молитвах наших о нем мы находим лишь малую отраду для духа; скорбь же свою мы можем только чувствовать, не передавая словами — так она чувствительна и глубока. Утешает разве то, что в честь Ангела покойного нашего Старца, для всегдашнего о нем молитвенного памятования, будем мы иметь при новой монастырской братской больнице церковь во имя преподобного Илариона. Сам покойный Старец весьма сочувствовал построению братской больницы, поддерживал эту мысль своим соучастием. Даже и при последних днях своей притружденной жизни озабочивался он о приведении сей мысли в исполнение. И вот давнее желание покойного Старца и всего о Христе Оптинского братства к общему утешению и во славу Божию будет исполнено — построится больница, а при ней церковь во имя преподобного

Илариона в молитвенную память многоболезненного страдальца, незабвенного нашего Старца, батюшки отца Илариона. Этот священный памятник будет вечный для его души. **Дꙋша же єго во благи́хъ водвори́тся** (Пс. 24, 13). Над местом же телесного его упокоения поставится чугунная часовня, подобная той, что видна на месте упокоения старца, батюшки отца Макария.

Главный же памятник для покойного Старца — его многолетние молитвенные труды в обители и многоболезненные телесные его страдания, за которые Господь Бог несомненно увенчает его венцом Небесным.

Ему же и от нас да будет слава, честь и держава, во веки веков. Аминь.

«Смерть мужу — покой» — сказал праведный Иов (3, 23). Почившему же Старцу наипаче нужен покой вечный, и мы умильно вопием о нем к Богу: «Упокой его Господи! Со святыми упокой!»

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

Дни памяти почившего Старца

День рождения и Ангела мирского его имени Иродиона. —	*8 апреля.*
День пострижения в мантию —	*13 августа 1849 года.*
День Ангела в монашестве —	*21 октября.*
Пострижение в схиму —	*9 марта 1872 года.*
День блаженной кончины —	*18 сентября 1873 года, во вторник, в половине шестого часа утра.*

Сообщив Вам подробное описание о почившем нашем отце, мы уверены, что и Вы, по духовной любви Вашей к почившему, прочтя наши о нем скудные строки, будете всегда памятовать о нем, в святых Ваших молитвах, а также и о писавшем сии строки, многогрешном м. Порфирии, тоже помолитесь...

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

НАДГРОБНЫЙ ПЛАЧ

Над мéртвым плáчися, изчезé бó свéт: сладчáе плáчися над мéртвым, яко почúл есть

(Сирах. 22, 9–10).

Надгробное рыдание творяще песнь: Аллилуиа.

Сéющии слезáми, рáдостию пóжнут. Ходящии хождáху и плáкахуся, метáюще сéмена своя, грядýще же приидут рáдостию, взéмлюще рукояти своя

(Пс. 125, 5–6).

Пролию пред Ним молéние мое, печáль мою пред Ним возвещý.

(Пс. 141, 3).

Приидите, последнее целование дадим, братие, умершему, умоляюще о нем Бога: оставляет он нас и ко гробу тщится, не печется более о суетных, отцы и братие! се разлучаемся с ним, упокоити его, Господу помолимся!

Какое разлучение, о братие! Какое рыдание в настоящем часе! Приидите и целуйте бывшаго вмале с нами: предается он гробу, с мертвыми погребается и всех нас ныне разлучается, упокоити его Господу помолимся.

Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть, и вижу во гробе лежащую по образу Божию созданную нашу красоту, беззрачну, безславну, не имущую вида. О чудесе! что сие еже о нас бысть таинство! Како предахомся тлению, и припрягохомся смерти? Воистину Бога повелением, якоже писано есть, подающаго преставлшемуся упокоение!

Обольемся все слезами, когда видим пред собою почившаго, и приближившеся все целовати, ровно же и сия привещава́ти: се оставил еси любящия тя, не глаголеши с нами прочее, о отче! чесо ради не глаголеше, якоже глаголал еси нам? но сице молчиши, еже глаголати с нами: Аллилуиа...

Се ныне видим лежаща, но нам к тому не предлежаща: се уже́ и язык умолче́, се уже и устне престаша: здравствуйте друзи, чада: спасайтеся братие! спасайтеся знаемые! аз бо в путь мой шествую; но память творите о мне с песнию: Аллилуиа...

Воспоминаю вам, братие мои, и чада, и друзья мои, не забывайте меня, когда молитесь ко Господу: молю, прошу, и с умилением взываю, навыкайте сим в памяти, и плачите меня день и нощь, якоже Иов, к друзьям, реку к вам: седите паки рещи: Аллилуиа...

Се лежу, возлюбленные мои братие, посреде всех молчалив и безгласен: уста упраздни-

шася, язык преста, и устне препяшася; руце связастеся, и нозе сплетостеся; зрак изменися, очи угасосте и не видят рыдающих; слух не приемлет печалующих вопль; нос не обоняет кадильнаго благовония: истинная же любовь никогда же умерщвляется.

Темже молю всех знаемых и другов моих, помянайте меня пред Господом, яко да в день судный обрящу милость на Судищи оном Страшном.

Спасайтесь, отцы и братие, спасайтесь все друзи: сродницы же и чада: в путь бо иду, имже никогда же шествовах, но приидите помянувши мою к вам любовь, последуйте, и гробу предадите тело мое, и имущаго судите смиренную мою душу, со слезами Христа молите, яко да огня измет мя негасимаго.

Духовные мои братие и спостницы, не забудьте меня, когда молитесь, но зряще мой гроб, поминайте мою любовь и молите Христа, да учинит дух мой с праведными.

Образ есмь неизреченныя Твоея Славы, аще и язвы ношу прегрешений, ущедри Твое создание, Владыко, и очисти Твоим благоутробием, и возжеленное отечество подаждь ми, рая́ паки жителя мя сотворяя.

Тебе, благодетелю, и всех Владыце Христу, припадаем со слезами тепле, надгробную

сию с плачем взывающе песнь: вернаго раба Твоего упокой, яко благоутробен.

Не забывай вопиющих Тебе с плачем прилежно, Святая Богородице, всех упокоение, обрести благая верному Твоему рабу, от нас преставлшемуся.

Присномятежное море жития претек, к Твоему пристанищу притече́ верою преставивыйся, но во Твоей тихости и присноживотной сладости, со святыми наставляяй его, упокой Христе душу раба Твоего.

Душа моя тужит, и очи мои желают слез. Кто даст главе моей воду, и очесем моим источник слез? И плачуся непрестанно день и нощь, да ослабу прииму болезни сердца моего. «Велию соделовает печаль, и смущение и сокрушение сердца, разлучение между любящими. Яко тяжко есть разлучатися душе с телом, тако любимому от любящаго: понеже по общему разумению, душа паче тамо живет, идеже любит, нежели тамо, идеже оживляет. Печальное и слезное разлучение бывает между любящим, а наипаче в то время, егда сицевое бывает разлучение, яко друг друга к телу видети невозможно. Всякое разлучение между любящим печаль соделовает, паче же всех смерть. Не что иное бо смерть есть, токмо разлучение души от тела, и от другов, и от всех, с которыми обращение бывает. «О, коль болезненно любящим разлучение сие смертное!..» — пишет

святой Димитрий Ростовский[1]. «Что ни говорите сердцу, а ему сродно горевать о потере близких; как ни удерживайте слезы, а они невольно струятся ручьем над могилой, в которой сокрыт родственный, драгоценный прах. Правда, слезами не возвратить того, что взято могилой, но потому-то и слезы струятся ручьем, что возврата нет из могилы.... Сам Спаситель, до конца претерпевший Свои неописанно тяжкие страдания на Кресте, над прахом друга Своего Лазаря возмутился духом и прослезился»[2].

Многие примеры видим в Священном Писании и в Житиях Святых оплакивания своих умерших. А нам, немощным людям, кольми паче свойственно есть оплакивать близких усопших; однако ж, эта скорбь должна иметь границы и слезы наши должны иметь свою меру, но не так, как у тех, о которых говорит Апостол: **Якоже и прочие неимущии упования** (1 Сол. 4, 13).

Да и не только людям сродна слезная печаль и сетование о разлуке с почившими, но и бессловесные животные оплакивали подобно людям разлуку свою с человеком, к которому имели признательность и которого навсегда лишались.

Трогательное повествование о сем сообщает святитель Димитрий Ростовский в житии преподобного Герасима Иорданского[3]. Даже самые

---

[1] Святой Димитрий, митрополит Ростовский. Творения. Ч. 5, слово на поминовение. С. 111.

[2] Утешение в смерти близких сердцу. Протоиерея Добронравина. Изд. 4-е. Спб., 1872.

[3] Четьи-Минеи, 4 марта. (Эта повесть предлагается в конце Описания.)

воспоминания о почивших близких нам людях бывают для нас отрадны и утешительны, и самые те места, в коих обитали они, будут напоминать о бывшем радостном утешении и извлекать из ней признательную слезу; ибо радость любезна — бывает слезна. Так бывало и в древности: обитель, в которой обитал великий старец, многие благоговеющие посещали, а ученики старца, по кончине его, пересказывали посетителям: на сем месте отец наш с приходящими всегда беседовал, здесь он сиживал и читывал, здесь молился, а здесь трапезовал; вот в этом месте уединялся он для богомыслия, а в этом принимал весьма краткий покой. И прочее, и прочее; а посетители с благоговением всё это слушали, удивлялись и плакали; ибо в разлуке и это служит немалым утешением.

«Егда же преподобный авва Герасим ко Господу отъиде и от Отец погребен бысть, по смотрению Божию лев (яже служаше Преподобному более пяти лет) не обретеся тогда в Лавре и по малем времени прииде, и искаше Старца своего. Авва же Савватий и ученик аввы Герасима, видев льва, глагола к нему: Иордане (иже бе имя тому льву, нареченное Преподобным), Старец наш остави нас осиротелых, и ко Господу отъиде! И даяше ему пищу, глаголя, возми и яждь: лев же не хотяше прияти пищи, но часто семо и овамо смотря, и своего Старца лица́, рыкаша вельми скорбящи. Авва же Савватий и прочии старцы, поглаждующе его по хребту, глаголаху: отъиде Старец ко Господу,

оставив нас; но тако глаголюще, не можаху того уставити от вопля и рыкания: и елико они словесы своими утешити его мняху, толико он паче рыдаше, и подвизаше бóльший вопль рыкая, и изменяя гласы, и лицем и очесы являя печаль свою, юже имеяше, не видя Старца. Тогда глагола ему авва Савватий: «Аще не имаши нам веры, пойди с нами, и покажем ти место, идеже лежит Старец. И поемши его, веде на гроб, идеже Преподобный бе погребен. Отстояше же гроб от церкви, яко пять ступеней ножных, и став авва Савватий верху гроба Преподобнаго, глагола ко льву: се здесь Старец наш погребен есть, и преклонь колена верху гроба старча, авва Савватий плакаше. Лев же сия слышав, и видев плачуща Савватия, ударяше и той главою о землю, рыкая зело. Таже рыкнув вельми, издше абие верху гроба Старча»[1].

---

[1] Четьи-Минеи, 4 марта. Житие преподобного Герасима Иорданского.

Прибавления

Прибавление I. *К с. 655.*

Письмо настоятеля Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря, отца архимандрита Леонида (Кавелина) к старцу иеросхимонаху о. Илариону

Достопочтеннейший и возлюбленный
о Господе, батюшка отец Иларион!

Письмо твое от 23 августа получил я 26-го. Не буду уверять, колико оно преогорчило меня своим содержанием — ведает сие Сердцеведец Господь.

Итак, прости, честный отче, прости, возлюбленный ми о Христе брате. Блажен путь в оньже идешь... яко уготовася Тебе место покоя; верю сему преискренне, ибо Ты честно и усердно послужил общему нашему Отцу[1] и Благодетелю душ наших, честно послужил нашему мирному пребыванию — Скиту святого Иоанна Предтечи Господня.

---

[1] Старцу батюшке отцу Макарию, у которого о. Иларион был во все время келейником до самой кончины о. Макария.

Плачу и рыдаю заочно со всеми теми, которые теряют в тебе, подобно мне, духовного отца и собеседника, иные опытного и любвеобильного наставника, другие попечительного о нуждах их промыслителя! Прости, брате и друже многолюбимый, и аще стяжеши милость от Многомилостивого нашего Господа, помяни мое недостоинство во своих святых молитвах к Нему; я же, многогрешный и недостойный, как не оставлял выну поминать твое честное имя в своих грешных молитвах, так и впредь, по долгу дружбы и любви к тебе, не оставлю и по отшествию твоем молить Господа о упокоении души твоей в обителях Отца Светов.

Твой духовный друг и брат,
многогрешный

ар[химандрит] Леонид

Новый Иерусалим
28 августа 1873 года.

Примечание. Отец архимандрит Леонид (Кавелин) полагал начало монашества и жил до степени иеромонаха в Оптином Скиту под старчеством отца Макария.

Прибавление II. *К с. 655.*

23 сентября 1872 года посетила наш Оптинский Скит общая скорбь: в четверть девятого часа утра, тотчас по отходе в Ските ранней обедни, скончался наш скитский иеромонах отец Иларий. Со вторника он слёг в постель,

от простуды приключилась ему тифозная горячка, а в пятницу предсмертный последовал удар. Пожелал он сообщиться Святых Христовых Таин; по сообщении было совершено над ним Таинство святого Елеосвящения и была прочтена ему отходная молитва. На другой день, в субботу, предал дух свой Богу, проживши в монашестве около сорока лет.

Оставил Скиту по себе память детской простоты, простосердечия и приветливости. Скитская братия любили о. Илария за его простоту и сердечно жалеют о разлуке с почившим, такой неожиданной и скорой.

Отец Иларий происходил из козельских купеческих детей, поступил в Скит в марте 1835 года, определен туда 14 июня 1846 года. Был несколько лет келейником у батюшки отца Макария. Пострижен 29 июня 1852 года, посвящен: во иеродиакона 16 июня 1855 года, во иеромонаха — 13 августа 1862 года.

По назначении отца Илариона в Скитоначальники, перешел в соборную келлию. В 1863 году назначен в помощники монастырского духовника. Скончался 23 сентября 1872 года, на 65-м году от рождения. Похоронили его 25 сентября, на скитском кладбище, между Распятием, сбоку схимонаха Вассиана. Вечная ему память.

Прибавление III. *К с. 662.*

Александр Николаевич Лихарев, помещик Рязанской, Тульской и Симбирской губерний.

Воспитывался в Пажеском корпусе; был на службе в гвардии и после того в должности Каширского предводителя дворянства. По прибытии в Оптину Пустынь жил до поступления в Скит около года на монастырской гостинице, вместе с женою своею, Надеждою Сергеевною.

Шестого ноября 1869 года поступил он к нам в Скит на жительство, в число братства, а супруга сперва поступила в Орловский девичий монастырь, а потом в апреле 1870 года перешла в Белевский монастырь. Во все время пребывания своего в обители Александр Николаевич, при тучности тела, страдал легкою водяною болезнию, а между тем всегда нудился к исполнению положенных правил скитских.

В последних числах января 1873 года, ездивши в Белев, простудился и заболел и в болезни, согласно его желанию, был пострижен в мантию 9 февраля того же 1873 года. А 12 февраля особорован святым елеем и до самой кончины своей каждочасно приготовлялся к смерти и часто приобщался Святых Христовых Таин. Пятого же марта пополудни, в час, тихо и мирно скончался, а 7 марта, после Преждеосвященной Литургии, похоронен на скитском кладбище, по его избранию, под большой липой. Положена над ним большая чугунная плита.

Во время келейного пострижения его в мантию духовником, отцом Памвою, сказывал Александр Николаевич, что видел поодаль себя на ручке кресла сидящих двух бесят, в образе красивых мальчика с девочкой, с печальными

лицами, и просил покропить святою водою, чтобы прогнать сидевших. Но их, кроме его одного, никто не видал, а потому удивлялись, не знавши причины его прошения, пока он не объяснил. Видение это продолжалось до чтения Евангелия — тогда они исчезли.

О видении этом духовник отца Александра, больной старец о. Иларион сделал такое заключение, что оно обозначает грехи, в которых он не принес еще покаяния. Советовал ему припомнить, не осталось ли чего-нибудь у него, по забвению. Отец Александр, последуя совету Старца, перебирая в памяти, действительно нашел забытые грехи и в них покаялся. Вечная да будет память почившему в блаженном его успении!

Прибавление IV. ***К с. 649, 656.***

Келейными почившего Старца были: монах отец Николай (Фуфаев), впоследствии, при пострижении в мантию, нареченный Нестором, в продолжение восьми лет и трех месяцев служивший Старцу до самой его блаженной кончины; и помощник его, монах отец Филипп, в мантии названный Филаретом, год и два месяца пробывший при последних его страданиях; а также мантийный монах отец Порфирий, восемь лет занимавшийся у Старца письменными делами.

29 сентября 1867 г.

Письмо Н. Розен, духовной дочери Старца

Милая и дорогая N. N.

Не могу выдержать, чтобы не написать Вам о том впечатлении, которое произвело на меня посещение Оптиной Пустыни! Никогда в жизни моей не провела таких дней.

После Вашего отъезда, в тот же день, в 2 часа отправились мы в Скит. Батюшка позвал меня первую и беседовал со мною более двух часов; на другой день исповедовалась тоже более двух часов и вышла от него совершенно перерожденная. Найти в человеке столько доброты, участия, ласки — никогда не думала я, чтобы подобные люди могли быть на земле. Я открыла ему всю душу свою, он назвал меня своею дочерью — и я люблю его теперь более всех на земле; все другие мои привязанности земные обратились в прах. Чтобы быть достойной называться его дочерью, готова на все жертвы, на все испытания в жизни; душа моя узнала, что такое духовная радость! Я пробыла в Пустыни три дня, долее, чем предполагала — не в силах была уехать. И остальные дни была осчастливлена беседой с ним два раза в день. Он мне позволил быть у него после ранней обедни и в два часа и всякий раз не только позволял говорить с ним сколько хочу, но даже вызывал на откровенность. Да, это не человек, а Ангел во плоти; что за терпение, что за кротость, что за любовь к человече-

ству! Можно только удивляться и молиться. Я счастлива и покойна — и это состояние души продолжается до сих пор; берегу я это чувство, как скупой золото.

Приехала домой — жизнь приняла обыденный порядок, но присутствую я здесь только телом: душа моя, все мысли — там. Позволил мне писать к нему, и сегодня отправила письмо. Теперь живу одною мыслию — опять побывать там. Получила разрешение поехать туда по первому пути (муж мой тоже сбирается ехать со мной).

Если бы в моей воле было, я бы собрала всех, кого только знаю, и повезла бы туда. Мне кажется, кто там хоть раз был и ощутил эту радость — не может остаться дурным человеком. Я смеялась над Вами, что Вы проливали столько слез; я сама ревела, прощаясь с Батюшкой, и до сих пор не могу вспомнить о нем без слез...

Счастливы Вы, что так близко живете от такого святого места. Вы не можете представить, как я благодарю судьбу, что встретила Вас там; Вы мне дали случай познакомиться с Батюшкой. Он Вас (обоих) очень любит и много о Вас говорил со мною; по милости Вашей и меня приютил.

(Помучились мы на порядках, возвращаясь домой — дожди и грязь, так, что в Серпухове решилась бросить экипаж и приехала домой по железной дороге...)

Прошу Вас, хоть и редко, пишите ко мне, всегда рада буду иметь о Вас известие, да к

тому же Вы ближе, чем я, к Обители, более имеете там знакомых.

Меня ужасно тревожит здоровье Батюшки. Ну как он занеможет, а я, живя вдали, и не узнаю об этом. Милая N., дайте мне слово, что если Вы узнаете что-нибудь неблагополучное, чего сохрани Бог, то тотчас напишете мне — я всё брошу и приеду!

ИНОКУ СВЯТЫЯ АФОНСКИЯ ГОРЫ ПОКАЗАНО В БЫВШЕМ ЕМУ ВИДЕНИИ, ЧТО МОЛИТВАМИ БОЖИЕЙ МАТЕРИ ДУШИ УМЕРШИХ ПРЕХОДЯТ СВОБОДНО ЧРЕЗ ПРОПАСТЬ, НАХОДЯЩУЮСЯ ПРЕД ВХОДОМ В НЕБЕСНЫЯ ОБИТЕЛИ

Один благочестивый инок Святыя Афонския Горы, который по смирению не называет себя по имени, описывает о себе следующее бывшее ему видение. Седьмого марта 1854 года, вставши в полночь, чтобы идти к утрени, и пришедши в церковь, когда братия читала полунощницу, стал я в форме на свое место и размышлял, как Спаситель наш пришел в мір сей и, воплотившись от Пресвятыя Приснодевы Марии, принял столько трудов из любви к нам, человекам.

Находясь в сих мыслях, пришел в столь сильное умиление, что слезы, как ключи воды, текли из глаз моих. Причем, читая умствен-

ную молитву Иисусову: **Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя,** пришел в бо́льшее еще умиление, а любовь к Богу пылала в сердце моем, как огнь. В это время вижу я лестницу, которой один конец начинался в моем сердце, а другой досягал до небес. И хотя видел церковь и братию, читавших правило утреннее, но молиться не мог, и, опустивши в форме доску, сел на оную. В ту минуту ничего я уже не видел внешнего, ни церкви, ни братии, а видел прекрасный луч, освещенный столь лучезарным светом, что, казалось, он происходил как бы от многих солнцев, причем луч сей испещрен был цветами необыкновенной красоты. Смотря с удивлением на сей луч, которому подобного никогда не видал, и не постигая, как зашел на оный, увидел на нем множество мужей, кои все были в монашеском одеянии, но не в черном, а в светло-злато-сияющем белом одеянии, и на главах их были венцы, сияющие необыкновенною красотою.

Идя по сему лугу, увидел я другое собрание: тут все были молодые, и одеяния на них были воинские. Когда я подошел к ним ближе, они отошли от меня и говорили между собою как бы в один голос: кто из нас желает взять этого брата и довести до Царя? Тогда один из них, Воин, как бы полководец, величественного и могущественного вида, превосходивший всех славою и светом, как бы луна между звездами, сказал: «Я возьму его и провожу». И назвал меня по имени. «Вы знаете, — продолжал он, — как он любит меня и молится мне, и что

много раз я ходатайствовал у Царя за эту душу». Услышавши это, я подумал, кто таков этот Воин, которому подобного в красоте и величии никогда не видал, и как он знает мое имя? Тогда Воин, приблизившись ко мне, сказал: «Брат, — и назвал меня по имени, — я знаю, что ты любишь Царя и меня любишь, а потому я и провожу тебя к Нему». На что я отвечал ему, что я недостоин видеть Царя и какой это Царь, о котором он говорит. «Ты спрашиваешь, — сказал Воин, — какой это Царь, а между тем, не зная Его, любишь, а также любишь и меня, хотя и меня не знаешь, а потому и должен идти со мною к Царю».

Не находя слов отвечать ему, я пошел за ним по тому лугу, который видел, и думал, какой это воин, который так меня любит и так много для меня делает? И хотел спросить его имя, но совестился и думал, что узнаю после, спустя немного времени. Окончился этот луг, направо коего увидел я две высокие стены и посреди них весьма узкую дорогу. Воин пошел по этой дороге прямо, а я боялся. Заметя это, он остановился и сказал: «Брат! Для чего ты боишься идти за мною? Знай, что этот страх происходит от того, что ты не творишь Иисусовой молитвы: **Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя,** которую всякий христианин должен творить при каждом своем дыхании». Услыша это, я начал умственно читать сию молитву, и вдруг разлилось в душе моей великое умиление. И сама молитва начала изливаться от души моей, и сделалось мне не толь-

ко мирно и спокойно, но и сердце мое начало пылать и гореть любовию к Богу, почему и весь страх и боязнь совершенно от меня отошли. Тогда Воин, остановясь, сказал: «Брат, вижу что ты теперь спокойнее. Если хочешь иметь всегда мир, какой имеешь теперь, не должен быть ленивым, но часто творить молитву Иисусову. И каждый человек, который хранит сию молитву, очищается душой от всякого греха и вкушает сладость любви Божией, как и ты теперь несколько вкусил оной, но доселе обленился и оставил совершенно сию молитву. Почему и приказываю никогда не оставлять её и каждый вечер исповедовать духовнику все помыслы хорошие и нехорошие». Сказав это, он пошел прямо по узкой дороге, а за ним последовал и я. Когда мы дошли до средины дороги, увидел я на верху стены большой Крест. Дошедши до Креста, Воин, остановясь пред ним, осенил себя троекратно знамением Святаго Креста и, поклонившись три раза Кресту, сказал тропарь: **Крестꙋ Твоемꙋ покланяемся, Владыко, и Святое Воскресение Твое славим.** По учинении сего он сказал мне, чтобы и я делал то же, что он делает. И после сего пошел далее.

Продолжая путь, вскоре пришли к концу дороги, на краю коей увидел я великую пропасть, которая не имела конца и пределов со всех сторон, а внизу оной была темная бездна. Смотря на эту пропасть, увидел в чрезвычайной дали высокие горы, досягающие неба, и чрез сию пропасть как бы мост, состоящий из

одной узкой круглой жерди, не более как кругом только в одну четверть, и укрепленную одним концом в конец дороги, а другим досязающую до горы и колеблющуюся как бы древесный лист от сильного ветра. Видя, что Воин намеревается идти прямо по этой жерди, я смотрел по правую и по левую сторону, ища прохода безопаснее этой жерди. Заметив это, Воин упрекнул меня, что я не творю молитвы и от этого я опять смутился и пришел в страх. И когда я подал ему правую руку, мы пошли по жерди, которая колебалась под нами, как нить, отчего я, пришедши опять в смущение, не мог идти далее. Воин, посмотрев на меня, сказал: «Брат, здесь надобно призывать Имя Матери Божией, Она здесь много помогает!» Услышав это, я в тоже время начал взывать: «Пресвятая Богородица, помоги мне!» И вдруг боязнь, которую я чувствовал, удалилась, и я пошел за Воином безбоязненно. Спустя немного пропасть эта кончилась и мы достигли какого-то города. Здесь Воин остановился и сказал: «Брат! Теперь мы прошли уже все опасности!» Я, смотря на город и видев в нем множество растущих дерёв, похожих на масличные, думал: для кого так много растет этих дерёв? При входе в город Воин хотел оставить мою руку, но я не хотел выпустить её из его руки, и от великой любви, которую ощущал к нему, удерживал его руку. Когда мы дошли до средины города и средины горы и немного остановились, я, смотря вокруг себя во все стороны, увидел пред собою большую гору, по

которой мы и пошли далее. Взойдя на верх горы, увидел я большие врата, отворенные на Восток.

Воин, осенив себя троекратно знамением Святаго Креста и приказав мне сделать то же, пошел во врата, а за ним и я последовал. При вступлении во врата увидел я поле, которому конца не было видно, но подобно небу расстилавшееся в безконечность. Лучезарный Свет в сем поле был так силен, что, казалось, оно освещено было многими солнцами. Самая красота поля и цветов, коими оно было испещрено и устлано, превосходила не только всё доселе мною виденное, но и ум человеческий не может вообразить подобных красот. Когда я, всё это видя, помышлял, что желал бы навсегда остаться в сих местах, Воин сказал: «Брат! Ты думаешь, что желал бы здесь остаться, но тебе должно увидеть еще и другие страны, несравненно лучше этих, и потом увидеть и Самого Царя».

Когда опять пошли мы далее, увидел я большое собрание мужей, число коих было так велико, что глаз не мог обозреть безчисленность оных. Они все были в монашеских одеяниях, но одежды их были не черные, а светлые. И на главах венцы, и лица их сияли как солнце. Они все говорили Воину: «Радуйся, святый великомученик Георгий! Благо, что пришел сюда». —«Радуйтеся и вы, — отвечал святый Георгий, — и радуюсь видѐть вас, угодники Божии!» — «Святый Георгий! — сказали они ему, — ты споручник и попечитель этой души.

Этот монах прежде был хорош, а теперь стал ленив к молитве». И смотря на меня, сказали: «Брат! — и назвали меня по имени, — как случилось, что ты прежде был усерден, а теперь стал ленив? Ты хорошо знаешь, что, если человек живет на земле и сто лет и наслаждается всеми благами роскоши, пресыщения и удовольствия, не заботясь о душе своей, придет час или минута смерти, когда адская пропасть поглотит всех живущих в нерадении и лености, ходящих по воле сердец своих и пребывающих без покаяния, как ты пребываешь в лени. Рассмотри, как ты прежде был высок и с какой высоты ниспал и сделался недостойным пребывать в сих местах Царствия Небесного, в которых мы обитаем». Потом, обратясь к святому Георгию, сказали: «Георгий, возлюбленный Христа, сопутствуй душе этой и доведи её до Царя, и мы будем заботиться и молиться о ней».

После этого мы пошли полем, тогда я вспомнил, как путеводитель мой в первом поле, когда я только что увидел его, говорил обо мне своим собратиям, воинам: «Я знаю, как он любит меня и молится мне!» Вспомнивши это, я упал ему на выю и, крепко обнимая, не сдерживая чувств своих, долго лобызал лице его. Затем, взявшись за руку, пошел с ним далее и увидел другое собрание мужей, также в монашеских одеяниях. Но сияние от одежд их было так лучезарно и венцы на них блистали так светло, что я не мог смотреть и переносить их блеска. Впрочем, число сих святых было очень

мало. Тогда я сказал святому Георгию: «Святый Георгий, брат мой! Какие дела совершили на земле эти святые, что они столь превосходят красотою и сиянием прочих, коих доселе я здесь видел?» На что святый Георгий отвечал: «Брат! Это души монахов, живших на земле без наставников и учителей, руководствуясь Святым Писанием и учением древних святых Отцев. Подражая им, они совершили подвиги благочестия. И за то Господь прославил и возвеличил их в Царствии Своем». Тогда я сказал: «Святый Георгий! Теперь истощились на земле уже такие святые. И есть ли еще таковые в наше время?» Святый Георгий отвечал: «Очень мало! Теперь на земле — всё более злые люди, любви нет, вместо любви ненависть, веры мало, вместо правды царствует ложь, сердца охладели, ничего нет для них труднее как спасение души, все любят суету. Мало, очень мало, которые любят спасение и заботятся, как прежние, о спасении души своей, а которые и любят спасение теперь — им этот путь очень тяжек и труден». Сказавши это, святый Георгий замолчал, и мы молча продолжали путь.

Спустя немного я увидел на востоке большие палаты, подобные дворцам. Они так были пространны, что не видно было их конца. Из этих палат разливался сильный свет, который распространялся на всю окружность, и освещал сиянием необыкновенного блеска сии палаты. Архитектура, формы и размеры их были так восхитительны и необыкновенно красивы, что ум человеческий не сможет и вообразить

такого вида, и были все как бы из чистого золота. Когда я спросил Святого Георгия, какие это дворцы и палаты, Он отвечал — Царские, в которых обитает Царь.

За сим подошли мы к дворцам, для входа в которые были отпертые врата. Святый Георгий осенил себя троекратно Крестным знамением и, сделав три поклона, вошел во врата. Я, подражая ему во всем, последовал за ним. Когда мы вошли во врата, то представилась нам большая ограда, со стены коей виден был весь дворец и все палаты. Прямо пред нами были другие врата. Когда мы вошли в сии, другие, врата, увидели большой и необыкновенной красоты коридор, который шел прямо от врат и по коему ходило много мужей в монашеском одеянии багряного вида, как бы то была самая чистая кровь. В правых руках держали они Кресты, а в левых финиковые ветви, на главах были венцы необыкновенного сияния, и лица блистали как молния. Все они подошли к нам и сказали: «Святый Георгий! Ты взял эту душу под свое покровительство, когда еще приведешь её к нам, и водворишь у нас?» Святый Георгий отвечал: «Когда угодно будет Богу!»

В конце коридора виднелись большие двери. Все они были украшены драгоценными блестящими каменьями, которым подобных я никогда не видал. Направо от дверей был образ Господа Иисуса Христа, а налево — образ Божией Матери. Святые с молниезрачными лицами сказали мне: «Брат, почему ты не подви-

заешься и не трудишься для спасения души своей? Мы тебя давно здесь ожидаем». Сказавши это, они взяли меня на руки, как бы младенца, и поднесли к дверям против образа Божией Матери. И все, а с ними и святый Георгий, запели: «Аксиос! Достойно есть яко воистинну»... весь тропарь сего славословия Божией Матери. Когда они пели, то каждое слово запечатлелось в сердце моем. По окончании пения все положили земные поклоны пред образом Матери Божией и прикладывались к образу. Потом сказали мне: «Мы это делаем для тебя, чтобы не думал, что видение это — от врага прелесть, но что Бог по великой милости Своей благоволил удостоить тебя видеть всё это для блага души твоей». Сказавши это, они от нас удалились, и я остался со святым Георгием против дверей.

Двери эти немедленно отворились без помощи рук человеческих. Великий свет пролился из дверей, и слышан был глас: «Велика милость Божия для сынов человеческих!» Сквозь отворенные двери я увидел огромную церковь, красота и великолепие коей превосходили всё, что только может вообразить ум человеческий. Среди церкви был Престол наподобие Царского, на коем восседал Сам Спаситель. Облачение на Господе было архиерейское, а на Божественной Главе возложена была корона наподобие венца Царского. Вид Его, Божественный, был юный, тридцатилетнего мужа. Вокруг Престола предстояло множество святых, из коих одни были в одеждах иеромонашес-

ких, а другие в монашеских. Свет Лица Господня сиял и превосходил сиянием сто тысяч солнцев, или сказать более, что неисчислимое число солнцев не может сравняться со светом Его Божественного Лица и всего Его Божества. Свет, происходивший от Лица Господня, изливался и на всех предстоящих Ему святых и так сливался в одно целое, что невозможно было распознать отдельное сияние света Лица Господня от сияния ликов святых, окружавших Его и освещенных Его Светом.

Святый Георгий подошел прямо к Господу, но я не мог последовать за Георгием и, чувствуя страх, остановился. Святый Георгий, остановясь, обратился ко мне, спросив: «Для чего ты не приближаешься ко Господу?» На что Господь сказал: «Он этого недостоин!» Святый Георгий приблизился один ко Господу, и все святые, окружавшие его, поклонились Георгию, подобно тому как великий полководец, приближаясь к царю земному, зрит как все окружающие кланяются ему и отдают честь. Сам Господь, когда приблизился Георгий, восстал от Престола и, отверзши Свои объятия, лобызал его чело и сказал: «Хорошо, что ты пришел ко Мне, Мой возлюбленный!» Сказавши это, Господь воссел опять на Престол, а Георгий сделал три земные поклона и, облобызав ноги Господа, сказал: «Господи! Ты много возлюбил род человеческий и для искупления и спасения оного пролил всю Божественную Кровь! Прости и сию душу и сподоби её быть достойною приблизиться к Тебе!» Господь от-

вечал: «Я не прощу этого монаха, он прежде был хорошей жизни, но теперь сделался ленивым. Я много даровал ему даров, другие праведники Мои работают и трудятся для Меня 30 и 40 лет, и Я не даю им подобных даров, которыми удостоивал этого монаха». На что Георгий сказал: «Господи! Ты ведаешь, каков теперь мір, каковы люди — слабые и немощные, не таковы, какие были прежде. И когда кто из настоящих людей захочет подражать древним святым, другие, и некоторые даже духовники и старцы, говорят: «Теперь не то время, и прошли те времена, когда предпринимали такие подвиги». Господь отвечал: «Я знаю всё, знаю, что на земле мира нет и истинных добродетелей нет. Они кончились. Правды нет, веры мало, любви не стало; на земле царствует ложь и ненависть. Не только живущие в міре, но и монахи, иеромонахи, духовники, наставники и старцы ходят по стезям неправды, и вторично Меня распинают. Я много терпел и терплю, ожидая их покаяния — и исповедания. А этот брат, хотя Я и ущедрял его Моею любовию, проводит дни в лености и заботится душою только о теле и временной жизни. Я много раз призывал его и говорил ему, он слышал глас Мой и открывался духовнику, который подтверждал, что глас этот от Бога. Но он, не внимая этому и не заботясь о Моем глаголе, оставил прежние труды, а потому и недостоин прощения».

Уже с первых слов Господа объят я был таким страхом и трепетом, что с ужасом ожи-

дал, как Господь повелит низринуть меня в ад. Но любовь ко Господу, которая прежде наполняла мое сердце, скоро изгнала страх сей. Святый Георгий сказал: «Господи! Ты знаешь всё сокровенное и видишь, как монах этот любит Тебя во глубине своего сердца». И падши к ногам Господа сказал: «Господи! Ты ведаешь, что я всю кровь мою пролил из любви к Тебе, ради моей крови отдай мне этого брата, прости его и удостой приблизиться к Тебе!» Тогда Господь милостивым оком и веселым лицем взглянул на Георгия и, взявши его за руку, поднял и сказал: «Да будет тебе якоже хощеши!» Тогда Георгий встал, а Господь взял сосуд, наполненный чем-то красным, как бы кровь, и, держа его в левой руке и десницею благословляя, сказал: «Георгий, возьми этот сосуд, он преисполнен Моею любовию, иди и дай этому брату». Георгий взял и, подошедши ко мне, сказал: «Брат! Осени себя троекратно знамением Святого Креста и пей из сего сосуда!» Когда я пил из сосуда, не знаю, что в нем было, но было так сладостно, что во всю жизнь не вкушал ничего подобного. И сердце мое запылало в ту же минуту любовию к Богу, я видел, как Георгий, взявши от меня сосуд, передал его Господу уже пустым — в нем не оставалось уже ничего. И не стало во мне ни страха, ни боязни; я сам без посредства Георгия, приблизившись к Господу, повергся к Божественным стопам Его и, лобызая оные, плакал несколько времени. После сего Господь сказал: «Георгий, возьми этого брата и иди с ним на

землю. Он должен трудиться и подвизаться, чтобы сделаться таким же, каким был прежде. И для сего очистится, как злато в горниле огненном, и после Я прииму его сюда. Если же пребудет в такой же лени, как был во всё это время, то он сам видел — пропасть поглощает тех, кто живёт нерадиво и лениво, и не трудится для Бога, и не приносит плодов покаяния».

После сих слов Господа святый Георгий взял меня за руку, и он и я, сотворивши по три земных поклона пред Господом и облобызав ноги Его, отправились в обратный путь. И двери за нами затворились. Когда опять вышли в тот коридор, то все святые в багряных одеждах приблизились к нам. И когда я сказал Георгию, что желал бы навсегда остаться в этих местах, он мне ответил, что этого сделать невозможно, потому что Царь повелел, что дабы я прежде очищен был, как злато в горниле. При этом и святые в багряных одеждах мне говорили: «Брат! Спеши очистить душу свою подвигами и трудами, и мы будем тебя ожидать. Помни ту пропасть, которая поглощает живущих в лености». Просили и святаго Георгия, чтобы он заботился о моей душе, обещая самим молиться о мне ко Господу.

После этого мы пошли далее и прошли врата и ограду, а также и другие врата, вошли в поле, где опять я увидел тот небольшой собор святых, превосходивших прочих красотой и величием. Это были души монахов настоящего времени, и, смотря на них прилежно, старался заметить — не увижу ли кого-либо посреди них

известных мне лиц. Но не видал ни одного, причем сердце мое преисполнено было такою любовию к святому Георгию, что вся душа моя соединилась с ним. Продолжая путь и прошедши поле, достигли горы. Гора эта была так прекрасна, что мы долго утешались ею и, смотря на растущие на ней масличные древа, восхищались зрением сих красот, причем смотрел я со страхом и на ту пропасть, которая была под горою. Спустившись же с горы, мы подошли к жерди, перекинутой чрез сию пропасть в виде моста. Святый Георгий взял меня за руку, и я пошел за ним без страха. Когда достигли средины пропасти, святый Георгий остановился и сказал: «Брат! Видишь ли сколькими милостями и благодеяниями награждает Господь твою душу! Смотри не забудь, что видел. Подвизайся и не будь ленив и нерадив, приготовляй себя быть достойным вкусить опять из Божиего сосуда. Матерь Божия и я будем твоими заступниками».

Засим, осенив меня по лицу три раза Крестным знамением, стал невидим, и я остался один посреди пропасти на жерди, которая колебалась подо мною, как нить. Причем слышал я из пропасти множество голосов, кои вопияли: «Пойдем возьмем этого монаха, — и называли меня по имени, — теперь ушел от него Георгий и он остался один. Поспешим взять его! Видите, что он хочет по этому узкому дереву переправиться чрез пропасть!» К тому же слышал я и громы из глубины пропасти. Тогда, ужаснувшись, возопил: «Господи! Ка-

кая душа может перейти чрез эту пропасть без испытаний и опасности? И что может здесь помочь ей?» Тогда услышал с неба глас говорящий, подобно грому: «Добрые дела помогают перейти этою дорогой. Или когда Матерь Божия молится за какую душу — лишь тогда только душа эта спасается от сей пропасти». Услышав это, я возопил: «Матерь Божия и святый Георгий! Помогите мне, грешному!»

Тогда увидел я опять свою церковь и братию, оканчивающих утреню.

Описание сего видения получено жившею в Москве одною благочестивою особою, при собственноручном письме Высокопреосвященнейшего Исидора, митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского, апреля 5 дня, 1861 года.

КОНЧИНА ПРАВЕДНИКА

ПИСЬМО ПИЛАТОВОЙ ЖЕНЫ КЛАВДИИ О СПАСИТЕЛЕ К БЫВШЕЙ ЕЕ ПОДРУГЕ ФУЛЬВИИ

Ты просишь меня, любезный верный друг, описать тебе события, совершившиеся со дня нашей разлуки. Молва о некоторых из них долетала до тебя, и таинственность, в которую они облечены, поселяет в тебе беспокойство о моей участи. Повинуясь твоему нежному призыву, я стараюсь собрать в моей памяти разбросанные обломки цепи моей жизни. Если в этом описании ты встретишь обстоятельства, которые поразят твой разум, то вспомни, что Верховные творческие силы окружили непроницаемыми завесами наше рождение, существование и смерть и что невозможно слабым смертным измерить тайны судеб их! Я не буду

напоминать тебе о первых днях моей жизни, так мирно пролетевших в Нарбоне, под кровом родительским и в охранении твоей дружбы. Ты знаешь, что с наступлением моей шестнадцатой весны, я была соединена узами брака с римлянином Понтием, потомком древнего и знаменитого дома, занимавшим тогда в Иберии важное правительственное место. Едва мы вышли из храма, как мне должно было ехать с Понтием в провинцию, ему вверенную. Нерадостно, но и без отвращения я последовала за супругом, который по своим летам мог быть отцом моим. Я тосковала о вас, тихий отеческий дом, счастливое небо Нарбоны, прекрасные памятники, свежие рощи моей родины! Я приветствовала вас глазами, полными слез... Первые годы моего замужества прошли спокойно, небо даровало мне сына. Он был мне дороже дневного света! Я разделяла мои часы между исполнением обязанностей и удовольствиями, позволительными женщинам. Сыну моему минуло пять лет, когда Понтий, по особенной милости императора, был назначен проконсулом Иудеи.

Мы отправились с нашими служителями по живописной дороге; я любовалась этою страною, богатою и плодовитою, которой муж мой должен был управлять именем Рима. Владыки народов в Иерусалиме меня окружали почестями, но я жила в совершенном уединении, ибо евреи подозрительны, горды, ненавидят чужестранцев — «язычников», как они нас называют. По их злоречию, мы оскверняем сво-

им присутствием землю, будто бы завещанную им Богом.

Я проводила время с моим младенцем посреди моих тихих садов, где мирты переплетались с фисташками, где стройные пальмы возвышались рядом с цветущими померанцами и гранатовыми деревьями, — там, под этою свежею тенью, я вышивала покровы для алтарей или читала стихи Виргилия, столь усладительные для слуха и еще более сладкие для сердца. В редкие минуты досуга, которые муж мой уделял мне, он бывал мрачен и грустен. Как ни тверда рука его, но и она была еще слабою, чтобы удержать в повиновении этот жестоковыйный народ, так долго независимый, возмутительный от природы, разделяемый тысячью буйных сект, которые соглашались только между собою в одном — в бешеной ненависти к имени римскому!

Одно лишь из значительных семейств в Иерусалиме оказывало мне некоторую дружбу; это была семья начальника синагоги. Я находила удовольствие в посещении его супруги — Саломии, явившей образец добродетели и кротости, в свидании с их двенадцатилетней дочерью Семидой, любезною и прекрасною. Иногда они говорили мне о Боге отцов своих, читали мне некоторые отрывки из священных книг. И сказать ли тебе, Фульвия? Вспоминая слышанные из уст Саломии хвалы Всевышнему Богу Иакова, Богу Единому, невещественному, вечному, недоступному страстям и порокам, которым мы так часто даем божествен-

ные имена на алтарях наших, Милосердому, Всемогущему Богу, соединяющему благость, чистоту и величие, — я слышу голос Семиды. Он сливается со звуками псалтири царя Давида, которые я пробовала повторить на лире. Как часто в моем уединении, подле колыбели моего сына, я повергалась на колени, молясь Богу о милых моему сердцу. Ему ведь сама судьба, с ее железною рукою, готова покориться, как раба Владыке. И я вставала всегда подкрепленною и утешенною.

Но с некоторого времени Семида оказалась нездорова. Как-то утром мне сказали, что она скончалась в объятиях матери, причем без предсмертного томления. Сраженная горестию, обняв своего сына, я поспешила к ним, чтобы поплакать с несчастною Саломиею. Дойдя до искомой улицы, мои люди с трудом могли проложить дорогу моим носилкам, ибо флейтщики, певчие и толпы народа теснились вокруг дома. Остановясь на подходе, я заметила, что толпы расступились пред группой идущих, и расступились с почтительным любопытством. Во-первых, в этой группе я узрела отца Семиды. Но вместо горести, которую я ожидала прочесть на почтенном лице его, оно выражало глубокое убеждение и странную надежду, для меня непонятные. Подле него шли три человека простой и грубой наружности, бедно одетые, за ними, завернувшись в мантию, шел некий Муж во цвете лет. Я подняла глаза. И вдруг опустила их, как бы пред ярким сиянием солнца. Мне казалось, что чело Его озарено, что

венцеобразные лучи окружают Его локоны, ниспадавшие по плечам, как у жителей Назарета. Невозможно выразить тебе, что я почувствовала при взгляде на Него. Это было вместе могущественное влечение, ибо неизъяснимая сладость разливалась во всех чертах Его, и тайный ужас, потому что глаза Его издавали блеск, который как бы обращал меня в прах. Я последовала за Ним, сама не зная, куда иду.

Дверь отворилась, и я увидела Семиду; она лежала на одре, окруженная светильниками и овеянная ароматами. Она была еще прекрасна небесным спокойствием, но чело было бледнее лилий, рассыпанных у ног ее. И синеватый перст смерти оставил след на ее впалых ланитах и поблекших устах. Саломия сидела подле неё безмолвная, почти лишенная чувств. Она, казалось, даже не видела нас. Иаир, отец девицы, бросился к ногам Незнакомца, остановившегося у постели, и, указывая Ему красноречивым жестом на усопшую, вскричал: «Господи! Дочь моя в руках смерти, но если Ты пожелаешь, она оживет!» Я затрепетала при сих словах, как бы сердце приковалось к каждому движению Незнакомца. Он взял руку Семиды, устремил на неё Свои могучие взоры и произнес: «Встань, дитя Мое». Фульвия, она повиновалась! Семида приподнялась на своем ложе, поддерживаемая невидимою рукою, глаза ее открылись, нежный цвет жизни расцвел на ее щеках. Она протянула руки и вскричала: «Матушка!» Этот крик разбудил Саломию. Мать и дочь судорожно прижались друг ко

другу, а Иаир, простершись на землю и осыпая поцелуями одежды Того, Кого называл Учитель, повторял: «Что должно, чтоб служить Тебе, чтобы получить жизнь вечную?» — «Изучить и исполнять два закона: любить Бога и любить ближнего!» Сказав это, Он скрылся от нас, как эфирная, светлая тень. Я стояла на коленях, сама того не замечая, затем встала и возвратилась домой. Блаженное семейство вместе с отцом Иаиром было на вершине наслаждения. Изобразить их нельзя ни кистью, ни пером.

За ужином я рассказала Понтию всё, чему была свидетельницею. Он поник головою и сказал: «И ты видела Иисуса Назаретского? Это Его ненавидят фарисеи и саддукеи, люди Ирода и лукавные левиты. С каждым днем возрастает эта ненависть, и мщение витает над главою Его. А между тем речи Назарянина — речи мудреца и чудеса Его — чудеса Истинного Бога. За что они ненавидят Его? За то, что Он обличает их пороки и непокорность. Я слышал Его однажды: «Убеленные гробы, порождение ехидны, — говорил Он фарисеям. — Вы взваливаете на рамена братий ваших ноши, до которых бы не хотели коснуться концом пальца; вы платите подати за травы — мяту и тмин, но мало заботитесь об уплате должного по законам веры, правосудия и милосердия». Смысл этих слов, глубоких и истинных, раздражает этих надменных людей, и горизонт мрачен для Назарянина». — «Но ты будешь защищать Его, — вскричала я с ужасом, — ты имеешь власть!» — «Моя власть не что иное, как призрак пред

этим мятежным, коварным народом! Между тем я бы душевно страдал, если б должен был пролить Кровь этого Мудреца».

С этими словами Понтий встал и вышел, погруженный в глубокую думу. Я осталась одна в мрачной и невыразимой грусти. День Пасхи приближался. На этот праздник, столь важный у евреев, стекалось в Иерусалим множество народа со всех концов Иудеи для принесения в храме торжественной жертвы. В четверток, предшествовавший этому празднику, Понтий сказал мне с горестию: «Будущность Иисуса Назарянина очень неутешительна. Голова Его оценена, и сегодня вечером Он будет предан архиереям». Я задрожала при этих словах и повторила: «Но ты защитник Его!» — «Могу ли я это сделать, — мрачно сказал Понтий. — Он будет преследуем, изменнически предан и осужден на смерть жестокую».

В час сна, едва я склонила голову на подушку, как таинственные видения овладели моим воображением. Я видела Иисуса, видела Его таким, как Саломия мне описывала Своего Бога: Лик Его блистал как солнце, Он парил на крыльях Херувимов — пламенных исполнителей Воли Его; остановясь в облаках, Он, казалось, был готов судить поколения народов, собранных у Его стоп. Мановением Своей десницы Он отделял добрых от злых; первые возносились к Нему, сияющие вечною юностию и божественною красотою, а вторые — низвергались в бездну огня. И Судия указывал им на раны, покрывавшие Его тело, говоря им гро-

мовым голосом: «Воздайте Кровь, Которую Я пролил за вас!» Тогда эти нечестивые просили у гор покрыть их, а землю, чтобы она поглотила их. И чувствовали они себя бессмертными для муки и бессмертными для отчаяния. О какой сон, какое откровение!

Лишь только заря зарумянила вершины холмов, я встала, с сердцем еще сжатым от ужаса, и села у окна подышать свежим утренним воздухом. Вскоре послышался смертоносный рёв, доносившийся из центра города.

Крики проклятия, ужаснее, чем гул взволновавшегося океана, долетали до меня. Сердце страшно билось, чело обливалось холодным потом. Вдруг я заметила, что этот гул приближается под нажимом бесчисленной толпы, и вот застонала мраморная лестница, ведущая в претор. Терзаемая неизвестностью, я беру на руки сына, игравшего подле меня, прячу его в складках покрывала — и бегу к моему мужу. Добежав до двери судилища и заслышав за нею голоса, не посмела я войти внутрь и только приподняла пурпуровый занавес. Какое зрелище, Фульвия! Понтий сидел на своем троне из слоновой кости, сидел во всем великолепии, коим Рим наделяет своих вельмож. Под бесстрастным выражением лица Пилат едва скрывал страшное волнение. Пред ним с связанными руками, в изодранной одежде, с окровавленным лицом стоял Иисус Назарянин, спокойный и неподвижный. В Его облике не чувствовалось ни гордости, ни боязни. Он был тих — как невинность; покорен — как агнец.

Но Его кротость переполнила меня ужасом, припомнилось: «Воздайте Кровь, Которую Я пролил за вас!» Вокруг Него бесновалась презренная толпа, привлекшая Его на судилище. К толпе присоединилось несколько стражников, начетчиков и фарисеев. Взгляды их были дерзкими, и узнать их было легко по пергаментным табличкам с текстами из закона: таблички эти они носили на лбу. Все эти страшные люди дышали ненавистью, и адское пламя отсвечивалось в их глазах. Казалось, духи злобы смешивали свои голоса с криками неистового бешенства.

Наконец, по знаку Понтия водворилось молчание. «Чего вы от Меня хотите?» — спросил Иисус. «Мы требуем смерти», — отвечал один из священников. Иудеи закричали: «Он предсказывает разрушение храма, называет Себя Царем Иудейским и Сыном Божиим. Да будет Он распят!» Эти свирепые вопли не умолкают в моих ушах, и образ Непорочной Жертвы предстает глазам моим. Затем Понтий заговорил, обратясь к Иисусу: «Итак, Ты — Царь Иудейский?» — «Ты говоришь это» — отвечал Иисус. «Ты ли Христос — Сын Божий?» Иисус не отвечал ни слова. Вопли возобновились пронзительней прежнего, как рыкание голодных тигров. «Отдай Его нам на Крест!» — кричали иудеи. Понтий, наконец, заставил их замолчать и сказал: «Я не нахожу ничего преступного в Этом Человеке и хочу отпустить Его».

В ответ на это народ закричал: «Отдай Его нам, распни Его!» Я не могла слушать долее,

призвала невольника и послала его к моему мужу, прося минуту свидания. Понтий немедленно оставил судилище и пришел ко мне. Я бросилась пред ним на колени, говоря: «Ради всего тебе дорогого и святого, ради нашего дитяти, залога священного брачного соединения, не будь участником в смерти Этого Праведника. Я видела Его в эту ночь в чудном сне, облеченного Божественным величием; Он судил людей, трепетавших пред Ним. И между тенями несчастных, низверженных в бездну пламени, я узрела лица тех, кои теперь требуют Его смерти. Берегись поднять на Него святотатственные руки! О верь мне, одна капля Его Крови навлечет навеки на тебя осуждение. «Всё, что происходит, ужасает меня самого, — отвечал Понтий, — но что я могу сделать? Римская защита немногочисленна и слишком слаба в сравнении с народом-демоном. Гибель угрожает всем нам. И от суда тут не правосудия ждут, но мщения. Но успокойся, Клавдия! Иди в сад, занимайся нашим сыном, твои глаза да не видят этих кровавых сцен». Засим Пилат вышел. Оставшись одна, я предалась отчаянной горести. Иисус был еще пред судом, подвергаясь насмешкам черни и воинов. Порывы их ярости равнялись Его неодолимому терпению. Понтий в раздумье возвратился на свое судилище, при его появлении раздались крики: «Смерть, смерть!» И раздавались крики оглушительнее прежнего. По освященному временем обычаю, правитель на Пасху освобождает одного из преступников, осужденных на казнь, в знак мило-

сердия. Но в этом благоугодном деле правитель всегда считается с мнением народа.

Памятуя такое обыкновение, Понтий крикнул громким голосом: «Которого отпустить вам на праздник, Варавву или Иисуса, называемого Христом Назаретским?» — «Отпусти Варавву!» — вскричала толпа. Варавва был убийцей и грабителем, известным всей округе своими жестокостями. Понтий снова спросил: «Что же мне делать с Иисусом Назаретским?« — «Да будет распят!» — «Но какое зло Он сделал?» Увлеченная яростию толпа повторяла: «Да будет распят!» Понтий опустил голову в отчаянии. Безпрерывно возраставшая ярость черни, казалось, угрожала всей власти римской. Волнение увеличивалось ежеминутно. Ни бурный шум цирка, ни прение народного форума не впечатляли меня так и не беспокоили. Величественно блистало чело Жертвы, ничто не могло отуманить этого ясного взгляда. Его очи возвратили жизнь дочери Иаира, они с неоцененным выражением мира и любви глядели на своих палачей. Он страдал без сомнения, но страдал с радостию, и душа Его, казалось, улетела к невидимому Престолу. Претор был наводнен народом. Он несся бурным потоком лиц и голосов, несся стремглав с вершины Сиона, где воздвигнут храм, до подошвы судилища. Каждую минуту новые голоса присоединялись к этому адскому хору. О вечно пагубный час!

Понтий встал. Сомнение и мертвый ужас отобразились на его лице. Важным жестом он омочил руки в урне, наполненной водой, и вос-

кликнул: «Я невинен в Крови этого Праведника! Да падет она на вас и детей ваших!» Народ завопил, столпился вокруг Иисуса. И вот уже повели Его в бешенстве, я взглядом провожала Жертву, обреченную на заклание.

Вдруг отуманилось мое зрение, сердце сжалось в судорогах. Казалось, жизнь моя коснулась своей последней грани... Я опомнилась на руках моих невольниц подле окна, выходившего на двор судилища. Взглянув в окно, я увидела следы пролитой Крови: здесь бичевали Назарянина, а поодаль еще венчали Его и тернием. Теперь Он испускает дух.

Подробности ужасного злодейства удвоили мою горесть, я чувствовала нечто чрезъестественное в событиях этого скорбного дня. Небо и то было в трауре — переклубившись в чудовищные формы, огромные облака висели над землею. Из их сернистых гор вылетали сверкучие молнии. Город, столь шумный с утра, был теперь угрюм и безмолвен. Прижав к груди дитя, я чего-то ожидала. К девятому часу мрак сгустился, затряслась земля, всё затрепетало. Подумалось, что мір рушится и стихии возвращаются в прежний свой хаос. Я припала к земле, в это время одна из моих невольниц, иудейка, вбежала в комнату и закричала: «Настал последний день! Бог возвещает это чудесами: завеса храма, скрывавшая Святая Святых, распалась. Горе месту святому! Молвят, что и гробы открылись, и многие видели восставших праведников — от Захарии, убиенного между храмом и жертвенником, до Иеремии, пред-

сказавшего падение Сиона. Мертвые свидетельствуют нам гнев Божий. Кара Всевышнего разливается с быстротою пламени». От этих слов как не потерять рассудка! Но я встала и, едва передвигая ноги, вышла на лестницу. Там встретила сотника, участвовавшего в казни Иисуса. Был сотник ветераном, поседелым в боях. Он всегда был смел, но теперь изнемогал от мук раскаяния. Я собралась расспросить его, но он прошел мимо меня, повторяя в отчаянии: «Тот, Кого мы убили, был истинно Сын Божий». Я вошла в большую залу, там сидел Понтий, закрыв свое лицо руками. «Ах, почему я не послушался твоих советов, Клавдия? — воскликнул он. — Почему не защитил Того Мудреца ценою жизни моей. Мое гнусное сердце не вкусит более покоя!» Я не смела отвечать, не было у меня утешений для этого невознаградимого несчастия.

Тишина прервалась лишь раскатами грома. Потрясся дворец, гулко застонали своды, несмотря на бурю, явился какой-то старик у входа нашего жилища. Когда его ввели, он со слезами бросился в ноги моему мужу. «Имя мое Иосиф Аримафейский, я пришел умолять тебя дозволить мне снять с Креста тело Иисуса и погребсти Его в саду мне принадлежащем». — «Возьми», — отвечал Понтий, не поднимая глаз. Старик вышел, я увидела, что к нему присоединилась толпа женщин в длинных покрывалах.

Так закончился тот роковой день. Иисуса погребли в могиле, выбитой в скале. У входа в

пещеру поставили стражу. Но Фульвия! В третий день, сияющий славою и победою, Он явился над этим гробом! Воскрес Иисус, исполнив Свое предречение. И, торжествуя над смертию, предстал ученикам Своим и многочисленному народу. Так свидетельствуют о Нем ученики Его, свидетельство подтверждено их кровию, пролитою пред тронами князей и судей за Господа Иисуса. Но самое верное о Нем свидетельство — есть Его учение, вверенное нескольким рыбарям Тивериады. Это учение распространилось уже по всей Империи. Люди простые, смиренные, неизвестные вдруг сделались красноречивыми и мужественными. Новая вера разрослась, как тенистое дерево, и благородная благодать ее коснется некогда всех римлян. И не их одних.

С того времени не сопутствовал успех Пилату: он сделался добычей ненависти иудеев, стал презираем теми, чьим страстям потрафлял; жизнь его — отрава и мучение. К уединению прибегли Соломия и Семида, они со страхом смотрели на жену преследователя Иисуса и на Его палача. Теперь они сделались учениками Того, Кто возвратил их друг другу. Я видела, несмотря на их кроткую доброту, невольный трепет на их лицах при моем приближении. Вскоре перестала посещать их. Я углубилась в чтение и усвоение нравоучений Иисуса, переданных мне Саломиею. О друг мой, что являла ничтожная суетная мудрость жрецов наших в сравнении с учением, которое только Бог мог завещать земле? Как глубоки

эти мудрые речи, как дышат они миром и благостию! Перечитывать их — мое единственное удовольствие.

Через несколько месяцев Понтия лишили власти, и мы возвратились в Европу, блуждая из города в город. Он влачил ношу скорби своей, отяготив душу. Я следовала за ним: «Жена Каина, — говорили люди, —не отвергла изгнанного мужа». Но что за жизнь моя с ним? Дружба и доверенность не существовали более между нами. Он видел во мне свидетеля своего преступления, а я вижу между нами воздвигающийся образ окровавленного Креста, на Коем он, судия, беззаконно пригвоздил невинную Жертву. Звук его голоса — это голос произносящего приговор, еще леденит мое сердце. И когда муж после трапезы совершает умовение, мне кажется, что он погружает руки не в воду, но в дымящуюся Кровь, следы Которой не могут изгладиться.

Однажды я хотела поговорить с ним о раскаянии и милосердии. Но не забыть мне его яростного взгляда, его слов, вырвавшихся из его уст. Скоро дитя мое умерло в моих объятиях, но я не оплакивала его. Счастливец! Он умер блаженный, не испытавший проклятий, преследующих нас. Младенец свергнул с себя страшную ношу своего отца.

Несчастия везде бегут вслед за нами, везде появились христиане. Даже в дикой стране, где мы просили убежища у туманов морских, произносят с отвращением имя Пилата. Известно мне стало, что Апостолы, прощаясь друг

с другом пред отправлением на проповедь Евангелия, напоминали: «Он распят при Понтии Пилате». Это анафема, которую будут повторять века!

Прощай, Фульвия! Помолись обо мне, да возможет Всемогущий Бог одарить тебя счастием, коего так желали мы друг другу... Прости!

Публикация А. Н. Стрижева

Содержание

Сергей Александрович Нилус

Собрание сочинений
в шести томах

Том III

Директор издательства
Павел Роговой

Художник
Андрей Леднёв

Редактор
Александр Стрижев

Корректор
Надежда Филиппова

Верстка
Дмитрий Зимин

Издательство «Паломник»
Подписано в печать 27.01.06. Формат $84x108^{1}/_{32}$.
Печать офсетная. Бумага газетная. Гарнитура «Журнальная».
Объем 23 п. л., усл. п. л. 38,64. Доп. тираж 5100 экз. Заказ 63177

Адрес издательства: 127994, Москва, Сущевская, 21.

Отпечатано с готовых монтажей в ОАО «Молодая гвардия».
Адрес типографии: 127994, Москва, Сущевская, 21.

